Ли Чайлд

Точный расчет

Книга посвящена моим братьям: Ричарду из Глочестера в Англии, Дэвиду из Брекона в Уэльсе, Эндрю из Шеффилда в Англии, а также моему другу Джеку Хатчесону из Пеникуика в Шотландии

Глава 1

Они узнали о нем в июле и весь август были в бешенстве. В сентябре они попытались его убить, но, как оказалось, поторопились — просто не были готовы. Попытка не удалась. Она могла стать трагедией, но больше напоминала фарс. Потому что никто ничего не заметил.

Применяя свой традиционный метод, они просочились мимо охранников и расположились на высоте ста футов над местом, где он выступал. Они использовали оружие с глушителем и промахнулись на какой то дюйм. Пуля, скорее всего, пролетела над его головой, а может быть, и скользнула по волосам, так как он тут же поднял руку, чтобы поправить прядь, словно встрепанную порывом ветра. Впоследствии, по телевизору, они раз за разом просматривали этот эпизод. Вот он поднимает руку и приглаживает волосы. И ничего более. Он продолжал речь, не обратив никакого внимания на произошедшее, так как пуля из оружия с глушителем слишком быстра и тиха, чтобы ее можно было увидеть или услышать. Итак, пуля, пролетев мимо, устремилась дальше, не задев никого из тех, кто стоял за его спиной. Ее не остановило ни одно препятствие, она не застряла ни в одной стенке. Пуля летела прямо, пока энергия выстрела не иссякла и, повинуясь законам тяготения, пуля упала на землю, на дальней, заросшей травой лужайке. Никакого ответа. Реакции не последовало. Никто ничего не заметил. Словно никто и не выпускал никакой пули. Второй попытки не последовало. Они были слишком потрясены случившимся.

Это был провал и чудо одновременно. И урок. Октябрь они провели, как свойственно профессионалам: успокаиваясь, анализируя, обдумывая, тренируясь и готовясь к новой попытке. На этот раз она должна стать успешной: тщательно спланированная, идеально выполненная акция, опирающаяся на безупречный замысел и усиленная жутким страхом. Стоящая, по настоящему творческая попытка. И, что самое главное, попытка, исключающая провал.

Затем наступил ноябрь, и правила игры полностью изменились.

* * *

Чашка Ричера опустела, но еще сохраняла тепло. Он поднял ее с блюдца и, чуть наклонив к себе, стал наблюдать за медленным перемещением коричневой жижи, напомнившей ему речной ил.

— Когда это должно быть исполнено? — поинтересовался он.

— По возможности быстрее, — отозвалась она.

Он кивнул и поднялся.

— Я свяжусь с вами через десять дней.

— Чтобы сообщить о своем решении?

Он отрицательно помотал головой:

— Рассказать, как все происходило.

— Ну, об этом я узнаю сама.

— Согласен. Тогда для того, чтобы сообщить вам, куда переслать мои деньги.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Он продолжал мерить ее взглядом.

— А вы полагали, что я откажусь?

Она открыла глаза:

— Я думала, что вас будет непросто убедить.

Он пожал плечами:

— Джо ведь предупреждал, что в том, что касается такого вызова, я становлюсь настоящей пиявкой. Джо редко ошибался в своих оценках. Да и вообще ни в чем не ошибался.

— Теперь мне нечего добавить кроме благодарности.

Он не ответил и направился к выходу, но она поднялась следом и удержала его. Наступила неловкая пауза. Секунду они стояли лицом к лицу возле столика. Она протянула руку, он пожал ее, но задержал пальцы в своей ладони дольше, чем полагалось, и тогда женщина, потянувшись всем телом вперед, поцеловала его в щеку. Ее губы были мягкими, и их горячее прикосновение произвело на него действие крошечного электрического разряда.

— Одного рукопожатия слишком мало, — пояснила она. — Ты сделаешь это ради нас. — Она помедлила и добавила: — А ведь ты чуть было не стал моим родственником.

Он промолчал и, шаркая ногами, выбрался из-за стола, оглянувшись всего один раз. Затем он направился к лестнице, ведущей на улицу. Его ладонь все еще хранила запах ее духов. Зайдя в мотель, он оставил своим друзьям-музыкантам записку у администратора. Потом двинулся к шоссе: у него имелось целых десять дней для того, чтобы найти способ убить четвертого из наиболее охраняемых людей на планете.

* * *

Все началось восемью часами раньше и происходило так. Руководитель группы Эм-И Фролих явилась в понедельник утром на работу, за час до начала второго стратегического совещания, спустя тринадцать дней после выборов и семь дней с первого упоминания о политическом убийстве. Она уже приняла окончательное решение и отправилась на розыски своего непосредственного начальника. Фролих обнаружила его в секретарском закутке, вне кабинета. Он собирался куда-то уходить и явно торопился. Под мышкой у него была зажата папка, а на лице четко читалось: «Не подходи. Только не сейчас». Женщина глубоко вздохнула, и босс понял, что на этот раз серьезного разговора не избежать. И очень срочного. Очевидно, без протокола и с глазу на глаз. Он остановился, резко развернулся и снова направился в кабинет. Пропустив женщину вперед, босс прикрыл за собой дверь достаточно тихо, чтобы подчеркнуть конспиративный характер этой незапланированной беседы, но вместе с тем и твердо, чтобы дать понять, что испытывает раздражение по поводу вмешательства в его привычный распорядок. Дверь лишь щелкнула язычком, но для тех, кто занимал место в иерархии организации, это был безошибочный сигнал, обозначавший следующее: этот разговор должен окупить трату моего драгоценного времени.

Босс являлся ветераном с двадцатипятилетним стажем, вышедшим на последний круг перед отставкой. Ему было за пятьдесят, и он представлял собой последний отзвук уходящей эпохи. Все еще высокий, поджарый, спортивного телосложения, он, тем не менее, быстро седел и, по некоторым признакам, несколько размяк. Он носил фамилию Стивесант, и когда его спрашивали, как это пишется, он гордо отвечал: «Так же, как и последний губернатор Нового Амстердама». Позднее, пропитавшись духом времени, он стал говорить проще: «Так же, как сигареты». Каждый день он неизменно одевался в строгий костюм от «Брук Бразерс», но несмотря на это сохранял тактическую гибкость. Но самое главное заключалось в том, что он не ведал провалов. Никогда. Хотя проработал очень долго и постоянно сталкивался с трудностями. Тем не менее, невезение и неудачи обходили его стороной. Поэтому в организациях, где царила безжалостная статистика потерь, он имел репутацию парня, на которого можно работать.

— Ты заметно нервничаешь, — начал он.

— Совсем чуть-чуть, — ответила Фролих.

Кабинет босса был небольшим, тихим, с минимальным количеством мебели, и всегда опрятным. Ярко-белые крашеные стены освещались лампами дневного света. Белые матерчатые шторы единственного окна сейчас были наполовину задернуты от серой непогоды снаружи.

— Почему ты так нервничаешь? — снова спросил он.

— Мне нужно получить от вас разрешение.

— На что же?

— На то, что я хочу попытаться исполнить. — Она была на двадцать лет моложе Стивесанта, ей недавно исполнилось тридцать пять. Если говорить о росте, то высокая, хотя и не слишком. Может быть, на дюйм или два выше среднего роста современной американской женщины ее возраста. Однако что касается интеллекта, энергичности и запаса жизненных сил, здесь слово «средний» оказалось бы неуместным. Ее тело было достаточно изящным, но не без мускулатуры, с приятным блеском кожи и глаз, что придавало ей вид настоящей спортсменки. Короткие светлые волосы казались всегда чуть растрепанными, хотя и ухоженными. Создавалось впечатление, что она только что переоделась после душа, выиграв золотую медаль на Олимпиаде в каком-то командном виде спорта. Причем награда была завоевана только благодаря ее участию. Но для нее это будто казалось мелочью, и теперь она торопилась быстрее скрыться со стадиона, чтобы телерепортеры, закончив допрашивать ее товарищей по команде, не успели переключиться непосредственно на героиню дня. Одним словом, она выглядела весьма компетентной особой и одновременно очень скромной.

— Что же это такое? — поинтересовался Стивесант. Он повернулся и положил папку, которую до сих пор держал под мышкой, на стол. Надо отметить, что стол был гигантский, накрытый пластиной серого композита. Босс предпочитал современную мебель высокого качества, и при этом следил, чтобы она была всегда чистой и отполированной, словно редчайший антиквариат. Еще Стивесант славился тем, что поверхность его стола постоянно оставалась пустой — никаких папок, документов или других лишних предметов. Эта привычка создавала эффект исключительной оперативности и деловитости босса.

— Я хочу, чтобы это сделал человек со стороны, — пояснила свою мысль Фролих.

Стивесант придвинул папку к углу стола и провел пальцами по ее корешку и краю стола, словно проверяя, насколько точно соблюден прямой угол.

— Ты считаешь, это хорошая затея? — спросил он.

Фролих промолчала.

— Похоже, ты уже имеешь в виду кого-то конкретного? — продолжал босс.

— И перспективы, похоже, отличные.

— Кто же это?

Но Фролих покачала головой:

— Вам лучше оставаться вне этого капкана, — пояснила она. — Поверьте, так действительно будет лучше.

— Его кто-то рекомендовал?

— «Его» или «ее».

Стивесант понимающе кивнул. Вот он, этот современный мир!

— Этого человека, которого ты имеешь в виду, кто-нибудь тебе рекомендовал?

— Да, один заслуживающий доверия источник.

— Относящийся к нашей системе?

— Да, — подтвердила Фролих.

— Значит, мы уже находимся внутри капкана.

— Нет, этот источник нам больше не принадлежит.

Стивесант снова повернулся к столу и передвинул папку на его длинную сторону, параллельно краю. Затем вернул ее на короткую сторону стола.

— Позволь мне сыграть роль адвоката дьявола, — начал он. — Я повысил тебя в должности четыре месяца назад. Четыре месяца для нас — срок немалый. И то, что ты именно сейчас предпочла воспользоваться услугами человека со стороны, может показаться признаком недостатка уверенности в себе, правда? Как ты сама считаешь?

— На этот счет беспокоиться не стоит.

— А может, и стоит, — задумчиво произнес Стивесант. — Ведь это может повредить тебе. Шесть парней мечтали о твоей должности. Вот поэтому, если ты возьмешься за это дело, и у тебя что-то где-то сорвется, то определенно возникнут серьезные проблемы. С полдюжины хищников будут всю оставшуюся жизнь напоминать о твоем провале, повторяя: «А

тебе ведь говорили». И все из-за того, что ты стала слишком настороженно относиться к своим способностям.

— Наверное, так оно и есть. Мне действительно необходимо относиться к ним с особой осторожностью и многое предвидеть.

— Ты так считаешь?

— Нет, я в этом уверена. И я не вижу альтернативы.

Стивесант промолчал.

— Я сама не рада, — продолжала Фролих, — поверьте мне. Но я считаю, что поступить нужно именно так, как я предлагаю. Это мой окончательный приговор.

В кабинете повисла тишина. На этот раз Стивесант замолчал надолго.

— Итак, вы даете разрешение? — наконец, произнесла Фролих.

Стивесант неопределенно пожал плечами:

— Тебе не надо было ни о чем меня спрашивать, а просто действовать самостоятельно и довести дело до конца вне зависимости от моего разрешения.

— Это не в моем стиле.

— Только ни с кем больше не делись своими планами, — посоветовал босс. — И ничего не записывай на бумаге.

— Я бы и так не стала этого делать. Это снизит результативность.

Стивесант чуть заметно кивнул. Затем, как истый бюрократ, которым он стал в последнее время, перешел к главному вопросу:

— Во сколько обойдется эта личность? — поинтересовался он.

— Недорого, — ответила Фролих. — Возможно, вообще бесплатно. Предположительно, деньги понадобятся лишь на мелкие расходы. Мы кое-чем были когда-то связаны. Теоретически. Или что-то вроде того.

— Это может остановить твой карьерный рост. И тогда больше никаких повышений.

— Альтернатива же положит конец моей карьере.

— Я выбрал тебя сам, — напомнил Стивесант. — Сам. Вот поэтому все то, что может повредить тебе, повредит и мне тоже.

— Я понимаю вас, сэр.

— Потому набери в грудь больше воздуха и сосчитай до десяти. После этого скажешь мне, насколько все это необходимо.

Фролих кивнула и, глубоко вдохнув, замолчала секунд на десять или, может быть, одиннадцать.

— Это действительно необходимо, — твердо произнесла она.

Стивесант взял в руки папку.

— Хорошо, тогда действуй.

* * *

Она принялась за работу сразу после стратегического совещания и внезапно пришла к выводу, что все не так просто, как ей казалось. Испросить разрешения у начальника она считала чрезмерным бременем и самой сложной частью всего проекта. Но теперь это казалось пустяком по сравнению с определением самой цели. Все, чем она располагала, заключалось в фамилии и кое-каких подробностях биографии восьмилетней давности, а потому, возможно, и не очень актуальных. Даже при условии, если бы помнила эти подробности наизусть. Обо всем упоминалось как-то вскользь, игриво и несерьезно, ее любовником в одну из ночей, когда они, засыпая, лениво беседовали в постели. Фролих не была уверена, что ей тогда удалось должным образом сосредоточить внимание. Поэтому сейчас, решив не полагаться на подробности биографии, она целиком сосредоточилась на фамилии.

Для начала она вывела ее заглавными буквами на листке желтой бумаги. Это вызвало массу воспоминаний: в основном хороших, хотя были и плохие. Она смотрела на написанное некоторое время, потом перечеркнула фамилию и заменила ее безличным: неизвестный субъект — «н. с». Так будет лучше сосредоточиться, все теряет определенность. Ее мозг включился в привычную работу, вернув к началу поиска. «Н.с.» — тот человек, которого нужно идентифицировать и определить его настоящее местонахождение. Вот и все, не более и не менее.

Ее главным преимуществом в работе был компьютер. Она имела куда более широкий доступ в базы данных, чем рядовой гражданин. «Н. с.» являлся военным: это Фролих знала наверняка, поэтому сразу вошла в файлы Центра по учету личного состава. Списки были составлены в Сент-Луисе, штат Миссури, и включали в себя всех мужчин и женщин, когда-либо надевавших форму армии США. Она ввела фамилию и стала ждать, пока компьютер не выдал ей три коротких ответа. Одна строка была сразу отвергнута из-за имени. Я точно знаю, что это не он, не так ли. Другой ответ не устроил Фролих из-за даты рождения. Слишком старое поколение. Значит, вот этот, третий, и является искомым «н. с». Иных вариантов нет. Она некоторое время смотрела на строчку с именем и фамилией, а потом переписала на желтый лист данные о рождении и

соцобеспечении. Затем нажала на символ «подробности» и ввела собственный пароль. Экран мигнул, на нем появились краткие данные о послужном списке «н. с».

Плохие новости. «Н. с.» военным больше не являлся. Его карьера закончилась пять лет назад почетным увольнением в звании майора после тринадцати лет службы. Затем следовал перечень наград, куда входили, помимо прочих, Серебряная Звезда и Пурпурное Сердце. В списке награжденных она узнала, за что и когда присвоены награды, и сделала некоторые пометки на желтом листе. После этого она провела на бумаге жирную черту, отделяющую один этап поисков от другого, и продолжила работу.

Следующим логическим шагом был просмотр списков умерших. Этому ее тоже когда-то обучали. Ни к чему искать того, кто уже умер. Однако запрос этого не подтвердил. По мнению правительства, «н.с.» числился в списке живых. Затем настала очередь проверки данных Центра информации о преступниках, поскольку не имело смысла искать сидящего в тюрьме. Правда, в случае конкретного «н.с.» такое предположение было неуместным. Хотя, кто знает? Однако ниточка расследования оказалась настолько тонкой, что нельзя было отрицать склонности «н.с.» к совершению преступления. Данные из Центра всегда поступали крайне медленно. Фролих в ожидании ответа на запрос успела разложить скопившиеся на столе материалы по ящикам и даже налить очередную чашечку кофе. Затем, вернувшись к компьютеру, она обнаружила на экране отрицательный ответ. «Н. с.» не подвергался аресту или заключению в тюрьму. Однако обращала на себя внимание короткая приписка о том, что где-то в архивах существует файл ФБР на данное лицо. Вот это уже интересно. Выйдя из базы данных Центра, она погрузилась в файлы ФБР. Вскоре она обнаружила нужный файл, но не смогла его открыть. Фролих хорошо разбиралась в классификационной системе Бюро, а потому легко расшифровала код. Под ним оказался обычный описательный файл, из которого следовало, что «н.с.» не являлся беглецом, его никто не разыскивал, и вообще в настоящее время он ФБР не интересует.

Тщательно переписав полученную информацию, Фролих переключилась на базу данных Управления автотранспортом. Снова никакой информации. У «н.с.» не было водительских прав, что само по себе казалось несколько диким и могло стать головной болью. Отсутствие прав однозначно указывало на отсутствие фотографии и настоящего адреса. Затем Фролих переключилась на Ветеранские организации в Чикаго. Она искала «н.с.» и по фамилии, и по званию, и по личному номеру, но безуспешно. Разыскиваемый никогда не получал федеральных субсидий и не сообщал своего адреса. Почему нет? Где же ты, черт бы тебя побрал? Она вновь вернулась к данным по социальному

обеспечению, на этот раз на предмет взносов. Опять ничего. Получалось, что, оставив военную службу, «н.с.» нигде не работал, по крайней мере, легально. Фролих запросила у Информационно-поисковой системы подтверждения данных. Та же история. В течение пяти лет «н.с.» ни разу не платил налогов. Его не оказалось даже в списках налогоплательщиков.

Ну хорошо. Подойдем к делу серьезно. Фролих потянулась на стуле и, отбросив возню с официальными сайтами, погрузилась в нелегальные, сразу очутившись в мире частной банковской индустрии. Строго говоря, ей не следовало пользоваться ими для своей цели. Или для какой-либо другой. Это было вопиющим нарушением официального протокола. Но она не ожидала возражений против своей попытки, а надеялась на положительный результат. Если у «н.с.» есть банковский счет в одном из пятидесяти штатов, он обязательно всплывет. Даже если это очень скромный счет. Даже если он пуст или давно закрыт. Многие люди обходятся без банковских услуг, и Фролих знала это, но чувствовала, что «н.с.» не принадлежит к их числу. Не может так поступать человек, бывший майором американской армии. Да еще и награжденный медалями.

Фролих дважды ввела его данные: сначала по военно-учетной специальности, а затем как налогоплательщика. После этого напечатала его фамилию и нажала «поиск».

* * *

За пару сотен миль от нее Джек Ричер поежился от холода. Атлантик-Сити в середине ноября отнюдь не самое теплое место на земле. С океана постоянно дул ветер и нес с собой столько соли, чтобы все, кто остается неподалеку от побережья, постоянно ощущали холод и влагу. Он хлестал всех подряд, бесился, разносил вокруг мелкий мусор и плотно прижимал штанины к ногами Ричера. Всего пять дней назад Джек находился в Лос-Анджелесе и был абсолютно уверен, что останется там надолго. Теперь он точно так же был уверен в том, что ему стоит вернуться. Южная Калифорния в ноябре представляла собой симпатичное привлекательное местечко. Она отличалась теплым воздухом, нежные океанские бризы ласкали кожу, в отличие от здешних, которые беспощадно избивали и жалили холодными порывами ветра, перемешанного с солеными брызгами. Ну, если не назад, то куда-то в другое место ему, определенно, надо переместиться.

Или, возможно, стоит остаться здесь, как его об этом просили, только купить пальто.

Он приехал сюда, на восток, вместе с пожилой чернокожей женщиной и ее братом. Джек стоял неподалеку от Лос-Анджелеса и ловил попутные машины, двигавшиеся в восточном направлении, чтобы денек полюбоваться на пустыню Мохаве. Пожилая пара прихватила его в древний «бьюик-роудмастер». Среди багажа — чемоданов и прочей ерунды — Джек заметил примитивный усилитель, микрофон и переносной синтезатор, а дама объяснила ему, что она — певица, и сейчас вместе с братом они направляются в Атлантик-Сити, где будут жить некоторое время и подрабатывать концертами. Она добавила, что брат ее выполняет роль аккомпаниатора, играя на синтезаторе, и водителя, постоянно находясь за рулем, пока они в дороге. Но вот беда, в последнее время он совсем перестал поддерживать разговор, да и шофер из него с годами стал совсем плохой. Да, кстати, и старенький «роуд-мастер» больше смахивал на развалину, чем на приличный автомобиль. Она рассказала Джеку правду. Старик всю дорогу молчал, но зато они несколько раз подвергались смертельной опасности, не успев проехать и пяти миль. Женщина принялась петь, чтобы как-то успокоиться. Она начала с нескольких куплетов «Ты меня не любишь», которую исполняла Дон Пенн, в ту минуту Ричер решил ехать с ними до конца, чтобы только иметь возможность слушать певицу. Более того, он решительно взял на себя роль водителя и автомеханика. Женщина продолжала петь. У нее был такой приятный голос, что она могла бы давно стать суперзвездой блюза, но только, наверное, ей слишком часто приходилось бывать не в том месте и не в то время, в результате чего карьера звезды не сложилась. Старенький автомобиль ехал довольно медленно, со скоростью пятьдесят миль в час, и, сражаясь со всевозможными рытвинами на дороге и сшибая камушки, создавал серию шумов, которая, в сочетании с ровным ревом мотора и некоторыми посторонними звуками его внутренностей, создавала довольно приятный бит, который мог сойти и за нечто, напоминающее своеобразную музыку. Радиоприемник работал отвратительно и ловил только местные станции на протяжении двадцати минут, не более. Певица часто подпевала приемнику, а ее брат хранил молчание и по большей части спал на заднем сиденье. Ричер сидел за рулем по восемнадцать часов в сутки в течение трех дней, но, когда они приехали в Нью-Джерси, чувствовал себя так, будто провел отпуск в приятной компании.

Дом, где должны были жить и выступать брат с сестрой, оказался клубом при мотеле пятого разряда с концертным залом, расположенным в восьми кварталах от побережья, а менеджером выступал такой парень, от которого вряд ли следовало ожидать уважения к контракту и точного соблюдения всех его пунктов. Поэтому Ричер лично пересчитывал количество слушателей в зале, чтобы знать точную сумму доходов певицы и следить, чтобы в конце каждой недели в конверте ей была передана именно та сумма, которая причиталась за выступления. Все это

происходило на глазах у менеджера и злило его все больше. Этот тип начал делать таинственные звонки, а во время разговора прикрывать трубку рукой и злобно поглядывать на Ричера. Джек пристально, не моргая смотрел на менеджера и холодно улыбался, продолжая «слежку». Он выдержал три серии концертов и по два в выходные дни, но затем им овладело беспокойство. Его стал донимать холод. В голове звучала песенка из репертуара «Мамас энд папас»: «Будь я сейчас в Лос-Анджелесе, мне было бы уютно и тепло». В понедельник утром Джек собрался изменить свое решение и выйти на дорогу, чтобы поймать машину и двинуться в обратный путь, но в этот момент, сразу после завтрака, старый молчун увел его в сторонку и наконец заговорил:

— Я хочу попросить вас остаться с нами, — прошамкал старик, при этом его беззубый рот прошепелявил «попрошить ваш». Ричер не ответил, но в слезящихся глазах этого пожилого джентльмена заметил нечто напоминающее надежду.

— Если вы уедете, менеджер начнет нас обманывать в тот же день, — продолжал старик. Он говорил это так уверенно, как будто жульничество со стороны менеджеров частенько поджидало музыкантов, причем с таким же постоянством, как спущенные шины или простуда. — А пока нам платят, мы накопим деньги и доберемся до Нью-Йорка. А там, глядишь, познакомимся с Би-Би Кингом и снова воскреснем, возродим свою карьеру. Между прочим, такие парни, как ты, тоже могут пригодиться в нашем бизнесе. Помни об этом.

Но Ричер продолжал молчать.

— Конечно, я вижу, ты чем-то обеспокоен, — вздохнул старик. — Глядя на такого менеджера, можно предположить, что и исполнители, возможно, тоже замешаны в темных делишках.

Ричер улыбнулся. Ему нравился этот хитрый старикан.

— А чем ты все-таки занимаешься, парень? Боксер, наверное, или что-то в этом же роде, да?

— Нет. — Джек отрицательно покачал головой. — Никакой я не боксер.

— Значит, борец? — не отставал старик. — Ну, из тех, кого показывают по кабельному телевидению?

— Нет.

— Ты очень здоровый парень, этого не отнимешь. Такой здоровый, что мог бы помогать нам выкручиваться, когда до этого дойдет дело.

Без передних зубов у старика получалось «ждоровый». Ричер молчал.

— Так чем же ты занимаешься? — снова поинтересовался негр.

— Я был военным полицейским. В армии. Тринадцать лет.

— А потом уволился?

— Можно сказать и так.

— Разве вам потом, после армии, не предоставляют другой работы?

— Той, которую мне хотелось бы, нет.

— Значит, ты сейчас живешь в Лос-Анджелесе?

— Я нигде постоянно не живу, — ответил Ричер. — Я путешествую.

— А путешествующие люди должны держаться друг друга, — ухватился за эту мысль старик. — Все очень просто. Помогать друг другу и иметь общее дело.

«Ошень прошто».

— Здесь очень холодно, — поежился Ричер.

— Вот это точно, — кивнул старик. — Но ты ведь можешь купить пальто.

Джек стоял на обдуваемом углу дома, а ветер продолжал плотнее прижимать его брюки к ногам. Ричер принимал решение. Отправиться на шоссе или заглянуть в магазин и купить пальто? В голове его начали вертеться всевозможные фантастические картины. Он отправляется в теплые края, снимает дешевый номер в гостинице... А там его ждут жаркие ночи, яркие звезды и холодное пиво. Или: пожилая женщина и новый клуб Би-Би Кинга в Нью-Йорке, куда заходит поклонник ретро-музыки, имеющий отношение к звукозаписи. Он подписывает с ней контракт, она выпускает свой первый компакт-диск, затем ее ждет турне по стране. О ней начинают писать в журнале «Роллинг Стоун», а затем следуют слава, деньги, новый дом. И новый автомобиль. Он повернулся спиной к шоссе и, чуть сгорбившись от сильного ветра, отправился искать магазин, торгующий одеждой.

* * *

На тот день — понедельник — в Соединенных Штатах насчитывалось почти двенадцать тысяч действующих лицензированных банковских организаций в рамках Федеральной корпорации страхования банковских вкладов. В них значилось свыше миллиарда отдельных вкладов, но только один из них был записан на имя «н.с.» и имел его номер социального страхования. Это был обычный вклад, зарегистрированный в филиале регионального банка в Арлингтоне, штат Виргиния. Эм-И Фролих с удивлением уставилась на официальный адрес филиала. Но ведь отсюда до него не более четырех миль! Она записала информацию на лист желтой бумаги. Затем набрала номер своего старшего коллеги из другого отдела организации и попросила его

связаться с банком и узнать все подробности о счете и его владельце. Особенно ее интересовал домашний адрес. Она попросила действовать по возможности быстро, но в то же время разумно и сдержанно. И еще одно: это была личная и неофициальная просьба. Она повесила трубку и, ожидая ответа, не находила себе места от того, что временно осталась без дела. Однако поступить по-другому она не могла. Дело в том, что ее коллега мог интересоваться у банка чем угодно и задавать любые вопросы, а если бы эту часть работы взяла на себя Фролих, это показалось бы весьма странным с ее стороны и могло вызвать ненужные подозрения.

* * *

Ричер обнаружил магазин уцененных товаров тремя кварталами ближе к океану и нырнул внутрь. Магазин оказался узким, но длинным: он уходил вглубь здания футов на сто. По потолку располагались люминесцентные лампы, а насколько хватало глаз, в зале выстроились ряды с вывешенной на них разнообразной одеждой. Похоже, женские наряды здесь находились слева, детские — в центре, а одежда для мужчин — справа. Джек зашел в конец зала и начал свое путешествие оттуда.

Он обнаружил огромный выбор пальто по вполне приемлемым ценам, что ему сразу понравилось. На первых вешалках красовались короткие набивные куртки. Нет, это его совсем не устраивает. Он искал то, что ему когда-то посоветовал один армейский товарищ. Он говорил так: хорошая одежда должна быть такой же, как хороший адвокат — всегда прикрывать твою задницу. На третьем ряду вешалок появилось что-то обнадеживающее: неброских оттенков холщовые пальто длиной почти до колена, правда, выглядевшие чуть неуклюже из-за фланелевой подкладки. Может быть, удастся отыскать что-нибудь из шерстяной ткани. Или нечто в этом роде. Шерстяные пальто казались ему тяжеловатыми.

— Могу я вам помочь?

Он обернулся и увидел молодую продавщицу.

— Скажите, эти пальто годятся для зимы в ваших местах? — поинтересовался он.

— Идеально, — убедительно произнесла женщина и оживилась. Она начала подробно объяснять Ричеру о том составе, который наносится на холщовую ткань и делает ее совершенно непромокаемой, после чего перешла к такому же детальному описанию утепляющего материала, расположенного за подкладкой. Она пообещала, что в таком пальто ему будет тепло даже в том случае, если температура упадет ниже нуля. Джек пробежал рукой по ряду пальто и извлек одно, темно-оливковое, на котором был указан размер XXL.

— Ну хорошо, я, пожалуй, возьму вот это, — согласился он.

— А разве вы не хотите сначала примерить его?

Джек секунду подумал, а затем ужался до размеров пальто и умудрился разместиться внутри него. Поначалу оно показалось ему превосходным. Ну, почти что. Только немного поджимало в плечах. Да и рукава оказались коротковаты на целый дюйм.

— Вам нужен другой размер, — пояснила продавщица. — 3XLT. Сколько у вас, пятьдесят?

— Чего пятьдесят?

— В груди.

— Понятия не имею. Никогда не измерял.

— У вас рост примерно шесть футов и пять дюймов?

— Наверное.

— А вес?

— Двести сорок фунтов. Или двести пятьдесят.

— Значит, вам определенно требуется одежда для высоких и плотных, — кивнула продавщица. — Попробуйте размер 3XLT.

Она протянула ему пальто нужного размера и такой же блеклой окраски, которую выбрал он сам. Это пальто подошло ему как нельзя лучше. Может быть, оно оказалось чуть великовато, но это ему всегда нравилось. И рукава в самый раз.

— Вам нужны брюки? — поинтересовалась женщина и перешла к другому ряду одежды, увлекая Джека за собой. Она начала быстро и профессионально перебирать вывешенные здесь брюки, поглядывая на Ричера и оценивая его талию и длину ног. Очень скоро она отыскала приличные брюки такого же цвета, что и подкладка пальто.

— Примерьте вот эти рубашки, — посоветовала она, в один прыжок очутившись у вешалок с радугой цветастых фланелевых рубашек. — Еще понадобится футболка, которую вы будете надевать под рубашку, и вы полностью экипированы. Какой цвет вы предпочитаете?

— Что-нибудь очень неброское.

Она тут же выложила отобранный товар поверх одной из вешалок: пальто, брюки, рубашку и футболку. Все вместе они выглядели довольно симпатично: горка грязно-оливкового цвета вперемешку с хаки.

— Так годится? — улыбнулась продавщица.

— Годится, — кивнул Джек. — А нижнее белье у вас продается?

— Конечно. Вон там.

Он покопался в корзине бракованных боксерских шортов и выбрал себе белые, а к ним добавил пару носков почти из стопроцентного хлопка, усыпанных разноцветными точками-вкраплениями.

— Так годится? — снова поинтересовалась женщина. Он кивнул, тогда она провела его к кассе у входа в магазин, где аппарат быстро считал этикетки, издавая электронный писк и отсвечивая красным огоньком.

— Ровно сто восемьдесят девять долларов, — сообщила женщина.

Джек молча уставился на красные цифры, высветившиеся на мониторе кассы.

— Мне почему-то показалось, что у вас магазин уцененных товаров, — выдавил он.

— Цены весьма разумные, — заверила продавщица. Он только покачал головой и вынул из кармана пачку помятых купюр. Продавщица ловко отсчитала сто девяносто долларов. Когда она вернула сдачу, у него на ладони осталось всего четыре доллара.

* * *

Через двадцать пять минут старший коллега из другого отдела той же организации позвонил Фролих.

— Ты достал мне его домашний адрес? — нетерпеливо поинтересовалась она.

— Бульвар Вашингтона, дом номер сто, — ответил коллега. — Арлингтон, Виргиния. Почтовый индекс 20310 — 1500.

Фролих быстро записывала:

— Ну, спасибо тебе. Это все, что мне требовалось.

— А мне показалось, что это далеко не все. Тебе потребуется еще кое-что.

— Почему же?

— Тебе знаком бульвар Вашингтона?

Фролих на секунду задумалась:

— По-моему, он расположен ближе к Мемориальному Мосту, верно?

— Это самое обыкновенное шоссе.

— И на нем нет никаких домов? Но какие-то строения, я думаю, все же там должны находиться?

— Совершенно верно. Там есть одно строение. И оно достаточно крупное. Пару сотен футов на восток слева от дороги.

— Не понимаю.

— Это Пентагон, — сообщил коллега. — Адрес фальшивый, Фролих. На одной стороне бульвара Вашингтона располагается арлингтонское кладбище. А на другой — здание Пентагона. Вот так-то. И ничего больше там нет. Никакого дома под номером сто. Да и вообще почтового адреса там нет, я проверил индекс по справочнику почты. Индекс принадлежит военному министерству, расположенному внутри Пентагона.

— Отлично, — вздохнула Фролих. — Ты рассказал об этом банку?

— Конечно, нет. Ты же велела мне быть аккуратней.

— Спасибо. Но я снова вернулась к исходной точке.

— Возможно, нет. Это очень необычный счет, Фролих. На балансе сумма в шесть цифр, деньги расходуются, ничего не добавляется. Клиент получает заказанные суммы исключительно через «Вестерн Юнион». Но сам никогда к ним не приходит. Все делается по телефону. Клиент им звонит, называет пароль, и банк пересылает наличные туда, куда клиент приказывает.

— И у него нет кредитки?

— Нет. Он даже не имеет чековой книжки.

— Исключительно через «Вестерн Юнион»? Никогда раньше не слышала о таком способе. А у них есть какие-нибудь архивы по поводу этого счета?

— Да, ему пересылали деньги буквально по всей стране во все ее уголки за последние пять лет. Он успел побывать в сорока штатах. Часто снимал со счета какие-то жалкие суммы, и все это делалось исключительно через «Вестерн Юнион», через его офисы, которых полно во всех городах.

— Весьма необычно.

— Ну, о чем я и говорил.

Ты мне можешь чем-нибудь помочь, что-нибудь сделать?

Уже сделал. Они мне позвонят, как только клиент снова свяжется с ними.

— Тогда ты сразу же перезвонишь мне?

— Можно и так.

— Существует какая-то закономерность в его звонках?

— Не всегда. Максимальный перерыв — несколько недель, но чаще всего он беспокоит их каждую пару-тройку дней. Особенно часто он обращается к ним по понедельникам. Банки ведь в выходные не работают.

— Может быть, мне повезет именно сегодня.

— Конечно, — отозвался коллега. — Вопрос состоит в другом: повезет ли при этом и мне тоже?

— Ну, не настолько, — заверила его Фролих.

* * *

Менеджер заметил, как Ричер зашел в вестибюль его мотеля. Менеджер тут же рванулся назад на улицу, где свирепствовал ветер и, достав свой мобильный телефон, набрал нужный номер. Затем, прикрыв трубку рукой, он быстро заговорил. Голос его звучал тихо, но убедительно и с уважением, как и требовалось, причем в этом голосе слышались нотки просьбы, почти мольбы.

— Потому что он здорово мешает мне, — ответил он на какой-то вопрос, прозвучавший с другой стороны.

— Сегодня было бы очень хорошо, — ответил он на другой вопрос.

— Как минимум, двое, — послышался ответ на последний вопрос. — Это очень здоровый тип.

* * *

Ричер разменял один доллар на монетки в двадцать пять центов у стола администратора и направился к платному телефону. Набрал по памяти номер банка и, назвав пароль, потребовал перевести пятьсот долларов через «Вестерн Юнион» в Атлантик-Сити к концу рабочего дня. Затем Джек вернулся в номер и, оборвав ярлыки с одежды, облачил в новое. Переместив содержимое карманов и бросив старую одежду в мусорный контейнер, он осмотрел себя в длинном зеркале дверцы шкафа.

«Отрастить бороду, купить солнцезащитные очки — и можно дошагать до Северного полюса», — подумал он.

* * *

Фролих узнала о предполагаемом переводе денег через одиннадцать минут. Она на секунду закрыла глаза и победно вскинула стиснутые кулаки, а затем, обернувшись, сняла с полки за спиной карту Восточного побережья. Если повезет с транспортом и нигде не будет пробок, я буду там через три часа. Она схватила куртку, сумочку и побежала к гаражу.

* * *

Отдохнув в номере почти час, Ричер вышел на улицу, чтобы проверить согревающие качества своей обновки. Полевые испытания — так это называлось в прежние времена. Он направился на восток, к океану, туда, где ветер задувал сильней всего. Выйдя на улицу, он ощутил неприятное покалывание в области поясницы: сзади него кто-то был. Замедлив шаг, он использовал первую же витрину в качестве зеркала и уловил неясное движение футах в пятидесяти. Расстояние значительное для того, чтобы рассмотреть подробнее.

Он продолжил прогулку. Пальто оказалось подходящим, и теперь недоставало только шляпы. Тот же армейский приятель, что давал ему советы относительно одежды, как-то упоминал, что половина потерь тепла организма приходится на макушку. Теперь он в этом убедился. Ветер ерошил волосы, и у него заслезились глаза. Сейчас, в ноябре, на берегу Джерси, его вполне устроила бы кепка армейского образца. Джек мысленно приказал себе на обратной дороге из офиса «Вестерн Юнион» присматриваться, не обнаружится ли где-нибудь магазин по распродаже армейских излишков. По опыту он знал, что они располагались поблизости друг от друга.

Джек дошел до дощатого настила набережной и свернул на юг, преследуемый все тем же ощущением дискомфорта в области поясницы. Резко обернувшись, он никого не увидел и принял решение вернуться назад. Доски под ногами были в превосходном состоянии, и попавшаяся по дороге табличка свидетельствовала, что они изготовлены из самых твердых пород древесины, которую только можно найти в лесу. Ощущение дискомфорта не проходило. Джек снова изменил направление и повел свою невидимую тень к центральному пирсу. Тот выглядел сохранившимся в неприкосновенности со старых времен. Видимо, таким же он и был выстроен. Здесь было безлюдно, что, учитывая отвратительную погоду, казалось вполне естественным и усиливало атмосферу нереальности. Все вокруг походило на фотографию памятника архитектуры из учебника истории. Однако некоторые старые палатки еще торговали всякой всячиной, а в одной лавчонке можно было выпить вполне современного кофе из пластикового стаканчика. Джек купил себе порцию без молока, что окончательно избавило его от наличности, зато здорово согрело. Попивая кофе, он дошел до конца пирса, где, выбросив стаканчик в мусорный бак, остановился и принялся всматриваться в серую

поверхность океана. Затем он повернулся и отправился назад, к берегу, и тут увидел, что ему навстречу движутся двое.

Внушительной комплекции парни, невысокие, но широкие в плечах, были одеты одинаково: синие бушлаты и серые джинсы. На головах у обоих красовались серые вязаные шапочки, туго обтягивающие массивные черепа. Этим точно было известно, как следует одеваться в местном климате. Оба держали руки в карманах, и Джек не мог сказать, носят ли они перчатки в тон одежде. Из-за высоко расположенных карманов локти обоих были неестественно оттопырены. Обувь представляла собой тяжеленные башмаки, которым отдал бы предпочтение рабочий сталелитейного завода или портовый грузчик. Парни отличались кривоногостью, а может, хотели изобразить угрожающую раскачивающуюся походку. Лбы обоих украшали шрамы, и эти типы походили то ли на ярмарочных борцов, то ли на забияк из доков — такие встречались лет пятьдесят назад. Ричер оглянулся, но позади него до самой Ирландии никого не было. Поэтому он остановился и беззаботно облокотился о поручни.

Двое незнакомцев приблизились и, остановившись футах в восьми от Ричера, исподлобья уставились на него. Джек стиснул пальцы в кулак, чтобы определить, насколько они замерзли. Восемь футов — дистанция интересная. Это означало, что парни сначала пустятся в переговоры, и лишь потом начнут действовать. Джек пошевелил пальцами ног, а потом поочередно напряг мышцы голеней, бедер, спины и плеч. Потом поводил головой из стороны в сторону, чтобы размять мышцы шеи, и глубоко втянул носом воздух. Ветер дул ему в спину. Тот, что был слева, вытащил руки из карманов. Перчаток на них не оказалось, но пальцы были сжаты так, словно парень страдал артритом в тяжелой форме или держал в кулаке полторы дюжины монет, сложенных столбиком.

— Мы должны тебе кое-что передать, — начал он.

Ричер обернулся и кинул взгляд сначала на перила, а потом на океан. Серая волнующаяся вода, казалось, вот-вот замерзнет. Скинуть парней туда было бы равносильно убийству.

— От этого клубного менеджера? — поинтересовался Джек.

— Почти что. От его людей.

— А у него есть люди?

— Это же Атлантик-Сити, — хмыкнул парень. — Вполне резонно предположить, что они есть.

Ричер понимающе кивнул.

— Позвольте, я догадаюсь сам. Мне предлагается отсюда свалить, улепетнуть, не отсвечивать, слинять, никогда не возвращаться, не омрачать своим присутствием и так далее.

— Ты сегодня очень догадлив.

— Я умею читать мысли, — продолжал Ричер. — Когда-то на ярмарке подрабатывал, по соседству с бородатой женщиной. Кстати, вас, ребята, разве там не было? Аттракцион: «Знаменитые уроды-близнецы»?

Правый «близнец» тоже вытащил руки из карманов. Он, похоже, страдал тем же недугом, что и его напарник, или так же запасся увесистым аргументом. Ричер улыбнулся. Ему нравились старомодные замашки вроде столбиков монет. К тому же это означало, что у парней нет огнестрельного оружия. Никто не будет греть в кулаке монеты, если в кармане покоится пистолет.

— Мы не хотим тебя обижать, — сказал правый.

— И все же тебе придется исчезнуть отсюда, — добавил его напарник. — Нам не нравится, когда посторонние вмешиваются в экономические вопросы нашего города.

— Поэтому выбери легкий путь. Мы даже проводим тебя до автобусной станции. Или придется обидеть твоих стариков, и не только материально.

Ричер услышал в голове нелепое предупреждение, напомнившее ему голос матери, донесшийся из детства: «Не смей драться в новой одежде». Потом вдруг раздался совет инструктора по рукопашному бою из военного лагеря новобранцев: «Надо бить сильно, быстро и часто». Он шевельнул плечами под пальто и испытал благодарность к продавщице, посоветовавшей ему купить одежду размером больше. Джек взглянул на парней, его взгляд не выразил никаких чувств, разве что легкий оттенок веселья и твердую уверенность в себе. Он двинул корпус влево, и парни послушно последовали туда же. Затем Джек подался вперед, уменьшая треугольник, образованный их телами. Он поднял руку и пригладил растрепавшиеся от ветра волосы.

— Вам лучше просто уйти, — спокойно посоветовал он.

Как он и предполагал, парни и не подумали этого делать. Они приняли вызов и плавными, едва заметными движениями словно перетекли ему навстречу. «Придется им поваляться с недельку, — прикидывал в уме Джек. — Скорее всего, переломы челюстей, повреждение мягких тканей, возможно, временная потеря сознания, жуткие головные боли. А впрочем, ничего серьезного». Дождавшись следующего порыва ветра, он вскинул правую руку, словно зачесывая волосы за левое ухо, при этом

высоко подняв локоть. Со стороны могло показаться, что его осенила какая-то идея.

— Вы, ребята, плавать-то умеете?

Требовалось нечеловеческое самообладание, чтобы не бросить хотя бы мимолетный взгляд на океан. Парни этим качеством не обладали. Как роботы, они повернули головы к воде. Джек ударил правого забияку высоко поднятым локтем в лицо, а когда его приятель повернулся на звук хрустнувших костей, обратным движением того же локтя, заехал второму. Оба рухнули на доски, и вывалившиеся из разжатых кулаков монетки, весело закружились по настилу серебряными колечками, сталкиваясь и замирая, кто орлом, кто решкой кверху.

Ричер, покашливая от холода, еще раз прокрутил всю сцену в голове: двое парней, две секунды, два удара, конец игры. Да, ты еще в хорошей форме. Он тяжело вздохнул и вытер со лба холодный пот. Затем сошел с пирса на дощатую набережную и вновь направился на поиски офиса «Вестерн Юнион».

Он проверил адрес по телефонной книге в мотеле, хотя ему этого не требовалось. Офис «Вестерн Юнион» можно найти чутьем, интуитивно. Алгоритм очень прост: встаньте на углу и спросите себя, где, скорее всего, находится офис, направо или налево? Повернув в нужном направлении, на следующем перекрестке задайте себе тот же вопрос. Очень скоро вы окажетесь в нужном районе, а там найдете и офис. Возле этого офиса стоял двухлетний «шевроле-сабербен», припаркованный у пожарного гидранта рядом с дверью. Безупречно чистый, сверкающий, черный, с тонированными стеклами «пикап» с тремя антеннами УКВ-связи на крыше. За рулем сидела одинокая женщина. Джек бросил на нее беглый взгляд, потом посмотрел более пристально. Светловолосая, выглядит расслабленно и в то же время настороже. Как-то странно она держит руку у окна. И, без сомнения, очень умна. От нее исходит какой-то магнетизм. Отвернувшись, Джек вошел в офис, получил деньги и сунул в карман. Покинув здание, он увидел, что теперь женщина стоит на тротуаре напротив входа и внимательно смотрит на него. Смотрит так, словно сравнивает его лицо с каким-то ментальным образом, выискивая схожесть и отличия. Это было ему знакомо. Раз или два на него уже так смотрели.

— Джек Ричер? — окликнула его женщина.

На всякий случай он еще раз покопался в памяти на предмет возможной ошибки, но был уверен, что не ошибается. Короткие светлые волосы, огромные глаза, глядящие в упор и какая-то спокойная уверенность во всем ее облике. Такие черты он бы запомнил навсегда. Но он не помнил ее, а значит, никогда не видел.

— Вы были знакомы с моим братом, — сказал он. Казалось, женщина удивилась и в то же время обрадовалась, на мгновение утратив дар речи.

— Я сразу догадался, — продолжал Джек. — Когда на меня так смотрят, то вспоминают, насколько мы с ним похожи и насколько все-таки отличаемся.

Она промолчала.

— Было приятно познакомиться, — вежливо заметил Джек, собираясь уйти.

— Подождите, — попросила женщина.

Он обернулся.

— Не могли бы вы поговорить со мной? Я искала вас.

— Мы можем побеседовать в машине, — кивнул он. — У меня задница замерзает на этом холоде.

Она застыла на несколько секунд, продолжая внимательно смотреть на него, затем неожиданно повернулась и открыла Джеку дверцу машины со стороны пассажира.

— Пожалуйста.

Он взобрался на сиденье, она обошла капот автомобиля и, устроившись на своем месте, включила зажигание, чтобы заработал обогреватель. Ехать она пока что никуда не собиралась.

— Я очень хорошо знала вашего брата, — начала Фролих. — Мы с Джо встречались. Он был для меня чем-то большим, чем просто знакомый. У нас были вполне серьезные намерения какое-то время. Перед его смертью.

Ричер ничего не ответил, и женщина покраснела.

— Ну, это вполне очевидно, что все происходило перед его смертью, — быстро добавила она. — Глупо было такое сказать.

Она замолчала.

— Когда? — поинтересовался Ричер.

— Мы встречались около двух лет и расстались за год до того, как это случилось.

Ричер кивнул.

— Меня зовут Эм-И Фролих.

В воздухе остался невысказанный ею вопрос: он когда-нибудь упоминал тебе обо мне? Ричер снова понимающе кивнул, стараясь выглядеть так, словно это имя ему о чем-то говорило, хотя на самом деле он слышал его впервые. «Никогда прежде о тебе не слышал, — подумал он. — Хотя, наверное, мне этого и хотелось бы».

— Эмми? — переспросил он. — Как на телевидении?

— Нет. Это мои инициалы. «Эм» и "И".

— Что же стоит за этими буквами?

— Вам это знать совсем не обязательно.

Он выждал секунду и спросил:

— А как вас называл Джо?

— Просто «Фролих».

Ричер кивнул:

— Да, это на него очень похоже.

— Я до сих пор скучаю по нему.

— Я, наверное, тоже, — отозвался Джек. — Так вы хотели поговорить о Джо или о чем-то другом?

Она снова выждала пару секунд, затем встряхнула головой, словно пытаясь отделаться от почти незаметного волнения, и перешла к делу.

— И то, и другое. В основном, конечно, разговор пойдет о чем-то другом, если говорить правду.

— Что вы хотели мне сказать?

— Я хочу нанять вас для выполнения одного задания, — начала она. — Учитывая некую посмертную рекомендацию от Джо. Из-за того, что он мне рассказывал о вас. Вы знаете, он ведь время от времени вспоминал вас.

Ричер кивнул:

— Для чего вы хотите нанять меня?

Фролих снова выждала секунду-другую, после чего неуверенно улыбнулась:

— Я эту строчку репетировала, — призналась она. — Несколько раз.

— Так позвольте мне услышать ее.

— Я хочу, чтобы вы убили вице-президента Соединенных Штатов Америки.

Глава 2

— Хорошая строчка, — заметил Джек. — Очень интересное предложение.

— Каков будет ваш ответ?

— Нет, — сказал он. — И в настоящее время, я полагаю, это всеобъемлющий и безопасный ответ.

Она снова неуверенно улыбнулась и взяла в руки сумочку.

— Позвольте мне показать вам свое удостоверение.

Но он отрицательно покачал головой.

— Мне не нужно его видеть. Вы работаете в Секретной службе США.

— Вы очень быстро соображаете, — с уважением посмотрела женщина на собеседника.

— Но это же вполне очевидно.

— Неужели?

Джек кивнул и дотронулся до правого локтя. Там определенно будет синяк.

— Джо тоже работал на них, — начал он. — И, зная его характер, могу сказать, что работал он усердно. А так как он был парнем скромным, то, если уж он и встречался с девушкой, она должна была работать там же, иначе как бы он смог с ней познакомиться? Да и кто бы стал держать личный «шевроле-сабербен» в таком идеальном состоянии, если только он не принадлежит правительству? Да еще парковать его по соседству с пожарным гидрантом? Да и кто, как не сотрудник Секретной службы, мог бы так блестяще выследить меня по одному только банковскому счету?

— Вы очень быстро соображаете, — повторила Фролих.

— Спасибо, — кивнул Джек. — Но только Джо не имел никаких дел с вице-президентами. Он занимался финансовыми преступлениями и не входил в отряд по обеспечению безопасности сотрудников Белого Дома.

Фролих кивнула:

— Мы все начинаем с отдела финансовых преступлений. Это как бы наша обязанность — бороться с фальшивомонетчиками и тому подобным. И он возглавлял этот отдел. Да, вы совершенно правы: мы действительно познакомились на службе. Тогда он не стал встречаться

со мной. Он говорил, что это для него неприемлемо. Но я уже знала, что меня в скором времени переведут в отдел охраны и обеспечения безопасности. Как только это произошло, он назначил мне первое свидание.

Она снова немного помолчала, рассматривая свою сумочку.

— И что же? — потребовал продолжения Ричер.

Она взглянула на него:

— Однажды ночью он мне кое-что сказал. Тогда я была полна амбиций и очень ревностно относилась к своим обязанностям. Ну, вы знаете, что бывает с человеком, когда его назначают на новое место. Я должна была быть уверена, что мы делаем все, что в наших силах, что лучше работать нельзя. Ну, мы с Джо дурачились, и он вдруг заявил мне, что лучший способ проверить нашу работу — нанять кого-нибудь со стороны, чтобы этот человек попытался достичь цели. Ну, и убедиться, возможно ли это на самом деле. Понимаете? Это будет проверка нашей службы, так сказать, аудит безопасности, которую мы обеспечиваем. Тогда я спросила его, а кто может на такое согласиться, и он ответил, что, мол, мой младший брат мог бы. Если кто-то и сумел бы это сделать, так это он. От этого разговора у меня сложилось впечатление, что вы очень страшный человек.

Ричер улыбнулся:

— Это очень похоже на Джо. Одна из его типичных сумасбродных схем.

— Вы так считаете?

— Джо был умным парнем. А потому иногда мог выдать что-то совсем глупое.

— Чем же этот план глуп?

— Ну, хотя бы тем, что если вы нанимаете человека со стороны, вам только и остается наблюдать за ним и поджидать его появления на сцене. Все проще, чем кажется.

— Нет, его план заключался в том, что этот человек анонимен, и никто не оповещается о его возникновении в поле зрения. Как, например, сейчас. Ведь кроме меня о вашем существовании никто не знает.

Ричер кивнул:

— Ну, хорошо, значит, он был не так уж и глуп.

— Он чувствовал, что это — единственный способ. Понимаете, как бы усердно мы ни работали, мы варимся в одном и том же котле. И он

понимал, что мы должны быть готовы, для самопроверки, принять вызов от постороннего человека.

— И на эту роль он выбрал меня?

— Он говорил, что вы справились бы с ней идеально.

— Почему вы ждали столько времени, прежде чем решились испробовать этот план? Когда бы ни происходила ваша беседа, с тех пор прошло, самое меньшее, шесть лет. Неужели вам потребовалось шесть лет, чтобы разыскать меня?

— Со времени того разговора прошло восемь лет. Это случилось в начале наших любовных отношений, как раз после того, как меня перевели в другой отдел. А для того, чтобы отыскать вас, мне понадобился один день.

— Вы достаточно быстры, — отметил Ричер. — Но почему тогда ждали целых восемь лет?

— Теперь я стала возглавлять команду. Меня назначили на должность начальника отряда обеспечения безопасности вице-президента всего четыре месяца назад. Я все так же рьяно отношусь к работе и полна амбиций, и мне снова хочется убедиться в том, что мы все делаем так, как надо. Вот поэтому я решила последовать совету Джо и попробовать этот аудит безопасности. А вас, так сказать, рекомендовали. Все эти годы рекомендация сохранялась, а дал мне ее тот человек, которому я очень верила. Вот почему я приехала сюда: чтобы спросить вас, согласны ли вы сделать это.

— Не хотите ли выпить чашечку кофе?

Она удивилась, словно кофе никак не входил в повестку дня.

— Это очень срочное дело, — напомнила Фролих.

— Никакое срочное дело не может помешать выпить чашечку кофе, — отозвался Джек. — Поверьте моему опыту. Отвезите меня назад в мотель, а я свожу вас в бар, где подают очень приличный кофе. Сам бар находится в подвале, там темно — как раз то, что надо для такого рода беседы.

* * *

Правительственный автомобиль имел навигационную систему на основе DVD-дисков, а аппарат был встроен в приборную панель. Ричер наблюдал за тем, как Фролих включила его и выбрала адрес мотеля из длинного списка предполагаемых объектов, расположенных в Атлантик-Сити.

— Я мог и без этого рассказать вам, как туда добраться, — заметил он.

— Я привыкла к этой штуке, — пояснила женщина. — Она со мной разговаривает.

— Ну, я тоже не собирался показывать вам дорогу на пальцах.

Она улыбнулась и выехала на улицу, вливаясь в транспортный поток, который сейчас был не слишком плотным. Наступали сумерки, но ветер не стихал. Наверное, казино процветали и в такую погоду, но вот что касается причала, набережной и пляжей, там будет безлюдно в течение следующих шести месяцев. Джек сидел молча рядом с женщиной, наслаждаясь теплом от обогревателя, и несколько секунд думал о ней и о своем умершем брате. Затем он просто наблюдал за тем, как она управляет машиной. У нее это получалось достаточно ловко. Она припарковала автомобиль у дверей мотеля, и Джек провел ее в полуподвал, где находился бар. Воздух был спертым, пахло плесенью, но зато было достаточно тепло, а за стойкой бара, в глубине, виднелся стеклянный сосуд кофеварочной машины. Джек указал на этот аппарат, затем на себя и Фролих, и бармен засуетился. Затем Ричер подошел к угловому кабинету и проскользнул вдоль виниловой стены, прижимаясь к ней спиной. Теперь перед ним полностью открывался весь зал. Старая привычка. У Фролих привычки оказались такими же, поэтому они очутились за столиком рядом друг с другом, так, что их плечи почти соприкасались.

— Вы очень похожи на него, — призналась женщина.

— Кое в чем, — согласился Джек. — Но не во многом. Например, я все еще жив.

— Вас не было на похоронах.

— Меня известили в очень неудачное время.

— И голос у вас очень похож.

— У братьев так бывает.

Бармен принес кофе на пробковом подносе, усеянном пятнами от донышек пивных кружек. Две чашечки черного кофе, маленькие пластиковые упаковки порошкового молока, крошечные пакетики с сахаром и две дешевые ложечки, отштампованные из нержавеющей стали.

— Его очень любили, — продолжала Фролих.

— Да, с ним было все в порядке, я полагаю.

— Это все, что вы можете сказать?

— Когда один брат говорит такое насчет другого брата, это комплимент.

Он поднял чашку, предварительно выкинув на стол с блюдца молоко, сахар и ложечку.

— Вы предпочитаете черный кофе, — заметила Фролих, — совсем как Джо.

Ричер кивнул:

— Единственное, с чем я не мог смириться, так это с тем, что я всегда — младший брат. Зато теперь я уже на три года старше его.

Фролих отвернулась.

— Я знаю. Но он перестал существовать здесь, а ведь мир продолжает крутиться. Хотя должен был бы хоть чуточку измениться.

Она отпила глоток кофе. Черного кофе без сахара. Такого, как любил Джо.

— И никто, кроме него, ни разу не подумал о том, чтобы сделать это? — спросил Ричер. — Я имею в виду, использовать человека со стороны для аудита безопасности.

— Никто.

— Секретная служба — относительно старая организация.

— И что же?

— Поэтому сейчас я задам вам очевидный вопрос.

Фролих кивнула:

— Между прочим, президент Линкольн подписал бумаги о нашем существовании после обеда 14 апреля 1865 года. После этого он отправился в театр, и в тот же вечер был убит.

— Парадоксально.

— Только сейчас и с нашей точки зрения. Но в те времена мы должны были лишь защищать нашу валюту. Затем, в 1901 году, был убит МакКинли, и тогда было решено, что за президентом должен кто-то присматривать круглосуточно. Вот так мы и получили свою работу.

— Потому что до 30-х годов не существовало ФБР.

Фролих отрицательно покачала головой:

— Существовало его раннее воплощение. Оно называлось Управлением главного инспектора и было основано в 1908 году, а в 1935 году его переименовали в ФБР.

— Это все похоже на ту педантичную ерунду, которую должен был знать Джо.

— По-моему, это как раз он мне все и рассказал.

— Скорее всего. Он любил всякие исторические экскурсы.

Джек заметил, что она старается не замолкать.

— Так что же это был за очевидный вопрос? — напомнила Фролих.

— Вы впервые за сто лет собираетесь использовать человека со стороны. Это, наверное, произошло не только потому, что вы во всем пытаетесь добиться совершенства, так?

Она хотела что-то ответить ему, но тут же замолчала. Наступила короткая пауза, Ричер понял, что сейчас она ему соврет. Он видел, что она приняла именно такое решение. Он чувствовал это даже по углу наклона ее плеча.

— В настоящее время я нахожусь под большим давлением, — начала Фролих. — Я имею в виду, с профессиональной точки зрения. Очень многие люди только и ждут момента, когда я где-нибудь проколюсь. И мне надо убедиться, что это не так.

Он ничего не ответил. Он ждал, что она начнет раскрашивать ситуацию. Лжецы всегда что-нибудь да приукрасят.

— Меня выбрали не сразу, — продолжала она. — Женщина-начальник у нас все еще большая редкость. Проблема пола для нас так же актуальна, как и в любой другой профессии. Некоторые из моих коллег до сих пор придерживаются патриархальных взглядов в этом вопросе.

Он понимающе кивнул, но ничего не ответил.

— Я не могу отделаться от мысли, — сказала Фролих, — что у меня все всегда должно получаться, как бросок в баскетбольную корзину, когда мяч летит сверху и безукоризненно входит в нее.

— А какого вице-президента вы имеете в виду? Нового или старого?

— Нового, — ответила Фролих. — Это Брук Армстронг. Строго говоря, уже избранный, но не вступивший в должность. Меня назначили возглавлять команду по его охране еще в то время, когда он только выставил свою кандидатуру, и мы очень хотели, чтобы он выиграл. Понимаете, мы получили работу, и для нас это тоже были своего рода выборы. Если он выигрывает, то мы остаемся в строю, если проигрывает — опять переводят в пехоту.

Ричер улыбнулся:

— Так вы за него голосовали?

Она не ответила.

— Что же Джо рассказывал обо мне? — поинтересовался Ричер.

— Он сказал, что вас привлечет такое предложение. Вам понравится бросить подобный вызов. Вы разобьетесь в лепешку, но придумаете, как это сделать. Он говорил, что вы — великий выдумщик, а потому найдете три или четыре способа выполнить это задание, и мы у вас многому научимся.

— Что вы ему ответили?

— Не забывайте, что разговор происходил восемь лет назад. Я тогда была вся из себя или что-то вроде того. Наверное, я заявила, что это невозможно и вы даже близко к цели не подберетесь.

— Как он на это отреагировал?

— Он сказал, что очень многие допускали ту же ошибку.

Ричер пожал плечами:

— Восемь лет назад я был в армии. В тот момент я находился где-нибудь за десять тысяч миль отсюда, и при этом был по уши в дерьме.

Фролих кивнула.

— Джо знал об этом, потому его план выглядел больше теоретическим.

Джек взглянул на женщину.

— Но теперь, очевидно, он перестал быть чисто теоретическим. И вот, спустя восемь лет, вы решились его реализовать. Но мне все еще интересно, почему же это произошло.

— Ну я же говорила, что это мое призвание. И я нахожусь под большим давлением, так что должна справиться безупречно.

Он ничего не стал отвечать ей.

— Может быть, вы подумаете над моим предложением?

— Мне мало известно об Армстронге. Я до выборов практически ничего о нем не слышал.

Фролих понимающе кивнула:

— Вы не один такой. Он стал сюрпризом для всех. Младший сенатор из Северной Дакоты, обычный семейный человек: у него жена и взрослая дочь. Он часто звонит старой больной матери домой, никогда не был

замечен ни в чем противозаконном. Но как политик он парень неплохой. Лучше многих других. Пока он мне нравится.

Ричер кивнул, но не прокомментировал это высказывание.

— Конечно, мы вам заплатим за работу, — продолжала женщина. — Это не проблема. Ну, вы знаете, сколько это стоит, с профессиональной точки зрения. В разумных пределах, конечно.

— Деньги меня не интересуют, — отозвался Ричер. — И работа тоже не нужна.

— Тогда вы можете выступить добровольцем.

— Я был солдатом, но солдаты никогда ничего добровольно не выполняют.

— Джо говорил о вас противоположное. Он был уверен, что вы-то как раз все это и исполните.

— Мне не нравится то, что вы меня нанимаете.

— Ну, если вы хотите все сделать бесплатно, мы тоже возражать не станем.

Он помолчал секунду, затем заговорил снова:

— Наверное, если бы кто-то взялся за это дело по-хорошему, у него бы возникли некоторые расходы.

— Естественно, мы возместим их. Заплатим столько, сколько потребуется. Все честно и официально, как только работа будет выполнена.

Он взглянул на стол.

— Что именно должен будет сделать этот человек?

— Мне нужны вы, а не какой-то абстрактный человек. Выполнить часть работы, которую делают непосредственно до убийства. Изучить все внимательным образом, с перспективы постороннего. Найти шероховатости, слабые места. Доказать мне, что он уязвим, и подтвердить все это временем, датами, местами. Я могла бы вас кое в чем проконсультировать относительно его распорядка дня, например, если это потребуется.

— Вы это предлагаете всем убийцам? Если вы решились на это пойти, то все должно быть по-настоящему. Вы это осознаете?

— Ну хорошо, — согласилась Фролих.

— Вы до сих пор считаете, что к нему невозможно подобраться?

Она тщательно обдумывала свой ответ. Может быть, секунд десять.

— В настоящее время, да, я так считаю. Мы работаем очень напряженно. Мне кажется, что мы сумели прикрыть его со всех сторон.

— Тогда получается, что Джо был неправ?

Она промолчала.

— А почему вы с ним расстались?

Она отвела взгляд в сторону и покачала головой:

— Это чисто личное.

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— Значит, восемь лет назад вам было двадцать семь.

Она улыбнулась:

— А Джо почти тридцать шесть. Совсем старик. Я справляла свой день рождения вместе с ним. И его тридцать седьмую годовщину тоже.

Ричер чуть отодвинулся в сторону, чтобы лучше разглядеть. «У Джо был отличный вкус», — подумал он. Вблизи она тоже смотрелась великолепно. От нее приятно пахло. Идеальная кожа, огромные глаза, длинные ресницы. Прекрасный овал лица, маленький прямой нос. Она выглядит гибкой и сильной. Она привлекательна, в этом не может быть сомнений. Он представил как, наверное, приятно целовать ее или находиться с ней в постели. Он вообразил себе, что Джо думал так же, когда она впервые вошла к нему в кабинет. И со временем получилось так, что он все это узнал. Молодец, Джо.

— По-моему, я забывал посылать ему открытки на день рождения, — признался Джек. — Причем каждый раз.

— Он не обращал на это внимания.

— Мы были с ним не слишком близки. Хотя мне до сих пор непонятно, почему.

— Он вас любил, и не скрывал этого. Вспоминал довольно часто. Мне кажется, он по-своему гордился вами.

Ричер промолчал.

— Так вы поможете мне?

— Каким он был? Я имею в виду, как начальник?

— О, это был настоящий кошмар! Он был суперзвездой. Истинным профессионалом.

— А как бой-френд?

— И в этом он тоже оказался великолепен.

Ричер ничего не ответил. Наступила тишина.

— Чем вы занимались с тех пор, как ушли из армии? — наконец нарушила молчание Фролих. — О вас почти ничего не удалось узнать.

— Таков был мой план. Я решил приберечь себя для себя же.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Нет-нет, не волнуйтесь, я не облучен.

— Я знаю. Это я тоже успела проверить. Но мне интересно, особенно сейчас, когда вы стали для меня реальным человеком, а не просто именем на бумаге.

Он снова уставился на стол, пытаясь представить себя третьей стороной, которую между делом какими-то обрывочными сведениями собственный брат. Это показалось ему даже забавным.

— Так вы поможете мне?

Она расстегнула пальто, так как в баре было достаточно тепло. Под пальто на ней оказалась белоснежная блузка. Она придвинулась поближе к Джеку и чуть повернула к нему голову. Теперь со стороны их можно было принять за любовников, коротающих время за чашечкой кофе.

— Не знаю, — честно признался Джек.

— Это очень опасное задание. Я должна сразу предупредить, что о вас кроме меня никто знать не будет. И если кто-то вас заметит, могут начаться проблемы. Возможно, это не слишком хорошая затея. Может быть, мне вовсе не нужно просить вас.

— Меня никто и нигде не заметит, — убедил ее Ричер.

Женщина улыбнулась.

— Вот именно так вы и должны были ответить, как мне об этом говорил Джо еще восемь лет назад.

Ричер промолчал.

— Это очень важное дело, — напоминал Фролих. — И срочное.

— Вы хотите рассказать мне, почему оно для вас имеет такое значение?

— Я уже объяснила это.

— Тогда скажите, почему все это надо сделать так срочно.

Она промолчала.

— Мне кажется, это уже не относится исключительно к теории.

Она не ответила.

— По-моему, вы столкнулись с какой-то неприятной ситуацией.

И снова Фролих не удостоила его ответом.

— Мне кажется, вы знаете, что за ним уже кто-то охотится. И более того, ему активно угрожают.

Фролих отвернулась:

— Я не могу комментировать все это.

— Я служил в армии, и мне не раз приходилось выслушивать подобные ответы.

— Это просто аудит безопасности, — заметила Фролих. — Вы сделаете это для меня?

— Но у меня будут два условия.

Она внимательно посмотрела на него:

— Какие конкретно?

— Первое: я должен работать там, где холодно.

— Почему?

— Потому что я только что потратил сто восемьдесят девять долларов на теплую одежду.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Куда бы он ни отправился, в середине ноября вам везде будет достаточно прохладно.

— Хорошо, — согласился Ричер. Он порылся в кармане и достал спички, где на обратной стороне крошечной книжечки были напечатаны название и адрес клуба. — Вот в этом конкретном клубе сейчас работает пожилая пара, и они опасаются, что их обманут с гонораром. Они музыканты. С ними должно быть все в порядке, и мне нужны гарантии. Я хочу, чтобы вы обо всем договорились с местной полицией.

— Это ваши друзья?

— Недавние.

— Когда им должны заплатить?

— Вечером в пятницу, по окончании последнего концерта. Возможно, даже в полночь. Они должны спокойно забрать все причитающиеся им деньги, отнести свои вещи в машину и без помех отправиться в Нью-Йорк.

— Я договорюсь с одним из наших агентов, и он будет проверять, как у них идут дела, каждый день. Это лучше, чем полиция, как мне кажется. У нас здесь есть нечто вроде периферийного отделения. В Атлантик-Сити происходит грандиозное отмывание денег. Это все из-за казино. Значит, вы согласны сделать это?

Ричер задумался и мыслями вернулся к брату.

«Он снова преследует меня, — подумал Джек. — Я так и знал, что рано или поздно это произойдет».

Его чашка опустела, но еще сохраняла тепло. Он поднял ее с блюдца и, чуть наклонив к себе, стал наблюдать за медленным перемещением коричневой жижи, напоминавшей речной ил.

— Когда это должно быть исполнено? — поинтересовался он.

* * *

В то же время в ста тридцати милях от мотеля, на одном из складов внутренней гавани Балтимора, некто наконец-то обменял наличные деньги на две единицы оружия и соответствующие боеприпасы. Большое количество денег за отличное оружие и специальные боеприпасы. Подготовка ко второй попытке началась со всестороннего анализа неудачи первой. Будучи реалистами и профессионалами, они не склонны были приписывать провал операции плохому качеству вооружения, но посчитали, что улучшенные боевые качества его не помешают. Поэтому, пересмотрев свои нужды, они определили поставщика. У него было именно то, что им требовалось, и их вполне устраивала цена. Договорились о гарантиях. Это их обычный подход к сделкам такого рода. Они предупредили поставщика, что если возникнут проблемы с товаром, то они вернутся, пустят ему пулю в позвоночник и навеки устроят его в инвалидном кресле.

Приобретение оружия явилось последней предварительной ступенью. Теперь они были готовы к проведению операции.

* * *

Перед избранным, но еще не вступившим в должность вице-президентом Бруком Армстронгом стояло шесть основных задач, которые он должен был выполнить в течение десяти недель между выборами и инаугурацией. Шестой и наименее важной задачей оставалось выполнение обязанностей младшего сенатора от штата Южная Дакота, пока срок его сенаторства официально не истек. В штате проживает почти шестьсот пятьдесят тысяч человек, и любой из них в любое время может потребовать к себе внимания. Однако Армстронг полагал, что избиратели понимают то подвешенное состояние, в котором он остается до тех пор, пока не передаст дела своему преемнику. Да кроме того Конгресс не собирался ничего предпринимать до самого января. Поэтому обязанности сенатора почти не отнимали у него времени.

Пятая задача состояла в том, чтобы облегчить преемнику занять его место. Он уже договорился о проведении двух митингов в штате, заручившись поддержкой зависимых от него СМИ. Это должно было получиться очень зрелищно: плечом к плечу, крепкие рукопожатия и ослепительные улыбки перед камерами. Армстронг символически отступает на шаг назад, а новичок столь же символически делает шаг вперед. Первое мероприятие планировалось провести двадцатого ноября, второе — через четыре дня. Оба были утомительными и скучными действами, но того требовали интересы партии.

Четвертая задача сводилась к тому, что ему предстояло стать членом Совета национальной безопасности и приобрести кое-какие навыки. Поэтому к нему приставили в качестве консультантов и наставников сотрудника ЦРУ, кое-коего из Пентагона и Дипломатической службы, чтобы натаскать в вопросах, прежде недосягаемых для младшего сенатора Северной Дакоты. Все это вбивалось ему в мозги с максимальной быстротой, но оставалось еще много работы.

И разрешение любой проблемы казалось срочным. Третья задача считалась одной из главнейших. Существовали десятки тысяч людей по всей стране, материально помогавших предвыборной кампании. О крупных инвесторах могли позаботиться особо, а вот с простыми людьми, теми, кто жертвовал по тысяче долларов и более, Армстронг должен был каким-то образом поделиться своим успехом. Поэтому партия назначила целую серию приемов в Вашингтоне, где все они встретятся и почувствуют свою важность. Местные комитеты разошлют им приглашения, они приоденутся и хорошо проведут время, варясь в своем котле. И при этом им скажут, что еще не известно, кто с ними встретится: президент или вице-президент. На самом же деле три четверти ответственности за эту тусовку уже было взвалено на Армстронга.

Самое важное начиналось с задачи номер два. Необходимо было погладить по шерстке и успокоить Уолл-Стрит. Там всегда очень тонко реагировали на смену администрации. В общем-то не было никаких причин для беспокойства, просто всегда в этот период нервозность достигала своего апогея, а нестабильность рынка могла отравить новое президентство на весьма значительный период. Поэтому требовались большие усилия, чтобы внести спокойствие в ряды финансовых воротил. Основную партию с ведущими игроками исполнял сам президент, посвящая им свое личное время в Вашингтоне, а Армстронгу предстояло заниматься с основной массой инвесторов второй категории в Нью-Йорке. На это и планировались те самые пять встреч, на которые отпускались все те же десять недель до инаугурации.

Но первой и самой главной задачей Армстронга являлась необходимость руководить командой переходного периода. Новой администрации требовался список из восьми тысяч приверженцев, из которых восемьсот будут утверждены Сенатом, а те, в свою очередь, определят восемьдесят человек, которых всеми правдами и неправдами, подмазывая и облегчая путь, Армстронг, используя свои сенатские связи, будет продвигать вперед в процессе формирования правительства. Весь этот механизм управлялся с Джи-стрит, хотя Армстронг считал, что вполне мог бы с этим справиться, не покидая своего старого сенатского офиса. Все это, вместе взятое, было отнюдь не развлечением, а тяжелейшей и напряженной работой, но в этом-то и состоит разница между первым лицом и вторым.

Итак, третья неделя после выборов проходила следующим образом: вторник, среду и четверг Армстронг проводит в Вашингтоне, работая с командой переходного периода. Его жена наслаждается заслуженным отдыхом в Северной Дакоте, поэтому временно он проживает в своем доме с террасой в Джорджтауне один. Фролих выделила для его охраны своих лучших агентов, и все держали ухо востро.

Четверо агентов постоянно находились в доме Армстронга, а четверо столичных полицейских на машинах дежурили попарно в переулках перед домом и за ним. Лимузин Секретной службы забирал вице-президента каждое утро и отвозил в сенатский офис. Следом шел второй лимузин, набитый охраной. За машинами следили с обеих сторон улицы с тротуара. Трое агентов оставались с Армстронгом в течение всего дня. Это была его личная охрана: трое высоких мужчин в темных костюмах, белых рубашках, неброских галстуках и темных очках даже в ноябре. Они постоянно держали его в плотном треугольнике безопасности, неулыбчивые, с ищущими цепкими взглядами, и к такому окружению, конечно же, надо было привыкнуть. Иногда до вице-президента доносились слабые звуки команд из их радионаушников. На запястьях охранники носили микрофоны, а под

пиджаками — автоматическое оружие. Армстронг считал это весьма впечатляющим, но был уверен, что внутри своего офиса он находится в безопасности. Снаружи дежурили местные детективы, внутри — собственная охрана Капитолия, все двери, выходящие на улицу, были снабжены металлодетекторами, а все те, с кем он общался, были либо выбранными членами Сената, либо их сотрудниками, проверенными и перепроверенными сотню раз.

Но Фролих не разделяла оптимизма Армстронга. Со дня на день она ожидала появления Ричера на Холме или возле него, но тщетно. Его тут не было. Да и никого другого, о ком можно было бы беспокоиться. Казалось, это должно было ее расслабить, но нет.

Первая встреча для тех, кто пожертвовал свои деньги на предвыборную кампанию, была назначена на вечер четверга в танцевальном зале одной из лучших гостиниц. Здание проверили с собаками сверху донизу еще днем, а расставленные на ключевых позициях городские полицейские должны были дежурить там еще несколько часов после окончания мероприятия. Фролих расположила двух своих агентов у входа, шестерых в вестибюле гостиницы, и еще восемь человек отправились в танцевальный зал. Еще четверо перекрывали пандус, по которому должен был войти в здание сам Армстронг. Надежные видеокамеры перекрывали вестибюль и зал, каждая вела запись на свой магнитофон, и все они подчинялись единому генератору, ведущему отсчет реального времени.

Список гостей включал в себя тысячу человек. Холодная ноябрьская погода не предусматривала скопления людей на тротуарах возле входа, а само мероприятие подразумевало ненавязчивую опеку со стороны охраны, поэтому, следуя правилам зимнего протокола, гости сразу же проходили в вестибюль через временный металлодетектор, встроенный в раму дверей, и постепенно передвигались в сторону танцевального зала. У входа в зал проверялись их приглашения и фотографии на удостоверениях личности сравнивались с оригиналом. После этой процедуры приглашения укладывались лицевой стороной вниз на стеклянный столик, где видеокамера фиксировала все данные и записывала на магнитофон, а затем приглашения отдавались обратно на память. Таким образом, имена и лица связывались воедино для визуального контроля. Наконец, пройдя второй металлодетектор, гости оказывались в зале. В команду Фролих входили серьезные, но доброжелательно настроенные люди, а потому создавалось впечатление, что они поставлены охранять гостей от вероятной опасности, а не Армстронга от них самих.

Фролих проводила время за мониторами видеокамер, следя за тем, чтобы между личностью и предъявляемым ею документом не возникло несоответствия. Таковых не обнаружилось, но она все равно

волновалась. Ричер до сих пор не появлялся, и теперь она не знала, следует ли ей радоваться по этому поводу или огорчаться. Так он делает что-нибудь или нет? Она даже подумала о том, чтобы обмануть его и раздать своим агентам подробное описание его внешности, но потом решила все же соблюдать правила соглашения. «Проиграю я или выиграю, — рассуждала она, — мне нужно знать правду».

Кортеж Армстронга, состоящий из двух автомобилей, прибыл к гостинице спустя полтора часа. К этому времени гости уже успели выпить по парочке бокалов недорогого белого шипучего вина и съесть столько обязательных в таких случаях канапе, сколько им хотелось. Личная охрана проводила вице-президента через задний коридор до зала и в течение всей встречи находилась не далее десяти футов от него. Армстронг должен был провести здесь два часа, так что выходило около семи секунд времени на каждого гостя. Если бы все приглашенные стояли в одну шеренгу, то семь секунд показались бы вечностью, особенно, если учитывать рукопожатия. Но здесь ситуация была иной. Входящий в большую политику быстро учится этой церемонии, хватая протянутую руку за тыльную часть, а не за ладонь: с одной стороны этакий дружественный жест «я здесь, я с вами», а с другой — сам решает, отпустить или задержать руку избирателя. Правда, на мероприятии данного уровня Армстронг не мог следовать этой тактике. Ему приходилось жать гостю руку как полагается, но при этом делать все очень быстро и не выходить за рамки отпущенных семи секунд. Некоторых устраивала такая краткость, другие же пытались выговориться полностью: можно подумать, Армстронг никогда не слышал таких поздравлений. Кое-кто хватал его сразу за обе руки, а парочка любителей сфотографироваться обнимала за плечи. Кто-то был разочарован отсутствием супруги вице-президента, а кто-то не обратил на это внимания. Отличилась одна дама, вцепившаяся в руку Армстронга и, удерживая его секунд десять, а то и двенадцать, притянула к себе и даже умудрилась прошептать что-то на ухо. Она оказалась удивительно сильной, и он едва не потерял равновесие. Армстронг не расслышал, что она пыталась ему сообщить. Возможно, это был даже номер ее комнаты в гостинице. Впрочем, дама была стройной, миловидной, темноволосой и так душевно улыбалась, что вице-президент ничуть не расстроился. Он лишь благодарно улыбнулся ей и перешел к следующему гостю. Его личная охрана и глазом не моргнула.

Не прикасаясь ни к закуске, ни к выпивке, Армстронг обошел всех приглашенных и удалился через задний выход спустя два часа одиннадцать минут. Личная охрана усадила его в машину и отвезла домой. На тротуарах и перекрестках все было спокойно, и уже через восемь минут его дом заперся на ночь, обеспечивая полную

безопасность. Оставшаяся охрана незаметно рассосалась, и гости вице-президента веселились в зале еще около часа.

* * *

Фролих поехала назад в свой офис и позвонила Стивесанту домой почти в полночь. Он сразу же поднял трубку, и голос его звучал так, словно он находился рядом с телефоном и ждал этого звонка, затаив дыхание.

— Все в порядке, — сообщила женщина.

— Хорошо, — ответил он. — Были какие-нибудь проблемы?

— Насколько мне известно, нет.

— Но видеозаписи тебе все равно стоит пересмотреть повнимательней. Вглядывайся в лица.

— Я как раз собиралась заняться этим в ближайшее время.

— Ты, наверное, уже радуешься завтрашнему дню?

— Я в последнее время уже ничему не радуюсь.

— Твой человек со стороны уже действует?

— Напрасная трата времени. Прошло целых три дня, а я его так нигде и не заметила.

— Ну а я тебе что говорил? В этом не было никакой необходимости.

* * *

Утром в пятницу дел у Армстронга в Вашингтоне не было, поэтому его посетил наставник из ЦРУ и занимался с ним два часа. Потом охрана репетировала прохождение кортежа. Бронированный «кадиллак» вице-президента и два «сабербена» сопровождения в окружении полицейских машин и мотоциклистов. Они подъехали на базу ВВС Эндрюз, чтобы к полудню улететь в Нью-Йорк. В качестве любезности проигравшая на выборах команда позволила Армстронгу воспользоваться бортом № 2. Официально до инаугурации он не имел права летать на нем, и сейчас это был просто комфортабельный частный самолет. После приземления в Ла-Гуардиа их приняли под охрану местное отделение Секретной службы и городская полиция. Возглавляемый эскортом мотоциклистов, кортеж из трех автомобилей нью-йоркского отделения Секретной службы направился в южную часть Уолл-Стрит.

Фролих уже развернула свой штаб в здании фондовой биржи. У местного отделения было налажено сотрудничество с полицией, поэтому она чувствовала себя вполне комфортно и знала, что здание полностью безопасно. Встреча с финансовыми тузами проходила в одном из офисов

биржи и заняла два часа. Фролих была относительно спокойна, пока не пришло время контактов с прессой. Представители корреспондентов команды переходного периода требовали, чтобы фотосъемка происходила у колоннады входа в здание уже после окончания рабочего дня. Фролих не удалось уговорить их ни на что другое, так как тем требовалась наилучшая экспозиция. Она чувствовала себя ужасно, когда вверенный ей вице-президент долго стоял на улице. Ее агенты зафиксировали на видео всех фотокорреспондентов, дважды проверили их документы, тщательнейшим образом обыскали кофры и обшарили карманы профессиональных жилетов. Фролих связалась по рации с лейтенантом полиции, и тот заверил ее, что территория вокруг безопасна на тысячу футов в ширину и пятьсот в высоту. Только после этого она дала разрешение и в течение бесконечных пяти минут собственной агонии наблюдала, как Армстронг в окружении ведущих брокеров и банкиров позирует перед объективами. Корреспонденты сгрудились буквально у ног вице-президента, чтобы получить хорошие поясные снимки, да еще чтобы при этом над головами запечатлелся главный вход с названием «Нью-йоркская фондовая биржа». «Слишком короткая дистанция», — подумала Фролих. Армстронг и финансисты твердо и с оптимизмом всматривались куда-то вдаль. Затем — слава Богу! — все закончилось. Бросив дежурное «Был бы рад пообщаться подольше», Армстронг помахал рукой и в сопровождении банкиров скрылся внутри здания. Фоторепортеры рассеялись, и Фролих снова вздохнула спокойнее. Затем последует рутинная процедура доставки вице-президента к борту № 2, перелет в Северную Дакоту, где состоится первая из встреч с преемником Армстронга на посту младшего сенатора. Следовательно, у Фролих, возможно, будет четырнадцать часов спокойной жизни.

* * *

Когда они подъезжали к аэропорту Ла-Гуардиа, у Фролих зазвонил телефон. Ее решил побеспокоить ее коллега из другого отдела организации, работавший в Министерстве финансов. Он звонил из своего кабинета в Вашингтоне.

— Помнишь тот банковский счет, который мы отслеживаем? — начал он. — Так вот, клиент опять заказал деньги.

Он просит перевести ему двадцать тысяч в отделение «Вестерн Юнион» в Чикаго.

— Наличными?

— Нет, на этот раз ему потребовался банковский чек.

— Чек от «Вестерн Юнион»? На двадцать тысяч долларов? Он кому-то за что-то платит. Либо за товары, либо за услуги, не иначе.

Коллега промолчал. Она разъединила связь и еще пару секунд просто держала телефон в руке. Чикаго? Но Армстронг не собирался ничего делать ни в Чикаго, ни даже близко от него.

* * *

Борт № 2 приземлился в Бисмарке, и Армстронг отправился домой к жене, чтобы провести ночь в своей постели в семейном доме, в краю озер, немного южнее самого города. Это был большой старый дом, где жилые комнаты располагались над гаражным блоком, который тут же заняла Секретная служба, посчитав его чуть ли не своей собственностью. Фролих на время отпустила отряд, обеспечивающий личную охрану миссис Армстронг, чтобы семейная пара могла побыть наедине. Личных агентов она тоже освободила от работы на остаток ночи, зато привлекла четверых других следить за домом, поставив их на дежурство парами — двоих перед домом, еще двоих позади. Полиция штата присутствовала здесь в большом количестве. Они устроились в машинах по окружности в радиусе трехсот ярдов от дома. В качестве окончательной проверки Фролих еще раз сама прошлась по территории, и у нее в кармане телефон зазвонил в тот момент, когда она как раз возвращалась к подъезду дома.

— Фролих? — послышался голос Ричера.

— Как тебе удалось узнать этот номер?

— Я был военным полицейским, а потому умею доставать нужные номера.

— Где ты?

— Не забудь, пожалуйста, о тех музыкантах, хорошо? Ну, о тех, которые в Атлантик-Сити. Сегодня они получают гонорар.

На этом связь закончилась. Она поднялась в комнаты над гаражом и некоторое время просто бездельничала. В Атлантик-Сити она позвонила в час ночи, и ей сообщили, что пожилой паре вовремя заплатили все причитающиеся деньги, а затем проводили до машины и далее до шоссе I-95, где они взяли курс на север. Фролих дала отбой, а потом долго сидела у большого окна, размышляя. Ночь выдала тихая и очень темная. Ей было одиноко и немного зябко. Время от времени где-то начинали лаять собаки, но тут же замолкали. На небе ни луны, ни звезд. Фролих ненавидела такие ночи. Кроме того, ей не нравились семейные дома — в них ситуация всегда была самой сложной с точки зрения охраны объекта. Со временем любому человеку надоедает постоянная сверхзабота о нем, и хотя Армстронгу, как новичку, еще нравилось ощущать себя столь важной особой, Фролих чувствовала, что ему очень скоро тоже захочется почаще оставаться одному и наслаждаться своим досугом, как положено нормальному человеку. И, конечно, то же самое

относилось и к его супруге. Вот потому сейчас внутри дома не оставалось никого из посторонних, и Фролих приходилось рассчитывать только на наружную охрану, расположившуюся по периметру всей огромной территории. Фролих понимала, что этого недостаточно, что она должна сделать что-то еще, но у нее не оставалось выбора. По крайней мере сейчас, когда о степени опасности не знает даже сам Армстронг. А все потому, что Секретная служба никогда не предупреждает об этом своих подопечных.

* * *

Субботнее утро в Северной Дакоте выдалось ясным и холодным. Подготовка к встрече началась сразу после завтрака. Собрание назначено на час дня возле церкви религиозного центра в южной части города. Фролих казалось странным, что такое мероприятие проводится под открытым небом, на что Армстронг возразил, что, мол, ерунда, люди просто оденутся потеплее. Он добавил, что в Северной Дакоте вплоть до Дня Благодарения никто по выходным не сидит дома. Фролих посетило жгучее желание вообще запретить эту встречу, но она понимала, что столкнется с яростным сопротивлением команды переходного периода, а ей не хотелось наживать неприятности с самого начала кампании. Поэтому она промолчала. Затем она решила посоветовать Армстронгу надеть под пальто бронежилет, но тоже передумала. «Бедняжке еще четыре года все это терпеть, а может быть, и все восемь, — подумала она. — А у него еще инаугурация не состоялась. Еще рано». Позднее она пожалела, что слепо не последовала своим инстинктам.

Территория, принадлежащая религиозному центру, занимала площадь размером с футбольное поле, с одной стороны ограниченную самой церковью — традиционным деревянным зданием, обшитым досками. Три другие огораживал забор, с двух сторон отделяющий площадь от соседних домов, а с третьей — от улицы. Имелись также широкие ворота, открывающиеся на небольшую парковочную площадку. Фролих запретила в этот день парковку и выставила возле ворот двоих агентов и полицейского, и еще двенадцать стражей порядка она расставила на газоне по периметру. Соседние улицы контролировались полицейскими машинами, а само здание церкви обыскали с собаками и заперли на замок. Фролих увеличила личную охрану Армстронга до шести человек, так как сегодня его сопровождала супруга. Охрана получила указание как можно плотнее окружать чету, и Армстронг ничего не имел против этого. Сознание того, что он находится в середине команды шестерых хищных крутых парней грело самолюбие вице-президента. Преемнику это тоже должно было понравиться и, может быть, он почувствует себя приобщенным к вашингтонской элите.

Чета Армстронгов взяла себе за правило ничего не есть во время публичных мероприятий. Как легко показаться идиотом, протягивая

жирные пальцы, или пытаться говорить с набитым ртом. Поэтому после раннего обеда дома они в сопровождении охраны приехали на место и сразу приступили к делу. Все выглядело довольно просто и даже расслабляюще. Местные политиканы уже не представляли проблемы для Армстронга, а следовательно, и для его преемника. У того уже подобралось довольно симпатичное большинство, и он буквально купался в лучах славы. Возможно, поэтому день обернулся чудесной прогулкой по живописной местности. Красивая жена, преемник, постоянно увивающийся рядом, никаких каверзных вопросов от прессы, присутствуют все четыре телеканала и Си-Эн-Эн, все местные газеты прислали репортеров, приехали представители «Вашингтон Пост» и «Нью-Йорк Таймс». Все прошло настолько гладко, что Армстронг засомневался, следует ли так тщательно готовить следующую встречу.

Фролих наблюдала за лицами, осматривала периметр, вглядывалась в толпу, пытаясь уловить хотя бы малейшие изменения в поведении, которые могли быть истолкованы как нервозность или паника. Она не увидела ничего, как, впрочем, и Ричера.

Армстронг затянул встречу на целых полчаса: ласковое осеннее солнце золотило поля, погода стояла безветренная, на вечер ничего запланировано не было, разве что ужин в спокойной обстановке с представителями местной администрации. Его супругу препроводили домой, а сам он с личной охраной отправился в Бисмарк. Рядом с рестораном находилась гостиница, где в одном из заказанных номеров проводила свободное до ужина время Фролих. Армстронг часок вздремнул, освежился под душем и оделся. Ужин проходил спокойно. Через некоторое время поступил звонок: бывшие президент и вице-президент приглашают вновь избранных на конференцию по вопросам передачи власти, которая состоится утром следующего дня в здании поддержки ВМС в Термонте. Это являлось традиционным приглашением, поскольку обеим сторонам было что обсудить. И традиционно же подобные мероприятия происходили в последнюю минуту и помпезно, словно бывшая власть хотела еще разок блеснуть. Фролих была счастлива, поскольку неофициальным названием места, куда приглашался Армстронг, было Кемп-Дэвид. И нельзя было найти в мире более защищенного места, чем эта лесная резиденция в горах Мериленда. Фролих считала, что все должны немедленно вернуться на авиабазу Эндрюз, чтобы на вертолетах морской пехоты отбыть на указанную территорию. Если они проведут там всю ночь и весь завтрашний день, она сможет отдыхать целых двадцать четыре часа.

* * *

Однако в воскресенье, ближе к полудню, стюард военно-морских сил отыскал ее за завтраком в общественной столовой и воткнул телефон в специальную розетку, вмонтированную в плинтус, рядом с ее стулом. В

Кемп-Дэвиде никто никогда не использует беспроводные или мобильные телефоны, так как они очень уязвимы для прослушивания при помощи электронного оборудования.

— Вам позвонили в ваш главный офис, мэм, — сообщил стюард.

В трубке сначала помолчали, затем она услышала голос.

— Нам надо встретиться, — начал Ричер.

— Зачем?

— Я не могу ничего тебе сказать по телефону.

— Где ты был все это время?

— Тут и там.

— А где находишься сейчас?

— В номере гостиницы, где у вас был прием в четверг.

— У тебя есть что-то срочное для меня?

— Мое заключение.

— Уже? Но прошло только пять дней. Ты говорил, что тебе нужно десять.

— Пяти вполне хватило.

Фролих прикрыла трубку рукой:

— И каково же твое заключение?

Тут она осознала, что затаила дыхание в ожидании его ответа.

— Невозможно.

Она шумно выдохнула и улыбнулась.

— Я же тебе говорила!

— Нет, невозможно выполнять твою работу. Ты должна срочно приехать сюда ко мне. Сейчас же.

Глава 3

Она вернулась в Вашингтон на своем «шевроле-сабербен» и всю дорогу вела споры сама с собой. Если новости действительно настолько плохи, то когда мне стоит ввести в курс дела Стивесанта? Сейчас или все же чуть позже? Наконец она притормозила на Дюпон-серкл и, набрав его домашний телефон, задала мучивший ее вопрос.

— Я вмешаюсь в это дело только в случае крайней необходимости, — ответил босс. — Кого же ты все-таки выбрала?

— Брата Джо Ричера.

— Нашего Джо Ричера? Я и не знал, что у него был брат.

— Был.

— Ну и что он из себя представляет?

— Похож на Джо, может быть, даже еще круче.

— Старше или младше?

— И то и другое, — ответила Фролих. — Он всегда был младшим братом, но вот сейчас стал старше.

Стивесант помолчал пару секунд.

— Он так же умен, как и Джо? — поинтересовался Стивесант.

— Это я еще не выяснила.

Босс снова замолчал.

— Позвони мне, когда я тебе понадоблюсь, — заговорил он. — Но пусть лучше это будет раньше, чем позже. Хорошо? И больше никому ни о чем не рассказывай.

На этом разговор закончился. Фролих снова влилась в воскресный транспортный поток, проехала последнюю милю и припарковала машину возле гостиницы. Администратор уже поджидал ее и сразу же направил в номер 1201 на двенадцатом этаже. В дверях она встретилась с официантом, который нес в этот же номер поднос с кофейником и двумя перевернутыми чашками на блюдцах. Ни молока, ни сахара, ни ложечек, только одна-единственная бледно-розовая роза в изящной фарфоровой вазе. Номер представлял собой стандартную комнату городского отеля. Две широкие кровати, занавески в цветочек на окнах, литографии со спокойными пейзажами на стенах, стол, пара стульев, тумбочка с современным телефоном, телевизор на буфетной стойке с ящиками и дверь, ведущая в соседнюю комнату. Ричер сидел на ближней к выходу кровати. Он был одет в черную нейлоновую куртку, черную футболку, черные джинсы и обут в такого же цвета ботинки. У него был воткнут в ухо наушник, а на воротничке куртки красовался очень похожий на настоящий значок Секретной службы. На этот раз Джек оказался чисто выбритым, коротко подстриженным и аккуратно причесанным.

— Что у тебя имеется для меня? — сразу приступила к делу женщина.

— Чуть позже.

Официант поставил поднос на стол и бесшумно удалился из номера. Фролих выждала, пока за ним закроется, тихо щелкнув собачкой, дверь, и снова повернулась к Ричеру. Прошло несколько секунд.

— А ты выглядишь совсем как один из наших, — призналась она.

— Ты должна мне кучу денег.

— Двадцать тысяч?

Он улыбнулся:

— Большую их часть. Тебе уже и об этом успели сообщить?

Она кивнула:

— Но почему ты взял банковский чек? Это меня озадачило.

— Скоро ты все поймешь.

Он поднялся и прошел к столу. Перевернул чашки, взял кофейник и налил кофе.

— Ты прекрасно подгадал с официантом, — заметила Фролих.

Он снова улыбнулся:

— Я же знал, где ты находишься, так же как и то, что приедешь сюда на машине. А в воскресенье транспорта почти нет. Вот поэтому определить расчетное время прибытия не составило труда.

— Так что же ты можешь сообщить мне?

— Что ты работаешь очень хорошо. Действительно хорошо. Полагаю, что никто другой не смог бы сделать всего того, что сумела ты.

Она притихла:

— И все же?

— И все же твоя работа недостаточно хороша. Тебе придется признать, что тот, кто задумал что-то, мог бы запросто все сделать.

— А я и не говорила о том, что кто-то уже что-то задумал.

Он промолчал.

— Мне просто нужна информация, Ричер.

— Три с половиной, — загадочно ответил Джек.

— Чего три с половиной? Из десяти возможных?

— Нет. Армстронг уже труп, причем три с половиной раза.

Она внимательно посмотрела на собеседника:

— Уже?!

— Ну, во всяком случае, я посчитал именно так.

— А почему «с половиной»?

— Три раза точно, а один — с большой вероятностью.

Фролих остановилась на половине пути, так и не дойдя до стола. Это сообщение потрясло ее.

— Всего за пять дней? — удивилась она. — Но как же так? Чего мы все-таки не учли?

— Выпей кофе, — предложил Джек.

Она приблизилась к столу, но движения у нее были теперь, как у робота. Он передал ей чашку, она взяла ее в руки и отошла к кровати. Чашка предательски застучала о блюдце.

— Есть два основных подхода, — начал Ричер. — Как в кино. Джон Малкович или Эдвард Фокс. Ты видела эти фильмы?

Она машинально кивнула.

— У нас даже есть специальный сотрудник, который отслеживает такие ленты. В Управлении по исследованию проблем охраны и безопасности. Он проводит анализ фильмов. Джон Малкович снимался в кинофильме «На линии огня» вместе с Клинтом Иствудом.

— И Рене Руссо, — добавил Ричер. — Она была там очень хороша.

— А Эдвард Фокс — в старом фильме, который назывался «День шакала».

Ричер кивнул.

— Джон Малкович пытался убить президента Соединенных Штатов, а Эдвард Фокс охотился за президентом Франции. Два компетентных убийцы, каждый работал в одиночку. Но между ними существует фундаментальное различие. Джон Малкович с самого начала знал, что он не выживет, если ему удастся выполнить свою миссию. Он должен был умереть в следующую же секунду за президентом. А вот Эдвард Фокс собирался уйти живым.

— Однако у него из этого ничего не получилось.

— Это же только кино, Фролих. Оно должно было закончиться именно так. Но он легко мог бы и остаться в живых, между прочим.

— Итак?

— Значит, нам следует иметь в виду две стратегии. Миссия, включающая в себя и самоубийство при работе на близком расстоянии, и более спокойную работу, когда убийца действует издалека.

— Все это нам хорошо известно. Я же сказала, что у нас есть сотрудник, который занимается такими фильмами. У нас имеются их копии, меморандумы, заключения с анализом ситуаций и изложением позиций участников акции и так далее. Иногда нам даже приходится встречаться со сценаристами, если появляется что-то новое. Нам важно узнавать, откуда они берут подобные сюжеты и где черпают вдохновение.

— И вам удалось выяснить у них что-нибудь полезное?

Она неопределенно пожала плечами и отпила глоток кофе, а Ричер увидел, что она стала мысленно перебирать в памяти различные фильмы, словно их копии вместе с остальными документами было сложены в одно специальное отделение в ее мозгу.

— Мне помнится, «День шакала» оказал на нас должное впечатление, — наконец заговорила она. — Эдвард Фокс играл профессионального стрелка, который встроил винтовку в костыль, а сам изобразил из себя ветерана-инвалида. Таким образом ему удалось пробраться в ближайшее строение от того места, где через несколько часов должен был публично выступать президент. Стрелок планировал попасть президенту в голову из окна на одном из верхних этажей здания. При этом он использовал глушитель, так чтобы потом можно было скрыться. Теоретически, у него все могло получиться именно так, как он задумал. Но это все было очень давно. Я тогда даже еще не родилась. По-моему, это происходило в ранних шестидесятых. Сюжет был навеян историей с президентом де Голлем, сразу после алжирского кризиса, верно? Но теперь мы обеспечиваем безопасность на куда более обширных расстояниях. Наверное, и фильм на это как-то повлиял. Ну и, конечно, наши собственные проблемы, которых было немало в шестидесятые годы.

— А что ты скажешь о втором фильме, «На линии огня»? — поинтересовался Ричер.

— Там Джон Малкович сыграл предателя, сотрудника ЦРУ, — начала Фролих. — У себя в подвале он сконструировал пластмассовый пистолет, который смог незаметно проносить через любые детекторы металла. Затем обманным путем он проник на митинг во время предвыборной кампании. Он намеревался стрелять в президента с близкого

расстояния. После чего, как ты говоришь, мы бы сразу же уничтожили его.

— Но старина Клинт успел нырнуть под эту пулю, — добавил Ричер. — Неплохой фильм, как мне показалось.

— Но то, что в нем отражено, невозможно в жизни, — ответила Фролих. — В этом фильме есть два главных недостатка. Во-первых, идея о том, что можно сделать пистолет из подсобных материалов на дому, сама по себе абсурдна. Мы постоянно сталкиваемся с чем-то подобным, а потому внимательно изучаем этот вопрос. Пистолет разорвался бы у него в руке и оторвал бы кисть при выстреле, а пуля просто выпала бы из этих обломков на пол. И второе: если ты помнишь, по ходу фильма он успел потратить сто тысяч долларов на свою затею. Ему приходилось много путешествовать, потом все эти фальшивые офисы, почтовые отправления... Плюс ко всему, ему пришлось «пожертвовать» партии президента пятьдесят тысяч, и все для того, чтобы попасть на митинг. Мы проанализировали фильм и оценили этого героя как маниакальную личность, а у таких людей вряд ли найдутся крупные суммы, которые они станут так безрассудно расходовать. Поэтому к этому фильму тоже не стоит относиться серьезно.

— Но это же только кино, — напомнил Ричер. — Хотя оно тоже кое-что проиллюстрировало.

— Что же именно?

— Саму идею о том, что можно проникнуть на такой митинг и напасть на объект с близкого расстояния, в отличие от старомодного убеждения, будто покушаться на политиков можно только издалека.

Фролих задумалась. Затем она улыбнулась, поначалу довольно робко, как будто над ней пронеслась смертельная опасность, но вот теперь она исчезла.

— Так это все, что ты хотел мне рассказать? Свои мысли? Ты меня очень взволновал своим звонком. Я сильно встревожилась.

— Примерно так же, как на встрече в четверг вечером? — поинтересовался Ричер. — Там присутствовала тысяча гостей. О времени и месте встречи было объявлено заранее. Я бы сказал даже, что ее неплохо разрекламировали.

— Ты, наверное, нашел сайт команды переходного периода?

Ричер кивнул:

— Он мне здорово помог. Там масса интереснейшей информации.

— Мы ее тщательно проверяем.

— И все же именно оттуда я узнал обо всех тех местах, где собирается побывать Армстронг в ближайшее время. И когда именно он там появится. И зачем он там появится, и что будет делать. Ну, как с этой встречей в четверг вечером. Той самой, где присутствовала тысяча гостей.

— И что же насчет этих гостей?

— Одной такой гостьей оказалась темноволосая женщина, которая задержала руку Армстронга дольше, чем полагалось, и он чуть не потерял равновесие.

Фролих впилась взглядом в Джека.

— Ты тоже там был?

Но он отрицательно покачал головой.

— Нет, но я слышал об этом эпизоде.

— От кого? Каким образом?

Джек проигнорировал эти вопросы.

— Ты сама это видела?

— Только в записи, — призналась Фролих. — Уже потом.

— А ведь эта женщина могла убить Армстронга. Вот тебе и первая возможность. До этого момента у вас все получалось действительно очень хорошо. Пока он находился в Вашингтоне, на Холме, я мог поставить вашей команде оценку «отлично», даже с плюсом.

Она снова улыбнулась, хотя немного неуверенно.

— Что значит «мог»? Я просто трачу на тебя свое время, Ричер. Мне нужно нечто большее, чем твое «мог». Я хочу сказать, что такие предположения можно продолжать до бесконечности. Например, в здание могла бы попасть молния. Или даже целый метеорит. Или Вселенная перестала бы расширяться, а время пошло бы вспять. Эта женщина была приглашенной гостьей. Она финансировала партию. Она прошла через два определителя металла, и у входа ее личность была идентифицирована.

— Напоминает историю с Джоном Малковичем.

— Мы это уже проходили.

— А теперь представь, что она — специалист по боевым искусствам. Возможно, она военнослужащая и неплохо натренирована в тайных

операциях. Так вот, она могла бы сломать Армстронгу шею с такой же легкостью, с какой ты ломаешь карандаш.

— Представь, представь...

— Представь себе, что она все же была вооружена.

— Но этого же не было. Она прошла через два детектора.

Ричер сунул руку в карман куртки и вынул оттуда изящный коричневый предмет.

— Когда-нибудь видела что-либо подобное? — поинтересовался он.

Предмет по внешнему виду напоминал перочинный нож с изогнутой рукояткой и имел в длину три с половиной дюйма. Ричер нажал на кнопку, и из предмета вылетело вперед коричневое крапчатое лезвие.

— Эта вещичка выполнена из керамики, — пояснил Джек. — В принципе, из того же материала, что и плитка в ванной комнате. Тверже может быть только алмаз. Разумеется, этот состав тверже стали и острее ее. И совсем не беспокоит ваши металлоискатели. У той женщины мог быть при себе точно такой же. Она могла бы распороть ему живот одним движением руки. Или попросту перерезать горло. Или воткнуть лезвие в глаз.

Он передал нож Фролих, и она принялась внимательно изучать оружие.

— Изготовлено компанией «Бёкер», — продолжал Ричер. — В немецком городе Золингене. Такие ножи дорого стоят, но, в принципе, достать их можно.

Фролих пожала плечами:

— Ну хорошо, ты купил нож. Но это же еще ничего не доказывает.

— Этот нож был в танцевальном зале вечером в четверг. Он был зажат в левой руке у той женщины, в кармане, с открытым лезвием, пока она трясла руку Армстронгу и притягивала его к себе. Его живот находился на расстоянии трех дюймов от нее.

Фролих удивленно посмотрела на Ричера:

— Ты что же это, серьезно? Кто она такая?

— Она поддерживает партию, а зовут ее Элизабет Райт из городка Элизабет, штат Нью-Джерси. Так уж получилось. Она пожертвовала на кампанию четыре тысячи долларов, причем штуку дала от своего имени, штуку — от имени мужа, и по штуке от имени своих детей. Целый месяц она занималась обработкой почты для партии, у себя во дворе вывесила

большой предвыборный плакат, а в день выборов дежурила на многоканальной горячей телефонной линии.

— Но почему она принесла с собой нож?

— Ну, на самом деле она ничего не приносила.

Он встал и подошел к двери, ведущей в смежную комнату, чуть приоткрыл ее и постучал по внутренней стороне.

— Нигли! — позвал он кого-то.

Дверь распахнулась, и из соседней комнаты вышла женщина. На вид ей было около сорока лет, среднего роста, стройная, одетая в синие джинсы и серый спортивный свитер. Темноволосая и темноглазая. Она широко и добродушно улыбалась, а по ее походке и запястьям становилось видно, что она серьезно относится к физкультуре и, вероятно, много времени проводит в спортивных залах.

— Так вы и есть та самая женщина на видео! — удивилась Фролих.

Ричер улыбнулся:

— Фрэнсис Нигли, познакомьтесь с Эм-И Фролих. Эм-И Фролих, познакомьтесь с Фрэнсис Нигли.

— Эмми? — удивилась Нигли. — Как на телевидении?

— Это инициалы, — пояснил Ричер.

Фролих непонимающе смотрела на Джека.

— Кто она такая?

— Самый лучший мастер-сержант, с которым мне только приходилось когда-либо работать. Суперспециалист по всем видам ближнего боя, каким ты только можешь себе его представить. Я иногда сам ее побаиваюсь. Она ушла из армии примерно в то же время, что и я. Теперь работает консультантом по вопросам безопасности в Чикаго.

— В Чикаго, — эхом отозвалась Фролих. — Вот почему чек отправился именно туда.

Ричер кивнул:

— Ей пришлось полностью финансировать эту кампанию, поскольку у меня нет ни чековой книжки, ни кредитки, как тебе это уже известно.

— А что же случилось с настоящей Элизабет Райт из Нью-Джерси?

— Сначала я купил себе вот эту одежду, — начал Ричер. — Вернее, мне ее выдали вы. Плюс обувь и темные очки. Такой я себе представляю

рабочую форму сотрудника Секретной службы. Я сходил к парикмахеру и сделал себе короткую стрижку. Брился каждый день, чтобы выглядеть убедительней. Затем мне потребовалась женщина из Нью-Джерси, которая бы прибыла сюда одна. Я встретил пару рейсов из Ньюарка в четверг утром. Внимательно проследил за пассажирами и прицепился к миссис Райт. Я объяснил ей, что являюсь сотрудником Секретной службы, но сейчас у нас появились некоторые затруднения и путница относительно мер безопасности, а потому предложил ей пройти со мной.

— Но откуда ты знал, что она собирается на встречу?

— Я этого не знал. Я просто следил за женщинами, выходившими с уже полученным багажом, и прикидывал, кто они такие и чем могут заниматься. Но это оказалось сложной задачей. Кстати, Элизабет была шестой женщиной, к которой я подошел.

— И она тебе поверила?

— У меня было весьма впечатляющее удостоверение. Кроме того, я купил этот радионаушник в магазине уцененных товаров за два доллара. Вот тут даже и шнур от него идет, плавно переходит мне на затылок, шею и исчезает под воротником, видишь? Я арендовал черный лимузин. Я выглядел так, будто действительно работаю у вас, поверь мне. Ну, во всяком случае, она-то поверила. И была очень взволнована тем, что у службы безопасности возникли какие-то неприятности. Я привез ее в эту комнату и охранял в течение всего вечера, пока Нигли выполняла главную роль. Я постоянно «слушал» чьи-то распоряжения в наушник и деловито говорил в собственные часы.

Фролих переключила внимание на Нигли.

— Нью-Джерси мы выбрали не случайно, — подхватила та. — Их водительские права легче всего подделать. Вы знали об этом? У меня с собой был ноутбук и цветной принтер. С их помощью мне удалось изготовить Ричеру его удостоверение сотрудника Секретной службы. Правда, мы и понятия не имеем, как должно выглядеть настоящее, но у нас тоже получился внушительный документ. Поэтому я сделала себе водительские права штата Нью-Джерси со своей фотографией, но оставила ее имя, фамилию и адрес. Затем я ламинировала его при помощи аппарата, который мы приобрели за шестьдесят долларов, обработала края наждачной бумагой, придала документу немного изношенный вид и положила себе в сумочку. Потом выбрала подходящий костюм, забрала у миссис Райт ее настоящее приглашение и спустилась вниз. Я беспрепятственно прошла на встречу. Между прочим, с ножом в кармане.

— И что же?

— Сначала я, как и все, слонялась по залу. А когда дошло до дела, то захватила вашего Армстронга и некоторое время удерживала его перед собой.

Фролих внимательно смотрела на женщину:

— И как бы вы все это сделали?

— Я схватила его правую руку своей правой. Потом подтянула его к себе, он слегка развернулся вокруг собственной оси, и мне открылась правая сторона его шеи. Имея при себе лезвие длиной в три с половиной дюйма, я могла бы воткнуть ему нож в сонную артерию и пару раз повернуть лезвие. Он бы скончался от внутреннего кровотечения за тридцать секунд. Между нами было расстояние меньше вытянутой руки. Ваши парни в этот момент находились в десяти футах от него. Конечно, после этого они бы обязательно всадили в меня пулю, но не смогли бы предотвратить того, что я обязательно бы сделала.

Фролих побледнела. Она молчала, и Нигли отвернулась.

— Без ножа справиться с ним было бы сложнее, — продолжала она. — Но тоже возможно. Сломать ему шею было бы проблематично, поскольку она довольно мускулистая.

Мне бы пришлось для этого сделать два шага, чтобы его вес переместился, и если ваши парни оказались бы достаточно проворными, они могли бы остановить меня на половине пути. Поэтому, как мне кажется, я бы нанесла ему удар по гортани, так, чтобы сломать ее. Удар левым локтем оказался бы в саму пору. Возможно, я умерла бы даже раньше, чем он, но он бы обязательно задохнулся здесь же, на полу танцевального зала, если, конечно, никто из ваших парней не умеет делать срочную трахеотомию за одну минуту, чему вы, как мне кажется, не обучены.

— Нет, не обучены, — подтвердила Фролих.

И снова надолго замолчала.

— Простите, что мы испортили вам настроение на весь день, — извинилась Нигли. — Но, послушайте, ведь вы сами хотели все узнать до конца, верно? Нет смысла делать аудит безопасности и при этом не рассказывать вам во всех подробностях, как он проводился.

Фролих понимающе кивнула:

— Да-да. А что вы ему шепнули?

— Я сказала, что у меня есть нож. Ну, чтобы он знал, наверное. Но только очень тихо. Если бы кто-то потом начал со мной разбираться, я упорно бы твердила, будто сказала, какой он хороший муж. Ну, как

будто я без ума от него и стала наседать, как фанатичка. Такие сумасшедшие поклонницы ведь иногда встречаются у вас?

Фролих снова кивнула:

— Бывает. Время от времени. Что еще?

— Ну, у себя в доме он в полной безопасности, — добавила Нигли.

— Вы и это проверили?

— Каждый день, — подтвердил Ричер. — Мы находились в Джорджтауне с вечера вторника.

— Но я тебя не видела.

— Так и предполагалось.

— Откуда ты узнал, где он живет?

— А мы проследили за лимузинами.

Фролих промолчала.

— Хорошие лимузины, — кивнул Ричер. — И блестящая тактика.

— Особенно удачно все складывалось в пятницу утром, — сказала Нигли.

— Зато вся остальная часть той же пятницы оказалась просто отвратительной, — добавил Ричер. — Недостаток координации действий повлек за собой большую ошибку в области передачи информации.

— Где же?

— Ваши вашингтонские коллеги просмотрели видеозаписи встречи в танцевальном зале, но вполне очевидно и то, что ваши люди в Нью-Йорке их никогда не видели, потому что Нигли, побывавшая на встрече в четверг, появилась и в Нью-Йорке. Она присутствовала и там, выполняя роль фотографа у здания фондовой биржи.

— Я напала на сайт какой-то газеты из Северной Дакоты, — пояснила Нигли. — Как это у них принято, там они помещают красочный заголовок своей газеты. Я загрузила его в компьютер, и очень быстро состряпала себе пропуск представителя прессы. Затем ламинирование, медная заклепка с дырочкой, нейлоновый шнур — и у меня на шее документ, позволяющий очень многое. Затем я прошлась по магазинам «сэконд-хэнд» Манхэттена и подыскала себе поношенный профессиональный фотоаппарат, который потом постоянно держала у лица, чтобы Армстронг случайно не узнал меня.

— Тебе надо было составить какой-то список лиц, корреспондентов, который потом можно было бы проверить, — посоветовал Ричер.

— Мы не можем себе этого позволить, — вздохнула Фролих. — Это касается Конституции. Первая поправка гарантирует журналистам свободный доступ во все открытые места в любое время, когда им заблагорассудится. Но мы их всех тщательно обыскали.

— У меня с собой ничего не было, — призналась Нигли. — Я просто пробивала брешь в вашей системе безопасности. Но я могла бы что-то и пронести, я в этом уверена. Там обыскивали так условно, что можно было приходить хоть с базукой.

Ричер встал и подошел к буфетной стойке. Он открыл один ящик и вынул оттуда несколько цветных фотографий. Самых обычных, которые печатают на каждом углу в течение часа, формата шесть дюймов на четыре. Он взял первый снимок, сделанный под малым углом, на котором красовался Армстронг у входа фондовой биржи, а ее название над дверями сверкало над его головой.

— Это снимала Нигли, — пояснил Ричер. — Неплохой кадр, как мне кажется. Может быть, стоит отправить его в какой-нибудь журнал, чтобы возместить часть расходов с тех самых двадцати тысяч.

Он отошел назад к кровати, устроился на ней поудобней и передал фотографию Фролих. Она взяла ее и принялась внимательно изучать с самым серьезным видом.

— Дело в том, что я была в этот момент на расстоянии четырех футов от него, — заметила Нигли. — Я могла бы подойти ближе, если бы захотела, и сделать с ним все, что угодно. Снова на положении Джона Малковича, ну и что с того?

Фролих машинально кивнула. Ричер в это время уже рассматривал следующее фото, словно перед ним были игральные карты, которые он сдавал по одной. Это был слегка зернистый снимок, сделанный при помощи телеобъектива и, очевидно, с большого расстояния. При этом фотограф находился где-то наверху, так, что улица оказалась внизу, под ним. На фотографии запечатлен все тот же Армстронг на ступенях фондовой биржи, крошечная фигура в середине прямоугольника. Вокруг его головы шариковой ручкой грубо пририсована сетка оптического прицела.

— Это как раз и есть та «половина», — пояснил Ричер. — Дело в том, что я находился на шестидесятом этаже офисного здания за триста ярдов от биржи. Внутри периметра, охраняемого полицией, но выше того уровня, которые подверглись ее проверке.

— С винтовкой?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, с деревяшкой такого же размера и формы, как винтовка. И, как видишь, с фотоаппаратом. И отличным объективом. Но я действовал так, как если бы покушение происходило на самом деле. Мне надо было убедиться в том, что все это возможно. Я догадывался, что никому не понравится увидеть у меня в руках чехол с длинным узким предметом, поэтому раздобыл громоздкую коробку из-под компьютерного монитора и положил туда свою деревяшку, устроив ее внутри коробки по диагонали — от верхнего угла до нижнего. Затем я вкатил ее в лифт на ручной тележке, делая вид, что везти ее довольно проблематично из-за тяжести. Мне повстречалось несколько полицейских. Я был в этой же одежде, но без значка Секретной службы и без своего фальшивого наушника. Наверное, меня принимали за водителя, который доставляет аппаратуру по офисам, или кого-то в этом роде. В пятницу после окончания рабочего дня в районе достаточно пустынно, и я без труда отыскал подходящее окно в пустом конференц-зале. Оно не открывалось, и мне пришлось бы вырезать кружочек в стекле. Но я мог бы и выстрелить. И в тот раз я был на месте Эдварда Фокса, поскольку спокойно скрылся бы после того, как выполнил бы свою миссию.

Фролих нехотя согласилась с ним.

— Но почему ты оценил эту возможность, как половину? — удивилась она. — Похоже, что мишень была у тебя на виду.

— Это было бы возможно в другом месте, но только не на Манхэттене, — поправил ее Ричер. — Я находился на расстоянии в девятьсот футов от него по горизонтали и в шестьсот футов по вертикали. Следовательно, выстрел производился бы с расстояния в тысячу сто футов, как ни крути. В других условиях это не составило бы для меня проблемы, но там из-за башен создаются собственные восходящие потоки воздуха, имеющие свою температуру, и в итоге выстрел превращается в лотерейный билет. Дело в том, что эти потоки каждую секунду меняют свое направление. Они закручиваются и перемещаются вверх и вниз, из стороны в сторону. Вот поэтому я не мог бы гарантировать стопроцентного попадания. А это, кстати, хорошие новости для тебя. Ни один компетентный стрелок не станет даже пытаться совершать выстрел с дальнего расстояния на Манхэттене. Только идиот бы согласился на это, а идиот, конечно, промахнулся бы в любом случае.

Фролих снова кивнула. Было видно, что ей стало немного легче.

— Да, конечно, — согласилась она.

«Значит, по поводу идиотов она не беспокоится, — пронеслось в голове Ричера. — Сразу видно профессионала».

— Поэтому, — подытожил Джек, — если хочешь, можешь считать всего три, про половину можно и забыть. Впрочем, о поездке в Нью-Йорк не

беспокойся, возможности для нас там были самые незначительные, их и в расчет принимать не стоит.

— Но вот в Бисмарке их представилось больше, чем надо, — заметила Нигли. — Мы добрались туда около полуночи. Прилетели коммерческим рейсом через Чикаго.

— Когда я звонил тебе насчет своих друзей-музыкантов, я находился всего на расстоянии одной мили от тебя.

Он передал Фролих две следующих фотографии.

— Инфракрасная пленка, — пояснил он. — Все снималось практически в полной темноте.

На первом снимке Фролих увидела заднюю стену дома Армстронгов. Цвета оказались размытыми и искаженными из-за инфракрасного излучения, однако фотограф, по всей вероятности, находился достаточно близко к дому. Можно разглядеть все его детали: окна, двери и прочее. Фролих обратила внимание на одного из своих агентов, стоявших во дворе.

— Где же ты находился? — поинтересовалась она.

— На участке соседей, — признался Ричер. — Футах в пятидесяти, не больше. Обычный ночной маневр, проникновение в темноте. Заурядная техника, применяемая в пехоте, все делается тихо, как бы крадучись. Пару раз залаяли собаки где-то неподалеку, но мы их обошли. Полицейские в машинах нас не заметили.

Нигли указала на второй снимок, на котором оказалась запечатлена передняя стена дома. Те же краски, то же расстояние.

— Я находилась через улицу от особняка, спереди, — рассказала она. — Пряталась за чьим-то гаражом.

Ричер подался вперед, не вставая с кровати:

— По плану у нас должны были быть при себе винтовки М-16 с подствольными гранатометами. Плюс еще какое-нибудь длинноствольное оружие, а возможно, и пулемет М-60 на треноге. Времени развернуться у нас было предостаточно. При помощи винтовок М-16 мы бы запустили фосфорные гранаты в дом, одновременно спереди и сзади, по первому этажу, и тогда либо Армстронг сгорел бы в собственной кровати, либо мы пристрелили бы его, когда он выпрыгивал из окна или спасался бегством. Планировалось сделать это в четыре часа утра. Это вызвало бы наибольшее смятение. Поверь, шок был бы невероятным. В этой неразберихе мы бы спокойно отстреливали и твоих агентов. Да можно было бы весь дом в щепки разнести. Мы

могли бы и сами с такой же вероятностью проникнуть в дом, и тогда задача свелась бы к простой облаве. Это вызвало бы некоторые затруднения, но если бы к этому прибавилось немного удачи, то, думаю, и такой план легко бы сработал. В общем, снова ситуация Эдварда Фокса.

В комнате повисла тишина.

— Я не могу во все это поверить, — выдавила наконец Фролих. Она продолжала пристально вглядываться в фотографии. — Не может быть, чтобы эти снимки делались именно в пятницу вечером. Это, скорее всего, какая-то другая ночь. И вас там не было.

Ричер не стал возражать.

— Так вы были там или нет?

— Ну, проверь сама. — Ричер пожал плечами и передал ей еще один снимок. Он был сделан с помощью телеобъектива. На фотографии Фролих увидела саму себя сидящей у окна над гаражом и пялящейся в темноту. В руках она держала мобильный телефон. Ее тепловая сигнатура расходилась странными разводами: красно-лиловыми с оранжевым. Но это действительно была Эм-И Фролих. В этом сомневаться не приходилось. Она находилась так близко от фотографа, словно он мог при желании коснуться ее.

— Я как раз звонила в Нью-Джерси, — спокойно произнесла она. — Твои друзья-музыканты благополучно отправились в Нью-Йорк.

— Хорошо, — кивнул Ричер. — Спасибо за помощь. Она снова перебрала все три инфракрасных фотографии, но больше ничего не сказала.

— Итак, танцевальный зал и семейный дом дают нам две хороших возможности, — подытожил Ричер. — Два-ноль в пользу плохих ребят. Но самое страшное происходило на следующий день. Я имею в виду встречу возле церкви, это было вчера.

И он передал Фролих последний снимок. Это был самый обычный снимок, сделанный откуда-то с высоты. На нем был изображен Армстронг в своем пальто, прогуливающийся по газону на территории религиозного центра. Солнце отбрасывало за ним длинную тень. Вице-президента окружали разные люди, но его голова оставалась хорошо видна. Вокруг нее была снова пририсована сетка оптического прицела.

— Я сидел в церкви, наверху, — пояснил Ричер.

— Но она была заперта.

— Ее закрыли и заперли в восемь утра, а я находился там с пяти часов.

— Но ее обыскивали.

— Я прятался у самых колоколов, на верхней ступеньке деревянной приставной лестницы, за опускающейся дверью. Лестницу я обсыпал перцем, и ваши собаки потеряли к ней всякий интерес.

— С ними работала местная полиция.

— И достаточно небрежно.

— Я хотела отменить это мероприятие.

— Надо было настоять на своем решении.

— А потом я думала о том, чтобы посоветовать Армстронгу надеть бронежилет.

— Бесполезно, я бы в любом случае целился в голову. День выдался великолепный, Фролих. Чистое небо, солнечная погода, полное безветрие. Прохладный воздух. Настоящий воздух, я бы сказал. Я находился всего в паре сотен футов. При желании мог бы попасть ему прямо в глаз.

Фролих молчала.

— И что же это за версия: Джон Малкович или Эдвард Фокс? — наконец поинтересовалась она.

— Сначала я бы выстрелил в Армстронга, а потом постарался бы попасть в наибольшее число людей за три или четыре секунды. В основном я бы выбирал полицейских, но и женщин с детьми тоже. При этом я бы старался лишь ранить их, но не убивать. Стрелял бы, скорее всего, им в животы. Так было бы эффективней. Представь себе: люди мечутся по газону, стонут, кричат, истекают кровью. Все это сразу бы создало всеобщую панику. Возможно, под шумок мне бы удалось скрыться. Я бы выбрался из церкви в течение десяти секунд и сразу бы устремился в соседнее владение. Нигли уже поджидала меня невдалеке с машиной. В момент первого выстрела она уже двинулась бы к церкви. Поэтому, скорее всего, я бы оказался на месте Эдварда Фокса.

Фролих поднялась с кровати и подошла к окну. Она положила ладони на подоконник и уставилась куда-то вдаль.

— Это полный разгром, — только и смогла проговорить она.

Ричер ничего ей не ответил.

— Наверное, я недооценила ваш размах, — призналась она. Я ведь не ожидала, что это будет настоящая тотальная партизанская операция по всем правилам.

Ричер пожал плечами:

— Ну, я полагаю, убийцы не всегда являются джентльменами, и уж точно не рассказывают о своих задумках. Напротив, они сами устанавливают правила, с которыми потом приходится считаться всем остальным.

Фролих понимающе кивнула:

— И уж конечно, я не рассчитывала на то, что у тебя будет помощник. Тем более женщина.

— Но я же предупреждал тебя. Я говорил, что твоя затея не будет иметь смысла, если ты станешь ждать только моего появления на сцене. Тем более, что планы у убийц тоже частенько меняются.

— Знаю, но я все равно ожидала убийцу-одиночку.

— Но в реальной жизни это всегда будет команда, — заметил Ричер. — Абсолютных одиночек не существует.

Он увидел, как отразилось в стекле ее лицо, на котором возникло нечто похожее на ироническую улыбку.

— Знаю, но так хотелось бы верить в это.

— Ни один профессионал в это не поверит, — убедительно произнес Джек.

Нигли поднялась со своего места и уселась на подоконник, упершись спиной в стекло и заняв место рядом с Фролих.

— Условия и обстоятельства в каждой отдельной ситуации, — подсказала она. — Вот о чем вы должны думать каждый раз. А вообще у вас все не так плохо. Видите ли, мы с Ричером были специалистами в отделении криминальных расследований в армии. Нас обучали всему, а главное, учили мыслить. Мы становились изобретательными, а кроме того, безжалостными и весьма самоуверенными. А еще нас делали такими, чтобы мы стали круче тех, за кого несем ответственность, хотя иные из них, казалось, были весьма крутыми. Поэтому мы — очень необычные люди. Таких специалистов, какими являемся мы, очень немного. Может быть, наберется тысяч десять по всей стране, не больше.

— Но десять тысяч — это очень много, — возразила Фролих.

— Из более чем двухсот восьмидесяти миллионов? Но вы учтите, что многие из них уже не подходят по возрасту, некоторых вы не разыщите никогда, у других не будет повода или просто желания заниматься чем-то подобным, и так далее. Статистически получается весьма небольшая доля. Поэтому не стоит так сильно переживать. Все дело в

том, что вашу работу невозможно выполнить. От вас даже нужно требовать, чтобы он в чем-то все же оставался уязвимым. Ну, хотя бы потому, что он политик. Он же должен заниматься всей этой показухой. Мы, например, и мечтать не могли о том, чтобы разрешить делать своим людям то, что разрешается делать Армстронгу. Никогда в жизни! Об этом даже вопроса не стояло.

Фролих повернулась лицом к комнате. Она нервно сглотнула и уставилась куда-то в середину номера.

— Благодарю вас, — кивнула она. — Вы хотя бы попытались помочь мне почувствовать себя лучше. Но теперь мне потребуется некоторое время, чтобы все это хорошенько обдумать. Вы со мной согласны?

— Периметры, — напомнил Ричер. — Пусть радиус проверяемой тобой территории составит примерно полмили. Не подпускай к нему людей, и пусть четверо агентов постоянно находятся вблизи от объекта, буквально на расстоянии вытянутой руки, не далее. Кажется, это все, чем ты можешь улучшить свою работу.

Фролих печально покачала головой:

— Ничего у меня не выйдет. Они посчитают это неразумным или даже недемократичным. И в следующие три года таких недель, как эта, будет очень и очень много. По прошествии трех лет мне станет совсем плохо, потому что в последний год все они начинают стараться вести себя свободней, чтобы их переизбрали еще на один срок. А через семь лет Армстронг наверняка будет подумывать о том, не выставить ли свою кандидатуру на пост президента. А вы видели, как происходят такие встречи? Вечные поездки и выступления перед толпами народа от Нью-Гемпшира и далее. А городские выступления, когда из верхней одежды имеются только брюки да рубашка с закатанными рукавами? Все это протекает при минимальном соблюдении формальностей и условностей. Просто непреходящий кошмарный сон какой-то.

В комнате стало тихо. Нигли соскочила с подоконника и подошла к буфетной стойке. Она вынула из ящика, где находились фотографии, две тоненьких папки, одну отложила, а другую показала Фролих:

— Это письменный отчет, — пояснила она. — Здесь указаны все ваши слабые места, даны кое-какие рекомендации с профессиональной точки зрения.

— Хорошо, — кивнула Фролих.

Затем Нигли указала на вторую папку:

— А это наши расходы. Все подтверждено чеками и так далее. Деньги должны быть выписаны на имя Ричера, так как мы потратили его сбережения.

— Хорошо, — повторила Фролих. Она взяла обе папки и прижала их к груди, словно они обеспечивали ей какую-то непостижимую защиту.

— И еще остается Элизабет Райт из Нью-Джерси, — добавил Ричер. — Не забудь про нее. О ней тоже нужно позаботиться. Я сказал ей, что, скорее всего, раз уж она пропустила этот прием, ее пригласят на торжества в честь инаугурации.

— Хорошо, — уже в третий раз произнесла Фролих. — Торжества или что-нибудь еще, я придумаю.

Она снова замолчала, стоя на месте и не двигаясь.

— Это полный разгром, — повторила она свой вывод.

— Но у тебя невозможная работа, — заметил Ричер. — И не казни себя так.

Она кивнула.

— Именно эти слова мне говорил Джо. А еще он считал, что, учитывая все обстоятельства, девяносто пять процентов успеха уже можно считать победой.

— Девяносто четыре, — поправил Ричер. — Когда охраной и безопасностью начала заниматься Секретная служба, вы, ребята, все же потеряли одного президента из восемнадцати. Итак, шесть процентов кладем на провал. Но это не так уж и плохо.

— Неважно, девяносто пять или девяносто четыре, — заметила Фролих. — Как бы там ни было, он оказался прав.

— Джо был прав относительно многих вещей, насколько я помню.

— Но мы ни разу не теряли вице-президента, — напомнила Фролих. — Пока что.

Она взяла папки под мышку, затем аккуратно сложила фотографии в одну стопку и поместила их в сумочку. После этого по очереди взглянула на четыре стороны комнаты, словно хотела запомнить все подробности обстановки номера. Но это был ничего не значащий жест. Она кивнула, ничего конкретного при этом не имея в виду, и направилась к двери.

— Мне пора.

Она вышла из комнаты, и дверь за ней тихо закрылась. В номере воцарилась тишина. Затем Нигли поднялась с кровати и, ухватив

пальцами манжеты свитера, потянулась, высоко подняв руки над головой. Затем она склонила голову набок и зевнула. Волосы ее рассыпались по плечам. Нижний край рубашки задрался, и Ричер увидел плоский мускулистый живот над джинсами. Он был плотным, как панцирь черепахи.

— А ты до сих пор хорошо выглядишь, — заметил Джек.

— Ты тоже. Тебе очень идет черный цвет.

— Я в нем чувствую себя, как в форме, которую не носил пять лет.

Нигли пригладила волосы рукой и заправила рубашку в джинсы.

— Здесь у нас все закончено? — поинтересовалась она.

— Ты устала?

— Вымоталась. Оказывается, мы рвали задницы только для того, чтобы испортить настроение этой несчастной женщине.

— Что ты можешь о ней сказать?

— Мне она понравилась. И, как я уже сказала, мне кажется, что ей досталась невыполнимая работа. Впрочем, как бы там ни было, она с ней неплохо справляется. Вряд ли у кого-нибудь другого получилось бы так здорово, как у нее. Она, похоже, сама это понимает, но никак не может смириться с тем, что девяносто пять процентов никогда не превратятся в сто.

— Я полностью с тобой согласен.

— А кто этот Джо, которого она вспоминала?

— Ее старый бой-френд.

— Ты с ним знаком?

— Это мой брат. Они встречались.

— Когда?

— Расстались шесть лет назад.

— Какой он из себя?

Ричер уставился в пол, но не стал поправлять ее и добавлять слово «был».

— Более воспитанный вариант меня самого.

— Тогда, наверное, она захочет встречаться и с тобой тоже. Воспитание теперь не является достоинством. А собрать полную коллекцию из братьев для любой девушки — занятие привлекательное.

Ричер ничего ей не ответил, и в комнате снова стало тихо.

— Мне, наверное, тоже пора отправляться домой, — наконец заговорила Нигли. — Назад в Чикаго, в реальный мир. Но, хочу заметить, мне было приятно снова поработать вместе с тобой.

— Обманщица.

— Нет, правда.

— Тогда побудь здесь еще немного. Ставлю доллар против десяти, что она вернется сюда в течение часа.

Нигли улыбнулась:

— Зачем? Чтобы назначить тебе свидание?

Но Ричер отрицательно покачал головой:

— Нет, для того чтобы рассказать нам, в чем заключается ее настоящая проблема.

Глава 4

Фролих в задумчивости дошла до своего автомобиля и бросила папки на пассажирское сиденье. Она включила зажигание, но пока что держала ногу на тормозе. Затем достала из сумочки мобильный телефон и открыла крышку. Она медленно, цифру за цифрой, начала набирать домашний номер Стивесанта и положила палец на кнопку посыла сигнала, но не нажала ее. Телефон послушно ждал команды, высветив номер на маленьком зеленом экране. Фролих смотрела куда-то вперед, борясь сама с собой. Затем взглянула на телефон и снова принялась смотреть на улицу. Через несколько секунд она закрыла крышку и бросила телефон поверх папок. Включила нужную скорость, и машина рванула с места, взвизгнув всеми четырьмя шинами. Поворот налево, затем направо и вперед, в свой офис.

* * *

Молодой человек из обслуживания номеров зашел за подносом и посудой, после чего быстро удалился. Ричер снял куртку и повесил ее в шкаф. Затем выпустил рубашку из джинсов.

— А ты голосовал на выборах? — поинтересовалась Нигли.

Он отрицательно помотал головой:

— Я же нигде официально не живу. А ты?

— Конечно. Я всегда голосую.

— За Армстронга тоже голосовала?

— За вице-президента голосует, наверное, только его семья.

— Но ты же голосовала за кого-то?

Она кивнула:

— Разумеется. А ты бы поступил по-другому?

— Наверное, так же. А ты раньше что-нибудь вообще об Армстронге слышала?

— Кажется, нет, — ответила Нигли. — То есть я, конечно, интересуюсь политикой, но не принадлежу к числу тех фанатиков, которые могут наизусть перечислить всю сотню сенаторов.

— А сама бы стала баллотироваться?

— Ни за что в жизни. Меня устраивает скромная роль, Ричер. Я была сержантом, так им и останусь в душе. Никогда не стремилась стать офицером.

* * *

— Но у тебя были для этого все задатки.

Она пожала плечами и улыбнулась одновременно.

— Возможно. Чего у меня не было, так это желания. И знаешь что? У сержантов большая власть. Даже больше, чем вы, ребята, думаете.

— Я это быстро понял, поверь мне.

— Ты знаешь, а ведь она не вернется. Мы сидим здесь, разговариваем и тратим время. Я, между тем, пропускаю все возможные рейсы до дома, а она все равно не вернется.

— Она обязательно вернется.

* * *

Фролих поставила машину в гараж и поднялась наверх. Охрана президента и вице-президента считалась службой, которой занимаются семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки. Тем не менее, в воскресенье во всем здании все равно царила совсем другая атмосфера. Люди одевались по-другому и почти нигде не слышалась тревожная телефонная трель. Кое-кто из сотрудников проводил воскресенье дома. Например, Стивесант. Фролих закрыла за собой дверь в кабинет, села за стол и открыла ящик. Оттуда она вынула то, что ей требовалась, и переложила в коричневый конверт. Затем она переписала цифру,

обозначающую расходы Ричера, на желтый листок своего блокнота и включила машину для измельчения бумаги. Неторопливо, один за другим, она принялась вкладывать туда листки бумаги из первой папки, потом из второй, той самой, где содержались рекомендации Ричера. После этого в машину были отправлены все фотографии, а также сами папки. Затем Фролих тщательно перемешала длинные изрезанные ленты — все то, что осталось от документов, и убедилась, что они безнадежно перепутались. Только тогда она выключила аппарат, подхватила коричневый конверт и решительно направилась вниз, в гараж.

* * *

Ричер увидел ее автомобиль из окна гостиничного номера. Машина вынырнула из-за угла и затормозила. Другого транспорта на улице не было видно. В ноябре по воскресеньям, ближе к вечеру, в Вашингтоне становится пустынно. Туристы прячутся по гостиницам, кто-то из них сейчас принимает душ и готовится к ужину. Местные жители сидят по домам, читают газеты, смотрят футбол по телевизору или просто занимаются домашними делами. В воздухе уже пахло вечером. Оживали уличные фонари. У черного «сабербена» горели фары. Он аккуратно подъехал к гостинице и припарковался там, где было оставлено место для такси.

— Она вернулась, — доложил Ричер.

Нигли подошла к окну.

— Но мы ничем не сможем помочь ей.

— А вдруг ей нужна вовсе не помощь?

— Тогда зачем она снова приехала сюда?

— Я не знаю, — пожал плечами Джек. — Может быть, ей потребовалось выяснить, не хотим ли мы что-нибудь добавить? Или дать более основательную оценку ее работе? Или ей просто захотелось поболтать? Понимаешь, если ты делишься с кем-то своими проблемами, считай, что они уже наполовину решены.

— Но почему ей понадобились именно мы?

— Потому что не мы ее нанимали и не нам ее увольнять. К тому же, мы ей не соперники и не метим на ее место. Ты же знаешь, какая борьба идет в таких организациях.

— А ей разрешено говорить с нами начистоту?

— Ну разве тебе самой не приходилось говорить по душам с теми, с кем не дозволялось?

Нигли поморщилась.

— Бывало и такое. Ну, например, я беседовала с тобой.

— А я с тобой, что было еще хуже, так как ты не являлась офицером.

— Но у меня были для этого все данные.

— Вот это верно, — согласился Ричер, поглядывая вниз. — А теперь она просто сидит в машине и чего-то выжидает.

— Она кому-то звонит.

В этот же момент в комнате ожил телефон.

— Очевидно, она звонит нам, — констатировал Ричер и поднял трубку. — Мы все еще здесь.

Затем он слушал Фролих.

— Хорошо, — наконец сказал он и повесил трубку.

— Она поднимается к нам? — поинтересовалась Нигли. Он кивнул и, снова приблизившись к окну, увидел, как женщина выходит из машины с большим коричневым конвертом в руке. Затем она прошлась по тротуару и вскоре скрылась из глаз. Спустя две минуты Ричер и Нигли услышали мерное урчание поднявшегося к ним на этаж лифта. Еще через двадцать секунд раздался негромкий стук в дверь. Ричер распахнул ее, и в комнату вошла Фролих. Она сделала два нерешительных шага и остановилась посреди номера. Сначала она взглянула на Нигли, потом посмотрела на Джека.

— Мы можем на минутку остаться наедине и поговорить? — спросила Фролих.

— В этом нет необходимости, — тут же отозвался Джек. — Мой ответ будет «да».

— Но ты еще даже не слышал вопроса.

— Ты доверяешь мне, потому что доверяла Джо, а он — мне. Вот наш капкан и захлопнулся. Теперь ты хочешь узнать, доверяю ли я Нигли, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу. Да, я уверен в ней на все сто процентов, а потому ты тоже можешь раскрыться перед ней полностью. И для простоты предлагаю всем сразу перейти на ты.

— Согласна, — кивнула Фролих. — Именно это, собственно, я и хотела выяснить.

— Тогда снимай куртку и устраивайся поудобней. Может быть, ты хочешь еще чашечку кофе?

Фролих небрежно бросила куртку на кровать, затем подошла к столу и положила на него свой конверт.

— А выпить кофе было бы замечательно, — сказала она. Ричер соединился по телефону с обслуживанием номеров и попросил принести им большой кофейник, три чашки, три блюдца и более ничего.

— А ведь я вам рассказала только половину правды, — призналась Фролих.

— Я об этом сразу догадался, — кивнул Ричер.

Фролих виновато улыбнулась, как бы извиняясь, и взяла со стола конверт. Она раскрыла его и вынула прозрачный файл, внутри которого что-то находилось.

— Это копия того, что мы получили по почте, — выдохнула она, бросая файл на стол.

Ричер и Нигли придвинули свои стулья поближе, чтобы рассмотреть то, что принесла Фролих. На столе лежал стандартный прозрачный файл, внутри которого находилась цветная фотография размерами восемь на десять дюймов. На ней изображен лист белой бумаги. Он лежал на какой-то деревянной поверхности рядом с линейкой, чтобы его можно было представить себе в масштабе. По всей видимости, это самый обыкновенный стандартный лист, предназначенный для письма. На листе жирным крупным шрифтом, скорее всего, при помощи принтера, было выведено всего два слова: «Ты умрешь».

В комнате воцарилась тишина.

— Когда вы получили это? — поинтересовался Ричер.

— В понедельник, после выборов. — Письмо пришло почтой первого класса.

— И было адресовано Армстронгу?

Фролих кивнула.

— В Сенат. Но он его так и не увидел. Мы просматриваем всю почту, приходящую от населения и адресованную нашим объектам охраны. То, что мы считаем нужным, мы им передаем. Но это письмо решили не показывать. А что вы скажете по этому поводу?

— Могу сказать немногое. Во-первых, это правда.

— Если только я снова не смогу этого предупредить.

— Выходит, ты раскрыла секрет бессмертия? Видишь ли, все мы обязательно умрем. И я, и ты. Возможно, это произойдет лишь тогда,

когда нам исполнится по сто лет, но все равно никто из нас не будет жить вечно. Поэтому, если рассуждать чисто формально, то в этом письме содержится лишь констатация факта, не более того. Можно с такой же уверенностью сказать, что это просто точное предсказание, а не угроза.

— И тут встает вопрос, — вступила в беседу Нигли. — Неужели пославший это письмо настолько умен, что сформулировал свою мысль именно таким образом?

— А зачем бы ему это понадобилось?

— Чтобы избежать судебного преследования в том случае, если бы вы напали на след и отыскали его. Или, может быть, ее? Ну, тогда бы этот человек и сказал, что в его письме не содержится никакой угрозы, а есть только констатация факта. Что-нибудь удалось узнать специалистам лаборатории об умственных способностях этой личности?

Фролих посмотрела на Нигли с удивлением и уважением одновременно.

— До этого мы еще доберемся, — ответила она. — Но только мы уверены в том, что это все же мужчина, а не женщина.

— Почему?

— И об этом я тоже вам расскажу в свое время.

— Но почему тебя так взволновало это письмо? — удивился Ричер. — Мне всегда казалось, что фигуры такой величины должны получать целые мешки писем со всевозможными угрозами.

Фролих кивнула.

— Как правило, их бывает по нескольку тысяч в год. Но большинство адресовано президенту. Как-то необычно получить такое письмо на имя вице-президента. Кроме того, эти послания чаще всего бывают написаны на огрызках бумаги цветными карандашами, жутким почерком и непременно с ошибками. А это отличается безукоризненностью. Оно с самого начала удивило меня, и потому мы отнеслись к нему со всей серьезностью.

— Откуда оно пришло?

— Из Лас-Вегаса, — ответила Фролих. — Правда, это нам ничего не проясняет. А если учитывать, что американцы любят путешествовать по своей стране… Да к тому же, Лас-Вегас как раз в этом отношении является первым по количеству мигрирующего народонаселения.

— Так вы убеждены в том, что письмо прислал именно американец?

— Только если учитывать статистические данные. Никогда еще мы не получали письменных угроз от иностранцев.

— И вы не считаете, что он является жителем Лас-Вегаса?

— Вряд ли. Скорее всего, он специально отправился туда, чтобы опустить в ящик свое письмо.

— Что же заставило вас прийти к такому выводу?

— На этом настаивают криминалисты из лаборатории, — пояснила Фролих. — Они утверждают, что письмо отправлял очень осторожный тип.

— Подробней, если можно.

— Вы же оба, как мне помнится, были специалистами военной полиции, верно?

— Нигли была специалистом по переламыванию шей, — пояснил Ричер. — Но, если не ошибаюсь, она интересовалась и другими вещами.

— Не обращай на него внимания, — посоветовала Нигли. — Я полгода провела в лаборатории ФБР, где меня успели кое-чему обучить.

Фролих понимающе кивнула:

— Мы как раз и отсылали это письмо в ФБР, поскольку у них возможности куда обширней наших.

В комнату постучали. Ричер поднялся и, подойдя к двери, посмотрел в глазок. Это пришел официант с кофе. Ричер открыл дверь и принял у него поднос. На нем стоял большой кофейник, три перевернутых чашки и три блюдца. Ни молока, ни сахара, ни ложек, только еще одна роза в изящной фарфоровой вазе. Он поставил поднос на стол, а Фролих предварительно отодвинула фотографию в сторону, освобождая ему место. Нигли перевернула чашки и принялась разливать ароматный напиток.

— Так что же удалось обнаружить экспертам ФБР? — поинтересовалась она.

— Конверт рассказал мало, — начала Фролих. — Стандартный, из коричневой бумаги, с клеевым клапаном и металлической застежкой-"бабочкой". Адрес напечатан на самоклеющейся бумажке, скорее всего, на том же самом принтере, который использован и для послания. Лист внутри оказался не сложенным. Клеевой слой намочен водой из-под крана. Никакой слюны, а следовательно, мы не имели возможности определить ДНК. На металлической застежке также не обнаружено никаких отпечатков пальцев. А вот на самом конверте их

нашлось целых пять комплектов. Три принадлежали работникам почты, их отпечатки находятся в файлах правительственных сотрудников. Это одно из условий, о котором им сообщают в день найма. Четвертым оказался почтальон, разносящий письма в Сенате, который передал конверт нам, последним — агент, который вскрыл конверт.

Нигли кивнула:

— Значит, о конверте лучше забыть сразу. Только должна заметить, что использовать водопроводную воду со стороны неизвестного достаточно мудро. Это парень начитанный, идет в ногу со временем.

— А что насчет самого письма? — поинтересовался Ричер.

Фролих взяла в руки фотографию и повернула ее к свету.

— Дикость какая-то, — начала она. — ФБР дало свое заключение о том, что бумагу изготовила компания «Джорджия-Пасифик», это лист из пачки, предназначенной для лазерных принтеров. Бумага высшего качества, пачка весит двадцать четыре фунта, бумага гладкая, изготовлена без использования кислот, размер стандартный для писчей бумаги: восемь с половиной на одиннадцать дюймов. «Джорджия-Пасифик» является третьей крупнейшей компанией по производству бумаги на официальном рынке. В неделю им удается реализовать сотни тонн этого продукта. Поэтому проследить путь одного-единственного листочка практически невозможно. Можно добавить лишь то, что эта бумага на доллар-другой дороже обычной, и это может кое-что значить. А может, и нет.

— Что они сказали насчет самих слов?

— Они отпечатаны на лазерном принтере фирмы «Хьюлет-Паккард». Это было определено по химическому составу порошка. Правда, установить номер модели не удалось, поскольку все основные принтеры этой фирмы используют один и тот же порошок. Шрифт «Таймс Нью Роман», полужирный, выбран из «Майкрософт Воркс 4.5» для «Виндоуз 95», размер букв четырнадцать.

— Могут они сузить все это до одной программы?

Фролих кивнула:

— Да. У них есть специалист именно по этому вопросу. Дело в том, что шрифты чуть-чуть различаются у текстовых процессоров. Те, кто пишет эти программы, иногда любят менять размеры межбуквенных просветов в отличие от расстояния между словами. Если вы будете долго смотреть на напечатанный текст, то поймете, что я имею в виду. И вот по этим расстояниям можно определить конкретную программу. Но и это вряд

ли нам сильно поможет. Представляете, сколько у нас в стране существует таких персональных компьютеров, куда входит «Воркс 4.5»?

— Надо полагать, никаких отпечатков пальцев на листе не обнаружено? — поинтересовалась Нигли.

— Вот тут-то и начинается самое странное и дикое, — кивнула Фролих. — Она чуть сдвинула в сторону поднос с кофейником и положила на стол фотографию, указывая на верхнюю часть листа.

— Вот здесь, на самом краю бумаги, обнаружены микроскопические частицы талька. — Затем она указала на дюйм пониже верхнего края. — И здесь два мазка с тальковой пылью, один спереди, другой — сзади.

— Резиновые перчатки, — догадалась Нигли.

— Совершенно правильно, — утвердительно кивнула Фролих. — Одноразовые. Такие, какими пользуются врачи. Они поступают в больницы коробками по пятьдесят или сто пар в каждой. Внутри пересыпаны тальком, чтобы их легче было надевать. Но, конечно, в коробке всегда присутствует некоторое количество просыпанного талька, поэтому он попадает и на внешнюю часть перчаток. Кстати, пыль на краю листа спеклась, а там, где она смазана, нет.

— Понятно, — кивнула Нигли. — Итак, наш приятель надевает резиновые перчатки, вскрывает новую пачку бумаги, быстро пролистывает ее веером, чтобы листы не застревали в принтере, отчего на верхнем крае остаются пылинки талька, заряжает принтер и печатает свое послание. При этом пылинки спекаются.

— Именно так, поскольку лазерный принтер при работе выделяет тепло, — подтвердила Фролих. — Черный порошок прилипает к бумаге в форме требуемых букв во время электростатического разряда, припекаясь за счет тепла. Температура при этом составляет примерно двести градусов. По-моему, происходит все это очень быстро, за какую-то долю секунды.

Нигли склонилась поближе к фотографии.

— Затем он вынимает нужный лист из поддона, держа его большим и указательным пальцами, отчего в верхней его части остаются мазки тальковой пыли, причем не спекшиеся, поскольку не участвовали в процессе напечатания текста. И знаете что? Все это происходило у него на квартире, а не в офисе.

— Почему ты так решила?

— Так как он схватил лист бумаги большим и указательным пальцами, значит, бумага выходит у него вертикально. Ну, так же, как

поджаренный хлебец выскакивает из тостера. Если бы она выползала горизонтально, то отметки от пальцев были бы совсем другими. И спереди эта смазанная пыль была бы более заметна, нежели сзади. А единственная модель принтера «Хьюлет-Паккард» с вертикальным выходом бумаги — портативная, для домашнего пользования. У меня точно такой же, он достаточно медленно работает, и картриджа хватает только на две с половиной тысячи страниц. Любительская вещица. Вот почему я пришла к выводу, что он занимался этим у себя дома.

Фролих кивнула.

— Что ж, в этом есть свой смысл. Кроме того, он выглядел бы очень странно, если бы начал разгуливать в резиновых перчатках по офису.

Нигли улыбнулась, словно обрадовавшись своему успеху.

— Ну что ж, итак, он у себя в квартире, вынимает лист с посланием, кладет его в конверт, запечатывает при помощи воды из-под крана, но перчаток при этом не снимает. Вот поэтому мы и не имеем никаких отпечатков пальцев.

Фролих нахмурилась:

— Нет, не совсем так. Вот сейчас и начинается самое удивительное и непонятное. — Она указала на фотографию, ткнув кончиком ногтя на дюйм ниже текста и чуть вправо от центра. — Что мы обычно видим на этом месте у самого стандартного письма, к примеру?

— Подпись, — тут же ответил Ричер.

— Вот именно, — кивнула Фролих, не убирая ногтя с фотографии. — А мы обнаружили здесь отпечаток большого пальца. Вполне отчетливый. Совершенно очевидно, что его поставили тут умышленно. Он достаточно аккуратный, идеально вертикальный и очень-очень четкий. Слишком большой, чтобы его обладатель оказался женщиной. Итак, наш незнакомец все же своеобразно подписал свое послание.

Ричер вытащил фотографию из-под ногтя Фролих и снова принялся внимательно изучать ее.

— Теперь вы пытаетесь найти этого человека по отпечатку пальца? — поинтересовалась Нигли.

— Мне кажется, это бесполезно, — вставил Ричер. — Этот тип, вероятно, абсолютно уверен в том, что его отпечатков нет ни в одном архиве, иначе бы вряд ли стал так рисковать.

— Пока что нам действительно так и не удалось приблизиться к разгадке тайны, — призналась Фролих.

— Это на самом деле звучит странно и даже дико, — согласился Ричер. — Он смело ставит отпечаток своего большого пальца в качестве подписи, поскольку не боится за него, и в то же время работает в резиновых перчатках, чтобы — не дай Бог! — его пальцы не отпечатались где-нибудь на послании или конверте. Как это можно объяснить?

— Чтобы произвести наибольший эффект? — высказала свое предположение Нигли. — Вызвать у вас ужас? Или он просто такой чистюля?

— Во всяком случае, теперь становится понятным, почему он использовал самую дорогую бумагу. Ее глянцевая поверхность удерживает отпечаток, а дешевая бумага слишком пористая для таких целей.

— Что использовали эксперты в лаборатории? — осведомилась Нигли. — Пары йода? Нингидрин?

Фролих медленно покачала головой:

— Отпечаток проявился, когда лист исследовали флю-ороскопом.

Ричер долго молчал, смотря на фотографию. За окном совсем стемнело. Такая знакомая сверкающая и сырая городская темнота.

— Что еще? — спросил он у Фролих. — Почему ты так напряжена?

— А разве этого мало? — удивилась Нигли.

Ричер кивнул. Он уже говорил ей о том, как работают подобные организации и что в них порой происходит.

— Но должно быть еще что-то, — заупрямился Джек. — То есть, я все, конечно, понимаю. Это очень интригующе, вызывающе и страшновато, но истинного повода для паники я пока что не вижу.

Фролих вздохнула и вынула из своего коричневого конверта еще кое-что. Этот предмет очень сильно напоминал первый: такой же прозрачный файл, внутри которого находилась фотография. На ней также был изображен лист бумаги с напечатанными на нем словами: «Вице-президент Армстронг умрет». На этот раз бумага лежала на какой-то другой поверхности, и линейка рядом с ней тоже оказалась иной. Поверхность была серого цвета, а линейка, по всей видимости, пластмассовой.

— Послания идентичны, — пояснила Фролих. — Со вторым также работали специалисты судебной криминалистики, которые снова обнаружили тот же самый отпечаток большого пальца.

— И что же?

— Это второе послание появилось совершенно неожиданно на столе моего босса, — произнесла Фролих. — В одно прекрасное утро его просто обнаружили там. Ни конверта, ничего больше. И никто не может понять, каким образом этот лист бумаги мог попасть туда.

* * *

Ричер поднялся со своего места и прошел к окну, отыскал шнур и задернул шторы. Причины для этого у него не было, но, как он посчитал, сделать это сейчас оказалось самое время.

— Когда именно появился этот листок на столе твоего шефа? — спросил он.

— Через три дня после того, как пришло по почте первое послание, — ответила Фролих.

— И оно было нацелено на тебя, — заметила Нигли. — Даже больше, чем на самого Армстронга. Почему? Да потому, чтобы убедиться в том, что ты не проигнорировала первое письмо и отнеслась к нему со всей серьезностью.

— Но мы так и поступили, — кивнула Фролих.

— Когда Армстронг уезжает из Кемп-Дэвида? — поинтересовался Ричер.

— Сегодня вечером у них торжественный ужин, — заговорила Фролих. — Возможно, после этого они пойдут на прогулку, а это у них всегда затягивается надолго. Они вернутся не раньше полуночи.

— А кто у тебя начальник?

— Человек по фамилии Стивесант, — продолжала Фролих. — Пишется так же, как и название сигарет.

— Ты рассказала ему о том, что происходило за последние пять дней?

Фролих отрицательно покачала головой.

— Я решила, что пока в этом нет крайней необходимости.

— Мудро, — кивнул Ричер. — Ну и что же ты хочешь от нас конкретно?

Фролих ответила не сразу.

— В общем, я и сама толком не решила, — вынуждена была признаться она. — Этот вопрос я задавала себе целых шесть дней, с тех пор как начала разыскивать тебя. Я спрашивала: ну чего я могу хотеть в подобной ситуации? И знаешь что? Мне, наверное, нужно по-хорошему выговориться. Особенно сейчас мне было бы приятно поговорить с Джо. Хотя бы потому, что в моем деле обнаруживаются кое-какие сложности,

верно? А Джо наверняка нашел бы способ, как вывернуться. Он был очень умным парнем.

— Так ты хочешь, чтобы я превратился в Джо? — удивился Ричер.

— Нет, мне бы очень хотелось, чтобы Джо оказался живым.

Ричер понимающе кивнул.

— Мы оба хотим невозможного.

— Ну, может быть, ты окажешься самым умным парнем после него?

Сказав это, Фролих замолчала.

— Прости, — спустя некоторое время произнесла она. — У меня это вышло как-то по-глупому, я просто не подумала…

— Расскажи мне о своих неандертальцах, — попросил Джек. — Тех самых, с кем ты работаешь в своем офисе.

Она кивнула:

— Они тоже были у меня на подозрении. Я сразу стала их подозревать.

— Это вполне определенная возможность, — подхватил Ричер. — Кто-то из них начинает завидовать тебе и устраивает все так, чтобы ты где-то прокололась и выглядела крайне глупо и некомпетентно.

— Я сразу стала их подозревать, — повторила Фролих.

— У тебя была какая-нибудь особенная кандидатура?

Она неопределенно пожала плечами:

— Так сразу никого и не назовешь. А если задуматься, то подозревать можно любого. Всего их шестеро — тех самых, которые метили на мое место, а когда назначили меня, потеряли всякую надежду на повышение в ближайшее время. У каждого есть друзья, союзники и помощники на нижних ступеньках нашей иерархии. Ну, это как бы маленькая паутинка внутри большой. Получается, что это мог быть любой из них.

— А что подсказывает интуиция?

Она обреченно покачала головой.

— Ничего. Никак не могу выбрать из них кого-нибудь особенного. И, кроме того, у нас же имеются отпечатки их пальцев. Это обязательное условие для всех нас при найме на работу. А период между выборами и инаугурацией переполнен работой. Нам не хватает времени, поэтому о выходных в Лас-Вегасе даже и мечтать не приходится.

— Совсем не обязательно уезжать туда на полный уик-энд, — заметил Ричер. — Все можно успеть сделать за один день.

Фролих промолчала.

— Как насчет дисциплины? — продолжал Джек. — Есть проблемы? Может быть, кому-то не нравится, как ты руководишь группой? Не приходилось ли тебе кричать на кого-нибудь из подчиненных? Или, может быть, кто-то начал работать хуже?

Она отрицательно покачала головой:

— Да, мне пришлось кое-что изменить, переговорить кое с кем с глазу на глаз. Но я всегда в таких случаях бываю предельно тактична. Но и отпечаток большого пальца не подходит ни одному из них, вне зависимости от того, говорила ли я с ним или нет. Поэтому, как мне кажется, угроза идет из внешнего мира.

— Я тоже так считаю, — согласилась Нигли. — Но это не исключает помощника внутри вашей системы, верно? Ну кто еще мог так спокойно проникнуть в кабинет твоего босса и положить ему тот листок прямо на рабочий стол?

Фролих кивнула.

— Вы оба должны поехать со мной и осмотреть офис, — предложила она.

* * *

Они уселись в правительственный «сабербен». Ехать пришлось недолго. Ричер удобно развалился на заднем сиденье, а Нигли устроилась спереди, рядом с Фролих. Вечерний воздух был сырым, поднимался туман, начинал моросить мелкий дождь. Дороги сверкали от воды в оранжевом свете городских фонарей. Шины недовольно шипели, а «дворники» глухо шлепали по ветровому стеклу. Ричер увидел ограду вокруг Белого Дома и здание Министерства финансов, и в этот лее момент Фролих свернула в узкий переулок, направляясь ко въезду в гараж, который находился впереди. Они миновали крутой пандус, охранника в стеклянной будке и сразу же попали под яркий белый свет. Потолки здесь оказались довольно низкими, поддерживаемые бетонными колоннами. Фролих припарковала машину в самом конце ряда из точно таких же черных автомобилей аналогичной марки. Кроме того, в гараже стояло несколько «линкольнов» и «кадиллаков» разных годов выпуска и модификаций с неуклюже переделанными окнами там, где потребовалось заменить обычные стекла пуленепробиваемыми. Все машины оказались черными, а сам гараж тщательно выкрашен в белый цвет: и стены, и пол, и потолок. От этого вся обстановка напоминала чем-то черно-белую глянцевую фотографию. Троица подошла к двери, в которой имелось окошко с армированным стеклом, и Фролих провела их

дальше, по узкой махагоновой лестнице в вестибюль первого этажа. Здесь они увидели мраморные пилястры и единственную дверь лифта.

— Вообще-то, вас двоих тут не должно было быть, — начала Фролих. — Поэтому не разговаривайте, держитесь поближе ко мне и передвигайтесь как можно быстрей. Понятно?

Затем она остановилась, словно раздумывая о чем-то.

— Но сначала вы должны увидеть кое-что.

Она провела их через другую, столь же незаметную дверь, затем они завернули за угол и очутились в огромном темном зале размерами не меньше футбольного поля.

— Это главный вестибюль здания, — пояснила Фролих, и ее голос эхом раскатился в мраморной пустоте. Освещение здесь сейчас было тусклым, и белый камень в полумраке смотрелся довольно уныло.

— Сюда, — произнесла Фролих.

На стенах здесь виднелись выступающие панели, вырезанные из мрамора и закругленные по краям в классической форме свитков. На том, под которым они сейчас стояли, красовалась надпись: «Министерство финансов Соединенных Штатов». Буквы уходили вбок на восемь или девять футов. Под ними виднелась другая надпись: «Списки погибших». Там, начиная с верхнего левого края панели, был выгравирован целый список фамилий и дат, четыре или пять десятков. Предпоследним в списке значился Дж. Ричер, 1997 год. Последней — М. Б. Гордон, 1997 год. Но оставалось еще много свободного места: целых полтора столбца.

— Это Джо, — пояснила Фролих. — Таким образом мы смогли отдать ему дань уважения и восхищения.

Джек пристально смотрел на фамилию своего брата. Буквы вырезаны очень аккуратно: каждая около двух дюймов в высоту, с позолотой. Мрамор казался холодным и был испещрен цветными точками и прожилками, как и положено любому мрамору. Затем перед мысленным взором Ричера на мгновение появилось лицо Джо, когда тому было лет двенадцать. Он вспомнился таким, как сидел за обедом или, может быть, за завтраком: всегда на секунду быстрее других понимавший шутки и всегда на ту же секунду позже начинавший улыбаться им. Затем Ричер увидел его, уходящего из дома. Брат отправлялся служить куда-то в жаркие страны. На рубашке проступили пятна от пота. С вещевым мешком на плече, он торопился в Вест-Пойнт, откуда должен был лететь еще десять тысяч километров. Затем он появился на похоронах матери — именно тогда Джек последний раз видел брата живым. Джек видел и Молли Бет Гордон, но лишь за пятнадцать секунд до того, как она

умерла. Это была светловолосая, яркая и очень энергичная женщина, во многом похожая на саму Фролих.

— Нет, это не Джо, — покачал головой Ричер. — И не Молли Бет. Здесь только их имена.

Нигли внимательно посмотрела на него. Фролих промолчала и провела их назад, в маленьких вестибюль с одним-единственным лифтом. Они поднялись вверх на три этажа и оказались в совершенно другом мире. Множество узких коридоров и низкие потолки создавали деловую обстановку. Наверху находились звукоизолирующие панели, оттуда же светили яркие люминесцентные лампы. Пол покрывал белый линолеум и темно-серый ковролин. Офисы разделялись на отдельные рабочие места передвижными панелями, доходящими до уровня плеча. Здесь повсюду можно было увидеть телефонные аппараты, факсы, стопки бумаги и бесконечные компьютеры. На этаже царил привычный шум, состоявший из урчания накопителей на жестких дисках, шороха вентиляторов, приглушенного писка модемов и мягкого перезвона телефонов. Сразу за главной дверью расположился стол секретаря приемной, за которым сидел серьезного вида мужчина. Он удерживал плечом телефонную трубку и что-то аккуратно записывал в журнал, поэтому только удивленно взглянул на троицу и неуверенно кивнул в знак приветствия.

— Здесь всегда находится дежурный офицер, — пояснила Фролих. — У них работа в три смены. Они сидят за этим столом постоянно. Так что это место у нас никогда не пустует.

— И попасть внутрь можно только через этот вход? — поинтересовался Ричер.

— Есть еще пожарная лестница, там, где запасной выход, — пояснила Фролих. — Но вы не торопитесь. Видите вон те камеры?

Она указала на потолок. Там располагалось несколько камер наблюдения, чтобы постоянно следить за тем, что происходит в офисах и коридорах.

— Не забудьте и о них.

Затем она повела их внутрь комплекса. Они поворачивали то влево, то вправо, пока не дошли почти до самого конца этажа, где попали в еще один длинный узкий коридор, заканчивающийся квадратным помещением без окон. У боковой стены квадрата находилось рабочее место для секретаря, с письменным столом, шкафчиками и полками, на которых стояли толстые папки с документами и лежали стопки листков для заметок. На стене висел портрет нынешнего президента, в углу стоял свернутый звездно-полосатый флаг, рядом с ним располагалась

вешалка для пальто. И более ничего. Все здесь сверкало чистотой, и ни один предмет не казался лишним. Позади стола секретаря находился пожарный выход. Это была мощная дверь с пластмассовой табличкой, на которой изображался бегущий зеленый человечек. Над выходом висела камера наблюдения, смотрящая куда-то вперед немигающим стеклянным глазом. Напротив виднелась единственная дверь.

— Это и есть офис Стивесанта, — пояснила Фролих.

Она открыла дверь и провела их внутрь. Щелкнул выключатель, и комнату залил свет люминесцентной лампы. Офис оказался небольшим, даже меньше, чем приемная секретаря, с единственным окном, зашторенным на ночь.

— Это окно открывается? — поинтересовалась Нигли.

— Нет, — отозвалась Фролих. — Кроме того, оно выходит на Пенсильвания-авеню. И если какой-нибудь вор-взломщик осмелится подняться сюда, на третий этаж, по веревке, его обязательно заметят с улицы, поверьте мне.

В кабинете располагался громадный письменный стол, покрытый серым композитом. Поверхность стола оказалась совершенно пустой. Рядом стояло кожаное кресло, которое сейчас было аккуратно задвинуто.

— Разве он не пользуется телефоном? — удивился Ричер.

— Аппарат он держит в одном из ящиков стола, — пояснила Фролих. — Босс любит, чтобы на столе всегда было чисто и просторно.

У стены стояли шкафы, отделанные той же серой пластмассой, что и стол. Для посетителей в кабинете имелось два кожаных стула. И более ничего. Такая строгая обстановка офиса говорила о деловитости его владельца.

— Ну так вот, — начала Фролих. — Угроза по почте поступила к нам в понедельник, сразу после выборов. В среду вечером Стивесант ушел домой примерно в половине восьмого. Поверхность стола оставалась пустой. Его секретарь покинула рабочее место через полчаса. Она заглянула к боссу в кабинет перед самым уходом. Так повелось издавна, она проверяет его комнату всякий раз, когда уходит позже босса. Она подтверждает, что поверхность стола была абсолютно пуста. Секретарь обязательно заметила бы любые изменения, происшедшие в кабинете, верно? Если бы, например, лист бумаги уже лежал тут, это сразу бросилось бы ей в глаза.

Ричер кивнул. Поверхность стола Стивесанта напоминала надраенную до блеска палубу боевого корабля, готового в любой момент принять

инспектирующего адмирала. Да тут и пылинка бы была совершенно не к месту.

— Наступает четверг, — продолжала тем временем Фролих. — Восемь часов утра, секретарь приходит на работу первой. Она сразу направляется к своему столу и начинает трудиться. К двери в кабинет Стивесанта даже не притрагивается. В восемь часов десять минут появляется сам босс. Он одет в плащ и держит в руке тоненький дипломат. Снимает плащ и вешает его тут же, на вешалку. Секретарь о чем-то разговаривает с ним, он ей отвечает, причем дипломат кладет на ее стол, видимо, обсуждая что-то. Затем открывает дверь своего кабинета и заходит внутрь. В руках у него ничего нет, поскольку его дипломат остался на столе у секретаря. Проходит четыре или пять секунд, и он выходит из кабинета. Зовет секретаря и просит ее войти. Они оба утверждают, что в это время лист бумаги уже лежал на его столе.

Нигли оглядела комнату, внимательно осмотрела дверь, стол и прикинула в голове расстояние от двери до стола.

— Это только их показания? — поинтересовалась она. — Или у вас есть подтверждение на пленках, заснятых камерами наблюдения?

— И то, и другое, — кивнула Фролих. — Каждый магнитофон ведет запись на свою пленку. Я просмотрела запись, и там изображено все точно так, как они рассказывали.

— Получается, что либо они вместе замешаны в этом деле, либо никто из них действительно не подкладывал эту бумагу.

Фролих кивнула:

— Я пришла к аналогичному выводу.

— Так кто же это сделал? — спросил Ричер. — Кого еще показывает пленка?

— Бригаду уборщиков, — ответила Фролих.

* * *

Она отвела их в свой офис и вынула из ящика стола три видеокассеты. Затем отошла к полкам, где между принтером и факсом примостился небольшой телевизор «Сони» со встроенным видеомагнитофоном.

— Это копии, — пояснила она. — Оригиналы заперты и хранятся в другом месте. Магнитофоны работают с таймерами, время записи каждой пленки занимает шесть часов. Мы ведем запись так: с шести утра до полудня, с полудня до шести вечера, затем с шести вечера до полуночи, с полуночи до шести утра, и все повторяется сначала.

Она отыскала пульт управления в ящике и включила телевизор, после чего вставила в видеомагнитофон первую кассету. На экране возникла слегка мутная картинка.

— Это вечер среды, — пояснила Фролих. — Запись на этой кассете идет с шести вечера до полуночи.

Изображение оказалось не совсем четким, и подробности размывались, но все же разглядеть то, что происходит на экране, было вполне возможно. Камера, расположенная за головой секретаря, захватывала все квадратное помещение. Секретарь сидела за столом и занималась телефонными звонками. Это была пожилая седая женщина. Дверь в кабинет Стивесанта на экране располагалась справа и была закрыта. Слева внизу на экране высвечивалась дата съемки и точное время. Фролих стала перематывать пленку вперед. Голова секретаря, комично подергиваясь, принялась беспрестанно поворачиваться направо и налево, а рука то поднималась, то опускалась, пока она звонила сама и отвечала на поступавшие звонки. На экране мелькнул какой-то мужчина, который принес пачку внутренней почты, затем он повернулся и быстро удалился. Секретарь рассортировала почту со скоростью автомата. Она раскрывала конверт за конвертом, расправляла листы бумаги, после чего к каждому письму прикладывала резиновый штамп.

— Что она делает? — поинтересовался Ричер.

— Отмечает время и дату поступления почты, — пояснила Фролих. — Это обязательная процедура при приеме корреспонденции. Так у нас заведено.

Левой рукой секретарь расправляла листки бумаги, а правой ставила на них штамп. От того, что пленка крутилась на большой скорости, секретарь больше походила на сумасшедшую. В нижнем углу экрана продолжало светиться одно и то же число, и только время записи постоянно менялось, да так, что его почти нельзя было зафиксировать глазом. Ричер отвернулся от телевизора и принялся разглядывать офис Фролих. Это был типичный кабинет правительственного работника, вариант гражданского помещения, в отличие от тех, где приходилось работать ему самому: исключительно простой, включающий в себя только все самое необходимое, и как бы насильно втиснутый в интерьер старинного здания. Темно-серый нейлоновый ковролин, пластмассовая мебель, белые провода, тянущиеся от аппаратуры. Стопки документов в фут высотой, разложенные повсюду, папки и листочки с записками, прикрепленные по стенам. В кабинете стоял стеклянный шкаф, внутри которого была собрана разнообразная справочная литература. Окна в комнате не было, но одно растение в пластиковом горшке на столе, с бледными листьями и почти засохшее, все же тянулось вверх, стараясь

выжить в этих невероятных условиях. И никаких фотографий или других личный вещей, ничего постороннего, разве что в воздухе ощущался едва уловимый аромат ее духов, а стул оказался обитый материей, а не казенной кожей.

— Вот тут видно, как Стивесант уходит домой, — вставила Фролих.

Ричер снова повернулся к экрану и в углу увидел время записи: половина восьмого вечера. Стивесант на увеличенной скорости буквально вылетел из своего кабинета. Это был высокий мужчина, широкоплечий, чуть сутулый, с сединой на висках. В руках он держал свой дипломат. На видео босс перемещался с невероятной энергией. Он ринулся к вешалке, снял свой плащ, накинул его на плечи и вернулся к столу секретаря. Здесь он сказал ей пару слов и опрометью выскочил из комнаты, скрывшись с экрана. Фролих нажала на кнопку увеличения скорости, и секретарь принялась еще быстрей дергаться на своем стуле. Отметка времени на экране тоже вертелась как сумасшедшая. Вскоре семерка поменялась на восьмерку, секретарь вскочила со своего места, и в этот момент Фролих замедлила ход пленки, чтобы можно было просмотреть тот самый эпизод, когда секретарь заглядывает в кабинет Стивесанта. Та взялась за ручку двери, сунула голову в его офис, стоя при этом на одной ноге, затем отвернулась и снова закрыла дверь. После этого она взяла свою сумочку, зонтик, пальто и исчезла в глубине коридора. Фролих опять ускорила ход пленки, в углу экрана замелькали цифры, но на этот раз картинка оставалась неизменной. Спокойствие и неподвижность опустевшего кабинета так ничем и не сменились почти до конца пленки.

— Когда приходят уборщики? — поинтересовался Ричер.

— За несколько минут до полуночи, — ответила Фролих.

— Так поздно?

— Они заступают в ночную смену, а вообще-то эта работа у нас круглосуточная.

— И до их появления на пленке не будет ничего примечательного?

— Абсолютно ничего.

— Тогда промотай ее вперед. Нам уже тут все ясно.

Фролих принялась нажимать на разные кнопки, чтобы быстро перемотать ненужный отрезок, и одновременно следить за отметками времени. Когда на экране появились цифры 23:50, она пустила ленту на обычной скорости. Счетчик начал менять цифры по одной в каждую секунду. В одиннадцать часов пятьдесят две минуты в дальнем конце коридора стало заметно какое-то движение. Из темноты возникла

бригада уборщиков, состоящая из трех человек: мужчины и двух женщин, одетых в темные комбинезоны. Судя по внешности, они были латиноамериканцами: невысокие, мускулистые и смуглые. Мужчина толкал перед собой тележку. Спереди в обруче у нее был закреплен черный мешок для сбора мусора, по бокам развешаны всевозможные тряпки, а сзади, на полочках, стояли химикаты в бутылках и аэрозолях. Одна из женщин несла пылесос с длинным шлангом и широкой насадкой, причем сам он висел у нее за спиной, как рюкзак. Другая женщина держала в одной руке ведро, а в другой — швабру. К ней была прикреплена губчатая пенящаяся подушечка, а на середине ручки швабры виднелось хитрое устройство, позволяющее отжимать лишнюю воду. У всех троих на руках были надеты резиновые перчатки серовато-желтоватого цвета. Уборщики выглядели уставшими, как и положено людям, заступающим в ночную смену. Но при этом они смотрелись опрятно, и было ясно, что здесь трудятся профессионалы. Все они были коротко и аккуратно подстрижены, и на лицах их читалось примерно следующее: «Мы понимаем, что это не самая интересная работа в мире, но мы справляемся с ней, как полагается». Фролих дождалась этого момента и нажала на кнопку «пауза». Трое уборщиков застыли перед дверью в кабинет Стивесанта.

— Кто они такие? — поинтересовался Ричер.

— Сотрудники, нанятые правительством и работающие непосредственно на него, — пояснила Фролих. — Большинство тех, кто убирает офисы в нашем городе, трудятся по контракту. При этом у них минимальная зарплата. Никаких привилегий, высокая текучесть кадров и, кроме того, зачастую их вообще и за людей-то не считают. И так не только в Вашингтоне, а в любом городе. Но мы нанимаем этих людей на несколько других условиях. То же самое происходит и в ФБР. Нам нужны надежные сотрудники. Для этого мы держим две бригады. Сначала они проходят собеседование, мы проверяем их со всех сторон, и если нас что-то в их биографии не устраивает, мы им отказываем. Но если нанимаем человека, то платим ему достойную зарплату, обеспечиваем его медицинским страхованием, плюс стоматологическим, оплачиваемым отпуском, ну и так далее. Они становятся членами нашего отдела, как и все остальные работники.

— И они соответствуют вашим требованиям?

Она кивнула:

— Безусловно. Как правило, это неутомимые труженики и знатоки своего дела.

— И все равно ты считаешь, что именно бригада уборщиков подсунула это письмо.

— К другому заключению я прийти не могла.

Ричер указал на экран:

— И где же твое письмо находится в данный момент?

— Может быть, в мешке для мусора, в плотном конверте. Может быть, при помощи липкой ленты приклеено к полочке тележки или даже к спине этого мужчины, под комбинезоном.

Она нажала на кнопку, и бригада вошла в кабинет Стивесанта. Дверь за ними закрылась. Камера продолжала тупо смотреть вперед. Счетчик отсчитывал секунды. Так прошло пять минут, семь, восемь. После этого пленка закончилась.

— Полночь, — объявила Фролих.

Она нажала на кнопку, магнитофон выбросил кассету, Фролих вынула ее и, вставив следующую, включила ее на обычной скорости, В углу экрана сменилось число — начинался четверг, но счетчик отсчитывал секунды ровно с полуночи. Цифры продолжали ползти. Так прошло еще две минуты, три, шесть...

— Они действительно трудятся на совесть, — заметила Нигли. — Наши уборщики за это время уже успели бы разделаться со всем зданием. Иногда мне кажется, что они убираются только там, где это наиболее заметно.

— Стивесант любит, чтобы у него в кабинете было идеально чисто, — напомнила Фролих.

В семь минут первого дверь открылась, и команда уборщиков вышла из комнаты.

— Итак, сейчас письмо, как ты полагаешь, уже должно лежать на столе, — сказал Ричер.

Фролих кивнула. На пленке, тем временем, уборщики занялись территорией, принадлежавшей секретарю. Они не пропускали ни одного дюйма площади: везде протирали пыль, орудовали тряпками, полировали поверхности. Пылесосом обработали каждый кусочек ковролина. Бумажный мусор вытряхивали в черный мешок, который теперь раздулся и стал вдвое больше. Мужчина, выглядевший немного растрепанным от усилий, потянул за собой тележку, и обе женщины удалились вслед за ним. Они исчезли с экрана в шестнадцать минут первого, и кабинет остался таким же тихим и пустынным, как до их прихода.

— Вот и все, — объявила Фролих. — В течение последующих пяти часов и сорока пяти минут ничего интересного на этой кассете снова не будет.

Затем мы меняем пленки, и на следующей продолжаем наблюдать эту картинку с шести часов до восьми, вплоть до того момента, когда на работу придет секретарь, а потом происходит все то, что рассказывают она и сам Стивесант.

— Как и следовало ожидать, — раздался мужской голос от двери. — И я считаю, что нашим словам можно доверять. В конце концов, я состою на службе у правительства вот уже двадцать пять лет, а мой секретарь и того больше, как мне кажется.

Глава 5

Мужчиной у двери оказался сам Стивесант. Сомневаться в этом не приходилось, и Ричер сразу узнал его по внешности, так как они только что просмотрели пленку с его участием. Перед ними очутился тот же высокий, широкоплечий и чуть сутулый господин лет пятидесяти с небольшим, но все еще сохранявший приличную форму. По-мужски красивое лицо, немного усталые глаза. Он был одет в костюм и, несмотря на воскресенье, оказался при галстуке. Фролих обеспокоено взглянула на босса. Тот же, в свою очередь, не сводил глаз с Нигли.

— Вы — та самая женщина на пленке, — тут же заявил он. — Вы были в четверг вечером на приеме в танцевальном зале гостиницы.

Он явно что-то лихорадочно соображал. Делал какие-то заключения, кое-что анализировал, после чего кивнул сам себе: очевидно, у него в голове все-таки что-то сошлось. Через пару секунд он перевел взгляд с Нигли на Ричера и шагнул внутрь кабинета:

— А вы — брат Джо Ричера, — негромко произнес он. — Вы очень на него похожи.

Ричер кивнул.

— Джек Ричер, — представился он и протянул руку.

Стивесант пожал ее и добавил:

— Я весьма сочувствую вашей потере. Правда, получается, что с опозданием на целых пять лет. Я понимаю все это, но должен сказать, что Министерство финансов до сих пор с любовью и уважением вспоминает вашего брата.

Ричер снова кивнул.

— А это Фрэнсис Нигли, — представил он свою помощницу.

— Ричер пригласил ее для участия в аудите, — пояснила Фролих.

Стивесант чуть заметно улыбнулся.

— Я так и понял, — кивнул он. — Мудрый шаг. И каковы же оказались результаты этой проверки?

В комнате стало тихо.

— Простите, сэр, если я вас чем-то обидела, — начала Фролих. — Я имею в виду, когда мы обсуждали просмотр пленки. Я просто хотела получше прояснить ситуацию.

— Так каковы же все-таки результаты вашего аудита? — повторил свой вопрос Стивесант.

Фролих ничего ему не ответила.

— Неужели все так уж плохо? — обратился к ней босс. — Ну что ж, так я и предполагал. Кстати, я неплохо знал Джо Ричера. Конечно, не настолько хорошо, как вы, но время от времени нам приходилось входить с ним в контакт. Он всегда оставлял о себе неизгладимое впечатление. И я могу только предположить, что его брат должен быть как минимум наполовину таким же сообразительным, как Джо. А мисс Нигли, наверное, еще лучше. Тогда становится неудивительным, почему они смогли отыскать способы пробраться туда, куда им было нужно. Я угадал?

— Причем целых три раза, — подтвердила Фролих.

Стивесант понимающе кивнул:

— Очевидно, это произошло в танцевальном зале, — начал он. — Не исключено, что в семейном домике, ну и, конечно же, на этой идиотской встрече у церкви в Бисмарке под открытым небом. Я снова угадал?

— Да, — тихо произнесла Фролих.

— Но это были исключительные операции, — заметила Нигли. — Вряд ли кто-то смог бы повторить все это.

Стивесант поднял вверх руку, останавливая ее.

— Давайте пройдем в конференц-зал, — предложил он. — Мне очень хочется поговорить с вами о бейсболе.

* * *

Он провел их узкими извилистыми коридорами в относительно просторную комнату без окон, расположенную в самом центре комплекса. В ней находился длинный стол с десятью стульями — по пять с каждой стороны. Под ногами лежал все такой же скучный серый ковролин, а над головой виднелись неизменные звукопоглощающие панели. Те же самые лампы дневного света. У одной стены находился низкий шкаф с запертыми дверцами, на котором стояли три

телефонных аппарата: два белых и один красный. Стивесант присел на один из стульев и жестом пригласил всех остальных устроиться на противоположной стороне. Ричер успел обратить внимание на доску объявлений, куда было прикреплено множество записок с пометкой «конфиденциально».

— Я буду предельно искренен, что со мной случается крайне редко, — начал Стивесант. — Но только временно, как вы понимаете, поскольку считаю, что должен вам кое-что объяснить. Кроме того, Фролих попросила вашей помощи с моего согласия, а также потому, что брат Джо Ричера как бы является членом нашей общей семьи и, следовательно, его помощница — тоже.

— Мы работали вместе с Джеком в военной полиции, — пояснила Нигли.

Стивесант кивнул, словно к этому умозаключению он уже успел прийти самостоятельно.

— Давайте поговорим о бейсболе, — предложил он. — Вы разбираетесь в этой игре? Следите за результатами своей любимой команды?

Присутствующие притихли в ожидании объяснений.

— Команда «Вашингтон Сенаторз» уже перестала выступать к тому времени, когда я очутился в столице, — продолжал Стивесант, — поэтому мне пришлось иметь дело с «Балтимор Ориолез», которая представляла собой самую безумную смесь игроков. Но вы понимаете, что такого уникального содержится в самой игре?

Стивесант улыбнулся, словно собирался начать хвалить бейсбол.

— Вы должны сразу понять, что я имею в виду, — кивнул он. — Дело в том, что бейсбольный сезон включает в себя сто шестьдесят две игры. Это намного больше, чем в любом другом виде спорта. Как правило, другие командные игры по количеству матчей за сезон вдвое уступают бейсболу. Возьмите, к примеру, баскетбол, хоккей, американский футбол, сокер или что угодно другое. И в этих видах спорта игрок привык мыслить так, что его команда, в принципе, может выиграть все матчи в текущем сезоне. Это достаточно мотивированная цель. Иногда даже бывают случаи, когда команда действительно побеждает во всех матчах сезона. Но вот только в бейсболе это невозможно. Лучшие команды, самые способные игроки, величайшие чемпионы — все они проигрывают примерно треть матчей, то есть пятьдесят-шестьдесят игр в году. И это не самые страшные цифры. Ну а теперь подумайте, каково должно приходиться этим игрокам с психологической точки зрения. Итак, вы — отличный спортсмен, способный, умелый. И при этом должны смириться с тем, что время от времени вам все равно придется проигрывать. К этому надо уметь привыкнуть, адаптироваться каким-то

образом. Иначе дела у вас в бейсболе не пойдут. Так вот, охрана президента или вице-президента в этом схожа с игрой в бейсбол. Таково мое мнение. Мы не можем постоянно выигрывать, поэтому привыкаем и к неизбежным одиночным потерям.

— Но вы проиграли только однажды, — вступила в беседу Нигли. — И это произошло давно, еще в 1963 году.

— Нет, — возразил Стивесант. — Мы проигрываем гораздо чаще, чем вам кажется. Но только не каждая потеря настолько велика. Здесь тоже возможно сравнение с бейсболом: не каждый удар является решающим, и далеко не каждый проигранный матч лишает вас возможности участвовать в национальном первенстве. Ну и при нашей работе не каждый промах означает, что мы обязательно должны потерять президента.

— И что вы хотите этим сказать? — поинтересовалась Нигли.

Стивесант немного подался вперед.

— А вот что: несмотря на то, что ваш аудит вскрыл кое-что, вы все же не должны терять веру в нас. Далеко не каждая ошибка стоит нам дорого. Да, я, конечно, понимаю, что такая позиция самоуверенной личности, без конца повторяющей «ну и что с того?» может показаться человеку постороннему опрометчивой и ничем не оправданной. Но и вы должны понять, что такая точка зрения нам просто необходима для выживания. Ваш аудит показал, что у нас имеются некоторые слабые места, и теперь мы должны решить, способны ли собственными силами прикрыть их или нет. И разумно ли будет прикрывать их. Право принятия этого решения я оставляю за Фролих. Это ее работа. Но сейчас я хочу только одного: чтобы вы не судили нас слишком строго и не сомневались в наших способностях и возможностях. Ну, как если бы вы1 выступали в роли простых граждан и частных лиц. Чтобы у вас не возникло чувства, будто мы постоянно терпим провалы, потому что никакого провала не произошло. Незначительные дыры всегда были, есть и будут появляться на нашем горизонте. И это тоже как бы является неотъемлемой составной всей нашей работы. Не забывайте, что мы живем при демократии. Привыкайте к такому положению дел.

И он откинулся на спинку стула, словно давая понять, что монолог закончен.

— А что вы можете сказать относительно той конкретной угрозы? — поинтересовался Ричер.

Стивесант помолчал несколько секунд, затем медленно покачал головой. Лицо его изменило выражение, да и вся атмосфера в комнате сразу нахмурилась вместе с ним.

— Вот на этом я перестаю с вами откровенничать, — заговорил босс. — Я предупреждал вас, что моя снисходительность будет временной. Должен заметить, что со стороны Фролих было величайшим промахом открывать перед вами существование любой угрозы. Могу только добавить, что нам приходится иметь дело с огромным количеством всевозможных угроз. Мы перехватываем их, после чего начинаем разбираться с каждым конкретным случаем отдельно. И то, как мы это делаем и какими силами и средствами, должно оставаться строго конфиденциальным и не выходить за пределы нашего здания. Теперь, я надеюсь, вы поймете, почему обязаны будете хранить молчание и никому и никогда не рассказывать о том, что увидели или услышали сегодня, как только выйдете отсюда на улицу. И не описывать посторонним лицам наши методы работы. Это обязательство предусматривается федеральным парламентским актом, и я вправе требовать от вас соблюдения всех наших внутренних правил.

В комнате повисла тишина. Ричер молчал. Нигли, похоже, даже не дышала. Фролих выглядела расстроенной. Стивесант не обращал на нее внимания, и только сверлил взглядом Джека и Нигли, сначала враждебно, а затем словно задумавшись о чем-то. Было видно, что босс о чем-то лихорадочно размышляет. Затем он поднялся со своего места и направился к низенькому шкафчику с телефонами. Он присел перед ним, открыл стеклянные дверцы и достал оттуда два желтых блокнота и две шариковые ручки. Затем вернулся к столу, положил по блокноту и по ручке перед Ричером и Нигли, обошел стол и вернулся на место.

— Напишите ваше полное имя и фамилию, — начал босс. — Кроме того, укажите средние имена, прозвища и псевдонимы, если таковые имеются. Потом дату рождения, номер карты социального страхования, индивидуальный военный номер, а также место жительства на настоящий момент.

— Для чего? — поинтересовался Ричер.

— Я просто прошу вас сделать это, — уклонился от ответа Стивесант.

Ричер несколько секунд о чем-то думал, потом взял ручку. Фролих взволнованно смотрела на него. Нигли тоже бросила на бывшего коллегу мимолетный взгляд, неопределенно пожала плечами и принялась писать. Ричер выждал еще мгновение и последовал ее примеру. Правда, закончил он раньше Нигли, поскольку не имел ни среднего имени, ни постоянного адреса. Стивесант подошел к ним и забрал со стола блокноты. Ничего не говоря, он сунул их под мышку и удалился из комнаты, громко хлопнув дверью.

— У меня, похоже, начинаются неприятности, — вздохнула Фролих. — Да и вам я доставляю столько хлопот.

— Ни о чем не волнуйся, — посоветовал Ричер. — Он заставит нас подписать какой-нибудь договор или обязательство хранить молчание, вот и все, а ушел потому, что ему надо отпечатать текст этого соглашения.

— Но как он собирается поступить со мной?

— Да никак, судя по всему.

— Понизит в должности и звании? Или попросту уволит?

— Он сам дал согласие на аудит, который потребовался из-за угроз. Эти две вещи взаимосвязаны. Мы скажем ему, что своими расспросами вынудили тебя рассказать нам об угрозах.

— Он все равно меня уволит, — упрямо повторила Фролих. — Кроме всего прочего, он очень не хотел, чтобы я затевала весь этот аудит, все пытался убедить меня, что это только усиливает мою неуверенность в себе.

— Чушь все это, — поморщился Ричер. — Нам постоянно приходилось выполнять нечто подобное.

— К тому же, такие проверки помогают окрепнуть самоуверенности, — добавила Нигли. — Это я помню по опыту. Лучше наверняка знать свои недостатки, чем только надеяться на лучшее.

Фролих отвернулась и ничего не ответила. В комнате снова стало тихо. Все ждали возвращения Стивесанта. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Ричер поднялся из-за стола и потянулся, затем подошел к низенькому шкафчику и взглянул на красный телефон. Немного подумав, он поднял трубку и прислушался, но никаких гудков не последовало, и он подожил ее на место. Затем быстро просмотрел конфиденциальные записки на доске объявлений. Потолок в комнате оказался низким, и Джек чувствовал тепло от ламп наверху. Он вернулся за стол и повернул свой стул так, чтобы можно было положить ноги на соседний. Прошло двадцать минут с тех пор, как босс удалился из конференц-зала.

— Куда же он запропастился? — недоумевал Ричер. — Может быть, решил напечатать все самостоятельно?

— Или созывает своих агентов, — высказала предположение Нигли. — Тогда мы отправимся в тюрьму. Чем и будет гарантировано наше пожизненное молчание и неразглашение государственных тайн.

Ричер зевнул и улыбнулся:

— Мы дадим ему на все сборы еще десять минут, а потом просто уйдем отсюда и где-нибудь пообедаем.

Стивесант вернулся через пять минут. Он тихо вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. В руках у него не было никаких бумаг. Он уселся на свое прежнее место, положил обе ладони на стол и принялся выбивать кончиками пальцев какой-то быстрый ритм.

— Ну ладно, — начал он. — На чем мы остановились? Если не ошибаюсь, у Ричера был ко мне какой-то вопрос.

Ричер снял ноги со стула и повернулся лицом к Стивесанту.

— Правда? У меня? — переспросил он.

Босс кивнул.

— Вы спрашивали о той самой угрозе, которая пришла на имя вице-президента, а потом появилась у меня в кабинете. Что ж, могу только сказать, что она исходит либо извне, либо изнутри. Или то, или другое, потому что третьего не дано.

— Теперь мы уже можем обсуждать это?

— Мы как раз этим и занимаемся, — подтвердил Стивесант.

— Почему? Что-то изменилось?

Но Стивесант проигнорировал этот вопрос.

— Если эта угроза исходит от кого-то извне, то стоит ли нам так серьезно волноваться? — продолжал босс. — По всей вероятности, не стоит, потому что все это опять-таки напоминает бейсбол. Если в город приезжают «Янки» и утверждают, что разобьют в пух и прах команду «Ориолез», означает ли это, что на самом деле все произойдет именно так? Хвастаться — это одно, а побеждать — совсем другое.

Все дружно промолчали.

— Мне хочется, чтобы вы внесли посильный вклад в это дело, — продолжал Стивесант. — И высказали свое мнение, если оно уже успело сложиться.

Ричер неопределенно пожал плечами.

— Ну хорошо, — начал он. — Значит, вы все-таки склонны считать, что угроза исходит от совершенно постороннего человека?

— Нет. Мне кажется, что это внутренняя угроза, и нацелена она на то, чтобы запугать Фролих и расстроить ей карьеру. А теперь спросите меня, что я намерен предпринять в связи со сложившийся ситуацией.

Ричер посмотрел на босса, затем на свои часы, зачем-то бросил взгляд на стену. Вот так проходит воскресный вечер, а я глубоко увяз в треугольнике Вашингтон — Мэриленд — Виргиния.

— Я догадываюсь о ваших планах, — признался Джек.

— Неужели?

— Вы собираетесь нанять меня и Нигли с тем, чтобы мы провели внутреннее расследование.

— Вот как?

Ричер утвердительно кивнул.

— Если вы опасаетесь запугивания, исходящего из самой системы, значит, вам просто необходимо провести такое расследование. Это же очевидно. Но вы не станете использовать своих сотрудников, так как случайно можете назначить на данную роль виновника всей заварушки. А ФБР сюда впутывать вам тоже не хочется, потому что правительственная служба так не работает, и никому не интересно выставлять свое грязное белье напоказ. Вот потому вам и потребовался посторонний человек. И двое таких кандидатов как раз сейчас сидят прямо перед вами. Они уже вмешались в это дело, потому что в курс его их ввела Фролих. Поэтому вам остается либо прервать наше вмешательство, либо, напротив, расширить его. Вы, конечно, выберете второй вариант, поскольку в этом случае вам не придется искать недостатки у отличного агента, которого вы недавно сами же и повысили. Итак, сможете ли вы использовать нас? Конечно, сможете. Кто справится с задачей лучше, чем младший брат Джо Ричера? Тем более, что в Министерстве финансов Джо считается чуть ли не святым. Итак, извините за грубость, ваша задница, как говорится, прикрыта. И моя, кстати, тоже. Из-за Джо я автоматически заручаюсь вашим доверием с самого начала. Кроме того, я был неплохим специалистом и следователем в военной полиции. И Нигли тоже. Вам это теперь известно, потому что вы все успели проверить. Мне кажется, что вы потратили двадцать пять минут на то, чтобы навести о нас справки в Пентагоне и Агентстве Национальной Безопасности. Вот почему вы и попросили нас написать свои данные. Они проверили нас по компьютерам и вышло, что мы чисты. Более того, я уверен, что мы все же входим в списки отличившихся во время службы, и наша характеристика оказалась даже лучше, чем вы могли предполагать.

Стивесант утвердительно кивнул. Он выглядел удовлетворенным своими поисками.

— Изумительная способность к анализу, — заметил он. — Вы получите работу, как только у меня на руках будут письменные копии по проверке вашей благонадежности, то есть через час или два.

— Вы и это можете? — поинтересовалась Нигли.

— Я могу очень многое, — кивнул Стивесант. — Президенты предпочитают наделять большой властью тех, кто, как они надеются, помогает им оставаться живыми.

И снова в комнате наступила тишина.

— Войду ли я в ваш список подозреваемых? — в свою очередь осведомился Стивесант.

— Нет, — тут же ответил Ричер.

— Возможно, все же меня тоже следовало бы иметь в виду. Более того, поставить в этот список под номером один. Не исключено, что я был вынужден повысить женщину только оттого, что испытывал временное давление со стороны, но в душе до сих пор противлюсь своему решению. Поэтому-то я и решил действовать за ее спиной, чтобы заставить впасть в панику и, таким образом, дискредитировать себя.

Ричер промолчал.

— Я мог бы подыскать кого-нибудь из своих приятелей или родственников, у которых никогда не снимали отпечатков пальцев, и уж, конечно, мог сам вечером в среду, в половине восьмого, положить это письмо себе на стол, предупредив своего секретаря, чтобы она сделала вид, будто ничего не заметила. Она, разумеется, послушно выполнила бы все мои инструкции. Или еще проще: велеть незаметно пронести его бригаде уборщиков. Они бы тоже повиновались моим приказам. Но точно так же они бы послушались и приказаний Фролих, вот почему она, возможно, должна стать вашей подозреваемой номер два. У нее тоже может оказаться друг или родственник, у которого никогда и нигде не брали отпечатков пальцев. А задумать все это она могла с той целью, чтобы эффектно разобраться в ситуации и заработать себе дополнительное доверие со стороны сослуживцев.

— Только все дело в том, что я ничего подобного не устраивала, — вмешалась Фролих.

— Никто из вас двоих подозреваемым не будет, — уверенно произнес Ричер.

— Почему нет? — поинтересовался Стивесант.

— Потому что Фролих пришла ко мне совершенно добровольно. Кроме того, она знала кое-что обо мне от моего брата. Вы же наняли нас сразу

после того, как ознакомились с нашими послужными списками. Ни один из вас не стал бы этого делать, если бы у вас имелось что-то, что вы должны тщательно скрывать. Слишком уж рискованно.

— А может быть, мы считаем себя умнее вас, — не отступал Стивесант. — И внутреннее расследование, которое оставит нас вне подозрения, было бы наилучшим прикрытием.

Но Ричер снова отрицательно покачал головой:

— Вы оба не настолько глупы.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес босс. — Тогда давайте согласимся с тем, что тут действует какой-то завистливый господин, находящийся внутри нашей организации. Можно также предположить, что у него имелся сговор с бригадой уборщиков.

— Это может оказаться и женщина, — заметила Фролих.

— А где сейчас находятся эти уборщики? — спросил Ричер.

— Временно отстранены от работы, — пояснил Стивесант. — Они пока что сидят дома, но зарплата им идет полностью. Они живут вместе. Одна из женщин является женой мужчины, а вторая — ее сестрой. Пока что вторая бригада работает в две смены, и это обходится мне в целое состояние.

— Что же говорят они сами?

— Они ничего не знают и не понимают. Никакого листка они в кабинет не вносили, никогда его не видели, и когда они убирали кабинет, на столе его якобы не было.

— Но вы им не поверили.

Стивесант долго молчал. Некоторое время он теребил пальцами манжеты рубашки, затем снова спокойно положил обе ладони на стол.

— Это надежные работники, — наконец, заговорил он. — Они очень нервничают оттого, что попали под подозрение. И весьма расстроены. Я бы даже сказал, перепуганы. Но в то же время им удается сохранять спокойствие. Как будто они уверены в том, что нам все равно не удастся ничего доказать, словно они и в самом деле ничего криминального не совершали. Они немного озадачены, но все трое при этом успешно прошли тест на детекторе лжи.

— Значит, вы им верите.

Стивесант отрицательно покачал головой:

— Я не могу им поверить. Как же можно? Вы же сами видели пленки. Кто же тогда, по-вашему, мог положить эту проклятую бумагу на мой стол? Привидение?

— И каково же ваше мнение?

— Я полагаю, что кто-то из тех людей в нашей системе, кого они хорошо знали, попросил их положить этот лист, и пояснил, что это обычное дело, некий тест, проверка, что-то вроде военной игры с секретными миссиями. Он убедил их, что тут нет никакого вреда, и рассказал о том, что может ожидать их впоследствии в смысле допросов и проверки при помощи детектора лжи. По-моему, этого достаточно, чтобы нормальный человек мог спокойно пройти подобный тест. Ведь они были уверены в том, что не совершили ничего незаконного, и их поступок никак не мог привести к нежелательным последствиям. Напротив, они, наверное, убеждены, что даже помогли нам.

— Это они вам сами говорили? Вы успели их допросить с пристрастием?

Но Стивесант только покачал головой:

— Нет, это я предоставляю вам. Я не слишком хорошо умею допрашивать людей.

Ричер промолчал.

* * *

Он удалился так же внезапно, как и возник. Просто поднялся, вышел из комнаты и исчез за дверью. Ричер, Нигли и Фролих остались за столом одни, при полном свете и в тишине.

— Вас не слишком будут здесь жаловать, — предупредила Фролих. — К тем, кто проводит внутреннее расследование, обычно относятся не очень благосклонно.

— Меня вовсе не интересует благосклонность ваших сотрудников, — заметил Ричер.

— Но у меня есть своя работа, — напомнила Нигли.

— Возьми отпуск, — посоветовал Ричер. — Побудь здесь со мной среди неблагосклонных людей.

— А мне за это заплатят?

— Я в этом уверена, — кивнула Фролих.

Нигли неопределенно пожала плечами:

— Хорошо. Моим партнерам, наверное, это предложение даже покажется престижным. Вы же сами понимаете, как это звучит: работа

на правительство! В таком случае, мне сейчас лучше вернуться в гостиницу и сделать несколько звонков, чтобы убедиться, смогут ли они там просуществовать без меня неопределенное время или нет.

— А ты не хочешь сначала пообедать? — предложила Фролих.

Нигли отрицательно покачала головой:

— Нет, я перекушу у себя в номере. А вы вдвоем пойдите пообедайте.

Они втроем двинулись по извилистым коридорам в офис Фролих, откуда та вызвала шофера для Нигли. Затем Фролих проводила ее до гаража, а когда снова поднялась наверх, то увидела, что Ричер спокойно сидит за ее столом, о чем-то размышляя.

— У вас с ней что-то вроде любовных отношений? — поинтересовалась Фролих.

— У кого?

— У тебя с Нигли.

— А почему ты спрашиваешь?

— По-моему, она расстроилась оттого, что мы с тобой будем обедать вдвоем.

Но он лишь покачал головой:

— Нет, ничего такого между нами нет.

— И никогда не было? Мне показалось, что вы очень близки.

— Неужели?

— По-моему, ты ей нравишься, а она нравится тебе. Кроме того, она очень умна.

Джек кивнул:

— Да, она мне нравится, и она действительно умная женщина. Но между нами никогда не было любовных отношений.

— Почему нет?

— Почему? Потому что не было, и все. Ты меня понимаешь?

— Наверное.

— Правда, я не понимаю, почему тебя это так заинтересовало. Ты ведь бывшая подруга моего брата, а не моя. Я даже не знаю, как тебя зовут.

— Эм-И, — напомнила Фролих.

— И что значит, например, это «Эм»? Марта? Или Милдред? А "И"? Если учитывать, как различается произношение и написание некоторых имен, это может быть и Энеида, и даже Элизабет.

— Пошли, — предложила Фролих. — Пообедаем у меня дома.

— У тебя?

— В воскресенье вечером в ресторан очень трудно попасть. Да они мне и не по карману. Кроме того, у меня дома остались кое-какие вещи Джо. Наверное, мне нужно будет передать их тебе.

* * *

Фролих жила в опрятном домике с террасой в скучном районе по другую сторону Анакостии, рядом с авиабазой Боллинг. Это был один из тех городских домов, в котором хочется закрыть шторами окна и сосредоточиться на интерьере. С улицы к дому вела дорожка через небольшую автостоянку. Деревянная дверь открывалась в симпатичный вестибюль, переходящий в гостиную. Все здесь дышало уютом: деревянные полы, пушистый ковер, старомодная мебель. Портативный телевизор с подключенным к нему стабилизатором. Книги на полках, небольшой музыкальный центр и множество дисков. Обогреватели работали на полную мощь, и Ричер сразу снял куртку и повесил ее на спинку стула.

— Мне очень не хочется удостовериться в том, что это человек из нашей системы, — призналась Фролих.

— И все же это будет лучше, чем реальная угроза извне.

Она кивнула и направилась в дальнюю часть комнаты, туда, где за аркой начиналась кухня. Здесь она как-то неуверенно осмотрелась, словно не понимая, для чего предназначаются все эти полки и кухонная утварь.

— Можно позвонить и заказать китайскую еду, — предложил Ричер.

Фролих сняла куртку и аккуратно положила на табурет.

— Наверное, так будет лучше всего, — согласилась она.

На Фролих была белая блузка, и без куртки она стала выглядеть более женственной. На кухне горели обычные лампочки, но включены они были в полнакала, что выгодно оттеняло ее кожу в отличие от яркого люминесцентного освещения служебных помещений. Ричер взглянул на женщину и увидел то, что, наверное, сумел разглядеть Джо еще восемь лет назад. В одном из ящиков она отыскала брошюру фирмы, развозящей обеды по домам, и их меню. Она тут же позвонила им и заказала две порции кислого супа и жареных цыплят по рецепту генерала Цо.

— Нам этого хватит? — спросила она Джека.

— Конечно. К тому же ты выбрала именно те блюда, которые обожал Джо.

— У меня остались кое-какие его вещи. Я хочу показать тебе их.

Она провела его назад в вестибюль, откуда они поднялись наверх, в гостевую комнату. Здесь стоял большой одностворчатый шкаф. Фролих открыла дверцу, и внутри автоматически зажглась лампочка. В шкафу был собран, в основном, всякий хлам, но на вешалках красовались мужские костюмы и рубашки, большинство из которых были до сих пор упакованы в полиэтиленовые мешки из химчистки. От времени полиэтилен даже успел пожелтеть.

— Это все принадлежало ему, — пояснила Фролих.

— И он решил оставить их здесь? — удивился Ричер.

Она дотронулась до плеча одного из пиджаков через полиэтилен.

— Я посчитала, что он вернется за ними, — сказала Фролих. — Но он не приходил целый год. Наверное, они просто были ему не нужны.

— Скорее всего, у него было очень много костюмов.

— Две дюжины, не меньше, — кивнула Фролих.

— Как может человек иметь двадцать четыре костюма? — удивился Джек.

— Он был франтом, любил одеваться со вкусом, — пояснила она. — Ты должен был это помнить.

Джек застыл на месте. Насколько он знал и помнил своего брата, Джо умудрялся обходиться одной парой шортов и единственной футболкой. Зимой он переодевался в форму цвета хаки. Ну а если становилось очень холодно, добавлял к своему костюму старую потертую летную куртку. Вот и весь его гардероб. На похоронах матери он был одет в официальный черный костюм, который, как предположил Джек, он взял напрокат. Возможно, он ошибался. Не исключено, что работа на правительство изменила Джо отношение к одежде.

— Ты должен забрать все это себе, — предложила Фролих. — В любом случае, они по наследству должны принадлежать тебе. Если не ошибаюсь, ты единственный его родственник, оставшийся в живых.

— Не ошибаешься.

— Еще коробка с разными вещами, — добавила Фролих. — Там сложено то, что он оставил здесь, в этом доме.

Он проследил за ее взглядом и увидел на дне шкафа закрытую картонную коробку.

— Расскажи мне о Молли Бет Гордон, — попросил Джек.

— Что именно?

— Они ведь погибли вместе, я подумал, что между ними что-то было.

Она покачала головой:

— Они были близки, это понятно. Но они работали вместе, она была его помощницей, а Джо никогда не стал бы встречаться с женщиной со своей работы.

— А почему вы с ним разошлись?

В этот момент внизу кто-то позвонил в дверь. Звонок показался особенно громким в тишине воскресного вечера.

— Привезли еду, — кивнула Фролих.

Они спустились на первый этаж и поужинали на кухне в полной тишине. При этом каждый из них чувствовал себя одновременно и близким другому и очень далеким. Так ощущают себя пассажиры самолета во время длительного рейса, словно ты чем-то связан с остальными, но если задуматься, то понимаешь, что между вами, собственно, нет ничего общего.

— Ты можешь оставаться здесь на ночь, если хочешь, — разрешила Фролих.

— Я еще не выписался из гостиницы.

Она кивнула:

— Тогда выпишешься завтра и можешь устраиваться у меня.

— А как насчет Нигли?

Фролих помолчала секунду и предложила:

— Если захочет, пусть тоже гостит у меня. Там, на третьем этаже, есть еще одна свободная спальня.

— Договорились.

Они закончили ужин, и Джек сам выбросил контейнеры, а тарелки сполоснул. Фролих включила посудомоечную машину. Затем зазвонил ее телефон. Она долго разговаривала с кем-то из гостиной, затем вернулась на кухню.

— Это Стивесант, — пояснила она. — Он формально разрешает вам начинать действовать.

Джек кивнул:

— Тогда звони Нигли и говори ей, чтобы она одевалась и была готова на выезд.

— Прямо сейчас?

— Конечно. Если проблема ясна, ее надо решать. Именно так я привык работать. Пусть Нигли ждет нас через полчаса у входа в гостиницу.

— С чего ты собираешься начать?

— С видеокассет, — ответил Джек. — Мне надо просмотреть их еще раз. Кроме того, хочу познакомиться с сотрудником, который занимается этими пленками.

* * *

Через полчаса они подхватили Нигли, которая уже ждала на тротуаре у гостиницы. Она переоделась в черный костюм — короткий пиджак и узкие брюки, плотно обтягивающих ее ноги. Особенно привлекательно она смотрелась сзади, как посчитал Ричер. Более того, ему даже показалось, что Фролих тоже сумела оценить фигуру Нигли. Однако Фролих предпочла держать свое мнение при себе. Она молча вела машину, и уже через пять минут они снова очутились в офисах Секретной службы. Фролих отправилась к себе, оставив Ричера и Нигли с сотрудником, который отвечал за видеонаблюдение и кассеты. Это был худощавый нервный молодой человек, вырядившийся по случаю воскресенья и сразу же явившийся по вызову, узнав, с кем ему предстоит познакомиться. Поначалу казалось, что он не совсем понимает, что от него требуется. Затем он подвел Ричера и Нигли к стойке с полками, размером со шкаф, на которой стояло множество видеомагнитофонов. Одна из стен его кабинета с пола до потолка была забита сотнями видеокассет в одинаковых черных футлярах, стоявших рядами. Сами магнитофоны все как один были серыми и невзрачными рабочими инструментами. Кабинет опутывали бесконечные провода, на свободных стенах повсюду виднелись приклеенные листочки с записками, слышалось урчание моторов работающих магнитофонов, и в воздухе чувствовался запах разогретых монтажных плат.

Тут и там мигали зеленые светодиоды, указывающие время видеозаписи.

— Собственно, система следит за собой сама, — пояснил молодой человек. — К каждой камере подсоединены четыре видеомагнитофона, запись на пленку длится четыре часа, поэтому пленки мы меняем раз в

сутки. Эти записи хранятся в течение трех месяцев, после чего их можно снова использовать.

— Скажите, а где сейчас находятся оригиналы с записями, о которых идет речь? — поинтересовался Ричер.

— Вот здесь, — ответил молодой человек. Он порылся в кармане и отыскал связку маленьких медных ключиков на кольце. Затем сел на корточки и открыл один из шкафов, откуда сразу же извлек три кассеты.

— Вот эти три я переписывал для Фролих, — пояснил он, не вставая.

— Мы сможем где-нибудь просмотреть их?

— Но они ничем не отличаются от копий.

— При копировании теряется множество мелочей, — ответил Ричер. — И мое первое правило гласит: иметь дело лишь с оригиналами.

— Ну хорошо, — кивнул молодой человек. — Вы можете просмотреть их прямо здесь.

Он неуклюже поднялся на ноги, затем придвинул к Ричеру и Нигли свободную скамейку, на которую поставил какое-то оборудование, после чего повернул к ним монитор и включил плейер, стоявший неподалеку. На экране высветился серый прямоугольник.

— На этих штуках не предусмотрены пульты управления, — пожал плечами юноша. — Вам придется пользоваться кнопками.

И он передал Ричеру три футляра с кассетами в том порядке, в котором они были записаны.

— У вас тут стулья есть? — осведомился Джек.

Парень в один прыжок скрылся куда-то за дверь, и через некоторое время вернулся, волоча за собой два стула, таких, которыми пользуются машинистки. Ему было нелегко установить их перед скамейкой, но когда он справился с этой задачей, то печально осмотрел свой кабинет, словно ему очень не хотелось оставлять в своих владениях двух незнакомцев.

— Я, наверное, подожду в фойе, — неуверенно произнес он. — Когда закончите, позовите меня.

— А как вас зовут? — поинтересовалась Нигли.

— Нендик, — чуть слышно отозвался юноша.

— Хорошо, Нендик. Мы обязательно вас позовем.

Когда он вышел из кабинета, Ричер вставил в аппарат третью кассету.

— Знаешь что? — неожиданно обратилась Нигли к Джеку. — Этот тип даже глазом не моргнул, когда увидел мою задницу.

— Неужели?

— Как правило, когда я в этих брюках, на меня все парни глазеют.

— Правда?

— Практически все.

Ричер не сводил взгляда с пока еще пустого экрана.

— Может быть, он голубой? — высказал он свое предположение.

— Но у него на пальце обручальное кольцо.

— Значит, он старается вести себя прилично и не поддаваться распутным чувствам. Или устал от работы.

— Или это я старею, — вздохнула Нигли.

Ричер нажал на кнопку перемотки, и мотор зажужжал.

— Это третья пленка, — пояснил он. — Утро четверга. Теперь мы будем просматривать записи с конца.

Плейер начал перематывать пленку на большой скорости. Ричер устроился рядом с ним, чтобы нажимать на нужные кнопки. На экране возник пустой офис, и цифры мелькали до тех пор, пока не дошли до времени 7:55. Здесь Ричер запустил плеер на обычную скорость и остановил кадр на «паузу», когда таймер показывал ровно восемь утра, и в офис вошла секретарь. Ричер нажал на кнопку обычного хода, и секретарь, сняв пальто, повесила его на вешалку. Затем, не доходя трех футов до двери Стивесанта, нагнулась над своим столом.

— Она устраивает свою сумочку на нижнюю полку-подставку, — пояснила Нигли.

Секретарь, женщина лет шестидесяти, на секунду повернулась лицом к камере. У нее было добродушное и одновременно строгое лицо, как и подобает почтенной женщине. Она тяжело опустилась на стул, уселась поудобней и открыла какую-то книгу, лежавшую на столе.

— Проверяет расписание на день, — предположила Нигли.

Секретарь некоторое время изучала дневник, затем переключила свое внимание на пачку записок. Некоторые она переложила в ящик, другие проштамповала и переместила с правой стороны стола на левую.

— Ты когда-нибудь видела такое количество бумажной работы? — поразился Ричер. — Еще больше, чем в армии.

Дважды секретарь была вынуждена прерывать оформление записок, поскольку отвечала на телефонные звонки. Но она не поднималась со своего стула ни разу. Ричер промотал пленку вперед, до того самого момента, когда в офисе появился Стивесант. Восемь часов десять минут утра. Босс был одет в темный плащ, черный или темно-серый. В руке он держал тонкий дипломат. Снял плащ и повесил его на вешалку. После этого подошел к секретарю, и она повернула голову к боссу, словно что-то говорила ему. Он положил свой дипломат на ее стол, точно на угол, чуть подровнял его по обрезу стола, затем нагнулся поближе к женщине, будто теперь что-то отвечая ей, кивнул, прошел к двери своего кабинета уже без дипломата и исчез внутри. Таймер отсчитал четыре секунды. Босс уже стоял в дверях и подзывал к себе секретаря.

— Вот сейчас он обнаружил эту бумагу, — сказал Ричер.

— Весь этот эпизод с дипломатом кажется мне странным и непонятным, — вмешалась Нигли. — Почему он оставил его на столе секретаря?

— Наверное, у него была назначена встреча на утро, — предположил Ричер. — Он его и оставил у секретаря, потому что знал, что ему очень скоро все равно придется уехать.

Он промотал пленку еще на час вперед. Люди входили и выходили из офиса. Дважды здесь успела побывать Фролих. Потом прибыла команда криминалистов. Уходя, они прихватили с собой письмо в пластиковом пакете для вещественных доказательств. Ричер запустил пленку задом наперед, и утро в офисе закрутилось в обратном направлении. Сначала уехали специалисты из лаборатории ФБР, потом они появились в кабинете. Фролих выходила из офиса и заходила в него два раза, появился и ушел Стивесант, и наконец из кабинета окончательно удалилась секретарь.

— Ну, а теперь начинается самая скучная часть, — предупредил Ричер. — Несколько часов абсолютного бездействия.

На экране остался пустой офис, и только цифры бешено поскакали назад. В комнате ничего не происходило. Все подробности обстановки просматривались на этой пленке лучше, чем на копии, хотя это ничем не помогало. В общем, изображение оставалось серым и слегка размытым. Для камеры наблюдения качество, в общем, было терпимым, но премию за техническое совершенство эта лента, конечно, не получила бы никогда.

— Знаешь что? — вдруг вспомнил Ричер. — Я был полицейским тринадцать лет, и никогда ничего полезного для себя не обнаруживал на таких вот пленках видеонаблюдения. Ни разу.

— И я тоже, — призналась Нигли. — А сколько часов приходилось проводить вот так, как мы с тобой сейчас!

На пленке появилось время 6 часов утра, и кассета остановилась. Ричер вставил в плеер вторую кассету, быстро перемотал ее и продолжил тщательный поиск улик, снова просматривая запись задом наперед. Таймер прокрутил ему время сначала до пяти утра, потом перешел на четыре часа. В офисе царили полное спокойствие и тишина. Все оставалось на своих местах и было таким же серым и унылым.

— А почему мы занимаемся этим сегодня? — поинтересовалась Нигли.

— Потому что я очень нетерпеливый парень, — ответил Ричер.

— Ты хочешь отвоевать одно очко у этих штатских, да? Показать им, как работают настоящие профессионалы?

— Ничего доказывать мне не придется, — отмахнулся Ричер. — Мы уже ведем у них со счетом три с половиной — ноль.

Он нагнулся поближе к экрану, пытаясь сконцентрироваться на утомительной картинке. Итак, таймер показывал четыре часа утра. Ничего не происходило. Никто и не думал проносить письмо в офис.

— А может быть, есть другая причина, по которой ты решил заняться просмотром кассет именно сегодня, — не унималась Нигли. — Наверное, ты просто решил победить по очкам своего брата.

— И в этом тоже нет необходимости. Я отлично знаю, чего каждый из нас стоит в сравнении друг с другом. И мне совершенно неважно, что по этому поводу думают остальные.

— А что с ним произошло?

— Он погиб.

— Я, хоть и с опозданием, но все же успела об этом догадаться.

— Его убили при исполнении служебных обязанностей. Это случилось сразу после того, как я ушел из армии. В Джорджии, чуть к югу от Атланты. У него была тайная встреча с информатором, который должен был передать кое-какие сведения о фальшивомонетчиках. Это было нужно для проведения важной операции. Но на месте встречи его ждала засада. Ему дважды выстрелили в голову.

— Убийц поймали?

— Нет.

— Это кошмарно.

— Не совсем так. Я сам лично с ними разделался.

— Как?

— А что ты сама думаешь?

— Ну, не знаю… Расскажи.

— Это была команда «отец и сын». Сына я утопил в бассейне, а отца сжег на костре, предварительно выстрелив ему в грудь.

— Тогда все в порядке.

— Мораль проста: не связывайся ни со мной, ни с теми, кто мне близок. Очень жаль, что они не знали этого с самого начала.

— Тебе не пытались отомстить?

— Я очень быстро исчез и необходимое время оставался в тени. Ради этого я даже не присутствовал на похоронах.

— Все это ужасно.

— Тот парень, с которым он должен был встретиться, тоже свое получил. Он умер от потери крови у эстакады, прямо рядом с шоссе. Там еще присутствовала женщина. Она была помощницей Джо, из его офиса, Молли Бет Гордон. Они ударили ее ножом уже в аэропорту Атланты.

— Я обратила внимание на ее имя в списках погибших.

Ричер молчал, а пленка продолжала крутиться в обратную сторону. Три часа утра, потом два пятьдесят. Затем два сорок. И ничего не происходит.

— В общем, там с самого начала дело было гнилое. И в том, что произошло, была и его вина.

— Это жестоко.

— То есть для него это оказалось не простой прогулкой. Я хочу сказать, что, если ты отправляешься на заранее спланированную и обговоренную встречу, разве там может быть засада?

— Нет.

— Вот именно.

— Я бы повела себя так, как привыкла в подобных случаях, — принялась объяснять Нигли. — Ну, прибыла бы на место часа за три до свидания, все бы там пронюхала, заблокировала все подъезды…

— А Джо не побеспокоился об этом. Он словно находился внутри себя самого. Так с ним было всегда. Он казался крутым парнем. Представь себе рост и вес настоящего великана-богатыря: он выглядел как надежный кирпичный дом. Руки как лопаты, а лицо даже чем-то напоминало боксерскую перчатку. Мы с ним внешне чем-то похожи, но мыслили по-разному. В глубине души он действительно ставил голову на первое место и казался мне каким-то неестественно чистым. Даже наивным. Он никогда не думал о людях плохо. И вся жизнь для него была чем-то вроде шахматной партии. Вот ему звонят, он договаривается о встрече и выезжает на место. Как будто передвигает на доске своего офицера или ладью. Он просто не ожидал, что кто-то мог его опередить, приехать туда раньше и взорвать к чертовой матери всю его шахматную доску вместе с фигурами.

Нигли промолчала. Пленка продолжала показывать пустой офис, в котором ровным счетом ничего не происходило. Все предметы обстановки по-прежнему оставались на своих местах.

— Я очень сердился из-за того, что он проявил такую неосторожность, — вздохнул Ричер. — А потом понял, что не имею права обвинять его в этом. Чтобы быть беспечным, сначала надо знать, о чем нужно побеспокоиться. А он этого не знал. Он не видел опасности. Не думал о ней.

— И что же?

— Получается, я сердился на себя самого за то, что сам не выполнил за него эту миссию.

— А разве ты мог бы?

Ричер покачал головой.

— Я не видел его семь лет и понятия не имел, где он находится. Аон ничего не знал обо мне. Но все равно, кто-то такой же, как я, должен был это сделать за него. А Джо должен был попросить помощи.

— Он был настолько гордым?

— Нет, настолько наивным. И это его погубило.

— А он мог что-то сделать уже на месте?

Ричер поморщился.

— Эти типы оказались почти профессионалами по нашим меркам. Наверное, у него все же оставался какой-то шанс, но действовать надо было инстинктивно и очень быстро, все решали доли секунды. Что касается инстинктов, то у Джо они были похоронены где-то очень

глубоко. Очевидно, в тот момент он просто перестал думать. Так с ним случалось. К тому же, он отличался скромностью.

— Наивный и скромный, — подытожила Нигли. — Ну, здесь о нем совсем другого мнения.

— Здесь он действительно казался крутым и неповторимым парнем. Все относительно.

Нигли поерзала на стуле, не отводя глаз от экрана.

— Подожди, — сказала она. — Приближается полночь.

Таймер показывал половину первого. В шестнадцать минут первого из темноты коридора показалась бригада уборщиков. Ричер смотрел на их работу при увеличенной скорости, пока они не вышли из кабинета Стивесанта в семь минут первого. Затем он включил нормальный ход ленты и просмотрел в обычной скорости эпизод, когда бригада занималась уборкой офиса секретаря.

— Ну и что ты об этом думаешь? — поинтересовался Джек.

— Выглядят они вполне прилично.

— А если они оставили там письмо, могли бы они выглядеть такими спокойными и уверенными?

Уборщики явно никуда не торопились убегать. Нельзя сказать, что они чем-либо взволнованы или расстроены. Никто из них не оглядывался воровато на дверь в кабинет Стивесанта. Они просто убирали помещение. И делали это профессионально и довольно быстро. Ричер снова послал пленку на задний ход и быстро промотал ее, пока она сама не остановилась в тот момент, когда таймер показал ровно полночь. Он вынул ее и вставил в плейер первую кассету. Промотал ее до конца и запустил, внимательно наблюдая за экраном до того момента, кода уборщики первый раз появились — в одиннадцать часов пятьдесят две минуты. Затем пленка пошла обычным ходом, и Ричер остановил ее в тот момент, когда все трои члена бригады были отчетливо видны перед камерой.

— Итак, где сейчас может находиться письмо? — поинтересовался Джек.

— Ну, как представляет это себе Фролих, — пожала плечами Нигли, — где угодно.

Ричер кивнул. Она была права. Учитывая, что их трое, да еще принимая во внимание эту громоздкую тележку... Да они могли незаметно пронести и дюжину таких писем.

— Как тебе кажется, они не выглядят взволнованными? — спросил он.

Нигли еще раз неопределенно пожала плечами:

— Прогони пленку еще раз и обрати внимание на их движения.

Он пустил ленту: уборщики направились к кабинету Стивесанта и вскоре исчезли за его дверью. Таймер показывал ровно одиннадцать часов пятьдесят две минуты.

— Давай посмотрим этот эпизод еще раз, — попросила Нигли.

Ричер повиновался и перемотал пленку. Уборщики снова двинулись к кабинету босса. Когда они вошли в него, Нигли откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

— Уровень энергичности у этих людей чуть другой по сравнению с тем, когда они выходят из кабинета.

— Ты так считаешь?

Она кивнула:

— То ли движения у них стали чуть замедленней? Ну, как будто их терзают какие-то сомнения, что ли?

— Или они боятся совершать то, что сейчас им предстоит там, за дверью кабинета? — подхватил Ричер.

Он снова прокрутил тот же отрезок пленки.

— Не знаю, в чем тут дело, — неуверенно произнесла Нигли. — Это трудно передать словами. И уж разумеется, мои чувства никак не могут считаться доказательствами. Это чисто субъективные ощущения, не поддающиеся описанию.

Ричер снова перемотал пленку, и они еще раз пересмотрели эпизод. Никаких очевидных изменений в поведении уборщиков, разумеется, обнаружено не было. Может быть, они были чуть живее, когда входили в кабинет, нежели когда покидали его. Или выглядели более усталыми. Но это и понятно: они провели там целых пятнадцать минут, а кабинет не слишком велик. Кроме того, он и без их стараний выглядел достаточно опрятным. А может быть, у них была привычка отдохнуть минут десять там, где их не фиксирует всевидящее око камеры. Уборщики же тоже люди неглупые. Не исключено, что в эти минуты они там клали на стол ноги, а не письмо.

— Не знаю, — повторила Нигли. — Больше ничего сказать не могу.

— Заключения не будет?

— Конечно, нет. Кто еще есть на пленке?

— Больше никого.

Он снова начал проматывать пленку назад, но на экране так больше ничего интересного и не появилось, пока в восемь часов секретарь, предварительно заглянув в дверь к Стивесанту, не ушла домой. Через некоторое время, а именно в семь тридцать, отправился из офиса и сам босс.

— Ну хорошо, допустим, что это сделали уборщики, — подытожил Ричер. — Но по своей ли инициативе?

— Я сильно в этом сомневаюсь.

— Тогда кто их заставил подложить это письмо?

* * *

Они отыскали Нендика в фойе, и тот сразу отправился назад в свой кабинет наводить порядок после незваных гостей. Затем они отправились на поиски Фролих. Она работала за своим столом, закопавшись в ворох бумаг, одновременно разговаривая по телефону и координируя возвращение Брука Армстронга из Кемп-Дэвида.

— Нам необходимо поговорить с уборщиками, — начал Ричер.

— Прямо сейчас? — удивилась Фролих.

— Самое лучшее время. Допросы, проведенные поздно вечером, всегда наиболее эффективны.

Она посмотрела на них отрешенно:

— Ну хорошо, тогда я вас подвезу к ним.

— Будет лучше, если вы не станете участвовать в этой беседе, — высказала свое предположение Нигли.

— Почему?

— Мы же люди военные. Мало ли что? Может быть, нам придется их хорошенько отшлепать за такой проступок.

Фролих испуганно уставилась не нее:

— Это исключено. Они такие же сотрудники нашей службы, как и все остальные.

— Она шутит, — вступился за коллегу Ричер. — Но они, конечно, будут чувствовать себя при разговоре более свободно, если не увидят рядом никого знакомого.

— Хорошо, в таком случае, я подожду вас в машине. Но мне все равно придется поехать туда с вами.

Она сделала еще несколько важных звонков, после чего привела в порядок бумаги на столе, и все трое направились к лифту, на котором и спустились в гараж. Они сели в «сабербен», и Ричер закрыл глаза, чтобы расслабиться хотя бы на двадцать минут — ровно столько длилась их поездка. Он чувствовал, что успел сильно устать после шести дней напряженной работы. Когда машина остановилась, он открыл глаза и увидел, что они приехали в очень скромный район, где преобладали автомобили десятилетнего возраста и покореженные заборы. Оранжевый свет городских ламп освещал унылую улочку. Асфальт здесь покрыт заплатками, а сквозь щели в нем пробивались хилые сорняки. Где-то вдали глухо бухали басы стереомагнитофона.

— Это здесь, — заговорила Фролих. — Дом номер 2301.

Он оказался слева и представлял собой небольшой дощатый особнячок на две семьи, обшитый вагонкой, с двумя дверьми впереди и симметричными окнами справа и слева. Двор опоясывала проволочная изгородь. Лужайка перед входом наполовину высохла. Здесь не было ни цветов, ни кустарников. Тем не менее, создавалось впечатление, что в доме живут опрятные, очень аккуратные люди. Вокруг было довольно чисто, а ступеньки оказались тщательно подметены.

— Я подожду вас здесь, — заявила Фролих.

Ричер и Нигли вышли из машины. Ночной воздух оказался довольно прохладным. Вдали все никак не унимался стереомагнитофон. Они зашли в ворота и по потрескавшейся бетонной дорожке приблизились ко входной двери. Ричер нажал на кнопку звонка, и они принялись ждать. Вскоре изнутри послышался звук шагов, словно кто-то шел по голому полу, затем с дороги убирали что-то увесистое и металлическое. После этого дверь открылась, и в проеме появился мужчина, придерживающий дверь за ручку. Это был тот самый уборщик, которого они видели на пленке. Они имели возможность рассматривать его, движущимся вперед и назад, в течение нескольких часов. Он был не молод, но и не стар. Не высокий, но и не коротышка. Просто самый среднестатистический мужчина. Уборщик был одет в хлопчатобумажные штаны и рубашку спортивного покроя. Кожа его оказалась смуглой, лицо — с выступающими скулами, черные блестящие волосы аккуратно подстрижены и причесаны несколько старомодно.

— Что вы хотели? — поинтересовался он.

— Нам нужно поговорить с вами относительно того, что произошло в офисе, — объяснил Ричер.

Мужчина не стал задавать никаких вопросов и не потребовал предъявить удостоверения. Он лишь взглянул в лицо Ричеру и отступил назад, а затем перешагнул через ту вещь, которую ему пришлось

отодвигать, чтобы добраться до двери и открыть ее. Это были детские качели, сделанные из цветных гнутых металлических труб, с сиденьями, как на маленьких трехколесных велосипедах, и пластмассовыми лошадиными головами с ручками, выходящими откуда-то из-под ушей животных.

— Я не могу оставлять их на ночь на улице, — пояснил мужчина. — Такую вещь обязательно украдут.

Нигли и Ричер очутились в тесном коридоре, по обе стороны которого на полках аккуратно разложены детские игрушки. Впереди, на кухне, виднелся холодильник, на котором под декоративными магнитами пестрели разноцветные рисунки учеников начальной школы. Оттуда доносился запах готовящейся еды. За коридором начиналась гостиная, где сидели две молчаливые и перепуганные женщины. Они были одеты празднично, как и полагается по воскресеньям, и эти наряды сильно отличались от их рабочих комбинезонов.

— Назовите ваши имена, — начала Нигли.

Ее голос звучал средне между теплым доброжелательным и холодным неумолимым, как сама судьба. Ричер едва сдержал улыбку. Да, это был один из приемов Нигли. Он хорошо помнил его. Никто никогда не осмеливался спорить с ней, а такой тон, безусловно, считался одним из ее преимуществ.

— Хулио, — представился мужчина.

— Анита, — произнесла первая женщина, которая, как понял Джек по тому, как она взглянула на Хулио, являлась его женой.

— Мария, — добавила вторая женщина. — Я сестра Аниты.

В гостиной стоял небольшой диван и два кресла. Мария и Анита подвинулись, чтобы Хулио присел вместе с ними на диван. Ричер посчитал это за приглашение и устроился в одном из кресел. Нигли заняла второе. Кресла стояли под одинаковыми углами, так что получалось, будто диван был телевизором, а Джек и Нигли приготовились смотреть его.

— Мы считаем, что это именно вы, ребята, подсунули письмо в офис, — сразу же заявила Нигли.

Ответа не последовало. Троица никак не отреагировала на это обвинение. Выражения их лиц не изменились. Просто молчаливые герои, а не люди.

— Это так? — спросила Нигли.

Молчание.

— Дети уже спят? — поинтересовался Ричер.

— Их здесь нет, — ответила Анита.

— Это ваши дети или Марии?

— Мои.

— Мальчики или девочки?

— Две девочки.

— Где же они?

Анита чуть помедлила и ответила:

— Со своими двоюродными братьями и сестрами.

— Почему?

— Потому что мы работаем по ночам.

— Больше вы пока что не работаете, — напомнила Нигли. — И, возможно, не будете работать вообще, если ничего не расскажете.

Молчание.

— И вас лишат медицинского страхования и прочих привилегий.

Молчание.

— Возможно, вас даже посадят в тюрьму.

И снова никакого ответа.

— То, что должно было с нами случиться, все равно когда-нибудь случится, — заметил Хулио.

— Может быть, вас кто-то попросил положить письмо туда? Тот, кого вы хорошо знаете и кто работает в этой же системе?

Молчание.

— Или кто-то из тех, кто там не работает?

— Мы ничего не делали ни с какими письмами.

— А что же вы делали? — снова вступил в разговор Ричер.

— Мы убирали помещение. Мы для того там и работаем.

— Но вы находились в кабинете очень долгое.

Хулио посмотрел на жену, словно был чем-то удивлен.

— Мы просмотрели видеозаписи, — пояснил Ричер.

— Мы знаем, что за нами следят камеры, — тут же отозвался Хулио.

— И вы делаете одно и то же каждую ночь?

— Приходится.

— И так долго задерживаетесь в этом кабинете каждый раз?

Хулио непонимающе пожал плечами:

— Наверное.

— Вы там отдыхаете?

— Нет, убираем.

— И так каждую ночь?

— Ну да, каждую ночь повторяется одно и то же. Если, конечно кто-нибудь не прольет кофе на ковер или не оставит после себя много мусора по всей комнате. Тогда мы работаем дольше.

— В ту ночь в кабинете Стивесанта было что-либо подобное?

— Нет, — покачал головой Хулио. — Стивесант — очень аккуратный господин.

— Но вы пробыли у него в кабинете очень долго.

— Не больше обычного.

— У вас всегда одна и та же работа?

— Ну, конечно. Мы работаем с пылесосом, протираем всю мебель от пыли, убираем мусор, чистим все то, что успело запачкаться, а потом переходим в следующую комнату.

В доме наступила тишина. Только где-то вдалеке, пробиваясь сквозь стены и окна особнячка, все еще доносилась музыка из стереомагнитофона.

— Ну, хорошо. — Голос Нигли прозвучал очень серьезно. — Теперь послушайте меня. На пленке видно, как вы заходите в кабинет. После этого на столе появилось письмо. Мы считаем, что вы положили его туда только потому, что вас об этом кто-то попросил. Может быть, вам при этом сказали, что это своего рода шутка или розыгрыш. Или вас убедили в том, что это необходимо сделать, пообещав при этом, что все будет в полном порядке. И это действительно пока что так. Никто никакого вреда никому не причинил. Но нам важно знать, кто попросил вас сделать это. Потому что это тоже является частью общей игры, и мы

попытаемся обнаружить этого человека. Вот почему вы обязаны сказать нам, кто это. Иначе игра закончится, и мы решим, что вы сделали это сами. А вот это уже совсем не хорошо. Даже, я бы сказала, очень плохо. Дело в том, что получается, будто вы угрожаете вице-президенту Соединенных Штатов. И вот за это вас могут отправить в тюрьму.

И снова никакой реакции. И дружное молчание.

— Нас теперь уволят? — наконец подала голос Мария.

— Вы что же, не слушали меня? — удивилась Нигли. — Вас посадят в тюрьму, если вы нам не расскажет обо всем, что произошло.

Лицо Марии застыло, так же, как у Аниты и Хулио. Каменные лица, пустые глаза, мужественные люди, унаследовавшие эту терпеливость за тысячу лет крестьянского существования: рано или поздно неурожайный год все равно настанет.

— Пошли отсюда, — предложил Ричер.

Они поднялись с кресел и направились в коридор, перешагнули через качели и вышли в ночь. Когда они подходили к машине, то успели заметить, как Фролих закрывает крышку своего мобильного телефона. В глазах ее читалась самая настоящая паника.

— Что случилось? — поинтересовался Ричер.

— Мы получили еще одно письмо, — негромко произнесла Фролих. — Десять минут назад. Ситуация осложняется.

Глава 6

Письмо уже ждало их посреди длинного стола конференц-зала. Вокруг собралось несколько человек. Лампы дневного света прекрасно освещали его. На столе лежал коричневый конверт размером девять на двенадцать дюймов с металлической застежкой и надорванным клапаном. И рядом с ним одинокий стандартный лист бумаги, на котором напечатано: «День, когда умрет Армстронг, быстро приближается». Послание было разбито на две строчки, расположено строго по центру листа и чуть выше его середины. Больше на нем ничего видно не было. Люди смотрели на него и молчали. Мужчина в строгом костюме, дежуривший в приемной, протиснулся мимо них к Фролих.

— Это я передал письмо, — сказал он. — К самому листу я не притрагивался, а просто вытряхнул его из конверта.

— Каким образом оно поступило к вам?

— Охранник из гаража отошел в туалет, а когда вернулся, оно уже лежало у него в будке на полке. Он сразу же принес его ко мне, поэтому на конверте обязательно окажутся и его отпечатки.

— Когда это произошло?

— Полчаса назад.

— Что делает охранник гаража, когда ему приходится отлучаться? — задал свой вопрос Ричер.

В комнате стало тихо. Все повернулись, услышав незнакомый голос. Дежуривший в приемной уставился на Джека таким взглядом, словно хотел сказать: «Да ты кто такой, чтоб тебя!..» Но тут он встретился глазами с Фролих, пожал плечами и послушно ответил:

— Он запирает шлагбаум, вот и все. Бежит в туалет, потом бегом же возвращается на место. Это происходит два, от силы три раза за смену. Но ведь ему нужно дежурить целых восемь часов, и при этом торчать в будке, не меняя позы.

Фролих кивнула.

— Никто не обвиняет его в том, что он отлучился. Кто-нибудь уже успел вызвать специалистов из ФБР?

— Мы ждали вас.

— Хорошо. Оставьте письмо на столе, как есть, не трогайте его и опечатайте комнату, как положено.

— В гараже есть камеры слежения? — поинтересовался Ричер.

— Да, конечно.

— Тогда велите Нендику немедленно принести нам записи, сделанные этим вечером.

Нигли наклонилась над столом:

— А как красиво составлена фраза! Этот тип просто бьет на эффект, — заметила она. — Вам не кажется? Ну а то, что он добавил слово «скоро» означает, что этот тип отверг версию своего оправдания и не будет ссылаться на то, что просто констатировал факт естественной кончины вице-президента, как и любого другого живущего в настоящее время человека. Таким образом, послание превратилось в открытую угрозу.

Фролих кивнула.

— Ты все правильно поняла, — медленно произнесла она. — И если кто-то хотел пошутить или разыграть нас, то очень неожиданно дело приняло серьезный оборот.

Она проговорила все это так громко и отчетливо, что Ричер моментально понял ее и успел осмотреть лица присутствующих. Однако никакой неадекватной реакции ее слова среди них не вызвали. Фролих посмотрела на часы.

— Армстронг находится в воздухе, — продолжала она. — Летит домой, в Джорджтаун.

И она замолчала.

— Вызовите дополнительную команду охранников, — приказала она уже через несколько секунд. — Половина их отправляется на авиабазу Эндрюс, другая половина — к дому Армстронга. Добавьте в кортеж еще один автомобиль. Измените маршрут.

Какую-то долю секунды собравшиеся оставались на своих местах, после чего начали расходиться, как и положено элитной команде, готовящейся к ответственной операции. Ричер внимательно наблюдал за ними, и их решительность и слаженность действий ему понравилась. Затем Джек и Нигли последовали за Фролих в ее кабинет. Оттуда она позвонила в ФБР, попросила срочно прислать бригаду криминалистов, дождалась ответа и повесила трубку.

— В общем, мне уже ясно, что они могут найти на этом листке, — сказала Фролих, ни к кому конкретно не обращаясь. В этот момент в дверь постучался Нендик. Он принес две видеокассеты.

— Две камеры, — пояснил молодой человек. — Одна расположена высоко, внутри будки охранника, они снимает все внизу и по сторонам и должна фиксировать водителей, когда те заезжают в гараж. Другая камера висит снаружи гаража и следит за улицей и подъезжающими автомобилями.

Он положил обе кассеты на стол и вышел из кабинета. Фролих взяла первую и подкатила свой стул поближе к телевизору. Затем вставила кассету в видеомагнитофон и нажала кнопку. На экране появился гараж, вид из будки охранника. Камера, по всей очевидности, производила съемку с высокого угла, однако в ее поле зрения попадали и водители в окошках автомобилей. Фролих отмотала пленку на тридцать пять минут назад и снова включила воспроизведение. Охранник сидел на своем табурете, камера показывала часть его левого плеча. Ничего не происходило. Фролих промотала пленку вперед на большой скорости до того момента, когда охранник поднялся со своего места. Он нажал на пару кнопок у себя в будке и исчез. В течение тридцати секунд ничего не

происходило. Затем в крайнем правом углу экрана появилась чья-то рука, по-змеиному подползающая к окошку будки. Просто рука в рукаве теплого пальто и кожаной перчатке. В ее пальцах конверт. Рука впихнула его в полуприкрытое окошко будки, и оно попало прямо на полочку к охраннику. Затем рука исчезла.

— Он знал о существовании камеры, — уверенно заявила Фролих.

— Это очевидно, — согласилась Нигли. — Он находился в ярде от будки, и ему пришлось тянуться к окошку.

— Но знал ли он о том, что у вас есть еще одна камера? — задал вопрос Ричер.

Фролих заставила магнитофон выбросить первую кассету, и на ее место поставила вторую. Так же промотала ее на тридцать пять минут и нажала на кнопку воспроизведения. На экране возникла улица перед въездом в гараж. Качество записи оставляло желать лучшего. Яркие пятна от уличных фонарей контрастировали с темными участками на экране, теми, куда не проникал свет ламп. В тени подробности обстановки были почти неразличимы. Съемка также велась с высокого угла. В верхней части экрана даже не было видно конца улицы, а нижняя часть показывала пространство только за шесть футов от будки. Правда, ширина диапазона приличная, даже очень. Обе стороны улицы прекрасно просматриваются, и нельзя было приблизиться к гаражу так, чтобы камера тебя не зафиксировала.

Пленка постепенно перематывалась, но на экране ничего интересного не происходило. Все внимательно следили за временем. Наконец наступил момент, когда на экране до появления руки оставалось двадцать секунд. И вот в верхней части экрана возникла смутная человеческая фигура, принадлежавшая, по всей вероятности, мужчине. Тут не оставалось сомнений: об этом говорила и ширина плеч, и сама походка. Мужчина был одет в твидовое пальто, серое или темно-коричневое. Темные брюки, тяжелые грубые ботинки, шея укутана шарфом, на голове шляпа. Широкополая, темная, чуть сдвинута на лоб. Он шел, уткнув подбородок в грудь. На пленке хорошо видна тулья шляпы, хозяин которой медленно приближался к гаражу.

— И о второй камере он тоже знал, — подытожил Ричер.

Мужчина на экране продолжал быстро передвигаться вперед. Он шел целеустремленно, не бежал, не спешил, не терял над собой контроля. В руке он держал конверт, прижимая его к пальто. Вскоре он исчез в нижней части экрана, но через три секунды появился снова, уже без конверта. Мужчина шел все так же быстро, но теперь двинулся в обратный путь и очень скоро пропал с экрана, но уже в верхней его части.

Фролих остановила пленку:

— Мы можем дать его описание?

— Это невозможно, — покачала головой Нигли. — Мужчина, невысокий. Можно даже сказать, приземистый. Наверное, не левша. Очевидной хромоты нет. Но больше мы ничего и не видели. Вообще ничего.

— Да и насчет фигуры у меня возникли сомнения, — добавил Ричер. — Не забывайте ракурс, в котором снимает камера. Она немного искажает образы, чуть укорачивает их, вот он и показался нам приземистым.

— Безусловно, он знал о том, что происходит внутри системы охраны, — заметила Фролих. — Ему было известно и о существовании камер, и о том, что дежурный иногда отлучается с поста. Значит, он один из нас.

— Совсем не обязательно, — возразил Ричер. — Это может быть и очень умный посторонний человек. Внешнюю камеру всегда можно заметить, особенно когда ее специально ищешь. А о месторасположении внутренней камеры нетрудно догадаться. К тому же, они имеются, наверное, во всех приличных гаражах. Если пару дней понаблюдать за охранником, то можно составить себе схему его отлучек с поста. Но знаете, что интересно? Будь он человеком из вашей системы или совершенно посторонней личностью, мы совсем недавно проезжали мимо него. Ну, когда отправлялись к нашим уборщикам. Потому что, даже если он и работает внутри вашей системы, ему все равно надо было находиться возле гаража, чтобы выбрать то самое время, когда охраннику приспичит уйти с поста. Значит, он наблюдал за ним, стоя неподалеку. Скорее всего, ошивался на другой стороне улицы пару часов, вглядываясь в сторону гаража. А может быть, он даже имел при себе бинокль.

В кабинете стало тихо.

— Я никого подозрительного не заметила, — призналась Фролих.

— Я тоже, — подхватила Нигли.

— А я вообще ехал с закрытыми глазами, — закончил Ричер.

— Мы бы все равно его не увидели, — заметила Фролих. — Я уверена, что, как только он слышал, что из гаража выезжает по пандусу машина, он тут же скрывался в переулке.

— Наверное, — согласился Ричер. — И все же мы были рядом с ним, пусть даже и временно.

— Вот дерьмо! — расстроилась Фролих.

— Да уж, действительно дерьмо! — поддержала ее Нигли.

— Что же нам теперь делать? — спросила Фролих.

— Ничего, — просто ответил Джек. — Да мы и не можем ничего сделать. Все это произошло уже более сорока минут назад. Если он работает у вас, то сейчас, скорее всего, уже сидит у себя дома. Не исключено, что лег в кровать. А если это совершенно посторонний человек, то он уже вовсю рулит по шоссе I-95 или где-то в другом месте, удаляясь на север или юг, и отмахал уже миль тридцать, не меньше. Мы не можем сейчас поставить на уши всех полицейских в четырех штатах и велеть им искать праворукого мужчину, который не хромает в автомобиле поскольку лучшего описания мы предоставить им не сумеем.

— У него на заднем сиденье или в багажнике могут находиться теплое пальто и шляпа.

— Сейчас ноябрь, Фролих. И каждый мужчина имеет при себе пальто и шляпу.

— Что же нам теперь делать? — беспомощно повторила она.

— Надеяться на лучшее, готовиться к худшему. Сосредоточься на Армстронге, представив себе, что угроза реальна. Не спускай с него глаз. Как верно подметил Стивесант, угрожать и выполнить свою угрозу — вещи разные.

— Каково у него расписание на ближайшее время? — поинтересовалась Нигли.

— Сейчас он летит домой, завтра работает в Капитолии.

— Значит, и у тебя все будет в порядке. Что касается Капитолия и его окрестностей, тут у тебя все вышло на «отлично». Уж если мы с Ричером не смогли достать его, то это будет не под силу никаким приземистым мужчинам в пальто. Представь себе, что этот незнакомец в шляпе, напротив, хочет, чтобы это ты тряслась от страха и нервничала.

— Ты так считаешь?

— Ну, как говорил Стивесант, дыши глубже и не падай духом. Крепись, одним словом.

— Мне почему-то не по себе. Я должна узнать, кто он такой — этот тип.

— Рано или поздно мы обязательно это выясним. А пока что, если не можешь нападать сама, лучше обеспечь оборону.

— Нигли права, — согласился Ричер. — Сосредоточься на Армстронге. Мало ли что?

Фролих неуверенно кивнула, вынула кассету из аппарата и снова вставила в него первую. Она смотрела запись до тех пор, пока охранник не вернулся из туалета и, заметив письмо, схватил его и бросился бежать.

— Мне почему-то не по себе, — уныло повторила она.

* * *

Бригада криминалистов из ФБР прибыла через час. Они сфотографировали лист бумаги на столе в конференц-зале, поместив рядом с ним для масштаба офисную линейку. Затем, используя стерильный пластмассовый пинцет, переложили конверт и сам лист в отдельные пакеты для вещественных доказательств. Фролих заполнила какой-то бланк и расписалась на нем, и только после этого они забрали оба предмета для исследования в лабораторных условиях. Затем Фролих повисла на телефоне, и в течение двадцати минут убеждалась в том, что Армстронг в целости и сохранности добрался от вертолета морской пехоты до своего дома.

— Ну хорошо, — наконец, выдохнула она, разъединяя связь. — Пока что у нас все в порядке.

Нигли зевнула и потянулась:

— Передохни немного. Готовься к трудной неделе.

— Я чувствую себя дурочкой, — призналась Фролих. — До сих пор никак не пойму, что это: розыгрыш или реальная угроза?

— Ты очень чувствительная, — заметила Нигли.

Фролих подняла глаза к потолку:

— А что бы сейчас на моем месте стал делать Джо?

Ричер улыбнулся и немного помолчал, прежде чем ответить ей:

— Пошел бы в магазин и приобрел себе еще один костюм.

— Нет, я серьезно спрашиваю.

— Он бы закрыл глаза и начал рассуждать так, как если бы перед ним стояла шахматная задача. Кстати, он читал Карла Маркса, ты знала об этом? Он рассказывал, что Маркс умел объяснять все с помощью одного-единственного вопроса: кто выигрывает в данной ситуации?

— И что же?

— Давай представим для начала, что все это делает человек, работающий у вас. Карл Маркс сказал бы так: «Хорошо, этот работник решил получить выгоду». Тогда Джо спросил бы: «Каким образом?».

— Ну, он сделает все так, чтобы я упала в глазах Стивесанта.

— Правильно, а потом тот тебя понизит в должности или вообще уволит. Цель нашего неизвестного достигнута. Но это будет та единственная цель, которую он преследовал все это время. В подобной ситуации серьезной опасности для Армстронга нет. И это очень важный момент. Тогда Джо спросил бы: «Ладно, а теперь предположим, что это делает совершенно посторонний человек. Как он собирается выгадать?».

— Убив Армстронга.

— Правильно, но цель у него совершенно другая. Поэтому Джо пришел бы к выводу, что действовать нужно так, как если бы неизвестный был человеком со стороны, но при этом сохранять полное спокойствие и не паниковать ни в коем случае. И, разумеется, действовать успешно. Таким образом, ты убиваешь сразу двух зайцев. Если ты спокойна и невозмутима, то твой неизвестный, работающий у вас, начнет беситься сам и никогда не достигнет своей цели. А если при этом тебе все удается, то ты лишаешь надежды на успех и постороннего, в результате чего он тоже остается ни с чем.

Фролих кивнула, но было видно, что она сильно расстроена:

— Но какой из двух вариантов следует все же иметь в виду? Что вам рассказали уборщики?

— Ничего, — ответил Ричер. — Мое мнение таково, что кто-то, кого они хорошо знают, убедил их пронести это письмо в кабинет босса, но теперь они в этом не признаются.

— Я попрошу Армстронга завтра остаться дома.

Но Ричер покачал головой:

— Тебе нельзя этого делать. Если ты один раз пойдешь на это, то потом будешь шарахаться от каждой тени и прятать его в течение последующих четырех лет. Сохраняй хладнокровие и крепись.

— Легко сказать.

— И легко сделать. Дыши глубже.

Фролих помолчала, затем согласно кивнула.

— Ну хорошо. Сейчас я вызову вам шофера. Завтра приходите сюда к девяти часам. У нас будет второе стратегическое совещание. Оно состоится ровно через неделю после предыдущего.

* * *

Утро выдалось сырым и очень холодным, словно природа решила завершить наконец осень и приступить к зиме. Выхлопные газы низко клубились над мостовыми, а пешеходы торопливо сновали куда-то, уткнув носы в теплые шарфы. Нигли и Ричер встретились без двадцати девять утра у стоянки такси перед гостиницей и сразу же увидели машину Секретной службы, приехавшую за ними. Она стояла, припаркованная параллельно другому автомобилю, но шофер не выключал мотор и сам торчал рядом, выискивая глазами своих пассажиров. Ему было лет тридцать, одетый в черное пальто и в кожаных перчатках, он то и дело вставал на цыпочки, заметно нервничая и оглядывая толпу. Он тяжело дышал, и парок пушистыми клубами, напоминавшими страусовые перья, вырывался у него изо рта.

— По-моему, он чем-то озабочен, — заметила Нигли.

Внутри машины было жарко. Водитель молчал всю дорогу и даже не представился. Он старался как можно быстрей доехать до места, то и дело обгонял другие машины, и наконец автомобиль въехал в гараж, пронзительно взвизгнув всеми четырьмя покрышками. Водитель провел пассажиров во внутренний вестибюль, а оттуда — в лифт. Они проехали на третий этаж, миновали приемную, где за столом дежурил уже другой офицер. Увидев Джека и Нигли, он указал в глубь коридора, туда, где находился конференц-зал, и добавил при этом:

— Они начали без вас, так что поторапливайтесь.

В конференц-зале уже было пусто, если не считать Стивесанта и Фролих, сидящих друг напротив друга за столом, серьезных и молчаливых. Они оба выглядели бледными, а на полированной поверхности стола между ними лежали две фотографии. Одна представляла собой снимок восемь на десять дюймов, сделанный ФБР накануне, где на листе сообщалось: «День, когда умрет Армстронг, быстро приближается». Вторая фотография была сделана наспех при помощи «Поляроида», и на ней тоже был изображен лист бумаги. Ричер сделал шаг вперед и склонился над столом.

— Вот дерьмо! — в сердцах проговорил он.

На фотографии он увидел единственный стандартный лист писчей бумаги, точно такой же, как и три предыдущих. Тот же формат, аналогичное сообщение, аккуратно расположенное почти в середине листа. И текст: "Демонстрация его уязвимости будет произведена сегодня ".

— Когда пришло письмо? — сразу же поинтересовался он.

— Сегодня утром, — ответила Фролих. — Обычной почтой. Оно адресовано Армстронгу в его офис. Но мы теперь сначала сами тщательно просматриваем всю почту прямо здесь.

— Откуда оно пришло?

— Из Орландо, штат Флорида, отправлено, судя по почтовому штампу, в пятницу.

— Еще одно популярное место для туристов, — заметил Стивесант.

Ричер кивнул:

— Результаты вчерашнего исследования уже поступили?

— Я получила только устный ответ по телефону, — вступила в разговор Фролих. — Письмо идентично первым двум, включая отпечаток большого пальца и так далее. Я уверена, что с последним посланием будет все то же самое. Эксперты как раз сейчас занимаются им.

Ричер еще раз внимательно осмотрел фотографии. Отпечатки пальцев на них были совершенно невидимы, но он чувствовал, будто еще чуть-чуть, и они проявятся или начнут светиться.

— Я приказал арестовать уборщиков, — сообщил Стивесант. Никто ему ничего не ответил, и босс продолжал. — У вас возникают какие-нибудь интуитивные предположения? Что же это все-таки: шутка или реальная угроза?

— Мне кажется, что это все по-настоящему, — сразу же отозвалась Нигли.

— Пока это не имеет значения, — высказал свое мнение Джек, — поскольку еще ничего не произошло. Но мы будем действовать так, как если бы угроза была настоящей, пока не убедимся в обратном.

Стивесант кивнул:

— Фролих тоже пришла к такому заключению. Она даже цитировала мне Карла Маркса, что-то из его «Манифеста».

— Вообще-то это из «Капитала», — заметил Ричер как бы между прочим. Он взял в руки снимок, сделанный «Поляроидом», и снова принялся внимательно изучать его. Резкость была не идеальной, да и бумага казалась слишком бледной из-за вспышки, однако в содержании послания сомневаться не приходилось.

— У меня всего два вопроса, — заговорил он. — Первый: насколько безопасны его передвижения на сегодня?

— Я сделала все возможное, — отозвалась Фролих. — Удвоила количество его личной охраны. По расписанию, он должен выйти из дома в одиннадцать часов. Я выбрала машину с пуленепробиваемым кузовом и бронестеклами вместо обычного «линкольна». Кортеж усилен дополнительной машиной. Кроме того, мы используем тенты для его передвижения у дома и у Капитолия, а это значит, что под открытым небом он не будет находиться ни секунды. И, конечно, мы объясним ему это как необходимую тренировку для охраны.

— Получается, что он до сих пор ничего не знает о происходящем?

— Нет, — подтвердила Фролих.

— Мы поступаем так практически всегда, — пояснил Стивесант. — Мы им никогда ничего не рассказываем.

— Потому что получаете тысячи угроз каждый год, — кивнула Нигли.

— Именно так, — признался Стивесант. — Большинство из них ничем не обоснованы, но мы выжидаем, пока полностью не убедимся в этом. Но даже тогда мы, как правило, не поднимаем насчет этого никакого шума. У наших «подопечных» слишком много других важных дел. А волноваться и не находить себе места всегда остается нашей прерогативой. В конце концов, это и есть наша работа.

— Хорошо. Тогда позвольте задать второй вопрос, — продолжал Ричер. — Где сейчас находится его жена? И, если не ошибаюсь, у него еще есть взрослый ребенок, верно? Если наш неизвестный каким-то образом вмешается в жизнь родственников, это вполне можно будет трактовать как демонстрацию уязвимости вице-президента.

Фролих согласно кивнула.

— Его супруга прилетела в Вашингтон из Южной Дакоты еще вчера. Пока она остается в доме или находится поблизости от него, за нее можно не беспокоиться. Его дочь трудится над дипломной работой в Антарктике. Она собирается стать метеорологом или кем-то в этом роде. Поэтому сейчас она живет на станции и окружена сотнями тысяч квадратных миль льда. Такую безопасность не смогли бы ей обеспечить даже мысами.

Ричер положил снимок на стол.

— Значит, ты уверена насчет сегодняшнего дня? — спросил он.

— Нервничаю, как черт знает кто.

— И тем не менее?

— Я уверена, насколько это возможно.

— Я хочу пройтись вместе с Нигли возле его дома и понаблюдать за обстановкой вокруг него.

— Считаешь, что мы проколемся?

— Нет, но мне кажется, что у тебя и без того хватит хлопот. Если наш неизвестный находится вблизи его дома, ты будешь слишком занята своими делами и можешь ничего не заметить. А мы будем самым внимательным образом следить за тем, что происходит в округе, если все это по-настоящему, и он действительно задумал продемонстрировать нам что-то.

— Хорошо, — согласился Стивесант. — Вы и мисс Нигли будете изучать обстановку возле его дома и фиксировать все то, что сочтете нужным.

* * *

Фролих подвезла их в Джорджтаун на своем «сабербене». Они прибыли туда около десяти часов утра. Джек и Нигли вышли из машины за три квартала до дома Армстронга, а Фролих уехала по своим делам. День выдался холодным, хотя бледное солнце, казалось, старалось разогреть воздух изо всех сил. Нигли некоторое время стояла на месте, внимательно оглядываясь по сторонам.

— Применим тактику развертывания?

— Кругами, радиус — три квартала. Ты движешься по часовой стрелке, а я — против. Затем ты остаешься наблюдать в северной части, а я — в южной. Встретимся у дома Армстронга после того, как он уедет.

Нигли кивнула и зашагала в западном направлении. Ричер направился на восток, прямо в сияние слабого утреннего солнца. Он не слишком хорошо знал Джорджтаун. Не считая нескольких коротких периодов, в течение которых он вел наблюдение за домом Армстронга на предыдущей неделе, Ричер бывал здесь лишь однажды, да и то недолго, сразу после того, как закончил службу в армии. Ему немного знакомы эти небольшие кафетерии, аккуратные домики и присутствие повсюду студентов. Но он не знал этот район так, как местный полицейский успевает узнать свой участок. Тот всегда будет выискивать какую-нибудь неуместность, что-то такое, что выбивается из общего привычного образа его района. Что тут сегодня не так? Может быть, появилось что-то лишнее или чего-то не хватает? Чужое лицо или новый автомобиль? На такие вопросы невозможно ответить сразу, и все это становится доступным, только если ты прожил здесь очень долго. А что касается Джорджтауна, то вряд ли даже старожилы смогут ответить на них. Впрочем, даже само слово «старожил» к данному району столицы вряд ли применимо. Все, кто поселился тут, приехали из другого города или района. И приехали по какой-то своей причине: учиться в университете или работать на правительство. Вот почему здесь люди надолго не

задерживаются. Ты завершил образование и уехал. Срок твоего пребывания у власти закончился, и ты вместе со своей командой тоже вынужден убраться. Если разбогател — у тебя уйма вариантов. Если разорился — иди спать на лавочку в ближайший парк.

Вот почему все вокруг Джеку сейчас казалось подозрительным. Он мог бы начать расследование в отношении любого встречного. Вот вам пример. Только что мимо него проехал старенький «порше» с прогоревшим глушителем. Да еще номера из Оклахомы. Чей он, кому принадлежит? И что это за небритый водитель за рулем? Лицо его не внушает доверия. Новехонький красный «меркурий-сейбл» припарковался вплотную к видавшему виды «рэббиту», разве что только не «поцеловал». Совершенно очевидно, что «сейбл» взят в аренду. Кто сейчас на нем катается? Решил просто хорошо провести денек или имеет на это серьезные причины? Джек аккуратно обогнул машину и всмотрелся внутрь салона через стекла, но ни пальто, ни шляпы на заднем сиденье не оказалось. Равно как и начатой пачки стандартной писчей бумаги производства компании «Джорджия-Пасифик» и резиновых перчаток. А кто, интересно, владеет «рэббитом»? Аспирант джорджтаунского университета? Или неизвестный анархист, обитающий в глухомани и владеющий личным принтером «Хьюлет-Паккард»?

По тротуарам двигались люди, по четыре-пять человек в каждом направлении. Молодые и старые, черные, белые и смуглые. Мужчины, женщины, студенты с рюкзачками, полными учебников. Кто-то спешит, кто-то двигается не торопясь. Некоторые из пешеходов, очевидно, шли на рынок, другие, по вполне объективным признакам, уже возвращались оттуда. Кое-кто выглядел так, словно у него вообще не было определенной цели на сегодняшний день. И за всеми ними Джек наблюдал краешком глаза. Однако пока что ничего интересного заметить ему не удалось.

Время от времени он осматривал окна в верхних этажах зданий. Их было очень много. Отличный района для того, чтобы стрелять из винтовки. Здесь куча невысоких строений, у каждого есть запасной выход, и вся местность изрезана крохотными кривыми переулками. Правда, винтовка вряд ли подойдет в данном случае, если учесть бронированный лимузин Армстронга. Значит, преступнику придется применять противотанковую ракету. А тут есть из чего выбрать. Вот, например, АТ-4. Трехфутовая одноразовая пусковая установка из стекловолокна, стреляющая снарядами весом в шесть с половиной фунтов, способными пробить броню толщиной в одиннадцать дюймов. И очень важно учитывать вторичный эффект, который производит ракета, уже проникнув сквозь броню. Входное отверстие при этом остается небольшим, а сам взрыв происходит внутри автомобиля. Армстронг в

этом случае превратился бы в крошечные обожженные частицы, напоминающие сгоревшую горстку новогоднего конфетти. Ричер снова взглянул вверх, на окна. Он сомневался в том, что крыша у лимузина тоже бронирована, и решил при встрече с Фролих обязательно спросить ее об этом. И еще его интересовало, как часто ей самой приходится ездить в одном автомобиле с вице-президентом.

Он завернул за угол, и очутился на той самой улице, где жил Армстронг. Джек еще раз оглядел окна верхних этажей. Простая демонстрация его уязвимости не потребует настоящей ракеты. Тут вполне сгодится и обычная винтовка. Она заставит серьезно задуматься всех, кто обеспечивает безопасность вице-президента. Для этого будет достаточно и двух царапин на стеклах лимузина. Да, это бы выглядело серьезным предупреждением. Или можно использовать ружье, стреляющее шариками с краской. Парочка красных клякс на заднем стекле тоже сделала бы свое дело. Но окна верхних этажей оставались тихими и спокойными, не давая никаких поводов для тревоги. Все они казались чистыми, вымытыми, с задернутыми шторами и закрытыми от холода. Да и сами дома выглядели невозмутимыми и даже умиротворенными.

Небольшая кучка пешеходов столпилась на углу, чтобы посмотреть, как сотрудники Секретной службы будут сооружать тент-переход для вице-президента от двери его дома до обочины улицы. Длинный тент изготовлен из плотной белой холщовой ткани, через которую невозможно ничего разглядеть. Тот конец тента, который протянулся к дому, заканчивался на кирпичной раме у самой двери. На другом конце тента имелся своеобразный вход, такой же, в который один за другим поступают пассажиры в аэропорту, когда добираются до своего самолета. Такой вход мог бы вместить и лимузин, а дверь автомобиля как раз открывается внутрь этого тента-перехода. Армстронг должен был пройти от двери дома до машины невидимый никому.

Ричер обошел группу любопытных. Они выглядели самыми обычными горожанами, и ничего особенно здесь Джек также не приметил. Скорее всего, это были местные жители. Одетые обыденно, видимо, они вышли из дома по делам и должны были вскоре вернуться. Ричер отошел от них и вновь принялся выискивать приоткрытые окна на верхних этажах. Вот это было бы очень неуместно в подобную погоду. Но таких не оказалось. Ричер стал искал бездельничающих людей. Вот их-то здесь околачивалось множество. В одном квартале кафетерии располагались буквально через дом, и от посетителей у них не было отбоя. Кто-то просто пил свой эспрессо, кое-кто при этом успевал читать утреннюю газету, разговаривать по телефону, делать какие-то заметки в тетрадях или играть с электронными органайзерами.

Ричер выбрал кафетерий, откуда хорошо просматривалась вся улица в южном направлении и откуда можно наблюдать и за востоком и

западом, купил себе стаканчик черного кофе без сахара и устроился за столиком. Он принялся ждать и наблюдать. Без пяти одиннадцать на улице появился черный «сабербен», который остановился чуть северней белого тента-перехода. За ним последовал черный «кадиллак», который припарковался точно ко входу в тент. Позади него притормозил черный «линкольн». Все три машины казались очень тяжелыми, и у всех пуленепробиваемые тонированные стекла. Из «сабербена» высыпалось четверо агентов, которые тут же заняли свои посты на тротуаре: двое к северу от дома, еще двое — к югу.

На улице появилось два полицейских автомобиля: один остановился прямо посреди мостовой за кортежем машин Секретной службы, второй затормозил, не доехав до него. Они включили свои «мигалки» и на некоторое время остановили движение на улице. Правда, машин пока что было немного. Синий «шевроле» и золотистый «лексус» послушно притормозили и принялись ждать. Ни одну из этих машин Ричер сегодня в округе не заметил. Джек внимательно смотрел на тент, пытаясь определить, когда по нему начнет проходить Армстронг, но это оказалось задачей невыполнимой. Он все еще смотрел на тот конец тента, который примыкал к дому, а дверца бронированного автомобиля уже захлопнулась, четверо агентов расселись по своим местам в «сабербене» и кортеж тронулся в путь. Ведущая полицейская машина рванулась вперед, а за ней последовали «сабербен», «кадиллак» и «линкольн». Второй полицейский автомобиль завершал эту кавалькаду. Все пять машин повернули на восток и проехали как раз мимо того места, где с чашкой кофе устроился Ричер. Шины жалобно завизжали на мостовой, а потом машины начали набирать скорость. Ричер наблюдал за тем, как кортеж постепенно скрылся из виду. Затем он отвернулся и увидел, как собравшиеся зеваки стали расходиться, и в районе снова стало тихо и спокойно.

* * *

Они наблюдали за кортежем со своего места, дающего хороший обзор и находившегося примерно в восьмидесяти ярдах от кафетерия, где расположился Ричер. Их наблюдение только подтвердило все то, что им было уже известно. Профессиональная гордость не позволяла им посчитать отъезд вице-президента на работу невозможным этапом для покушения, и они внесли его в свой список как приемлемый вариант. Правда, он стоял в этом списке практически самым последним. Какое счастье, что страничка в Интернете, которую создала команда переходного периода, предлагала еще такое множество всевозможных вариантов!

Они закружили по переулкам, пока благополучно не дошли до своего красного «сейбла», взятого в аренду.

* * *

Ричер допил последний глоток кофе и направился к дому Армстронга. Он сошел с тротуара там, где ему преграждал путь белый тент, ведущий прямо к двери дома Армстронга. Дверь оказалась закрытой. Ричер двинулся в обратном направлении и, уже стоя на тротуаре, встретил Нигли, которая направлялась к нему.

— Все в порядке? — поинтересовался Джек.

— Возможности у них все-таки есть. Правда, слишком подозрительных лиц мне встретить не удалось.

— И мне тоже.

— Мне понравилась эта затея с тентом и бронированным автомобилем.

Ричер согласно кивнул:

— Разумеется, вариант с винтовкой можно сразу отбросить.

— Не совсем так, — возразила Нигли. — Снайперская винтовка калибра 50 смогла бы пробить броню. Если использовать бронебойные или бронебойно-зажигательные пули «браунинг».

Ричер поморщился. Действительно, существовали такие снаряды: и просто пробивающие броню, и зажигательные. Обычный снаряд проходил сквозь стальную пластину, а зажигательный при этом еще и прожигал себе дорогу. Но, немного поразмыслив, Джек все же отрицательно покачал головой:

— У них не будет шанса прицелиться. Во первых, сначала надо дождаться, пока машина тронется в путь, чтобы убедиться, что вице-президент находится внутри нее. Потом не надо забывать и о том, что тебе придется стрелять в огромный автомобиль с темными стеклами. Один шанс из ста, что ты попадешь именно в Армстронга.

— Значит, придется использовать ракеты AT-4.

— Именно об этом я и подумал.

— Да, можно применить осколочно-фугасный снаряд, если иметь в виду машину, или же фосфорную бомбу, если бросить ее в дом.

— Откуда?

— Я бы сделала это с верхнего этажа дома, который стоит сразу за особняком Армстронга, через переулок. Все почему-то сосредоточили свое внимание на охране фасада.

— Но как бы тебе удалось забраться внутрь?

— Это может быть подставной работник службы водоснабжения или электрик. Да просто любой парень с ящиком инструментов.

Ричер кивнул, но ничего не сказал.

— И вот этот кошмар продлится целых четыре года, — заметила Нигли.

— Или даже восемь.

В этот момент позади них раздался скрип шин, и, повернувшись, Джек и Нигли увидели, что это тормозит на своем «сабербене» Фролих. Она остановилась рядом с ними, в двадцати ярдах от дома Армстронга, и жестом пригласила их в машину. Нигли уселась спереди, а Ричер устроился на заднем сиденье, удобно раскинув руки и ноги.

— Видели кого-нибудь? — сразу же поинтересовалась Фролих.

— Народу здесь много, — отозвался Ричер. — Я бы не поверил ни одному человеку.

Фролих убрала ногу с педали тормоза, но мотор выключать не стала. Машина медленно поползла вперед. Она продолжала ехать рядом с обочиной, пока не поравнялась с началом тента. Женщина убрала руку с руля и заговорила в микрофон, прикрепленный к ее запястью.

— Первый готов, — доложила она кому-то.

Ричер взглянул направо и увидел, как открылась дверь в доме Армстронга, и в тент шагнул мужчина. Без сомнения, это и был сам вице-президент. Его фотографии можно было видеть в любой газете в течение пяти месяцев, и кроме того, Ричер целых четыре дня имел возможность наблюдать за каждым его движением. Брук Арсмтронг был одет в плащ цвета хаки и нес в руке кожаный «дипломат». Он прошел через тент не торопясь, но и не замедляя шага. Агент в строгом костюме наблюдал за ним от двери дома.

— Кортеж был прикрытием, — пояснила Фролих. — Мы так иногда поступаем.

— Даже меня сумели провести, — улыбнулся Ричер.

— Только не надо ничего говорить ему, — добавила Фролих. — Пусть считает, что это очередная репетиция, тренировка для охраны. Не забывайте, что он не в курсе событий.

Ричер выпрямился на сиденье и подвинулся, чтобы дать возможность Армстронгу устроиться рядом. Вице-президент сам открыл дверцу автомобиля и забрался в салон.

— Доброе утро, Эм-И, — поздоровался он с Фролих.

— Доброе утро, сэр, — ответила она. — А это мои помощники и коллеги — Джек Ричер и Френсис Нигли.

Нигли повернулась, и Армстронгу пришлось потянуться, чтобы пожать ей руку.

— А я вас знаю, — обрадовался он. — Мы встречались на приеме в четверг вечером. Вы вносили деньги на счет партии, верно?

— В общем-то, она обеспечивает безопасность, — поправила вице-президента Фролих. — Мы на приеме тогда сыграли в шпионов или что-то вроде того. Нужно было проанализировать обстановку.

— Вы произвели на меня незабываемое впечатление, — призналась Нигли.

— Польщен, — улыбнулся вице-президент. — Поверьте, мэм, я очень благодарен всем тем, кто так заботится обо мне. Наверное, я не заслуживаю всего этого. Нет, я серьезно...

Он был великолепен. Его голос, лицо и глаза говорили Нигли только об одном: он действительно восхищался своими сотрудниками. И теперь, когда он не сводил с нее глаз, казалось, что он готов говорить только с ней, игнорируя весь остальной мир. И у него, как выяснилось великолепная зрительная память. Еще бы! Вспомнить одну из тысячи гостей на приеме, который проходил четыре дня назад. Армстронг был прирожденным политиком, и сомневаться в этом не приходилось. Он повернулся, пожал руку Ричеру и осветил машину изнутри самой непосредственной и искренней улыбкой:

— Приятно познакомиться, мистер Ричер.

— И мне очень приятно, — отозвался Джек и тут же осознал, что сам широко и дружелюбно улыбается Армстронгу. Тот понравился ему сразу же. У этого парня действительно имелся какой-то шарм, харизма, которые он излучал так, что не заметить этого было невозможно. И даже если вычеркнуть девяносто девять процентов этого очарования, как политическую шелуху, все равно Армстронг был приятным малым хотя бы из-за единственного оставшегося процента. Даже очень приятным.

— Вы тоже работаете в системе безопасности? — поинтересовался он.

— Консультантом, — уклончиво ответил Джек.

— Ну, вы, ребята, трудитесь без устали и, по-моему, успеваете проделать колоссальную работу. Я рад, что мы едем в одном автомобиле.

В наушнике Фролих что-то тоненько пропищало, и она, свернув в переулок, выехала на Висконсин-авеню. Здесь она сразу же влилась в поток машин и взяла курс на юго-восток, к центру Вашингтона. Солнце

снова скрылось, и город стал серым и мрачным. Армстронг счастливо вздохнул и принялся смотреть в окошко, словно все еще восхищался видами столицы. Под плащом виднелся безупречный костюм, черная рубашка из тонкого хлопка и шелковый галстук. Вице-президент оказался весьма крупным мужчиной и выглядел довольно внушительно. И хотя Ричер был на пять лет старше, на три дюйма выше и на целых пятьдесят фунтов тяжелее, сейчас он чувствовал себя рядом с Армстронгом каким-то жалким и убогим. Но, кроме того, этот парень действительно смотрелся как-то по-настоящему. Он был реальным, живым. Можно было забыть о костюме и галстуке и представить его в простой клетчатой рубахе, колющим дрова на заднем дворике. Он смотрелся не только как серьезный политик, но и просто как отличный мужик. Он был высок и словно излучал энергию. Голубые глаза, самые обыкновенные черты лица, непослушные, искрящиеся золотом волосы. Помимо всего прочего, он поддерживал спортивную форму. Не то чтобы он каждый день до изнеможения качался на тренажерах, а просто родился крепким и достаточно сильным. Вице-президент не носил никаких украшений, лишь тоненькое обручальное кольцо на пальце. И еще Ричер успел обратить внимание на плохо ухоженные ногти с маленькими трещинками.

— Вы из бывших военных, как я полагаю? — поинтересовался Армстронг.

— Я? — удивилась Нигли.

— Вы оба, как мне кажется. Вы немного насторожены. Он прикрывает меня на заднем сиденье, а вы следите за окнами, особенно на светофорах. Я это сразу понял. Мой отец был военным.

— Профессионалом?

Армстронг улыбнулся:

— Значит, вы не следили за ходом предвыборной кампании и ничего обо мне не читали. Он действительно собирался сделать себе хорошую карьеру, но в результате несчастного случая стал инвалидом. Это произошло еще до моего рождения. Отец решил стать лесорубом. Он всегда держался молодцом, это я вам точно говорю.

Фролих съехала с М-стрит и вырулила на улицу, параллельную Пенсильвания-авеню. Они миновали Корпус Администрации, затем Белый Дом. Армстронг изогнул шею, чтобы получше разглядеть его, и заулыбался. При этом на его лице обозначились маленькие морщинки, лучиками разбегающиеся от уголков глаз.

— Просто невероятно, да? — заговорил он. — И хотя многие в это не верили, я скоро окажусь вон там. И больше всего удивляюсь этому я сам, поверьте.

Фролих проехала мимо своего офиса в Министерстве финансов и направилась прямо к куполу Капитолия, видневшемуся впереди.

— По-моему, один Ричер когда-то работал у нас в Министерстве финансов, да? — спросил Армстронг.

«Вот это память на фамилии!» — изумился про себя Джек.

— Да, мой старший брат, — подтвердил он.

— Мир тесен, — улыбнулся вице-президент.

Фролих въехала на Конститьюшн-авеню, и машина плавно прокатилась мимо Капитолия, свернув на Первую улицу, после чего направилась к белому тенту-переходу, ведущему к боковой двери Сенатских офисов. С обеих сторон тента уже стояли два черных автомобиля, принадлежащих Секретной службе. На тротуаре дежурили четверо агентов, которые выглядели настороженно и хладнокровно одновременно. Фролих подъехала ко входу в тент и аккуратно затормозила у обочины. Затем чуть тронулась вперед, чтобы тент оказался прямо у дверцы Армстронга. Внутри холщового туннеля Ричер успел заметить троих агентов, поджидающих вице-президента. Один из них шагнул вперед и открыл дверцу машины. Армстронг приподнял брови, словно его развлекало такое представление.

— Мне было приятно познакомиться с вами обоими, — произнес он на прощанье, — И огромное вам спасибо, Эм-И.

После этого, захлопнув дверцу машины, он вступил в мрачную пещеру тента. Его тут же окружили агенты и повели вдаль, до самого входа в здание. Ричер увидел там охранников Капитолия, одетых в знакомую форму. Вскоре вице-президент скрылся за дверью, и Фролих, развернувшись среди стоящих машин, направилась на север, в сторону Юнион-стейшн.

— Ну хорошо, — с облегчением начала она, когда машина отъехала от Капитолия на значительное расстояние. — Пока что у нас все идет, как положено.

— И все-таки вы здесь рисковали, — заметил Ричер.

— Два против двухсот восьмидесяти миллионов, — добавила Нигли.

— О чем ты?

— Ведь тот, кто посылал эти письма, мог бы оказаться одним из нас, — пояснила Нигли.

Фролих улыбнулась:

— Думаю, что это не так. Ну, что вы теперь о нем думаете?

— Он мне понравился, — признался Ричер. — Даже очень.

— И мне тоже, — поддержала Джека Нигли. — Он мне пришелся по душе еще в четверг. И что же теперь? Какое у него расписание?

— Весь день он будет оставаться в Капитолии. У него назначена масса встреч. Домой мы его увезем примерно в семь вечера. Его супруга уже там, поэтому мы решили взять им напрокат каких-нибудь видеофильмов или что-то в этом роде. В общем, нужно сделать все так, чтобы они весь вечер провели дома.

— А нам нужна информация, — сказал Ричер. — Мы до сих пор не знаем, какого рода демонстрацию нам следует ожидать. Или где она должна произойти. Это ведь может быть все что угодно, начиная от лозунгов на заборах и так далее. И мне не хочется, чтобы для нас она осталась незамеченной. Если, конечно, она вообще будет иметь место. Фролих кивнула:

— В полночь мы все еще раз проверим. Если, конечно, доживем до полуночи целыми и невредимыми.

— И еще: мне хочется, чтобы Нигли снова допросила бригаду уборщиков. Если мы сумеем разговорить их и выяснить хоть что-то, то сможем немного передохнуть.

— Это было бы неплохо, — кивнула Фролих.

* * *

Они высадили Нигли у федеральной тюрьмы, а затем вернулись в офис к Фролих. Ей уже успели доставить два отчета из лаборатории ФБР насчет последних посланий, которые во всех отношениях оказались идентичны первым двум. Однако на этот раз присутствовало еще и дополнительное заключение от эксперта-химика. Он обнаружил кое-что необычное в отношении отпечатка большого пальца.

— Сквален, — пояснила Фролих. — Вы когда-нибудь слышали о таком веществе?

Ричер отрицательно покачал головой.

— Это ацикличный углеводород. Что-то вроде масла или жира. Его следы присутствуют в отпечатке, причем на третьем и четвертом чуть больше, чем на первых двух.

— Но в отпечатках всегда присутствует жир. Собственно, именно из-за его наличия и получается сам след от пальца.

— Да, но, как правило, это обычный жир, который свойственен человеку, а в нашем случае все по-другому. Его формула: C30N50. Это рыбий жир, а именно тот самый, который присутствует в печени акул.

Она передала бумагу Ричеру. На листке пестрели формулы, характерные для органической химии. Выяснилось, что сквален, как природный жир, в старину использовали для работы с точными механизмами, например с часовыми. В конце документа имелось приложение, где говорилось, что в случае гидрогенизации сквален превращается в сквалан.

— Что такое «гидрогенизация»? — поинтересовался Ричер.

— Наверное, это добавление воды, — высказала свое предположение Фролих. — Ну, по аналогии с гидроэлектростанциями.

Джек неопределенно пожал плечами, и тогда она достала с полки энциклопедический словарь.

— Нет, — найдя нужную статью, покачала головой Фролих. — Это означает, что нужно добавить к молекуле атом водорода.

— Ну, теперь все стало ясно. Мы завязли в болоте, ребята. Между прочим, у меня по химии и в школе были проблемы.

— Это означает, что наш неизвестный может быть охотником на акул.

— Или он просто потрошит их, чем и зарабатывает себе на жизнь, — добавил Ричер. — Или же работает в рыбном магазине. Либо он у нас часовщик из позапрошлого века, а пальцы у него перепачканы смазкой.

Фролих открыла ящик стола и, порывшись в нем, извлекла файл, в котором находился один-единственный лист бумаги, и передала его Джеку. На бумаге был зафиксирован отпечаток большого пальца, сделанный при помощи флууроскопа.

— Это и есть наш парень? — поинтересовался Джек.

Фролих кивнула.

Отпечаток был очень отчетливым, наверное, даже самым ярким, какие приходилось когда-либо видеть Джеку. Все петельки и дуги ясно просматривались, как будто специально прочерченные. Этот отпечаток как будто нахально бросал вызов всем тем, кто вздумал рассматривать его. И еще он был очень большим. Очень. Подушечка большого пальца имела в диаметре примерно полтора дюйма. Ричер для сравнения прижал свой палец рядом с отпечатком, и его отпечаток оказался гораздо меньше, а Джек имел далеко не самые маленькие руки.

— Нет, у часовщика таких лап быть не может, — с сомнением в голосе заявила Фролих.

Ричер медленно кивнул. У этого парня пальцы скорее должны были напоминать грозди бананов, да еще с очень грубой кожей, судя по тому, как хорошо отпечатались все мельчайшие линии.

— Этот тип, наверное, всю жизнь занимался ручным трудом, — высказал свое предположение Джек.

— Ловец акул, — кивнула Фролих. — Ну и где у нас ловят акул в больших количествах?

— Кажется, во Флориде.

— Между прочим, Орландо тоже находится во Флориде.

В этот момент зазвонил телефон Фролих. Как только она начала говорить, лицо ее помрачнело. Она с тоской посмотрела в потолок, зажав трубку между плечом и подбородком.

— Армстронгу необходимо посетить Министерство труда, — объявила она. — И он хочет пройтись туда пешком.

Глава 7

От Министерства финансов до офисов Сената было ровно две мили пути, и все это время Фролих вела машину, держась за руль одной рукой, а другой ухватив телефон, по которому вела переговоры. Погода оставалась пасмурной, транспортный поток увеличился, и путешествие получилось сравнительно долгим. Она припарковала машину у самого входа в холщовый тент-переход на Первой улице, выключила мотор и одновременно захлопнула крышку своего мобильного телефона.

— Неужели ребята из Министерства труда сами не могут прийти к нему? — удивился Ричер.

Фролих печально покачала головой:

— Нет, тут затронута политика. Там, в Министерстве, они собираются произвести какие-то изменения, и будет более этично, если Армстронг сам пожалует к ним.

— Но почему ему хочется прогуляться пешком?

— А он вообще предпочитает свежий воздух любым закрытым пространствам. И кроме того, он очень упрямый человек.

— Куда он должен идти? Покажи мне точно.

Она кивнула головой в сторону запада.

— Меньше полумили вон в том направлении. Шестьсот или семьсот ярдов через площадь Капитолия.

— Он сам позвонил им, или это они его потревожили?

— Он сам. И он заинтересован в том, чтобы переговорить с ними сегодня же по поводу их планов на будущее.

— А ты смогла бы отговорить его от пешей прогулки?

— Только теоретически. Но мне не хочется делать этого. Это не те споры, в которые я готова включаться сегодня.

Ричер оглянулся и внимательно всмотрелся в улицу позади них. Ничего необычного, только мрачная погода и спешащие куда-то автомобили.

— Ну тогда пускай идет, — пожал плечами Джек. — Он же сам им позвонил. Никто его не выманивал на свежий воздух, значит, никакого подвоха здесь ждать не придется.

Она всмотрелась куда-то вдаль через лобовое стекло, затем обернулась и уставилась в глубь тента через в окошко автомобиля. После этого Фролих позвонила в свой офис и начала с кем-то переговариваться. При этом речь ее пестрела всевозможными сокращениями и профессиональным жаргоном, так, что Джек практически ничего не понял. Через некоторое время она закончила беседу и захлопнула крышку телефона.

— Мы привлечем вертолет, — добавила Фролих. — Пусть он летает достаточно низко, чтобы было очевидно, что Армстронга надежно охраняют. Кроме того, ему придется пройти мимо армянского посольства, поэтому рядом с тем местом мы тоже выставим дополнительный наряд полицейских. Они смешаются с пешеходами. Я лично буду следовать за ним на машине на расстоянии в пятьдесят ярдов по Д-стрит. Ну а ты должен будешь идти впереди него, подмечая все необычное вокруг.

— Когда это произойдет?

— Через десять минут. Поэтому иди вперед по улице, а потом сворачивай налево.

— Хорошо, — кивнул Ричер.

Фролих чуть отъехала вперед, и Джек мог спокойно выйти из машины — тент ему больше не мешал выбраться на тротуар. Очутившись на улице, он застегнул «молнию» куртки и зашагал вперед. Сначала по Первой улице, затем свернул на С-стрит. Впереди виднелся перекресток с Делавер-авеню, а за ним начиналась площадь Капитолия, с ее низкими голыми деревьями, бурыми полянами с жухлой травой и тропинками,

посыпанными измельченным песчаником, хрустящим под ногами. В центре площади красуется фонтан, направо виднеется искусственный пруд, а чуть дальше налево — нечто вроде обелиска в честь кого-то или чего-то.

Уклоняясь от автомобилей, Джек перебежал через Делавер-авеню и вступил на площадь. Мелкие камушки захрустели у него под ногами. Было очень холодно, и теперь Ричер хорошо это прочувствовал: подошвы его ботинок оказались довольно тонкими, и ему даже померещилось, что щебенка на тропинках тщательно перемешана с кусочками льда. Джек остановился у фонтана и огляделся. Вокруг все было тихо. К северу открывалась площадка, где полукругом были выставлены флаги штатов и виднелся еще какой-то памятник, а уже за ним маячило здание вокзала. К югу ничего достопримечательного не располагалось — кроме, разумеется, самого Капитолия, напротив, через Конститьюшн-авеню. На западе выделялось то самое строение, которое, по мнению Джека, и должно было представлять собой Министерство труда. Он обошел фонтан, осторожно оглядываясь по сторонам, но снова ничего подозрительного не обнаружил. Здесь спрятаться негде, да и окон, из которых можно было бы вести стрельбу, поблизости не наблюдается. Конечно, в парке гуляли люди, но ни один убийца не будет торчать здесь весь день в надежде на то, что у кого-то внезапно изменится распорядок дня.

Джек двинулся дальше. Он пошел по С-стрит с дальней стороны площади, оттуда, где торчит обелиск, больше напоминающий кусок скалы, взмывающей в небеса. К нему ведет табличка, на которой значится: «Мемориал Тафта». С-стрит пересекает Нью-Джерси-авеню, а затем и Луизиана-авеню. Здесь несколько перекрестков со светофорами, где, судя по плотному транспортному потоку, Армстронгу придется некоторое время подождать зеленого света. Армянское посольство находится чуть впереди, слева. Перед ним уже тормозила полицейская машина. Она остановилась у обочины, и из нее вышли четверо стражей порядка. Сверху послышался стрекот вертолета. Обернувшись, он увидел его на северо-западе, огибающим запрещенное воздушное пространство непосредственно над Белым Домом. Здание Министерства труда по-прежнему впереди. И справа, и слева остаются переулки, где в любой момент может возникнуть опасность.

Джек перешел С-стрит, вернулся на пятьдесят ярдов назад, откуда ему хорошо была видна площадь, и принялся ждать. Вертолет завис в воздухе так, как и было предусмотрено: достаточно низко, чтобы его нельзя было проигнорировать, но и одновременно сравнительно высоко, чтобы никому не мешать своим шумом. Джек увидел, как из-за угла выруливает Фролих на своем «сабербене», на большом расстоянии кажущемся маленьким и невзрачным. Она притормозила у обочины и

тоже принялась ждать. Джек наблюдал за пешеходами. Большинство из них торопились куда-то по своим делам: сегодня слишком холодно, чтобы беспечно слоняться по улицам, не преследуя при этом никакой цели. Вот, наконец, у дальней стороны фонтана появились несколько мужчин: шестеро в темных пальто окружали седьмого, одетого в плащ цвета хаки. Затем все они двинулись дальше по тропинке. Два дежурных агента шли чуть впереди и внимательно оглядывались по сторонам, остальные перемещались группой. Они миновали фонтан и заспешили в сторону Нью-Джерси-авеню, где остановились на красный свет у светофора. Армстронг вышел без головного убора, и легкий ветерок трепал его непослушные волосы. Машины потоком неслись мимо. Никто не обращал внимания на вице-президента. Водители и пешеходы обитали в разных мирах, где имела значение относительность времени и пространства. Фролих держалась на расстоянии, как и было запланировано. Ее «сабербен» методично переползал от одного места к другому, дистанция в пятьдесят ярдов оставалась при этом неизменной. Светофор переключился, и Армстронг со своей кучкой телохранителей зашагал вперед. Ну, пока что, вроде бы, все в порядке. Операция по перемещению проходит как положено.

И тут все смешалось.

Сначала сильным порывом ветра полицейский вертолет чуть отнесло в сторону. В этот момент Армстронг и его охранники уже почти миновали маленький треугольник между Нью-Джерси-авеню и Луизиана-авеню. Но тут неожиданно, с расстояния в десять ярдов, в сторону Армстронга бросился одинокий пешеход — мужчина средних лет, тощий, бородатый, с длинными спутанными волосами, бедно одетый и очень грязный. На нем был засаленный старенький плащ с поясом. Незнакомец секунду стоял в растерянности, глядя на Армстронга, затем бросился к нему прыжками, нелепо размахивая руками во все стороны, раскрыв рот и при этом жутко оскалившись. Двое агентов кинулись вперед на перехват, а четверо остальных сгребли вице-президента и оттащили его назад. Началась толкотня и наконец Армстронг был надежно изолирован от нападающего, но зато абсолютно не защищен с противоположной стороны.

Ричер посчитал это подстроенным маневром и огляделся, но больше никого подозрительного не увидел. Только равнодушные и спокойные городские постройки взирали на это внезапное происшествие. Джек оглядел ближайшие окна. Он искал отблеск света на стеклах, но так ничего и не заметил. Ничего. Вообще ничего. Машины на улице все так же целеустремленно мчались вперед, не обращая внимания на небольшую свалку у тротуара, и ни одна из них не замедлила ход. Джек оглянулся и увидел, что сумасшедший лежит на земле, а двое агентов надежно удерживают его. Еще двое наставили на него свои пистолеты.

Фролих поспешно подъехала к месту событий. Она резко затормозила у обочины, и двое агентов, быстро подведя Армстронга к автомобилю, помогли ему устроиться на заднем сиденье.

Но «сабербен» никуда не поехал, и остальные машины были вынуждены покорно объезжать его. Вертолет вернулся на свой пост и теперь чуть снизился, чтобы его пассажиры были поближе к месту происшествия и смогли разглядеть, что же там, на земле, случилось. Его стрекот буквально раздирал воздух. Но больше ничего не происходило. Через некоторое время Армстронг вышел из машины в сопровождении все тех же двух агентов и приблизился к незнакомцу. Он присел на корточки, уперев локти в колени, словно хотел поговорить с бродягой. Фролих, не выключая мотора, вышла из автомобиля на тротуар и что-то сказала в микрофон, прикрепленный к запястью. Через некоторое время к «сабербену» подтянулся полицейский автомобиль и остановился сразу же за ним. Армстронг выпрямился и наблюдал за тем, как двое полицейских взяли бродягу под руки, отвели к автомобилю и усадили в него. Фролих забралась в свой «сабербен», и Армстронг, немного придя в себя, в сопровождении своих телохранителей, продолжил пешее путешествие к Министерству труда. Над ними продолжал висеть вертолет, послушно следуя за группой. Наконец вице-президент пересек Луизиана-авеню, в то время как Ричер как раз перешел ее чуть дальше и в обратном направлении, после чего подбежал к Фролих. Женщина сидела на водительском месте и внимательно смотрела за тем, как Армстронг удаляется в сторону министерства. Ричер тихонько постучал по стеклу, и она, вздрогнув, удивленно взглянула на него. Увидев Джека, Фролих опустила стекло.

— С тобой все в порядке? — сразу же поинтересовался он.

Она отвернулась туда, где все еще был виден вице-президент с охраной.

— Я, наверное, должна была чокнуться.

— Что это за тип?

— Какой-то местный бродяга. Мы, конечно, выясним все его данные, но я чувствую, что он никак не связан с теми, кого мы ищем. Это было бы просто невероятно. Ну а если он сам прислал нам все те письма, то от них должно было бы нести спиртным за милю. Армстронгу даже захотелось поговорить с ним. Он сказал, что ему очень жаль этого нищего, а потом добавил, что желает продолжить прогулку. Он точно сумасшедший. И я вместе с ним, хотя бы потому, что не стала противиться этому безумному желанию.

— И назад он тоже пойдет пешком? — поинтересовался Ричер.

— Скорее всего. Мне очень нужно, чтобы начался дождь. Почему никогда нет дождя, когда он нужен тебе больше всего? И не какой-нибудь, а хороший ливень часика на полтора — вот что меня бы могло здорово выручить.

Джек посмотрел на небо. Оно было серым и холодным, но облака плыли высоко и не предвещали никаких осадков. Нет, дождя сегодня определенно не будет.

— Тебе надо просто рассказать ему обо всем, что происходит, — предложил Ричер.

Но она упрямо замотала головой, после чего с грустью уставилась в лобовое стекло.

— Нет, мы так не делаем.

— Тогда организуй, чтобы ему позвонил кто-нибудь из его сотрудников и попросил срочно вернуться. Придумайте какую-нибудь проблему, которая никак не может разрешиться без его присутствия. Тогда ему волей-неволей придется воспользоваться автомобилем.

Но она снова мотнула головой.

— Он сам руководит командой переходного периода и устанавливает ритм работы. Вот поэтому ничто не может быть срочным, если он только сам того не захочет.

— Ну тогда скажи, что тебе требуется еще одна очередная репетиция. Вы якобы должны испытать новую тактику.

Фролих внимательно посмотрела на Джека.

— А вот это годится. Мы все еще находимся на переходной стадии, а потому я имею право экспериментировать сколько угодно. Возможно, это и есть выход.

— Попробуй, — посоветовал Джек. — Пойми, дорога назад будет во много раз опасней, чем путь туда. За пару часов кто-нибудь обязательно выяснит, что вице-президент намеревается совершить еще одну пешую прогулку.

— Садись в машину, — предложила Фролих. — Мне кажется, ты здорово замерз.

Он обошел капот «сабербена» и забрался на пассажирское место. Сразу же расстегнул «молнию» на куртке и подержал ее раскрытой, чтобы горячий воздух из обогревателя продул ее теплом изнутри. Они сидели молча и наблюдали за тем, как Армстронг и его телохранители наконец скрылись в здании Министерства труда. После этого Фролих позвонила

в офис, проинструктировав кого-то сразу поставить ее в известность, когда Армстронг соберется покинуть министерство. Затем сняла машину с тормоза, и они направились на юго-запад, к восточному крылу Национальной галереи. Здесь Фролих свернула налево и проехала мимо зеркального пруда Капитолия. Затем еще один поворот, и они очутились на Индепенденс-авеню.

— Куда мы направляемся? — осведомился Ричер.

— В общем, никуда, — пожала плечами женщина. — Я попросту убиваю время. А заодно раздумываю над тем, стоит ли мне еще помучиться или лучше сегодня же подать заявление об уходе.

Она проехала мимо цепочки музеев и наконец свернула на 14-ю улицу. Справа высилось здание Бюро гравюр и печатей, слева расположился приливный бассейн. Бюро представляло собой огромное и мрачное серое здание. Фролих обогнула его и остановилась напротив главного входа. Она не стала выключать мотор, держа при этом ногу на педали тормоза, и принялась разглядывать высокие и узкие окна Бюро.

— Джо некоторое время работал здесь, — пояснила она. — В то время, когда создавалась новая стодолларовая купюра. Он считал, что раз уж должен защищать деньги от подделок, то обязан внести свой вклад в их создание. Это было очень, очень давно.

Она склонила голову, и Ричер обратил внимание на красивый изгиб ее шеи. Он молчал.

— Мы иногда встречались с ним здесь, — продолжала Фролих. — Или на ступеньках мемориала Джеферсона, а потом гуляли вокруг бассейна поздно вечером. Обычно весной или летом.

Ричер посмотрел направо. Согбенный Джеферсон среди голых деревьев отражался в спокойной воде.

— Я ведь очень любила его, понимаешь?

Ричер снова промолчал и только смотрел на ее руку, державшую руль. Он обратил внимание на ее тонкое запястье и идеальную кожу, все еще сохранявшую следы летнего загара.

— А ты очень на него похож.

— Где он жил?

Она удивленно посмотрела на Джека:

— А разве ты этого не знаешь?

— По-моему, он мне об этом никогда не рассказывал.

В салоне наступила тишина.

— У него была квартира в Уотергейте.

— Он снимал ее?

Фролих кивнула:

— Она практически стояла пустая, ну, как временное жилье.

— Наверное. У нашего семейства, по-моему, вообще никогда не было ничего своего в смысле жилья.

— У семьи твоей матери было. Они владели целыми поместьями во Франции.

— Неужели?

— И этого ты тоже не знал?

Он неопределенно пожал плечами:

— Я знал, что она была родом из Франции, как мне помнится. Но о поместьях, уверен, ничего не слышал.

Фролих сняла ногу с тормоза, посмотрела в зеркальце заднего вида и легко влилась в транспортный поток.

— У вас, ребята, какой-то странный взгляд на семью, — покачала головой женщина. — Просто дикость какая-то.

— Тогда мне это казалось нормальным, — хмыкнул Джек. — Ну, мы считали, что все семьи такие.

У Фролих зазвонил мобильный телефон. Негромкая электронная трель всколыхнула тишину салона. Женщина откинула крышку, несколько секунд слушала чей-то голос, затем закрыла телефон.

— Это Нигли, — сообщила Фролих. — Она закончила допрашивать уборщиков.

— Что-нибудь удалось выяснить?

— Она ничего не сказала. Будет ждать нас в офисе.

Фролих объехала ряды магазинов и направилась на север по 14-й улице. Телефон зазвонил снова. На этот раз слушать женщине пришлось дольше. Сама она молчала и через некоторое время так же спокойно просто закрыла крышку, продолжая смотреть на дорогу перед собой.

— Армстронг собрался уходить, — заговорила она. — Я отправляюсь туда, чтобы попытаться уговорить его поехать со мной, а тебя сейчас подброшу до гаража.

Она спустилась по пандусу и подождала, пока Ричер выйдет из машины, затем развернулась и снова выехала на шумную улицу. Ричер теперь без труда отыскал дверь в вестибюль, где находился единственный лифт, добрался до третьего этажа и сразу же увидел Нигли, которая поджидала его в приемной. Она сидела, выпрямившись, в кожаном кресле, спокойная и уверенная в себе.

— Стивесант здесь? — сразу же поинтересовался Ричер.

Она отрицательно покачала головой.

— Ушел по делам, но не очень далеко. В Белый Дом.

— Я хочу осмотреть ту самую камеру, — пояснил Джек.

Они прошлись по коридорам и через некоторое время очутились в секретарском закутке у кабинета Стивесанта. Секретарь сидела за своим столом, на котором стояла ее раскрытая сумочка. В руках женщина держала маленькое зеркальце в черепаховой оправе и тоненький флакон блеска для губ, которым она подправляла макияж. Это незатейливое занятие сразу сделало секретаря обычной земной женщиной. Конечно, при этом она оставалась профессионалом высшего класса, но казалась еще просто милой и человечной старушенцией. Увидев посетителей, она смутилась и сразу же спрятала косметику, словно смущенная тем, что ее застали врасплох. Ричер всматривался в камеру, висевшую позади нее, над головой. Нигли сначала взглянула на дверь, ведущую в кабинет Стивесанта, затем на секретаря.

— Вы хорошо помните то самое утро, когда здесь появилось послание? — поинтересовалась Нигли.

— Ну конечно, — кивнула секретарь.

— Скажите, почему мистер Стивесант оставил здесь, на вашем столе, свой «дипломат»?

Секретарь замешкалась лишь на секунду:

— Потому что был четверг.

— А что происходит по четвергам? У него была назначена какая-то встреча и нужно было сразу же уезжать?

— Нет, его жена отправляется в Балтимор по вторникам и четвергам.

— И какая же тут взаимосвязь?

— Она бесплатно работает там в больнице.

Нигли посмотрела женщине в глаза.

— Но каким же образом это может повлиять на «дипломат» ее супруга?

— Она едет туда на машине, — пояснила секретарь, — забирает их единственный автомобиль. А служебной машины у мистера Стивесанта нет, потому что ему практически никуда не нужно больше выезжать. Вот поэтому ему приходится добираться до работы на метро.

Нигли смотрела на секретаря и ничего не понимала.

— То есть как? Он ездит сюда дважды в неделю подземкой?

Женщина серьезно кивнула.

— Поэтому для вторников и четвергов у него имеется другой «дипломат», поскольку он вынужден его ставить в вагоне подземки на грязный пол. Со своим обычным «дипломатом» он бы так никогда не поступил, боясь его испачкать.

Нигли не шевелилась. Ричер вспоминал видеокассету, те моменты, когда Стивесант выходит из кабинета в среду вечером, и когда снова появляется там в четверг утром.

— Я почему-то не заметил разницы, — признался он. — По-моему, это один и тот же «дипломат».

Секретарь согласно кивнула:

— Одна и та же модель, — подтвердила она. — Та же фирма и год выпуска. Он не хочет, чтобы кто-то знал об этом. Но только один «дипломат» предназначен для автомобиля, а другой он носит только тогда, когда ему приходится пользоваться подземкой.

— Но почему?

— Он ненавидит грязь. Мне даже кажется, что он ее немножко побаивается. Так вот, по вторникам и четвергам он даже не заносит свой «дипломат» в кабинет, а оставляет здесь, на моем столе, а я потом в течение всего дня приношу ему из него разные документы, когда это потребуется. Если на улице дождь, то он и ботинки свои оставляет здесь, у меня. Создается такое впечатление, что у него там не рабочий кабинет, а японский храм.

Нигли посмотрела на Ричера и скривилась.

— Он немного эксцентричен, конечно, но эти капризы совершенно безобидны, — вступилась за шефа секретарь, а затем заговорила тихо, словно боялась, что ее голос могут услышать в Белом Доме. — Правда,

его предосторожность совершенно излишня, если вам интересно узнать мое мнение. Вашингтонское метро считается самым чистым во всем мире.

— Все понятно, — подытожила Нигли. — Хотя и странно, и диковато.

— Но при этом совершенно безобидно, — повторила секретарь.

Ричер потерял интерес к истории с «дипломатами», зашел за спину секретаря и взглянул на пожарную дверь. На ней была блестящий стальной брусок на уровне талии человека среднего роста, как наверняка предписывалось инструкциями. Он положил на него пальцы, замок нежно щелкнул, а когда Джек нажал посильнее, дверь плавно распахнулась. Она представляла собой массивную огнеупорную металлическую конструкцию, подвешенную на трех мощных петлях, поддерживающих ее вес. Джек вступил на небольшую квадратную площадку лестничного пролета. Здесь он увидел бетонную лестницу, куда более новую, чем все элементы самого здания. Лестница, снабженная стальными поручнями, вела как на верхние этажи, так и вниз, до уровня земли. Тусклые электрические лампочки аварийного освещения были упрятаны в проволочные сетки. Очевидно, эту узкую лестницу пристроили к зданию во время реконструкции, чтобы усовершенствовать противопожарную защиту.

С обратной стороны двери Джек увидел обычную ручку, связанную с тем же механизмом замка. Хотя имелась и замочная скважина, дверь на ключ не запиралась. «В этом есть определенный смысл», — подумал Ричер. Как единое целое, здание считалось абсолютно безопасным, и не было нужды изолировать один этаж от другого. Закрыв за собой дверь, Ричер постоял несколько секунд в полумраке лестничного пролета. Затем снова открыл дверь и сделал один шаг в ярко освещенный секретарский закуток. Извернувшись, он бросил взгляд на камеру слежения. Она висела над его головой, и уже через еще один шаг смогла бы зафиксировать его присутствие. Ричер чуть двинулся вперед, и дверь за ним закрылась. Джек снова посмотрел ан камеру. Сейчас она его уже видит, а до двери в кабинет Стивесанта еще оставалось преодолеть целых восемь футов.

— Это уборщики подсунули ему то послание, — уверенно кивнула секретарь. — Другого разумного объяснения все равно не найти.

В этот момент у нее на столе зазвонил телефон. Секретарь извинилась и сняла трубку. Ричер и Нигли отправились назад по лабиринту коридоров, и через некоторое время добрались до кабинета Фролих. Здесь было темно и тихо. Нигли включила свет и присела за стол. Второго стула в кабинете не оказалось, и Ричер устроился на полу, вытянув ноги вперед и прислонившись спиной к шкафчику с документами.

— Расскажи мне, что там у тебя получилось с уборщиками, — попросил он.

Нигли принялась выстукивать на столе пальцами какой-то ритм, и пощелкивание ногтей то и дело сменялось глухими ударами, когда она начинала барабанить подушечками пальцев.

— С ними уже успели поработать адвокаты, — начала она. — Им выделили защитников, по одному на каждого. Кроме того, изрядно запугали Мирандой. То есть сейчас их права охраняют так, что не подступиться. Чудесно, правда? Вот это, я понимаю, цивилизованное общество!

— Какой кошмар! И что же они тебе рассказали?

— Ничего особенного. Они зажались и попрятались в свою скорлупу. К тому же все трое упрямые, как я не знаю кто. Но и запуганы тоже до предела. Они, как мне кажется, уже не знают, как им лучше поступить. Скорее всего, им страшно выдать имя человека, который заставил их подсунуть бумагу на стол Стивесанта, но ничуть не меньше их страшит перспектива остаться без своей привилегированной работы и, возможно, отправиться в тюрьму. В общем, в любом случае, им теперь не поздоровится. Картина жуткая.

— Ты упоминала при них о Стивесанте?

— Да, громко и отчетливо. Они, конечно, знают его, но, как мне кажется, не в курсе, кто он такой и, в частности, какую должность занимает. Они же всего-навсего ночные уборщики. И все, что они видят, это пустые кабинеты. Им не приходится общаться с людьми. Одним словом, на его фамилию они никак не отреагировали. Если уж говорить точнее, они вообще перестали на что-либо реагировать. Я тебе говорю, они запуганы насмерть: тупо смотрят на своих адвокатов и упорно молчат.

— Ты что-то не так делала. Я же помню, как у тебя любые молчуны начинали не то что говорить, а даже есть с руки, — нахмурился Джек.

Нигли кивнула.

— Я уже как-то обращала твое внимание на то, что начинаю стареть. С дрессировкой на этот раз не получилось. Мне очень мешали адвокаты. Да и вообще, если начистоту, то гражданская система правосудия меня очень сбивает с толку. Никогда еще не чувствовала себя такой растерянной или даже, если хочешь, обескураженной.

Ричер ничего ей не ответил и только посмотрел на часы.

— И что нам делать теперь? — поинтересовалась Нигли.

— Ждать, — коротко ответил он.

* * *

Время тянулось исключительно медленно. Фролих явилась через полтора часа и доложила им о том, что Армстронг доставлен в свой кабинет целым и невредимым. Ей все же удалось убедить его проехаться вместе с ней в автомобиле. При этом она объяснила вице-президенту, что прекрасно понимает его желание пройтись пешком, но вот только ее команде нужно отработать кое-какие элементы безопасности, и лучшего времени, чем сейчас, она придумать не может. Фролих удачно выбрала момент: любой отказ со с стороны Армстронга мог бы предстать как каприз примадонны, а вице-президент отличался покладистым характером, и потому без промедлений забрался в «сабербен». Переход через тент у сенатских офисов также прошел без инцидентов.

— Теперь необходимо сделать несколько звонков, — предложил Ричер, — чтобы выяснить, не произошло ли чего-нибудь такого, о чем нам стоит знать.

Сначала Фролих позвонила в полицию Вашингтона, но там ей сообщили только об обычных преступлениях и правонарушениях, и посчитать что-либо из них демонстрацией уязвимости Армстронга не представлялось возможным и казалось надуманным. Тогда Фролих соединилась с участком, куда был доставлен ненормальный бродяга, и выслушала длинный отчет о его личности. После этого она повесила трубку и отрицательно покачала головой.

— Никакой связи здесь не наблюдается, — вздохнула она. — Они его знают. Низкий интеллект, алкогольная зависимость, спит на улице, практически неграмотный, и к тому же отпечатки пальцев у него другие. Помимо всего прочего, его неоднократно задерживали за то, что он набрасывается на всех, чьи фотографии ему приходится видеть в газетах, которыми он накрывается ночью вместо одеяла. У него какие-то проблемы с психикой. Мне кажется, об этом чудаке нам лучше побыстрей забыть.

— Согласен, — кивнул Ричер.

Затем Фролих вошла в базу данных Национального информационного центра по преступлениям и взглянула на данные, внесенные за день. Они приходили в Центр со всей страны со скоростью более одного сообщения в секунду, так, что Фролих не успевала прочитывать их.

— Безнадежно, — уныло констатировала она. — Придется ждать полуночи.

— Или даже часа ночи, — поправила Нигли. — Ведь это может произойти и в Бисмарке, а у них местное время отличается от нашего на час. Они могут обстрелять его дом или кинуть камень в окно.

Поэтому Фролих решила позвонить в Бисмарк сама и попросила местных полицейских сразу же сообщить ей о вероятном происшествии, которое (хотя бы отдаленно) могло быть связано с личностью Армстронга. С той же просьбой она обратилась в полицию штата Северная Дакота и в ФБР.

— Может быть, сегодня вообще ничего такого и не произойдет, — задумчиво произнесла она.

Ричер отвернулся и подумал про себя: «Будем все-таки надеяться на то, что это случится».

* * *

Около семи часов вечера в здании стало спокойней. Большинство сотрудников, которых можно было увидеть в коридорах, шли в одну сторону — к центральному выходу. Все они успели облачиться в плащи и несли с собой сумки или «дипломаты».

— Вы уже выписались из гостиницы? — поинтересовалась Фролих.

— Я — да, — кивнул Ричер.

— А я — нет, — ответила Нигли. — Дело в том, что я не умею быть послушной гостьей в частных домах, а потому решила остаться в отеле.

Фролих промолчала, хотя такое заявление несколько ошеломило ее. Правда, Ричера оно ничуть не удивило. Он знал Нигли как человека, предпочитающего уединение. Она всегда была такой, и если ей предоставлялся случай побыть одной, никогда от него не отказывалась. Правда, объяснить это Джек не мог.

— Ну хорошо, — кивнула Фролих. — Так или иначе, но нам требуется сделать перерыв на некоторое время. Нужно отдохнуть. Я развезу вас, а потом отправлюсь к Армстронгу чтобы убедиться в том, что и он у нас сегодня благополучно доберется до дома.

Они отправились в гараж, и Фролих на своем «сабербене» сначала доставила до гостиницы Нигли. Ричер немного прошелся с ней, затем добрался до администратора и потребовал вернуть ему одежду, купленную еще в Атлантик-Сити. Выяснилось, что вся его экипировка вместе с зубной щеткой и бритвой уже упакована в черный пластиковый пакет и ждет своей очереди быть выкинутой с другим мусором. Ричер заставил посыльного отнести этот мешок в «сабербен». Тот равнодушно повиновался, ничуть не удивившись столь странной просьбе, и Джек даже одарил его чаевыми в размере одного доллара. Затем он устроился в машине, и Фролих повела ее к своему дому. Было холодно, темно, сыро, а пробки встречали их на каждом перекрестке. Длинные цепочки красных габаритных огней вереницами тянулись впереди них, а навстречу шла такая же бесконечная череда зажженных белых фар.

«сабербен» миновал мост на 11-й улице, затем Фролих порулила по переулкам, и наконец они очутились у ее дома. Она остановила машину возле особняка, но мотор выключать не стала. Женщина чуть повозилась со связкой ключей возле руля и отцепила с колечка один, от входной двери.

— Я вернусь часа через два, — пообещала она Джеку, передавая ключ. — А ты устраивайся и чувствуй себя как дома.

Он забрал свой мешок, вышел из машины и еще некоторое время стоял у тротуара, наблюдая за тем, как Фролих отъезжает. Она свернула направо, чтобы сделать петлю и вернуться на север, но уже по другому мосту, и наконец скрылась из виду. Джек прошел по дорожке и отпер входную дверь. В доме было темно и тепло, а в воздухе ощущался аромат женских духов. Джек закрыл за собой дверь и на ощупь отыскал на стене выключатель. В прихожей на высокой тумбочке загорелась неяркая лампочка, и комнату залил мягкий свет. Ричер положил ключ на тумбочку, бросил свой мешок возле лестницы и шагнул в гостиную. Он зажег свет и здесь, а затем прошел на кухню и огляделся.

За дверью находилась лестница, ведущая в подвал. Пару секунд Джек стоял неподвижно, решая, как ему поступить: его терзало профессиональное любопытство. Это был крепко укоренившийся рефлекс, пожалуй, такой же, как дыхание. Но вежливо ли это будет со стороны гостя — обыскивать дом своего хозяина? Или просто свалить все на силу привычки? Конечно, этого делать не стоило, но Джек не мог противиться собственному желанию. Он осторожно спустился вниз по лестнице, зажигая лампочки по мере продвижения вперед. Сам подвал оказался довольно мрачным помещением с гладкими бетонными стенами. Здесь располагался котел и приспособление для смягчения воды. Кроме того, Джек обратил внимание на стиральную машину и электрическую сушилку для белья. Вдоль одной из стен висели полки и были свалены старые чемоданы, а также много всякого хлама, не представляющего собой интереса. Джек вернулся наверх и выключил в подвале свет. У входа на кухню имелось еще одно закрытое помещение, большее, чем стенной шкаф, но все же меньшее, чем отдельная комната. Возможно, когда-то оно служило буфетной, а сейчас представляло собой крошечный кабинет. Здесь стоял письменный стол, стул на колесиках, а на стенах висело несколько старомодных полок. Казалось, что все это покупалось в обычном магазине, хотя могло сойти и за офисную мебель. Возможно, Фролих приобретала эти вещи и в магазинах «секонд-хэнд», настолько они были старыми. На столе стоял такой же устаревший компьютер, соединенный со струйным принтером. Джек вернулся на кухню.

Здесь он первым делом проверил все те места, куда бы женщина могла что-то припрятать, и вскоре обнаружил пятьсот долларов в различных

купюрах, лежавшие в глиняном горшке на полке буфета. Заначка на черный день. Может быть, привычка оставлять что-то про запас. В одном из ящиков он обнаружил пистолет «беретта М9» калибра 8 миллиметров, тщательно зарытый среди салфеток. Оружие тоже оказалось старым, со множеством царапин и пятен высохшей смазки. Возможно, она получила его, когда избытки военного снаряжения раздавались по различным организациям. Пистолет был незаряженным, магазин отсутствовал. Джек открыл соседний ящик слева и тут же нашел четыре запасных магазина, спрятанных под варежкой для духовки, причем все они оказались заряженными обычными патронами. Это и обрадовало, и огорчило Ричера. Задумка неплохая: хватаешь пистолет правой рукой, а левой тут же вставляешь в него уже снаряженный магазин. Минимум движений. Но хранить магазины, до отказа набитые патронами, не годится.

Если эти обоймы лежат долго, то пружина теряет упругость и в нужный момент может не сработать, как положено. Пистолет чаще всего не стреляет как раз из-за неисправной пружины магазина, чем по какой-либо другой причине. Лучше всего держать в пистолете магазин с одним-единственным патроном, а остальные заряды где-нибудь в другом месте, но тоже поблизости. Всегда можно выстрелить один раз правой рукой, и в это же время успеть левой вставить в пистолет новый магазин с еще одним зарядом. Конечно, это уменьшает скорость стрельбы, но все равно лучше, чем нажимать на спусковой крючок, а в ответ слышать только глухой щелчок и ничего более.

Джек задвинул ящики на кухне и вернулся в гостиную. Здесь ему не открылось ничего интересного, если не считать книги с вырезанной сердцевиной в шкафу, которая, правда, оказалась пустой. Джек включил телевизор, и тот сразу же послушно заработал. Ричеру вдруг вспомнился один парень, который устроил тайник внутри телевизора, из которого предварительно вынул все детали. Его квартиру обыскивали восемь раз, прежде чем кто-то догадался начать включать всю бытовую технику, чтобы выяснить, так ли она безобидна, как кажется с первого взгляда.

В прихожей тоже не обнаружилось ничего необычного. Ничто не было приклеено снизу липкой лентой к ящикам и полкам. Ничего интересного в ванной комнате. Впрочем, и в спальне единственной стоящей внимания вещью оказалась коробка из-под обуви под кроватью Фролих. Коробка была буквально забита письмами, написанными Джо. Джек задвинул ее назад под кровать, не решившись читать эти послания. Затем он вернулся на первый этаж и понес свой мешок в гостевую комнату. Он решил выждать еще час, и если к тому времени Фролих не вернется, поужинать в одиночестве. Заказ он сделает такой же, как и накануне: кислый суп и жареного цыпленка. Здесь их готовят отлично. Рядом с раковиной в ванной он выложил свои бритвенные

принадлежности, а одежду, приобретенную в Атлантик-Сити заботливо повесил в шкаф рядом с костюмами, которые здесь когда-то оставил Джо. Некоторое время Джек просто смотрел на одежду брата, затем протянул руку и снял с вешалки первый попавшийся костюм.

Пластиковый пакет тут же разорвался, как только Джек потянул за край. Он оказался слишком старым. На этикетке, пришитой к пиджаку, было выведено лишь одно слово по-итальянски, но Джек не знал такой фирмы. Материал напоминал собой тонкую шерсть. Костюм оказался темно-серым с отливом и очень красивым. Искусственная подкладка напоминала темно-красный шелк. А может, это и был натуральный шелк. Во всяком случае, на задней части костюма не оказалось никаких дырочек, выполнявших роль вентиляции. Он аккуратно положил пиджак на кровать рядом с брюками, которые оказались довольно простого покроя: без манжет и стрелок.

Затем Джек вернулся к шкафу и выбрал себе рубашку. Когда он снял с нее пластиковый чехол, она оказалась белоснежной, из хлопка, без пуговиц на воротнике, на обратной стороне которого виднелась небольшая этикетка с двумя каллиграфически выполненными именами: «Кто-то и кто-то». Либо это эксклюзивные лондонские мастера, либо очень недурная подделка. Ткань оказалась довольно плотной. Конечно, не такой, из которой делается рабочая одежда, но все же достаточно тяжелой.

Джек развязал шнурки ботинок, затем снял куртку и джинсы и аккуратно сложил их на стуле. За ними последовала футболка и нижнее белье. Он зашел в ванную и включил душ, после чего решительно шагнул под струи воды. Здесь же, на полочке возле ванны, он обнаружил шампунь и мыло. Брусок мыла оказался потрескавшимся от времени, а крышка шампуня не открывалась из-за слипшейся и ссохшейся застарелой пены. Очевидно, друзья и знакомые у Фролих гостили редко. Джек подержал бутылочку шампуня под струей горячей воды и с силой отвернул крышку. Вымыл волосы, затем намылил тело. Высунулся из-под душа, достал свою бритву и тщательно побрился. Затем смыл пену и, выйдя из ванной, забрызгал пол водой, пока отыскивал полотенце. Оно обнаружилось в шкафчике, жесткое и совершенно новое. Даже слишком новое, и оттого плохо впитывающее воду. Оно как будто просто размазывало капли по телу. Джек, как мог, вытерся, обвязал полотенце вокруг бедер и пятерней расчесал волосы.

Потом он вернулся в спальню и взял в руки рубашку Джо. Поколебавшись пару секунд, он надел ее, не спеша застегнул спереди все пуговицы, после чего подошел к шкафу, чтобы посмотреть на себя в большое зеркало. Рубашка очень шла ему, как будто была сшита на заказ. Джек застегнул пуговицы на рукавах и увидел, что их длина как раз соответствовала его росту. Он бросил взгляд на шкаф и увидел, что

за вешалками находилась полка, где лежали галстуки, аккуратно свернутые и уложенные в ряд. По соседству с ними обнаружились до сих пор никем не распакованные свертки с бельем, принесенные из прачечной. Он распечатал один из них и увидел там несколько белоснежных мужских трусов. В другом свертке оказалась целая партия черных носков, собранных парами.

Джек вернулся к кровати и облачился в одежду своего брата. Выбрал галстук красно-коричневого оттенка с неброским рисунком. Ему показалось, что это британский галстук, и его орнамент то ли отображал полковое знамя, то ли символизировал цвета одного из престижных учебных заведений. Он надел его и опустил воротник, затем натянул трусы, носки, облачился в брюки и наконец уместил свое тело в пиджаке. После этого обулся в свои новые ботинки, а оберточной бумагой смахнул с них налипшую и высохшую грязь. После этого Ричер выпрямился и снова подошел к зеркалу. Костюм ему очень шел. Может быть, пиджак чуточку длинноват в рукавах, и брюки бы тоже следовало немного укоротить, потому что в жизни Джо был немного выше его. Кроме того, пиджак оказался ему тесноват, поскольку Джек всегда был плотнее своего брата. Однако в общем и целом в зеркале он смотрелся отлично. То есть как совершенно другая личность. Тот мужчина, что был в зеркале, казался старше, солидней и серьезней. И больше походил на Джо.

Джек нагнулся и поднял картонную коробку. Она оказалась тяжелой. В этот момент снизу послышался какой-то шум, словно кто-то поднялся по ступенькам ко входной двери и негромко постучал. Ричер оставил коробку в шкафу и поспешил вниз. Он открыл дверь и увидел за ней Фролих. Она стояла в вечерней дымке с поднятой рукой, словно собиралась постучаться во второй раз. Позади нее светил уличный фонарь, так, что ее лицо оставалось в тени.

— Я же отдала тебе свой ключ, — пояснила она.

Джек отступил, и Фролих шагнула в дом. Взглянула на него и застыла на месте. Повозившись, не глядя закрыла дверь и привалилась к ней спиной, после чего просто стояла и некоторое время смотрела на Ричера. Что-то непостижимое сверкнуло в ее глазах. Что это? Шок, страх, ужас потери? Джек не мог бы этого объяснить при всем желании.

— Что такое? — заволновался он.

— Мне показалось, что ты — это Джо, — тихо произнесла она. — Всего на мгновение... Глаза ее наполнились слезами, и она откинула голову.

Заморгала часто-часто, потом снова посмотрела на Ричера и расплакалась уже по-настоящему. Он стоял неподвижно еще пару

секунд, после чего приблизился к женщине и обнял ее. Она уронила сумочку и спрятала лицо на его груди.

— Прости, — зашептал Джек. — Я просто решил примерить его костюм.

Она ничего не ответила и только продолжала плакать.

— Наверное, это было глупо с моей стороны, — попытался оправдаться Джек.

Она мотнула головой, но ему было непонятно, хочет ли она сказать этим жестом «да» или «нет». Он положил ее руки себе на талию и продолжал стоять, не шевелясь. Затем начал нежно гладить ее волосы. Так прошло, наверное, несколько минут. Наконец, женщине удалось совладать с собой, она дважды сглотнула и тихонько оттолкнула его, после чего вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Ты не виноват, — сказала она.

Он ничего не ответил.

— Ты выглядел точно так же, как и он. А этот галстук я ему сама покупала.

Она подняла сумочку, покопалась в ней и вынула бумажный платок. Высморкалась и пригладила волосы рукой.

— Господи! — негромко выдохнула она.

— Прости, — повторил Джек.

— Не беспокойся ни о чем. Со мной все будет в порядке.

Он промолчал.

— Ты выглядел великолепно, вот и все, пожалуй, — продолжала Фролих. — Когда стоял перед дверью.

Теперь она открыто смотрела на него, потом протянула руки и деловито поправила галстук. Прикоснулась к тому месту, где ее слезы оставили на его рубашке влажное пятно, пробежала пальцами по лацканам пиджака, потом поднялась на цыпочки, сплела пальцы у него на затылке и поцеловала его в губы.

— Как здорово! — прошептала она и поцеловала Джека во второй раз — теперь это продолжалось уже несколько секунд.

Он стоял неподвижно некоторое время, после чего сам крепко поцеловал ее. Губы Фролих были прохладны, язык двигался быстро и имел привкус губной помады. Зубы оказались маленькими и ровными. Джек ощущал аромат духов от ее кожи и волос. Он прижал женщину

плотнее и почувствовал упругость ее груди. Ее холодная рука скользила по его затылку, лаская «ежик» волос, и Джек чувствовал прикосновение острых ноготков. Затем он начал гладить ее спину, и Фролих замерла, упершись ладонями в его грудь. Она тяжело дышала, закрыв глаза, а потом прикрыла рот рукой.

— Нам не надо было этого делать, — тихо произнесла она.

Он посмотрел на нее и ответил:

— Наверное, не надо.

Она открыла глаза, но ничего не сказала.

— Так что же нам следовало делать?

Она отошла от него и шагнула в гостиную.

— Не знаю, — честно сказала Фролих. — Наверное, поужинать. Ты меня ждал?

Он прошел вслед за ней в комнату.

— Да, — кивнул Джек. — Ждал.

— Ты очень похож на него.

— Я это знаю.

— Ты понимаешь, что я хочу этим сказать?

Он кивнул:

— То, что ты находила в нем, ты сейчас частично видишь и во мне.

— Но на самом ли деле ты такой же, как он?

Он понимал, что она имеет в виду. Воспринимаешь ли ты мир так же, как он? Одинаковые ли у вас вкусы? Увлекались ли вы одними и теми же женщинами?

— Я ведь уже говорил тебе, — напомнил Ричер, — что между нами было много схожего, но были и различия.

— Это не ответ.

— Он умер. Вот тебе и ответ.

— А если бы этого не произошло?

— Тогда многое было бы по-другому.

— Ну а если представить, что я не была бы с ним знакома? Вообрази себе, что я обнаружила тебя по другим каналам.

— Тогда, скорее всего, меня сейчас просто здесь не было бы.

— А если бы все-таки был?

Он внимательно посмотрел на нее, набрал в грудь побольше воздуха, задержал дыхание, потом шумно выдохнул.

— Тогда я сомневаюсь в том, что мы сейчас стояли бы тут вот так и обсуждали проблему с ужином.

— Может быть, ты не станешь заменой ему, — произнесла Фролих. — Может быть, как раз ты и будешь тем настоящим, кем не был Джо.

Он промолчал.

— Но все это очень дико, — продолжала Фролих. — Мы не можем так поступить.

— Конечно не можем, — согласился Джек.

— Но это же было очень давно, — напомнила она. — Уже шесть лет прошло.

— С Армстронгом все в порядке?

— Да, — кивнула Фролих.

Ричер промолчал.

— Но ведь мы с ним расстались, ты помнишь? За год до того, как он погиб. То есть, я не хочу сказать, что сейчас являюсь горюющей вдовой или кем-то в этом роде.

Ричер опять ничего не ответил ей.

— Ну, и ты на скорбящего брата не очень похож. Между прочим, вы вообще плохо знали друг друга.

— И ты сердишься на меня за это?

Она кивнула:

— Он был очень одиноким. Ему был нужен близкий человек. Вот поэтому я, наверное, и злюсь на тебя.

— А я — еще больше.

Она не ответила, только отвела руку в сторону и взглянула на часы. Это было так странно, что он тоже бросил на них взгляд. Ровно половина десятого. В тот же момент зазвонил ее мобильный телефон в раскрытой

сумочке, которая осталась лежать в прихожей. В тишине звонок прозвучал особенно громко.

— Мои агенты должны сейчас доложить мне обстановку из дома Армстронга, — пояснила Фролих.

Она отошла в прихожую, нагнулась к сумочке и ответила на звонок. Выслушав доклад подчиненных, она молча оборвала связь.

— Все тихо, — сообщила она Ричеру. — Я просила их звонить мне каждый час.

Он кивнул. Фролих старалась сейчас избегать его взгляда. Тот чудесный момент прошел.

— Мы опять испробуем китайскую кухню? — поинтересовалась она.

— Меня она вполне устраивает, — отозвался Джек. — Закажи все то же, что и в прошлый раз.

Она сделала заказ из кухни, после чего поднялась наверх, чтобы принять душ. Джек дождался посыльного, который доставил им еду. В это же время появилась Фролих. Они ели на кухне, устроившись за столом друг напротив друга. Затем она сварила кофе, и они медленно пили его, не разговаривая. Ровно в половине одиннадцатого снова зазвонил ее мобильный телефон. На этот раз он оказался у нее под рукой, и Фролих сразу же ответила на звонок. Доклад оказался коротким.

— Все спокойно, — повторила она. — Пока все идет нормально.

— Перестань так волноваться, — посоветовал Джек. — Чтобы добраться до его дома в Вашингтоне, им придется нанести удар с воздуха.

Неожиданно она улыбнулась.

— А ты помнишь Гарри Трумэна?

— Это мой любимый президент, — кивнул Ричер. — Если судить по тому, что мне о нем известно.

— И наш тоже, — согласилась Фролих. — Судя по тому, что знаем о нем мы. В 1950 году, пока реставрировали Белый Дом, президент временно жил в доме Блэр, через улицу от Пенсильвания-авеню. И вот к нему должны были прийти сразу двое убийц. Одного полиция перехватила еще на улице, но зато второму удалось добраться до двери. И наши люди сумели оттащить президента от убийцы, закрывая его своими телами. И вот тогда он сказал, что ему остается только достать свой пистолет и засунуть его себе в задницу.

— Это очень похоже на Трумэна.

— Ты прав. Когда-нибудь я тебе расскажу еще несколько забавных историй, связанных с ним.

— Похож ли на него Армстронг? И будет ли он реагировать так же?

— Возможно. Все зависит от момента, как мне кажется. И хотя Армстронг кажется очень тихим и нежным, на самом деле он далеко не из трусливых. Кроме того, мне доводилось видеть его в гневе.

— Мне он кажется крутым парнем.

Фролих кивнула и снова посмотрела на часы.

— Сейчас нам нужно будет снова подъехать в офис и узнать, не произошло ли чего-нибудь где-нибудь. Ты позвони Нигли, а я уберу со стола. Скажи ей, чтобы она была готова и ждала нас у выхода из гостиницы ровно через двадцать минут.

* * *

Они прибыли в офис в четверть двенадцатого. Журналы записей происшествий оказались пустыми. Ничего интересного не смогли сообщить им ни в управлении городской полиции, ни в Северной Дакоте, ни в ФБР. В информационный центр все так же продолжали поступать ежесекундные сообщения о преступлениях, и Фролих принялась изучать их. Однако ничего необычного и здесь не обнаружилось. В половине двенадцатого зазвонил ее мобильный телефон. В Джорджтауне по-прежнему царили тишина и покой. Фролих снова обратила внимание на монитор компьютера. Но ничего не происходило. Часы отсчитывали последние минуты понедельника, затем начался вторник. В кабинете появился Стивесант. Но он, как и прежде, только обозначил свое присутствие, стоя в дверях, поскольку единственный стул, имевшийся здесь, принадлежал Фролих. Стивесант так и остался в дверях, прислонившись к косяку, Ричер сидел на полу, а Нигли примостилась на невысоком шкафчике.

Фролих выждала еще десять минут и снова позвонила в городскую полицию. Но они в очередной раз сообщили ей, что ничего серьезного и так или иначе относящегося к Армстронгу в городе не происходило. Женщина еще раз побеспокоила ФБР, соединившись со зданием Гувера, но и там ее ждало разочарование. Она уставилась на экран, отыскала несколько преступлений, которые показались ей подозрительными, но Стивесант, Джек и Нигли убедительно доказали ей, что тут нет никакой политической подоплеки и потенциальной угрозы вице-президенту. Стрелки часов продолжали неумолимо двигаться, и вскоре полночь наступила в Северной Дакоте. Фролих позвонила в полицейское управление Бисмарка, но и там ей ничего полезного не сообщили. Вообще ничего. Она снова обратилась в ФБР, и ей сказали, что за последние шестьдесят минут интересующие ее события так и не

произошли. Она положила трубку на рычаг и, шумно выдохнув, откатилась на стуле от стола.

— Ну, вот так обстоят у нас дела, — доложила она. — Ничего не произошло. Ровным счетом ничего.

— Вот и отлично, — подытожил Стивесант.

— Нет, — покачал головой Ричер. — Совсем не отлично. Совсем. Это самые неприятные новости, которые мы только могли услышать.

Глава 8

Стивесант сразу же повел их в конференц-зал. Нигли шла рядом с Ричером и в узком коридоре едва не задевала его плечом.

— Потрясающий костюм, — шепнула она.

— Это первый костюм в моей жизни, — так же тихо сообщил ей Джек. — Ну что же, мы никуда так и не продвинулись?

— И, скорее всего, нас лишат работы, — ответила Нигли. — Если, конечно, мы сейчас думаем об одном и том же.

Они завернули за угол и очень скоро оказались перед конференц-залом. Стивесант жестом пригласил всех пройти вперед, сам зажег свет и закрыл за собой двери. Ричер и Нигли уселись по одну сторону стола, а Фролих и босс — по другую, словно последний предчувствовал, что в разговоре возникнет некоторое противостояние.

— Рассказывайте, — попросил Стивесант. — Поясните, что вы хотели сказать своей последней фразой.

Пару секунд все молчали.

— Здесь определенно замешан не тот, кто работает в вашей системе, — начала Нигли.

Ричер согласно кивнул.

— Мне даже кажется, что мы просто обманывали сами себя, когда решили, что здесь должен орудовать кто-то один: либо посторонний, либо свой. Тут орудуют двое. Правда, наши старания не оказались пустыми. Мы должны были выяснить, где находится равновесие между этими двумя неизвестными. То есть кто из них ведет основную работу, а кто лишь оказывает содействие, выполняя какие-то незначительные поручения. Тот, кто находится внутри системы, или тот, кто нам пока что абсолютно недоступен?

— Что же это за незначительные поручения? — поинтересовался Стивесант.

— Ну, например, вашему сотруднику потребовался не зафиксированный нигде отпечаток большого пальца. А вот человеку постороннему нужен был тот, кто сумел бы доставить послание в ваш кабинет.

— И потому вы сделали заключение, что он обязательно должен быть человеком со стороны?

Ричер снова кивнул:

— И это, конечно, самые неприятные новости, которые мы могли получить. Поскольку, если сотрудник вашей системы, задумавший все это, может быть для нас только лишней болью в заднице, то человек посторонний, скорее всего, представляет собой реальную угрозу для вице-президента.

Стивесант отвел взгляд в сторону.

— Кто это?

— Понятия не имею, — честно признался Ричер. — Скорее всего, какой-то человек со стороны, у которого имеется не слишком надежная связь с кем-то из ваших сотрудников. Именно их он использовал для того, чтобы они подсунули письмо в ваш кабинет, и не более.

— Эти сотрудники из нашей системы — кто-то из уборщиков.

— Или все они вместе, — высказала свое предположение Фролих.

— Я тоже так считаю, — кивнул Ричер.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен.

— Но почему? — не отступал Стивесант.

Ричер неопределенно пожал плечами.

— На то есть множество причин, некоторые из них серьезные, другие — мелкие.

— Рассказывайте, — повторил Стивесант. — Поясните свою мысль.

— Я ищу простоту решения.

Стивесант понимающе кивнул.

— Я тоже. Если я слышу топот копыт, то мне сразу приходят на ум лошади, а никак не зебры. Но как раз в нашем случае самым простым объяснением был бы наш сотрудник, которому приспичило досадить Фролих и, может быть, впоследствии занять ее место.

— Не совсем так, — поправил босса Ричер. — В таком случае наш неизвестный выбрал слишком сложный метод для достижения своей цели. Если вы правы, то мы столкнулись бы с привычными действиями недоброжелателя. Я уверен, что мы все хорошо знакомы с подобными ситуациями. Это таинственные срывы в связи, компьютерные ошибки и зависания, ложные сигналы тревоги, когда вас звонком вызывают по несуществующим адресам, а когда вы туда приезжаете, то никого там не застаете. Вот тогда начинаешь паниковать, бояться чего-то, твой голос, передаваемый по рации, каким-то образом записывается, и слухи о твоем испуге постепенно распространяются... Да во всех правоохранительных органах есть тому примеры.

— Включая и военную полицию?

— Конечно, особенно, в тех случаях, когда дело касается офицеров-женщин.

Но Стивесант с сомнением покачал головой.

— Это все только гипотезы. А меня интересует, что именно вам доподлинно известно.

— Я это знаю хотя бы потому, что сегодня ничего не произошло.

— Рассказывайте, — в третий раз потребовал Стивесант.

— Наш оппонент достаточно умен, — начал Джек. — Он трезво мыслит и уверен в себе. Он сам контролирует ситуацию. Но он не осуществил угрозу, о которой предупредил нас.

— Ну и что же? У него просто ничего не вышло, вот и все.

— Нет, дело не в этом, — возразил Джек. — Он даже и не пытался ничего предпринимать. А все потому, что он не знал, что ему следовало бы начать осуществлять свой план. Все дело в том, что он не знал, что письмо уже прибыло к нам.

В комнате воцарилась тишина.

— Он считает, что мы получим его послание только завтра, — продолжал Ричер. — Он опустил письмо в пятницу. А для американской почты промежуток времени с пятницы до понедельника, как правило, пролетает незаметно. Короче, если можно так выразиться, он обмишулился. Он считал, что его письмо придет к нам во вторник.

Никто ничего не смог возразить ему на это.

— Следовательно, это человек со стороны. И у него нет здесь надежной опоры, иначе он обязательно бы узнал о том, что письмо пришло сегодня, а тогда постарался бы выполнить задуманное сегодня же, то

есть в понедельник. Ну, хотя бы потому, что это какой-то уж слишком самонадеянный сукин сын, и он разбился бы в лепешку, но доказал бы нам серьезность своих намерений. Не забывайте об этом. Поэтому он на время затаился и готов исполнить свою угрозу завтра же, как и было им задумано с самого начала.

— Великолепно, — только и смогла выговорить Фролих. — А на завтрашний день как раз назначен еще один прием для тех, кто вносил деньги на предвыборную кампанию.

Стивесант еще немного помолчал, после чего осведомился:

— Итак, что вы предлагаете?

— Придется отменить прием, — тут же выпалила Фролих.

— Нет, я имел в виду другое. Мне важно узнать стратегию на будущее, — уточнил Стивесант. — Кроме того, мы не можем отменять никакие мероприятия. Мы не имеем права поднять руки вверх и объявить во всеуслышание, что не в состоянии обеспечить охрану и безопасность вице-президента.

— Придется стиснуть зубы и терпеть, — заметил Ричер. — Тем более, что пока нас ждет только некая демонстрация уязвимости Армстронга. И все это должно служить для Фролих чем-то вроде пытки. Мне даже кажется, что это будет совершено в отсутствие самого вице-президента и произойдет там, куда ему предстоит ехать в ближайшем будущем. Или же это будет то место, где он побывал совсем недавно.

— Например? — насторожилась Фролих.

— Возможно, это его дом, — пожал плечами Ричер. — Или в Бисмарке, или здесь, в Вашингтоне. Или его кабинет. Что бы там ни было, это будет настоящий спектакль, ну, нечто вычурное, как сами его послания. В общем, будем ждать эффектного представления. И я уверен в этом хотя бы потому, что на самом деле в данный момент у нашего неизвестного происходит как бы состязание с нами. Этот парень пообещал нам демонстрацию уязвимости Армстронга, мы ее и получим, но мне кажется, что следующий его шаг будет каким-то образом перекликаться с этой демонстрацией. Иначе зачем ему было так формулировать свою угрозу? И зачем потребовалось предупреждать об этой, так сказать, репетиции? Не проще было бы написать, что, мол, Армстронг, ты сегодня умрешь?

Фролих ничего ему не ответила.

— Нам нужно определить, кто он такой, этот тип, — нахмурился Стивесант. — Что нам вообще о нем известно?

В комнате снова повисла тишина.

— Нам известно то, что мы опять решили перехитрить самих себя, — наконец подал голос Ричер. — Или опять говорим условно. Потому что это не «он», а «они». Тут действует команда. Так бывает практически всегда. Короче говоря, мы имеем дело с двумя людьми.

— Но это только ваша догадка, — поправил Джека Стивесант.

— Вам так хочется думать, — отозвался Ричер. — Но я могу доказать свое предположение.

— Каким образом?

— С самого начала меня беспокоил тот ясный отпечаток пальца на письме, которое отправитель составлял, надев при этом резиновые перчатки. Почему ему потребовалась одновременно и такая осторожность и такая показуха? Ведь тут все просто: либо его отпечатки есть в наших файлах, либо их нет. Но дело в том, что тут орудовали два человека. Тот, кто оставил свою «подпись» на письме, отсутствует в списках. Ну а второй, в перчатках, знает, что по его пальчикам мы его быстро найдем. Так что здесь нам надо искать двух человек.

Стивесант выглядел очень усталым. Часы показывали без нескольких минут два.

— Мы, в общем-то, вам больше не нужны, — добавила Нигли. — Теперь все это перестает быть чисто внутренним расследованием. Ваш неизвестный находится где-то во внешнем мире.

— Нет, — заупрямился Стивесант. — Пока мы еще можем что-то узнать от уборщиков, дело остается внутренним. Скорее всего, им приходилось встречаться с нашими неизвестными, и они знают их.

Нигли пожала плечами:

— Но вы ведь обеспечили всю бригаду адвокатами, и теперь с ними стало невозможно работать.

— Они имеют право на защитников, и ничего противозаконного в этом нет, упаси бог, — вздохнул Стивесант. — Они были арестованы и использовали свое право. Если точнее, это указано в шестой поправке.

— Наверное, — согласилась Нигли. — Скажите, а какое право можно применить в том случае, если вице-президента убьют еще до его инаугурации?

— Двадцатую поправку, — угрюмо сообщила Фролих. — В этом случае Конгресс выбирает другого вице-президента.

Нигли кивнула:

— Ну, наверное, у них уже есть список подходящих кандидатов на этот пост.

Все промолчали.

— Вам, наверное, следует привлечь к этому делу ФБР, — предложил Ричер.

— Так оно и будет, — согласился Стивесант. — Но только в тот момент, когда я смогу сообщить им точные имена и фамилии, и не раньше.

— Но они уже в курсе дела и видели послания.

— Только в своих лабораториях. А ведь у них такая организация, что левая рука не ведает о том, что творит правая.

— Но вам все равно пригодится их помощь.

— И я попрошу о ней. Но лишь тогда, когда мы будем знать имена и фамилии. Вот тогда я подам их ФБР на блюдечке с голубой каемочкой. Но при этом не скажу им о том, каким образом мне удалось вычислить эти имена, как и то, что я не стану рассказывать им, что мы были какое-то время скомпрометированы внутренним расследованием. Ну а пока это расследование продолжается, я уж, конечно, не допущу их присутствия здесь.

— Неужели все это так серьезно?

— Вы что, смеетесь надо мной? Помните, какой скандал начался, когда у ЦРУ были неприятности с Эймсом? ФБР быстро воспользовалось этим, а потом они еще долгие годы посмеивались над Управлением. Затем у них самих начались проблемы с Ханссеном, и они, в свою очередь, выглядели крайне глупо. Но это большие организации, Ричер. И вот сейчас Секретная служба считается номером один по чистоте кадров. Да и вообще у нас был всего один прокол за всю историю, и то почти сорок лет назад. Поэтому я не стану рисковать и не позволю, чтобы наша организация потеряла свое лицо только из-за моей прихоти поставить обо всем в известность Бюро.

Ричер промолчал.

— И не пытайтесь доказать мне сейчас, что в армии при подобных обстоятельствах поступили бы иначе, — добавил Стивесант. — Что-то мне не помнится, чтобы вы при каждом затруднении обращались к ФБР. И уж, конечно, вы не допустите того, чтобы о ваших проблемах вовсю раструбили на страницах «Вашингтон Пост».

Ричер понимающе кивнул. Большинство неприятностей в армии принято кремировать. Или хоронить на глубине шести футов под землей. Кроме того, тех, кто устраивал эти проблемы, ждала тюрьма для военнослужащих, где они боялись даже рот раскрыть. Или их просто отправляли на родину, и тогда уж они не смели рассказать о случившемся даже собственным матерям. Ричер сам принимал участие в подобных операциях.

— Поэтому будем решать проблемы по мере их поступления, не спеша, шаг за шагом, — решительно произнес Стивесант. — Мы докажем, что эти люди у нас не работают. Заставим уборщиков выдать их имена, несмотря на все старания защитников.

Но Фролих лишь печально покачала головой:

— Самая первая задача — это сделать все так, чтобы Армстронг дожил до полуночи.

— Но ведь пока что это будет лишь демонстрация его уязвимости, — напомнил Ричер.

— Я это слышала, — отозвалась Фролих. — Но я не забываю и о своей работе, а у вас пока что преобладают догадки и предположения. Все, что у нас есть — это несколько слов на листке бумаги. И ваша интерпретация этих слов может оказаться неверной. То есть, что лучше может продемонстрировать его уязвимость, как не убийство? Вот тогда и станет ясно, насколько он был уязвим и досягаем. Разве я не права? Ну как еще это можно продемонстрировать? — в отчаянии повторила она.

Нигли кивнула:

— Кроме того, это уклончивое заявление могло бы и подстраховать их. Ну, например, неудачная попытка покушения тоже может быть названа простой демонстрацией его уязвимости, верно? Хотя бы для того, чтобы не потерять лица.

— Если, конечно, мы все правильно поняли, — напомнил Стивесант.

Ричер не стал спорить. Через пару минут совещание закончилось. Стивесант попросил Фролих напомнить ему о расписании Армстронга на следующий день. Это оказались самые обычные дела, ничего нового. Утром к нему домой должны были прийти люди из ЦРУ, чтобы о чем-то проинструктировать его и чему-то обучить. Это были те же сотрудники, которые навещали его в пятницу утром. Затем, в полдень, в Капитолии, как обычно, проходило совещание команды переходного периода. Вечером ожидался прием в той же гостинице, что и в четверг. Стивесант аккуратно записал все это себе в блокнот, и в половине третьего отправился домой, оставив Фролих одну в ярко освещенной комнате, за длинным столом с Ричером и Нигли, сидящими напротив.

— Я жду вашего совета, — призналась Фролих.

— Езжай домой и выспись, — произнес Ричер.

— Великолепно.

— А потом поступай так же, как тебе приходится каждый день, — добавила Нигли. — В своем доме с ним ничего не случится. Там он в полной безопасности. То же самое можно сказать и о его кабинете. Особое внимание обрати на переходы через тенты, и тогда все будет хорошо.

— Ну а как поступить с приемом в гостинице?

— Пусть его проведут по укороченной программе, и будь при этом особенно внимательна.

Фролих кивнула.

— По-моему, ничего большего я сделать и не смогла бы.

— Ты считаешь, что хорошо работаешь? — поинтересовалась Нигли.

Фролих на секунду замешкалась:

— По-моему, неплохо.

— Да нет, не просто «неплохо», — вступил в разговор Ричер. — Ты лучше всех. Лучше, чем ты, работать просто невозможно. Ты настолько великолепна, что в это даже не верится.

— Именно так ты все время и думаешь, — продолжала Нигли. — Продолжай накачивать себя. Тебе нужно достичь такого момента, когда покажется, что эти козлы со своими дурацкими угрозами не посмеют приблизиться к тебе и на тысячу миль.

Фролих не смогла сдержать улыбку.

— Так у вас тренируются в армии?

— Во всяком случае, мне это хорошо помогало, — кивнула Нигли. — И Ричер привык размышлять именно так.

Фролих улыбнулась еще раз.

— Ну хорошо, — согласилась она. — Сейчас домой и сразу спать. А завтра нас ждет трудный день.

* * *

По ночам в Вашингтоне всегда тихо и пусто, поэтому до гостиницы Нигли они домчались за пару минут, а еще через десять уже оказались возле дома Фролих. На улице стояло множество машин. Казалось, они

спали — темные, тихие, неподвижные и укутанные холодной предрассветной дымкой. «Сабербен» Фролих имел более восемнадцати футов в длину, и потому им пришлось проехать вперед целых два квартала, чтобы подыскать место для парковки. Фролих заперла машину, и они с Джеком отправились к дому пешком по холодку. Добравшись до ее особняка, они открыли дверь и обнаружили, что внутри все так же горел свет и работал обогреватель. Фролих задержалась в прихожей:

— Ну, мы с тобой договорились? — поинтересовалась она. — Насчет того, о чем беседовали раньше?

— Все в порядке, — отозвался Ричер.

— Я просто не хочу, чтобы между нами возникло какое-то недопонимание.

— Ничего подобного и не возникнет.

— Прости, что я сразу не согласилась с тобой, — добавила она. — Насчет демонстрации уязвимости Армстронга.

— Ну, это ведь твоя работа, — пожал плечами Ричер. — И только ты сумеешь справиться с ней.

— А у меня были и другие мужчины. Ну, после него.

Ричер промолчал.

— А у Джо — другие женщины, — продолжала Фролих. — Он был вовсе не из стеснительных и скромных.

— Но он зачем-то оставил здесь свои вещи.

— Разве это имеет какое-то значение?

— Не знаю, — спокойно ответил Джек, — Наверное.

— Но он погиб, Ричер. И теперь ничто его уже не потревожит.

— Я знаю.

Она помолчала, потом заговорила снова:

— Я приготовлю чай. Ты будешь пить?

Но он покачал головой:

— Нет, я иду спать.

Она прошла в гостиную и направилась дальше, на кухню, а он поднялся наверх, в гостевую комнату. Аккуратно закрыл за собой дверь и подошел

к шкафу. Он снял костюм Джо и так же бережно снова повесил его на вешалку. Свернул галстук и уложил его рядом с остальными, а рубашку просто бросил на пол шкафа, не слишком заботясь о ее будущем. В шкафу оставалось еще четыре рубашки, а он никак не рассчитывал задержаться здесь дольше, чем на четыре дня-Носки полетели вслед за рубашкой. В ванную он отправился в одних трусах.

Здесь Джек полностью расслабился и очень долго стоял под душем, никуда не торопясь. Когда он, вытерев тело полотенцем, вышел из ванной комнаты, то увидел в дверях гостевой Фролих. Она была одета в одну только ночную рубашку из белого хлопка, чуть длинней обычной мужской сорочки. Из-за света в коридоре рубашка казалась совсем прозрачной. У женщины были взлохмачены волосы, а без каблуков, босая, она выглядела не такой высокой. Отсутствие макияжа делало ее совсем молоденькой. Кроме того, Джек сумел по достоинству оценить ее красивые ноги и стройную фигуру. Фролих сейчас смотрелась одновременно строгой и удивительно мягкой.

— Он сам меня бросил, — заявила она. — Он сам так решил, а не я.

— Почему?

— Он нашел женщину лучше меня.

— Кто же это?

— Не имеет значения. Ты о ней никогда не слышал. Просто другая женщина, вот и все.

— Почему ты мне сразу об этом не рассказала?

— Мне долгое время не хотелось в это верить. Или я просто защищала саму себя. А может быть, память о нем перед его же собственным братом.

— И он не переживал о разрыве?

— Нет.

— Как же это произошло?

— В один прекрасный день он попросту все мне рассказал.

— И спокойно ушел отсюда?

— Да мы по-настоящему и не жили вместе. Он проводил здесь какое-то время, а я часто бывала у него, но дом оставался у каждого свой. А вещи его хранятся здесь только потому, что это я не разрешила ему забрать их. Ну, просто не пустила его сюда после того, что произошло. Мне было очень больно, и я сердилась на него.

— Я тебя понимаю.

Она пожала плечами, и подол ее рубашки приподнялся на бедрах на один дюйм.

— Нет, с моей стороны это было глупо, — продолжала Фролих. — Ну, то есть, такое в жизни ведь случается, правда? Это были просто любовные отношения, которые сначала возникли, а потом закончились. И это не исключение в истории человечества, да и в моей жизни, в частности, тоже. Причем в половине случаев именно я прекращала такие отношения.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Ты сам знаешь, зачем.

Он кивнул и промолчал.

— Поэтому ты можешь все начать с чистого листа, — заметила она. — Мы можем остаться одни, только ты и я, и не вспоминать о Джо. Он уже сам сделал все для того, чтобы уйти из поля зрения. И это было его добровольное решение. Поэтому сейчас он не имеет к нам никакого отношения, даже если предположить, что он до сих пор был бы жив.

Джек снова кивнул.

— Но настолько чистым при этом окажется твой лист? — осведомился он.

— Он был великолепным человеком, — призналась Фролих. — И когда-то я действительно любила его. Но ты — это не он. Ты сам по себе — совершенно другой человек, и мне это хорошо известно. Я вовсе не пытаюсь снова вернуть Джо. Мне не нужны призраки.

Она шагнула в комнату.

— Это хорошо, — заметил Джек. — Потому что я совсем не такой, как он. Вообще не такой. И ты должна знать об этом с самого начала.

— Я это знаю. Но что ты имеешь в виду под словом «начало»? Начало чего?

Она сделала еще шаг вперед и снова остановилась.

— Начало чего бы то ни было. Однако конец окажется таким же. И насчет этого тебе тоже не следует питать никаких иллюзий. Я уйду от тебя так же, как это сделал он. Я всегда поступаю подобным образом.

Она подошла к нему еще ближе. Между ними оставалось расстояние в один ярд, не больше.

— И как скоро это произойдет? — поинтересовалась она.

— Может быть, очень скоро, а может, и нет, — неопределенно ответил Ричер.

— Что ж, я все воспользуюсь таким шансом. Кроме того, ничто не длится целую вечность.

— По-моему, это как-то неправильно.

Она взглянула ему в глаза:

— Что именно?

— То, что я сейчас стою перед тобой в одежде твоего бывшего любовника.

— Не так уж и много на тебе его одежды, — заметила Фролих. — Мне кажется, что эту ситуацию можно легко исправить.

Он помолчал несколько секунд, после чего неуверенно спросил:

— Правда? И ты готова показать мне, как?

Он сделал шаг вперед, и она положила руки ему на талию, потом ее пальцы проникли под резинку трусов, и она, как и обещала, очень быстро исправила ситуацию. Затем подняла руки над головой и так же непринужденно выскользнула из ночной рубашки, которая тут же оказалась на полу. После этого они едва сумели добраться до кровати.

* * *

Они спали три часа и проснулись от звуков будильника, раздававшихся из комнаты Фролих. Его звон поначалу показался тихим, едва пробивающимся через толстую стену гостевой комнаты. Джек лежал на спине, а Фролих уютно устроилась у него под рукой, закинув одну ногу на его бедро и прислонившись головой к плечу Ричера так, что прядь ее волос падала ему на лицо. Ему было уютно лежать в такой позе. И тепло. Уютно и тепло. А еще он чувствовал усталость. Одним словом, ему было так уютно и тепло, что очень хотелось проигнорировать будильник и еще немного поваляться в постели. Однако Фролих тут же выбралась из-под его руки и села на кровати, все еще сонная, словно не успела по-настоящему проснуться.

— Доброе утро, — улыбнулся Джек.

Из-за окна уже пробивался серый утренний свет. Фролих улыбнулась Джеку в ответ, зевнула и потянулась, откинув локти назад. Часы в соседней комнате продолжали издавать безобразные звуки. Затем одна трель будильника сменилась другой, причем более громкой. Джек положил ладонь на плоский живот женщины и постепенно передвинул

руку к груди. Фролих снова улыбнулась, зевнула, затем извернулась и, склонив голову, уткнулась носом ему в шею.

— И тебя тоже с добрым утром, — ответила она.

А будильник продолжал верещать за стеной. По всей видимости, он был специально запрограммирован так, чтобы его звуки становились все более громкими и назойливыми в том случае, если ты их игнорируешь. Джек привлек Фролих к себе, пригладил ее непослушные волосы и поцеловал. Далекий будильник перешел на завывание, очень схожее с полицейской сиреной. Ричер был счастлив оттого, что не находился в одной комнате с надоедливым средством для пробуждения.

— Надо вставать, — уныло произнесла Фролих.

— Мы так и поступим, — кивнул Ричер. — И очень скоро.

Он удержал ее, и она перестала сопротивляться. Они занимались любовью самозабвенно, едва переводя дыхание, словно сигналы будильника подгоняли их. Со стороны можно было подумать, что эти двое находятся в бункере после ядерного взрыва, а далекие сирены отсчитывают последние секунды их жизни. Когда все закончилось, Фролих с трудом заставила себя выбраться из кровати, после чего бегом бросилась в свою комнату и отключила будильник. Тишина показалась им обоим оглушающей. Джек лежал на спине и смотрел в потолок. Неясный свет из окна выделял трещинки на штукатурке. Фролих не спеша вернулась в гостевую комнату, по-прежнему обнаженная.

— Залезай в кровать, — предложил Ричер.

— Не могу, — покачала головой женщина. — Мне пора на работу.

— Он будет в безопасности еще долгое время. А если нет, ему всегда найдут замену. Ну, помнишь, двадцатая поправка, если не ошибаюсь. Я думаю, желающих на его место будет столько, что они выстроятся в очередь на целый квартал.

— А я встану в очередь из безработных. Может быть, мне даже удастся устроиться, например, переворачивать гамбургеры в какой-нибудь второсортной забегаловке.

— А такое уже случалось?

— Что? Жарила ли я когда-нибудь гамбургеры?

— Нет, оставалась ли ты когда-нибудь без работы? Она отрицательно покачала головой.

— Нет.

Он улыбнулся.

— А я вот уже пять лет практически бездельничаю.

Он улыбнулась ему в ответ.

— Я знаю, я это тоже успела проверить на компьютере. Но сегодня тебе придется поработать, а поэтому шевелись и вытряхивай из постели задницу.

Она повернулась и, продемонстрировав ему свою, направилась к себе, в ванную комнату. Он еще несколько секунд полежал на кровати. В голову почему-то лезли слова из старой песни в исполнении Дон Пенн: «Ты не любишь меня, и теперь я это знаю». Он встряхнул головой, словно желая выкинуть этот припев, решительно откинул простыни в сторону, поднялся и сладко потянулся. Теперь одну руку вверх над головой, потом другую. Выгнуть спину. Напрячь пальцы ног и с силой вытянуть ноги. Вот и вся утренняя зарядка. Затем он прошел в гостевую ванную комнату, где устроил себе полный ритуал омовения и очищения на двадцать минут. Сюда входило все: чистка зубов, бритье, мытье волос и душ. После этого он оделся в другой старый костюм Джо. Этот оказался черным, той же фирмы и того же покроя, что и первый. К нему в комплект пошла белая рубашка опять этих же неизвестных производителей, и еще свежие трусы и носки. На этот раз он выбрал темно-синий галстук с крошечными серебряными парашютами, беспорядочно раскиданными по ткани. На нем имелась этикетка английской фирмы. Возможно, рисунок разрабатывали мастера британских военно-воздушный сил. Он посмотрел на себя в зеркало и тут же испортил все впечатление, надев поверх костюма пальто, приобретенное в Атлантик-сити. Оно казалось слишком грубым, да и цвет не очень подходил к его наряду, но Ричер решил, что сегодня ему придется поработать на свежем воздухе, а Джо, как назло, не оставил у Фролих ничего из теплой верхней одежды. Наверное, они расстались летом.

С Фролих Джек встретился на первом этаже у лестницы. Она была в женском варианте его наряда: черный брючный ансамбль и белая блузка с вырезом. Правда, пальто, ожидающее ее на вешалке, выглядело получше: темно-серое, шерстяное и весьма официальное. Фролих пристраивала свой наушник. Он соединялся с завитым спиралью проводом, который через шесть дюймов становился прямым и скрывался на спине.

— Хочешь помочь? — спросила она. Женщина отвела назад лопатки, как и при потягивании, отчего воротник пиджака отошел назад. Крошечный штекер на конце провода, действуя как груз, помог пропустить провод под блузку. Откинув полу пиджака, Фролих нащупала наконечник, и Джек помог ей вставить его в блок переговорного устройства,

крепящийся к поясу сзади. Штекер микрофона был уже на месте, провод от него тянулся по спине и уходил под левый рукав к запястью. Когда она поправляла пиджак, Ричер успел заметить кобуру пистолета, чуть сдвинутую вперед, у ее левого бедра, чтобы оружие легче было выхватить правой рукой. Пистолет оказался мощной квадратной машиной модели Зиг-Зауэр P226, что Джека весьма обрадовало. Это оружие было куда лучше старой «беретты», которую Ричер обнаружил в ящике стола на кухне.

— Порядок, — выдохнув, произнесла Фролих и взглянула на часы. Ричер сделал то же самое. Было почти без четверти восемь.

— Впереди еще шестнадцать часов и шестнадцать минут, — констатировала она. — Позвони Нигли и скажи ей, что мы уже выезжаем.

Пока они добирались до «сабербена», Ричер воспользовался мобильным телефоном Фролих. Утро, как и ночь, оказалось сырым и холодным. Единственным отличием был хмурый серый свет, разливавшийся вокруг. Окна автомобиля затуманились от выпавшей росы, однако двигатель завелся сразу, и к тому времени, когда они подобрали Нигли у гостиницы, обогреватель сделал температуру в салоне вполне сносной.

* * *

Армстронг, натянув поверх свитера кожаную куртку, вышел из задней двери дома. Ветер тут же взъерошил ему волосы, и он, подходя к воротам, застегнул «молнию» куртки. Не успел он сделать и двух шагов, как оказался в поле зрения оптического прицела «хенсольдт 1,5 — 6x42 BL», который первоначально предназначался для снайперской винтовки «SSG 3000», а затем, благодаря стараниям одного балтиморского оружейника, был установлен для стрельбы на «вайме Мк2». Само слово «вайме» происходило от длинного и сложного для произношения финского названия, которое изготовители справедливо решили сократить, чтобы оружие пользовалось спросом на американском рынке. Мк2 — надежная снайперская винтовка с глушителем, приспособленная под облегченный унитарный патрон калибра 7,62 стандарта НАТО. Пуля этого патрона летит с дозвуковой скоростью, а компенсатор позволяет сделать выстрел бесшумным и с минимальной отдачей, которую обеспечивает механизм отвода пороховых газов. Небольшой, едва ощутимый толчок в плечо. Отличная винтовка. А снабженная хорошим оптическим прицелом, она позволяет стрелку уверенно поражать цель на дистанции до двухсот ярдов. Мужчина же, смотревший в прицел, находился всего в ста двадцати шести ярдах от задних ворот дома Армстронга. Он знал это точно, так как только что сам проверил расстояние с помощью лазерного дальномера. Стрелок расположился под открытым небом, но подготовился основательно и знал свое дело. На нем были длинное темно-зеленое пальто, черная шапочка из

синтетической шерсти и перчатки из того же материала, причем пальцы на правой были обрезаны. Он затаился в укрытии, где ветер не заставлял слезиться глаза, и чувствовал себя уверенно.

Человек, отпирающий ворота, всегда поступает следующим образом: вне зависимости от того, распахиваются ли они внутрь или наружу, он обязательно сделает паузу, чтобы открыть засов и потянуть или оттолкнуть створки. Поэтому в течение нескольких секунд он представляет собой неподвижную мишень. Эти конкретные ворота открывались внутрь участка, что хорошо было видно через оптический прицел. Значит, стрелку предоставляются две секунды.

Армстронг дошел до ворот и остановился. За сто двадцать шесть ярдов от него затаившийся стрелок чуть сдвинул винтовку влево, чтобы поймать цель в перекрестье. Задержал дыхание, выбрал пальцем свободный ход спускового крючка, а затем надавил на него. Винтовка кашлянула и нежно толкнула стрелка в плечо. Через четыре десятых секунды пуля вырвалась из ствола и отправилась в короткое путешествие на сто двадцать шесть ярдов. С влажным шлепком она поразила Армстронга прямо в лоб. Пуля пробила череп, и, двигаясь дальше, под углом вниз, пронзила обе доли мозга и мозжечок, разбила первый позвонок и вышла, разорвав основание шеи. Пролетев еще одиннадцать футов, пуля зарылась в почву.

Армстронг был мертв еще до того, как упал на землю. Кинетическая энергия пули, пробившей мозг, распространилась внутри черепа, подобно волне. Повреждения оказались роковыми, и мозговая деятельность прекратилась прежде, чем сила тяжести увлекла тело вниз.

В ста двадцати шести ярдах от тела мужчина еще целую секунду лежал неподвижно. Затем, крепко прижав винтовку вдоль туловища, откатился до того места, где мог спокойно выпрямиться. Здесь он передернул затвор, и, поймав рукой в перчатке еще горячую гильзу, сунул ее в карман. После этого он вновь шагнул в укрытие и двинулся прочь, никем не замеченный.

* * *

В машине Нигли была на редкость молчалива. Возможно, ее тревожил предстоящий день. Или она уловила некоторые перемены, произошедшие в отношениях между Джеком и Фролих. Ричер не мог назвать истинную причину ее молчания, но он никуда не торопился, и выяснить это мог и позднее. Он тоже тихо сидел в машине, наблюдая за тем, как Фролих сражается с транспортным потоком. Она сделала лишнюю петлю, чтобы выехать на северо-запад, и они миновали сначала мост Уитни-Янг, а затем проехали рядом со стадионом Кеннеди. Затем она вырулила на Массачусетс-авеню, избежав таким образом пробок в районе центра. Но на Массачусетс-авеню движение в это время

всегда не слишком быстрое, и поэтому на улицу в Джорджтауне, где жил Армстронг, они прибыли около девяти часов. Фролих припарковала машину за другим «сабербеном», рядом со входом в тент. С тротуара сошел один из агентов, обогнул капот автомобиля и приблизился к Фролих.

— Упырь уже прибыл, — сообщил он. — Они, наверное, уже начали занятия.

— Скорее, вовсю их продолжают, судя по времени, — убедительно произнесла Фролих. — Слишком уж долго он все это проводит.

— Конечно, с ЦРУ всегда все происходит слишком сложно, — ответил агент. — По крайней мере, с точки зрения обыкновенного человека.

Фролих улыбнулась, и агент удалился, заняв свое прежнее место на тротуаре. Фролих закрыла свое окошко и развернулась так, чтобы быть лицом одновременно и к Ричеру, и к Нигли:

— Пройдетесь пешком? — предложила она.

— Именно для этого я и оделся потеплее, — отозвался Ричер.

— Четыре глаза лучше, чем два, — добавила Нигли.

Они вдвоем вышли на улицу, оставив Фролих сидеть в тепле автомобиля. Та сторона дома, которая выходила на улицу, отлично прикрывалась. Вокруг все было тихо, и они направились на север, затем свернули вправо, чтобы проинспектировать дом сзади. С обеих сторон переулка здесь уже дежурили полицейские машины, и тоже ничего странного не происходило. Агенты и полицейские были одеты тепло, при этом все они дружно застегнули пуговицы на своих пальто и форме, спасаясь от холода. На следующей улице Джека и Нигли встретила точно такая же картина.

— Напрасная трата времени, — констатировала Нигли. — Никто не сможет проникнуть к нему, пока он находится у себя дома. А если кто-нибудь вздумает подкатить сюда артиллерийское орудие, я думаю, что полиция успеет это заметить.

— Давай-ка мы с тобой лучше позавтракаем, — предложил Ричер. Они вернулись к перекрестку и нашли небольшую закусочную. Купив себе по чашечке кофе и жареному пирожку, они устроились на высоких табуретах возле большого окна, запотевшего от влаги. Нигли вынула носовой платок и протерла стекло так, чтобы иметь возможность обозревать улицу.

— У тебя другой галстук, — заметила она.

Он опустил глаза и посмотрел на него так, словно видел впервые.

— И новый костюм, — продолжала женщина.

— Тебе нравится?

— Если бы мы сейчас перенеслись в 90-е годы, ты был бы неотразим.

Ричер ничего ей не ответил, и Нигли снисходительно улыбнулась:

— Значит, я была права.

— В каком смысле?

— Мисс Фролих завладела и вторым братом, так сказать, до кучи.

— Ты была уверена, что это произойдет?

— На сто процентов.

— С моей стороны все было добровольно.

Нигли еще раз улыбнулась.

— Я и не думала, что она умудрится изнасиловать тебя.

— Теперь ты станешь меня осуждать?

— Почему? Это твой выбор и твое право. Она очень мила. Кстати, я тоже, но ты никогда не обращал внимания на меня.

— А тебе бы этого хотелось?

— Нет.

— Вот в том-то и дело. А я предпочитаю, чтобы мое влечение приветствовалось.

— Но это в некоторых случаях уменьшает твои шансы.

— Изредка, — согласился Джек. — И то не полностью.

— Очевидно, ты прав.

— Ты не одобряешь моего поступка?

— Да нет же, черт возьми! Ради Бога, сколько угодно. Почему, как ты думаешь, я решила остаться в гостинице? Только для того, чтобы не маячить у вас перед глазами и не мешать ей.

— Ей? Неужели все было так очевидно?

— Я тебя умоляю!

Ричер молча принялся за свой завтрак. Он был голоден, а кофе с пирожком казались ему необычайно вкусными. Особенно удался

пирожок: с хрустящей корочкой и мягкий внутри. Он заказал себе еще один, после чего даже облизал пальцы, ощущая, как сахар и кофеин, попавшие в кровь, окончательно пробудили его и наполнили энергией.

— Так кто они такие, эти наши неизвестные? — поинтересовалась Нигли. — У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

— Кое-что имеется, — откликнулся Ричер. — Но нужно хорошенько сосредоточиться. К тому же, мне сперва нужно убедиться в том, что нас оставляют работать, а потом уже начинать напрягаться.

— Нас не оставят, — покачала головой Нигли. — Наша работа заканчивается после допроса уборщиков. А это само по себе — такая же трата времени. Ни за что на свете они не назовут нам имен и фамилий. А если что-то и скажут, то имена окажутся вымышленными. Самое лучшее, что удастся вытянуть из них — это описание людей, которое, как мне кажется, тоже окажется расплывчатым и бесполезным.

Ричер кивнул и допил свой кофе.

— Пошли, — предложил он. — Обойдем квартал еще раз для очистки совести.

Они шли довольно медленно, насколько это было возможно при таком холоде. Все вокруг было тихо. В каждом переулке стояли машины городской полиции и Секретной службы и выпускали в воздух белые облачка выхлопных газов.

Кроме этих облачков ничто на улицах не перемещалось. Джек и Нигли постепенно добрались до дома Армстронга с юга. Белый тент-переход оказался впереди и справа от них. Фролих вышла из машины и отчаянно махала им рукой, призывая побыстрей присоединиться к ней. Ричер и Нигли ускорили шаг и очень скоро оказались рядом с Фролих.

— План меняется, — тут же сообщила она. — Там, в Капитолии, возникли какие-то проблемы, и Армстронг отменил занятия с человеком из ЦРУ.

— Он уже уехал? — поинтересовался Ричер.

— Да, как раз сейчас он в пути.

Фролих замолчала, и было видно, что она внимает голосу в наушнике.

— Он подъезжает, — сообщила она.

Женщина подняла руку и заговорила в микрофон:

— Отчет прослушала. Перехожу к оценке ситуации.

И снова затихла. Так прошло тридцать секунд, сорок.

— Порядок, — наконец, — выдохнула Фролих. — Он уже внутри.

— И что теперь? — осведомился Ричер.

Фролих неопределенно пожала плечами:

— Нам остается только ждать. Вот в чем заключается основная сложность моей работы. Постоянно приходится чего-то ждать.

* * *

Они приехали в офис и прождали все утро и половину дня. Фролих регулярно получала доклады подчиненных об обстановке. Ричер уже составил картину того, каким образом обеспечивается безопасность и охрана вице-президента в сенатском офисе. Городские полицейские в машинах дежурили снаружи Капитолия. Агенты Секретной службы занимали тротуары близлежащих улиц и переулков. У входных дверей стояли охранники, приписанные непосредственно к охране здания Капитолия, у каждого металлодетектора дежурил офицер, и еще несколько полицейских патрулировали коридоры. С ними ненавязчиво перемешивались агенты Секретной службы. Само заседание команды переходного периода проводилось где-то на верхних этажах, но по двое агентов все равно дежурили около каждой двери. Личные охранники Армстронга находились при нем неотлучно. По рации агенты докладывали Фролих о том, что день проходит, как положено, и никаких происшествий пока не случилось. Вице-президенту нужно успеть сделать множество дел: кого-то выслушать, что-то решить, и это было понятно. Ричеру пришло на ум расхожее выражение «комнаты, наполненные табачным дымом». Правда, в подобных зданиях уже давно запрещено курить.

В четыре часа они поехали в гостиницу Нигли, где сегодня должен проводиться прием для лиц, пожертвовавших деньги на предвыборную кампанию. Начало запланировано на семь вечера, а это означало, что для проверки здания с целью обеспечения безопасности оставалось целых три часа. По заранее подготовленному Фролих плану, гостиницу должны были одновременно проверять два отряда: и в подсобных помещениях кухни внизу, и в эксклюзивных номерах пентхауса, двигаясь навстречу друг другу. Агентов Секретной службы сопровождали городские полицейские с собаками, методично и неторопливо обшаривая этаж за этажом. Как только этаж оказывался проверенным, двое полицейских оставались на своих постах в разных концах коридора с номерами, а третий занимал позицию возле лифтов и пожарной лестницы. Оба отряда, проверяющие этажи, встретились в шесть часов, и к этому времени в вестибюле и у входа в танцевальный зал уже установили переносные металлодетекторы. Кроме того, камеры наружного наблюдения подготовили к ведению записи.

— На этот раз проверяйте два документа, подтверждающие личность, — посоветовала Нигли. — Водительские права и, скажем, кредитную карточку.

— Не волнуйся, — ответила Фролих. — Как раз так я и собиралась поступить.

Ричер стоял у дверей танцзала и осматривал помещение. Хотя оно казалось достаточно просторным, все же тысяча гостей, которые в скором времени заполнят его, заранее вызывала у Джека ощущение дискомфорта.

* * *

Армстронг вышел из своего кабинета и, спустившись на лифте в вестибюль, резко свернул налево. Затем толкнул дверь без таблички, которая выходила в коридор, ведущий к заднему двору. На мужчине был плащ, а в руке покачивался «дипломат». В узком коридоре сильно пахло дезинфицирующими средствами, которыми обычно пользуются дворники. Армстронгу приходилось буквально протискиваться между выставленными вдоль стен картонными коробками. Вдоль одной стены коробки были новыми, видимо, только что привезенными. У другой складировалась уже использованная и измятая тара, ожидающая мусорщиков. Армстронг слегка повернулся боком, чтобы миновать кучу рваного картона. Держа «дипломат» за спиной, правой рукой он толкнул наружную дверь и оказался на улице.

За дверью оказался крошечный квадратный внутренний дворик, открытый с северной стороны. Место выглядело отвратительно. Вентиляционные короба из луженой жести опоясывали стены здания на высоте человеческого роста. На высоте голени пролегали выкрашенные в красный цвет трубы противопожарной системы, снабженные медными переходниками. Неподалеку выстроились в ряд темно-синие мусорные баки, представлявшие собой металлические контейнеры размером с автомобиль. Чтобы выбраться в переулок, Армстронгу пришлось проходить мимо них. Первый и второй баки он миновал благополучно, но когда поравнялся с третьим, его окликнул негромкий голос:

— Эй!

Повернув голову, Армстронг увидел мужчину, притаившегося в узком пространстве между контейнерами. Он успел заметить темное пальто, шляпу и какое-то жуткое оружие, направленное прямо на него. Короткое, толстое и черное, оно тут же исторгло кашляющий звук.

Это был пистолет-пулемет фирмы «Хеклер и Кох» MP5SD6, снабженный глушителем, стреляющий в одном из режимов очередями по три патрона. В оружии использовался стандартный 9-миллиметровый патрон «парабеллум». Боеприпасов пониженной мощности тут не

требовалось, так как тридцать сопел глушителя гасили энергию пороховых газов, и пуле сообщалась сверхзвуковая скорость. Скорострельность составляла восемьсот выстрелов в минуту, так что очередь из трех выстрелов укладывалась в одну пятую секунды. Первая из выпущенных пуль попала Армстронгу в центр груди, вторая — в лицо.

Среди преимуществ «Хеклер и Кох» MP5SD6 абсолютная надежность и безупречная точность попадания. А версия с глушителем имеет еще и такое положительное качество, что отвод пороховых газов не позволяет стволу задираться при стрельбе вверх, чем частенько грешит автоматическое оружие. Единственным недостатком оружия является большой разброс стрелянных гильз. Они вылетают из ствольной коробки с той же скоростью, что и пули из ствола, рассеиваясь на большой площади. Конечно, это не проблема на поле боя, где действуют элитные подразделения армии. Но в данном случае проблема возникала из-за того, что стрелку пришлось оставить на месте шесть стрелянных гильз, чтобы успеть спрятать оружие под пальто и, перешагнув через тело Армстронга, быстро покинуть дворик.

* * *

К половине седьмого вечера у вестибюля гостиницы собралось уже около семисот гостей. Они выстроились в длинную неплотную очередь от входной двери, где проверялась верхняя одежда, и до самого танцевального зала. В воздухе висел громкий гул голосов и тяжелый аромат множества сортов духов. Мелькали вечерние платья, белые смокинги, темные костюмы и яркие галстуки. Кое-где встречались маленькие сумочки и фотоаппараты в кожаных футлярах. Сшитая на заказ обувь, высокие каблуки и блеск бриллиантов. Только что сделанные прически, оголенные плечи и всеобщее возбуждение.

Ричер обозревал все это, прислонившись к колонне возле лифтов. Через оконное стекло ему были видные трое агентов у входа в здание. Еще двое дежурили у металлодетектора, настроенного настолько тонко, что он издавал писк при прохождении каждого четвертого или пятого человека из очереди. Агенты осматривали сумочки, ощупывали карманы, при этом заговорщицки улыбаясь. Ни никто против подобной процедуры не возражал. По вестибюлю прогуливались восемь агентов с ничего не выражающими лицами и шарящими по толпе глазами. Трое агентов стояли у входа в танцзал, проверяя удостоверения личности и внимательно изучая приглашения. Их металлодетектор был столь же чувствительным, как и первый, и некоторых гостей приходилось обыскивать вторично. В танцзале уже звучала музыка, слышимая то лучше, то хуже, то тише — в зависимости от уровня шума, создаваемого гостями.

Нигли просматривала вестибюль с лестницы, ведущей в бельэтаж. Ее взгляд, словно луч радара, скользил по морю голов из стороны в

сторону. Время от времени встречаясь взглядом с Ричером, она чуть заметно кивала. Фролих бессистемно прогуливалась по вестибюлю. Джек обратил внимание, насколько хорошо она сегодня выглядит. Для вечернего приема ее черный костюм выглядел достаточно элегантно, однако женщину невозможно было принять за гостью. Чувствовалось, что она обладает здесь немалым влиянием. Она то останавливалась, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь из своих агентов, то что-то говорила в микрофон, укрепленный на запястье. С той позиции, которую занимал Ричер, он мог безошибочно определить, когда Фролих вслушивается в то, что ей говорят в наушник. В такие моменты ее движения теряли сосредоточенность.

К семи вечера большинство гостей благополучно достигли танцзала. Слышались смех и шутки, которыми обменивались уже прошедшие проверку с теми, кто явился в последнюю минуту и еще стоял возле первого металлодетектора. По двое и по четверо из лифтов появлялись постояльцы гостиницы. Постепенно вестибюль опустел, если не считать стоящей на лестнице Нигли. Своих агентов Фролих одного за другим отправила в зал, и они присоединились к тем восьми своим коллегам, которые заранее смешались с толпой. Фролих сделала все так, чтобы к началу церемонии все шестнадцать заняли позиции в зале. Плюс трое личных охранников, двое агентов у дверей танцзала и еще двое у входа в здание. К ним добавлялись полицейские, дежурившие на кухни, у въездного пандуса, на всех семнадцати этажах и на прилегающих улицах.

— Во что же это все обходится? — поинтересовался Ричер, обращаясь к Фролих.

— Тебе не обязательно знать об этом, — ответила она. — Это просто не интересно.

Нигли покинула свой пост и присоединилась к ним.

— Он еще не приехал? — осведомилась она.

Фролих отрицательно помотала головой.

— Мы, как могли, сократили время его пребывания на публике. Он появится несколько позже и уедет чуть раньше.

Затем она чуть напряглась, вслушиваясь в сообщение, звучащее в наушнике, и даже прижала к нему пальцы, словно пытаясь отгородиться от посторонних звуков. Через несколько секунд она подняла руку и что-то тихо произнесла в микрофон.

— На выход, — побледнев, неожиданно приказала она.

— Что случилось? — встрепенулся Ричер.

Проигнорировав его вопрос, Фролих резко повернулась и позвала последнего из агентов, все еще остававшегося в вестибюле. Назначив его старшим на остаток вечера, она сообщила в микрофон необходимую информацию прочим своим агентам: приказала удвоить бдительность, сократить периметр и, по возможности, свести до минимума время пребывания Армстронга на публике.

— Что случилось? — повторил свой вопрос Джек.

— Возвращаемся на базу, — пояснила Фролих. — И немедленно. Мне только что звонил Стивесант. Похоже, у нас возникли настоящие проблемы.

Глава 9

Фролих включила проблесковые красные маяки, расположенные за решеткой радиатора «сабербена», и так отчаянно маневрировала в вечернем транспортном потоке, словно речь сейчас шла о жизни и смерти. Она включала сирену на каждом светофоре, резко нажимала на педаль газа — так, что машине порой приходилось двигаться рывками, и всю дорогу хранила молчание. Ричер устроился, расслабившись, на пассажирском сиденье, а Нигли, которая на этот раз находилась сзади, вся подалась вперед и пристально следила за дорогой. Трехтонная машина раскачивалась и подпрыгивала, шины скользили по мокрой мостовой, отчаянно визжа, словно пытались вцепиться в асфальт. Уже через четыре минуты «сабербен» влетел в гараж, а еще через тридцать секунд все они поднимались вверх на лифте. После этого им потребовалось меньше минуты, чтобы добраться до кабинета Стивесанта. Он сидел, не шевелясь, за своим безупречно чистым столом, сгорбившись, словно только что получил сильный удар в живот, и держал в руках веером несколько документов. Свет падал на них так, что были видны самые разнообразные коды вверху страниц, как это бывает, когда распечатка происходит из какой-либо базы данных. После заголовков шел мелкий текст, напечатанный в две колонки. Рядом с боссом стояла секретарь и с самым мрачным видом продолжала передавать ему какие-то документы, страницу за страницей. Она была бледна как полотно. Ничего не говоря, женщина просто повернулась и вышла из кабинета, закрыв за собой дверь, отчего тишина в кабинете стала казаться еще напряженней.

— В чем дело? — насторожился Ричер.

Стивесант поднял на него глаза и сразу же ответил:

— Теперь это известно и мне.

— Что именно?

— Что это дело рук людей со стороны. И никаких сомнений быть не может.

— Но почему?

— Вы сами предсказали, что нам предстоит увидеть какое-то почти театральное представление, — продолжал Стивесант. — Очень эффектное и впечатляющее. Так говорили вы сами. Сюда еще можно добавить синонимов: это будет нечто драматичное, невероятное и так далее.

— И что же это было?

— Вам известно, сколько преступлений в год совершается в нашей стране?

Ричер только пожал плечами:

— Полагаю, что очень много.

— Почти двадцать тысяч.

— Ну что ж...

— Получается, что ежедневно их совершается примерно пятьдесят четыре.

Ричер в уме попробовал рассчитать все это, проделав несложные математические действия.

— Ближе к пятидесяти пяти, — поправил он, — за исключением високосных годов.

— Не хотите ли узнать поподробней о двух сегодняшних? — осведомился Стивесант.

— Кто же это? — встрепенулся Джек.

Представьте себе крошечную ферму в Миннесоте, где выращивается свекла, — начал Стивесант. — Фермер выходит сегодня утром из собственного дома, приближается к задним воротам и получает пулю в лоб. Причем без всяких видимых причин. Следующее убийство, которое произошло уже днем. На окраине городка Боулдер, штат Колорадо, есть торговые ряды, а на верхних этажах расположены офисы. В числе других там работают и дипломированные бухгалтеры. Так вот, один из них спускается вниз к заднему выходу, и прямо во дворе его убивают очередью из автомата. И снова без видимых причин.

— И что же?

— Фермера звали Брюс Армстронг, а бухгалтера — Брайан Армстронг. Оба — белые, примерно того же возраста, что и наш Брук Армстронг, его же роста, веса, со схожими внешними данными. Даже глаза и волосы у них были одного с ним цвета.

— Это члены его семьи? Или, может быть, какие-нибудь совсем уж дальние родственники?

— Нет, — вздохнул Стивесант. — Они между собой ничем не связаны. Ни между собой, ни с вице-президентом. Вот поэтому я и пытаюсь спросить себя: какое все это может иметь значение? Вот какое: двое случайных людей с фамилией Армстронг и именами, начинающимися на «Бр», бессмысленно убиты в то самое время, когда мы встретились лицом к лицу с серьезной опасностью, угрожающей нашему вице-президенту. По-моему, здесь все совершенно очевидно, о случайности даже речи быть не может.

В кабинете повисла тишина.

— Это и есть та самая демонстрация, — наконец нарушил молчание Ричер.

— Совершенно верно, — подтвердил Стивесант. — Это была обещанная демонстрация. Хладнокровные убийства. И два невинных человека. Вот теперь я могу полностью согласиться с вами. Это не наши сотрудники, которые просто решили пошутить.

* * *

Нигли и Фролих направились к стульям, предназначенным для посетителей в кабинете Стивесанта, и расположились на них, не дожидаясь приглашения. Ричер прислонился к высокому шкафу и выглянул в окно. Шторы были отдернуты, но на улице уже стемнело, и мрак рассеивал только неизменный оранжевый ночной свет столичных фонарей.

— Кто вас проинформировал об этом? — спросил Джек. — Неужели кто-то позвонил и взял ответственность на себя?

Но Стивесант отрицательно покачал головой:

— Нас поставило в известность ФБР, — пояснил он. — У них есть специальная программа, сканирующая все сведения, поступающие в Центр информации по преступлениям, а фамилия Армстронг ими давно взята на особый учет.

— Получается, что они теперь так или иначе тоже замешаны в этом деле.

Но Стивесант снова покачал головой:

— Они только передали нам некоторые сведения, которые сами почерпнули из другого источника, не более того. Они не понимают всей важности этого сообщения.

В комнате опять стало тихо. Четверо людей, собравшихся здесь, тяжело дышали, и каждого сейчас мучили неприятные мысли.

— У нас есть какие-нибудь подробности этих событий? — нарушила молчание Нигли.

— Кое-что имеется, — подтвердил Стивесант. — Фермер убит единственным выстрелом в голову. Смерть наступила мгновенно. Пулю найти так и не удалось. Его жена ничего не слышала.

— А где она находилась в тот момент?

— Футах в двадцати от него, на кухне. Двери и окна при этом они держали закрытыми из-за холода. Но она все равно могла бы услышать, потому что выстрелы местных охотников, например, прекрасно доносятся до их дома.

— Какого размера отверстие от пули? — поинтересовался Ричер.

— Калибр оружия больше, чем 22, — отозвался Стивесант, — если вас беспокоит именно это.

Ричер кивнул. Единственный пистолет, который мог оставаться не услышанным на расстоянии в двадцать футов, был калибра 22. Любое оружие, обладавшее более крупным калибром, должно было издать хоть какие-то слышимые звуки, вне зависимости от того, оно оборудовано компенсатором или нет, даже при условии, что все окна в доме оставались закрытыми.

— Значит, стрелок воспользовался винтовкой, — кивнул Джек.

— И траектория полета пули говорит о том же, — согласился Стивесант. — Медэксперты полагают, что она вошла в олову под углом сверху вниз, спереди и вышла сзади.

— Там у них холмистая местность?

— Сплошь и рядом.

— Значит, стрелок либо находился слишком далеко, либо имел винтовку, снабженную глушителем. Мне не нравится ни то, ни другое предположение. Большое расстояние говорит о том, что это очень меткий стрелок, а винтовка с глушителем означает лишь то, что наши противники обладают весьма экзотическим оружием.

— Что известно о втором убитом? — осведомилась Нигли.

— Это случилось менее восьми часов назад, — начал Стивесант. — Но более чем за восемьсот миль отсюда. Поэтому можно предположить, что сегодня этой команде пришлось на время разделиться.

— А подробности?

— К нам постепенно приходят отчеты специалистов. Первое впечатление у местных экспертов такое, будто убийца использовал автомат. Но и в этом случае тоже никто ничего не слышал.

— Автомат с глушителем? — удивился Ричер. — Они уверены в этом?

— В том, что это был автомат, сомневаться не приходится, — продолжал Стивесант. — Труп прошило очередью, в тело попали две нули: в голову и туловище. В общем, жуткое зрелище.

— Ничего себе демонстрация! — не выдержала Фролих.

Ричер снова уставился в окно. В воздухе плыл легкий туман.

— Что же именно демонстрируют эти убийства? — спросил он.

— То, что мы имеем дело с не очень милыми людьми.

Он кивнул:

— Но и не более того, верно? Они ведь так и не продемонстрировали нам уязвимость Армстронга, если только, конечно, убитые не были связаны с ним каким-то образом. Мы уверены в том, что они имели никакого отношения к вице-президенту? Ну, может быть, какие-нибудь дальние кузены или что-то вроде того? По крайней мере, что касается фермера. К тому же Миннесота находится по соседству с Северной Дакотой, если не ошибаюсь.

Но Стивесант снова грустно покачал головой:

— Я тоже сразу об этом подумал, — признался он. — Но я все проверил, а потом перепроверил еще раз. Во-первых, наш вице-президент родом не из Северной Дакоты. Он переехал туда из Орегона. К тому же у нас имеется самая подробная информация обо всех его родственниках, которая собрана с того дня, как он номинирован на должность. Копаться в его родословной было очень утомительно, но, по крайней мере, у него из здравствующих ныне родственников имеется только старшая сестра, которая в настоящее время проживает в Калифорнии. Вот у жены множество двоюродных братьев и сестер, но никто из них не носит фамилию Армстронг, и они в большинстве своем еще очень молоды. Практически дети.

— Понятно, — кивнул Ричер. Дети. Перед его мысленным взором мелькнули качели и яркие детские рисунки, держащиеся на дверце

холодильника при помощи цветных магнитов. Двоюродные братья и сестры.

— И все-таки это дико, — заключил он. — Убить двух случайных людей только потому, что они носят фамилии Армстронг и внешне немного схожи с вице-президентом, само по себе трагично, но это не говорит о большом уме преступников или об их изобретательности. Да и вообще ничего не доказывает. В принципе, мы не должны волноваться за систему безопасности здесь, в Вашингтоне.

— Но все равно мы горюем по убитым, — вставила Фролих. — А уж их семьи и подавно.

— Без сомнения, — согласился Ричер. — Но из-за двух смертей совершенно посторонних людей где-то в захолустье мы не станем сходить с ума, верно? Мы ведь не имели никакого отношения к их безопасности. Поэтому нам сомневаться в собственных силах не приходится. Я-то, например, считал, что это будет что-то более значимое, как-то привязанное к Армстронгу. И, конечно, более запутанное и интригующее. Ну, что-то вроде того письма, которое так внезапно появилось вдруг на вашем письменном столе.

— Похоже, вы даже немного разочарованы, — удивился Стивесант.

— Так оно и есть. Вы угадали. Я надеялся, что они подойдут поближе и осмелеют настолько, что дадут нам шанс поохотиться на них. Но они остаются где-то далеко. Трусы.

Никто не стал спорить с ним.

— Трусы, как правило, бывают еще и хвастунами, — продолжал Ричер. — И наоборот, хвастуны — трусами.

Нигли взглянула на Ричера. Она знала его давно и понимала, когда следует чуть-чуть подтолкнуть Джека.

— Ну и что? — негромко спросила она.

— Поэтому нам стоит мысленно вернуться чуть назад и кое-что проанализировать. Информация набирается очень быстро, а мы ее не обрабатываем должным образом. Например, вот сейчас нам стало известно, что эти двое — люди со стороны, и то, с чем мы имеем дело — вовсе не утонченная игра внутри вашей системы.

— Ну и что? — повторила Нигли.

— И то, что случилось в Колорадо и Миннесоте, подсказывает нам, что эти ребята готовы практически на все.

— Ну и что?

— Уборщики. Что нам известно о них?

— То, что они замешаны в этом деле. То, что они перепуганы. И еще то, что они упорно молчат.

— Совершенно верно, — подтвердил Ричер. — Но почему они так напуганы? Почему молчат? Тогда нам казалось, что они могут являться частью игры и помогают какому-то неизвестному лицу из вашей организации. Но теперь понятно, что это не так, поскольку эти типы у вас явно не работают. И они не самые умные люди. И это вовсе не игра.

— Ну и что?

— А то, что уборщиков заставили молчать по-серьезному, возможно, угрозами. Они боятся кого-то очень влиятельного и всесильного.

— Но как?

— Это ты меня спрашиваешь? Ну как можно заставить человека молчать, не оставляя на его теле при этом никаких следов?

— Можно использовать какие-нибудь убедительные доводы. Например, запугать их относительно будущего.

Ричер кивнул:

— Относительно их самих или тех, кто им очень дорог. Причем устрашить так, чтобы они оказались чуть ли не парализованными от ужаса.

— Согласна.

— Где тебе раньше приходилось слышать словосочетание «двоюродные братья и сестры»?

— Да где угодно. У меня самой есть двоюродные братья.

— Нет, я имею в виду, где ты слышала это совсем недавно!

Нигли посмотрела в окно и на секунду задумалась:

— Уборщики, — кивнула она. — Это их дети сейчас находятся со своими двоюродными братьями и сестрами.

— Но они не слишком охотно поделились с нами этой информацией, помнишь?

— Правда?

— Именно так. Сначала она помолчали и переглянулись.

— Ну и что?

— А то, что, возможно, их дети находятся где-нибудь совсем в другом месте.

— Но зачем уборщикам нужно было вводить нас в заблуждение?

Ричер внимательно посмотрел на Нигли:

— По-моему, самый лучший способ заставить кого-то делать то, что тебе нужно, это попросту забрать у него детей в качестве заложников.

* * *

Они начали действовать очень быстро, и Стивесант лично позаботился о том, чтобы их действия были не только стремительными, но и правильными. Он сам позвонил адвокатам уборщиков и объяснил, что ему срочно нужно узнать ответ на один-единственный вопрос: пусть они назовут фамилию и адрес человека, который присматривает за их детьми. Кроме того, он добавил, что эта информация требуется ему в срочном порядке, и попросил защитников немедленно перезвонить ему. Ответ не заставил себя ждать. Телефон зазвонил уже через пятнадцать минут. Дети уборщиков находятся у человека по фамилии Гальвес, который живет всего в миле от того дома, где обитают уборщики.

Жестом приказав всем хранить молчание, Фролих связалась по рации с гостиницей и велела сообщить ей всю информацию. Она переговорила с агентом, назначенным ею старшим, и с четырьмя другими, занимающими ключевые позиции. Проблем не наблюдается, все протекает спокойно. Армстронг занимается гостями. Периметры надежно контролируются. Фролих распорядилась, чтобы до автомобиля по окончании встречи Армстронга провожали все агенты, выстроившись на пандусе в две линии.

— Заканчивайте мероприятие побыстрей, — напоследок скомандовала она.

Затем они вчетвером втиснулись в маленький лифт и спустились в гараж. Забравшись в «сабербен» Фролих, они поехали тем маршрутом, который Ричер успешно проспал накануне. На этот раз он предпочел бодрствовать, а Фролих, лавируя в автомобильном потоке, мчалась в бедные кварталы города. Они миновали дом уборщиков, после чего проползли еще с милю по узким из-за припаркованных машин улочкам, и остановились у высокого дома, предназначенного для двух семей. Дом окружала проволочная изгородь, а к воротам цепями прикованы мусорные баки. С одной стороны дома — винный магазин, с другой — похожие жилые постройки. У обочины приткнулся помятый «кадиллак» двадцатилетней давности. Сквозь туман пробивался ядовито-желтый свет натриевых ламп.

— Что мы теперь должны делать? — спросил Стивесант.

Ричер посмотрел в окно:

— Мы просто побеседуем с этими людьми, только не стоит вваливаться туда сразу всей когортой. Не стоит их запугивать с самого начала, а то еще они подумают, что вернулись те самые злодеи. Первой пойдет Нигли.

Стивесант хотел было возразить, но Нигли уже выскользнула наружу и направилась к воротам. Ричер обратил внимание, как Нигли описала по тротуару дугу, обследовав дом со всех сторон. Идя по тропинке, она то и дело поглядывала то вправо, то влево. Но никого поблизости не было: слишком холодная погода. Подойдя к двери, Нигли поискала кнопку звонка и, не найдя ее, постучала по дереву костяшками пальцев.

Через минуту дверь немного приоткрылась и тут же остановилась, удерживаемая цепочкой. На улицу легла полоска теплого желтого света. С минуту Нигли о чем-то переговаривалась с хозяином дома. Дверь подалась назад, освобождая цепочку, отчего полоска света сначала сузилась, а потом снова стала широкой. Нигли обернулась и помахала рукой остальным. Фролих, Стивесант и Ричер выбрались из «сабербена» и зашагали к дому. В дверях, скромно улыбаясь, стоял небольшого роста смуглый мужчина.

— Это и есть мистер Гальвес, — пояснила Нигли. Остальные, в свою очередь, тоже представились, и мистер Гальвес, шагнув в прихожую, широким жестом руки, словно дворецкий, пригласил всех войти. Хозяин носил брюки от костюма и пестрый свитер. Он был аккуратно подстрижен и отличался открытым выражением лица. Гости проследовали в дом. Он оказался небольшим и явно перенаселенным, хотя и очень ухоженным. В прихожей на деревянных штырях вешалки висели в ряд семь детских пальтишек. Одни были совсем крохотные, другие чуть больше. На полу под ними с той же аккуратностью выставлены семь школьных рюкзачков и семь пар обуви. Тут и там виднелись сложенные горками игрушки. На кухне хлопотали три женщины, а из-за их юбок скромно выглядывали ребятишки. Еще несколько любопытных мордашек высунулись из двери гостиной. Они находились в беспрестанном движении, то появляясь, то исчезая, и все удивительно походили друг на друга. Ричер даже не смог сосчитать их: отовсюду на него пялились вытаращенные черные глазенки.

Стивесант разевал рот, словно вытащенная из воды рыба, и не мог сообразить, с чего же начать. Ричер прошел мимо него и остановился в дверях кухни. На столе выстроились семь судков для школьных обедов. Крышки их были открыты, словно в ожидании, что с утра первым делом их наполнят едой. Джек вернулся в прихожую и взглянул на детские нейлоновые пальтишки, представлявшие собой яркие миниатюрные версии того одеяния, которое он сам приобрел в Атлантик-Сити. Сняв с

вешалки одно из них, Джек увидел на обратной стороне воротника бирку, на которой кто-то несмываемым маркером аккуратно вывел: «Х. Гальвес». Ричер по очереди осмотрел остальные, и на каждом обнаружил такие же метки с фамилиями и единственным инициалом. В итоге у него получилось пятеро Гальвесов и двое Альваресов.

Все молчали. Стивесант чувствовал себя крайне неловко. Ричер поймал взгляд мистера Гальвеса и кивком указал ему на гостиную, откуда высовывались два любопытных детских личика.

— У вас пятеро детей?

Гальвес кивнул.

— Мне очень повезло.

— А кому принадлежат еще два пальто с пометками «Альварес»?

— Это дети Хулио, двоюродного брата моей жены.

— Дети Хулио и Аниты?

Гальвес молча кивнул.

— Мне нужно увидеть их, — требовательно произнес Ричер.

— Их здесь нет.

Ричер посмотрел куда-то вдаль.

— А где же они? — как можно спокойней поинтересовался он.

— Не знаю, — честно признался Гальвес. — Наверное, на работе. Они работают по ночам на федеральное правительство.

— Нет, я имел в виду не их самих, а их ребятишек, — успокоился Ричер. — Мне нужно посмотреть на детей.

Гальвес удивленно воззрился на незваного гостя.

— Посмотреть на детей? — неуверенно переспросил он.

— Чтобы убедиться, что они в полном порядке.

— Но вы только что видели их на кухне.

— Мне нужно увидеть конкретно их, а не всех сразу.

— Мы не берем денег за то, что присматриваем за ними, — пояснил Гальвес. — Только на еду.

Ричер понимающе кивнул:

— Меня не интересует ни наличие у вас лицензии, ни что-то еще в этом же роде. Мне на это наплевать. Я только должен убедиться в том, что дети на месте и с ними все в порядке.

Но Гальвес продолжал удивляться. Тем не менее, он выкрикнул длинную фразу на испанском, и тут же от группы детей отделились двое ребятишек и, просеменив между Стивесантом и Фролих, послушно вошли в комнату. Они остановились у двери и замерли на месте. Две маленькие девочки, очень симпатичные, с огромными черными глазами и блестящими волосами. Спокойные и очень серьезные. Может быть, им исполнилось пять лет и семь. Или четыре и шесть. Или три и пять. Ричер плохо в этом разбирался, и не мог бы определить точнее.

— Здравствуйте, малышки, — начал он. — Покажите-ка мне свои пальто.

Они тут же бросились исполнять просьбу взрослого дяди, как это часто делают дети. Он последовал за девочками в прихожую и наблюдал за тем, как они, поднявшись на цыпочки, дотронулись до двух пальтишек, которые, как уже помнил Джек, имели отметки «Альварес».

— Молодцы, — похвалил он крошек. — Ну а теперь ступайте на кухню и получите по печенью, что ли.

Они радостно помчались на кухню, и Ричер проводил их взглядом. Он постоял в коридоре еще пару секунд, после чего вернулся в гостиную. Подошел к Гальвесу и тихо заговорил:

— Кто-нибудь еще интересовался ими?

Но тот лишь отрицательно помотал головой.

— Вы уверены? — переспросил Ричер. — Никто за ними не наблюдает, никакие подозрительные люди по округе не шатаются?

Гальвес снова замотал головой.

— Если что-нибудь не так, мы могли бы помочь вам, — пояснил Джек. — Может быть, вас что-то тревожит? Тогда расскажите мне все по порядку, и мы сами позаботимся о том, чтобы у вас все снова наладилось.

Но Гальвес продолжал удивленно смотреть на него и молчать. Ричер внимательно взглянул ему в глаза. Всю свою карьеру он только и делал, что вглядывался в глаза, и эти показались ему совершенно невинными. Озадаченными, да. Возможно, ошеломленными, но этот парень ничего не утаивал. У него не было никаких секретов.

— Ну хорошо, — наконец, подытожил Джек. — Простите, что нарушили ваш покой и вторглись вот так неожиданно.

По дороге в офис он не проронил ни слова.

* * *

Для совещания они снова выбрали конференц-зал. Похоже, это единственное помещение во всем здании, где более трех сидячих мест. Нигли пропустила Фролих, оставляя ей место рядом с Ричером, а сама села со Стивесантом с противоположной стороны. Фролих тут же по рации соединилась со своими агентами и выяснила, что Армстронг как раз собирается покинуть отель. Прием получился коротким. Впрочем, никто не стал возражать против этого. В подобных случаях вице-президент всегда выигрывал. Если он проводил со своими избирателями много времени, они, естественно, очень радовались, а если это были считанные минуты, то они все равно оставались в восхищении хотя бы из-за того, что столь важная и занятая персона все же сумела выкроить хоть немного времени, чтобы побыть с ними рядом. Фролих прислушивалась к голосу в наушнике, который подробно описывал ей все то, что сейчас происходило в гостинице, а потом и за ее пределами. Таким образом, она точно знала, когда Армстронг покинул танцзал, прошел через кухню, появился на пандусе, а затем, миновав живую стену из агентов, благополучно очутился в своем лимузине. Только после этого женщина немного успокоилась. Теперь оставалось доставить вице-президента в сопровождении полицейских машин и автомобилей Секретной службы до Джорджтауна и провести его через тент уже почти в полной темноте. Фролих повозилась где-то у себя за спиной, в области поясницы, и немного убавила громкость в наушнике. Затем откинулась на спинку стула и обвела вопросительным взглядом остальных.

— Я перестаю что-либо понимать, — призналась Нигли. — Получается, что у этих уборщиков имеется что-то более важное, чем собственные дети, нечто такое, за что они действительно волнуются и переживают.

— Что же это такое? — поинтересовалась Фролих.

— Может быть, тут вся проблема в «зеленых картах»? Они находятся здесь на легальном положении?

Стивесант кивнул:

— Конечно. Они являются сотрудниками Секретной службы Соединенных Штатов Америки, как и все остальные, кто работает в этом здании. Их биографии, родственные связи и все остальное самым тщательным образом проверены. Мы успели сунуть нос и в их финансовые дела, как и во все остальное. Они чисты, насколько нам известно.

Ричер перестал слушать выступающих, спорящих и строящих предположения. Теперь их голоса слились для него в невнятный далекий гул. Он потер затылок и шею ладонью, ощущая, как успел

отрасти его «ежик», становясь мягким и более приятным на ощупь. Он взглянул на Нигли, затем опустил глаза и принялся рассматривать ковер. Он был сделан из серого нейлона, с чуть заметными мелкими рубчиками, не гладкий, и не грубый. Джек мог разглядеть под светом люминесцентных ламп даже отдельные его волокна. И, конечно, ковер оказался безупречно чистым. Ричер закрыл глаза и стал сосредоточенно размышлять. Он снова принялся мысленно проматывать вперед и назад те самые видеокассеты. Он видел их настолько отчетливо, словно в голове его был устроен маленький кинозал с экраном. Итак, пленка закрутилась: до полуночи остается восемь минут, в кадре появляются уборщики. Они проходят в кабинет Стивесанта. Семь минут первого — и они выходят из него. Девять минут им потребовалось для того, чтобы убраться в секретарском закутке. В шестнадцать минут первого они удаляются тем же путем, каким и пришли сюда. Ричер снова провернул все это у себя в голове, сначала в нормальном режиме, потом «запустил» обратный ход. Он пытался сосредоточиться на каждом кадре, на каждом движении. Затем наконец открыл глаза. Все осуждающе смотрели на него, как будто он повел себя недозволенным образом и решил попросту игнорировать общее совещание, не слушая вопросов и не принимая участие в их обсуждении. Джек взглянул на часы. Почти девять вечера.

Он улыбнулся. Это была широкая ухмылка по-настоящему счастливого человека.

— Мне понравился мистер Гальвес, — поделился он своими впечатлениями о поездке. — По-моему, он действительно гордится тем, что является отцом пяти ребятишек. Вы со мной согласны? А помните эти судки, выстроенные на кухонном столе? Могу поспорить, что дети получают самый полезный хлеб из непросеянной муки. И еще фрукты, как мне кажется. В общем, здоровое питание.

Все с удивлением воззрились на него.

— Я же рос в семье военного и сам имел такой же судок. Только у меня он был армейским. Да все мы ели из такой посуды, и мне это казалось вполне нормальным. Я даже при помощи настоящего армейского трафарета написал на одном из них свое имя. Моя мать ненавидела все это, считая, что я расту милитаристом. Но кормила меня хорошо, несмотря ни на что.

Нигли продолжала таращиться на Джека.

— Джек, мы здесь обсуждаем серьезные проблемы. Двое людей уже погибли, а ты рассуждаешь, какие должны быть судки для обедов.

Он кивнул.

— Да, рассуждаю о судках, размышляю о прическах и стрижках. Мистер Гальвес совсем недавно посещал парикмахера. Вы это заметили?

— Ну и что?

— И несмотря на все мое уважение к тебе, Нигли, я сейчас думаю о твоей попке.

Фролих бросила на него непонимающий взгляд, а Нигли залилась краской.

— И что же ты хочешь этим сказать?

— А вот что. Нет ничего и никого на свете дороже для Хулио и Аниты, чем их собственные дети.

— Но почему они так зажались и не желают нам ничего рассказывать?

Внезапно Фролих подалась вперед и прижала пальцем наушник. Прослушала сообщение, затем заговорила в микрофон на запястье:

— Молодцы. Отличная работа, все свободны.

На ее лице засветилась улыбка:

— Армстронг доставлен домой, — доложила она. — Все в порядке.

Ричер снова взглянул на часы. Они показывали ровно девять. Джек перевел взгляд на Стивесанта:

— Можно мне еще раз осмотреть ваш кабинет? Прямо сейчас?

Стивесант, казалось, был удивлен такой просьбой, но, тем не менее, поднялся из-за стола и вывел всех остальных из конференц-зала. Они прошлись по коридорам и вскоре очутились в секретарском закутке. Здесь было пустынно и тихо. Дверь в кабинет Стивесанта, разумеется, закрыта. Босс сам отворил ее и зажег свет в кабинете.

На столе лежала какая-то бумага.

Ее увидели сразу все. Некоторое время Стивесант стоял в дверях как вкопанный, затем стремительным шагом прошел вперед и, наклонившись над столом, быстро пробежал глазами текст. Нервно сглотнул, шумно выдохнул и только после этого взял листок в руки.

— Это сообщение, которое пришло по факсу из полицейского управления Боулдера, — пояснил он. — Предварительное заключение экспертов по баллистике. Наверное, это секретарь положила его сюда.

И он облегченно улыбнулся.

— А теперь внимание, — начал Ричер. — Сосредоточьтесь и скажите мне: вот именно так выглядит обычно ваш кабинет?

Стивесант, все еще держа листок в руке, внимательно оглядел комнату.

— Совершенно верно.

— И в таком же виде уборщики имеют возможность созерцать его каждую ночь?

— Ну, на столе, как правило, у меня не остается ничего, — кивнул Стивесант. — А в остальном, пожалуй, все, вроде бы, все как обычно.

— Хорошо, — кивнул Ричер. — Пойдемте отсюда.

Они вернулись в конференц-зал, и Стивесант пересказал содержание сообщения для всех.

— Там найдено шесть гильз. Патроны «парабеллум», девятимиллиметровые. Необычные вмятины на боках гильз. Эксперты прислали снимки.

Он передал листок Нигли. Она внимательно прочитала его, поморщилась и протянула бумагу Ричеру. Тот, едва взглянув на нее, понимающе кивнул:

— «Хеклер и Кох MP5». Он выбрасывает пустые гильзы, как ненормальный. Стрелок переключил оружие на очереди по три выстрела каждая. Две очереди, следовательно, шесть гильз. Скорее всего, их нашли где-нибудь в двадцати ярдах от места происшествия.

— Вероятно, модель SD6, — добавила Нигли. — Если оружие при этом было еще и с глушителем. Очень качественный автомат. Дорогой и довольно редкий.

— А почему вам вдруг снова понадобилось осмотреть мой кабинет? — полюбопытствовал Стивесант.

— Мы ошиблись в отношении уборщиков, — пояснил Ричер.

В комнате стало тихо.

— Как это? — не поняла Нигли.

— Целиком и полностью, — продолжал Ричер. — Ошиблись во всех отношениях. Что происходило, когда мы беседовали с ними?

— Они упорно молчали, как душевнобольные, словно сговорились ничего нам не рассказывать.

Ричер кивнул.

— Я поначалу тоже так считал. Подумал, что эти герои решили проявить мужество, причем все сразу. Потом я посчитал, что они находятся в трансе. Подумал, что это у них такая реакция на запугивание. Ну, как будто они понимали, что уже зашли слишком далеко, и вот теперь им приходится защищать что-то очень близкое и дорогое. Словно им жизненно важно молчать. Не дай Бог проронить хоть слово! Но знаете что?

— Что?

— Все дело в том, что они попросту не понимали, чего мы хотим от них добиться. Мы для них просто белые люди, задающие какие-то непостижимые вопросы, не более того. Ну а они сами оказались слишком хорошо воспитанными и к тому же закомплексованными, чтобы попросить нас убраться из их дома и не спрашивать о подобной чепухе. Они из вежливости продолжали слушать нас, а мы все так же настойчиво вбивали им в голову всякую чушь.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Подумай еще раз о том, что нам известно. На пленке мы видим какую-то несуразицу. Состояние уборщиков меняется, но объяснить это, кажется, невозможно. Помнишь? Ну, как будто в кабинет Стивесанта они входят усталыми, а выходят оттуда более энергичными, что ли. Кроме того, входят они выглядя вполне аккуратно, а покидают кабинет немножко растрепанными. Кроме того, у Стивесанта они пробыли целых пятнадцать минут, а у секретаря — только девять.

— Ну и что? — в свою очередь поинтересовался босс.

Ричер улыбнулся.

— Ваш кабинет, наверное, представляет собой самую чистую комнату во всем мире. Вы могли бы здесь свободно вести хирургические операции. И вы сознательно поддерживаете эту чистоту. Нам стало кое-что известно и про ваш «дипломат», и про ботинки в дождливую погоду, между прочим.

Фролих непонимающе смотрела на Джека, а Стивесант заметно покраснел.

— Ваш кабинет чист до неприличия, — продолжал Ричер. — И все же уборщики пробыли там целых пятнадцать минут. Почему?

— Им потребовалось время, чтобы достать то самое письмо, — сразу же нашелся Стивесант, — и положить его мне на стол.

— Ничего подобного.

— Значит, Мария одна проделала это все? Или Хулио и Анита тоже принимали какое-то участие?

— Ни то, ни другое.

— Тогда кто же подсунул мне это послание? Неужели мой секретарь?

— И снова нет.

В комнате стало тихо.

— Неужели вы хотите сказать, что это сделал я? — изумился Стивесант.

Но Ричер отрицательно покачал головой.

— Я только хотел спросить вас о том, чем могли заниматься уборщики в идеально чистом кабинете целых пятнадцать минут?

— Отдыхали? — предположила Нигли.

Но Ричер продолжал мотать головой. Неожиданно Фролих расцвела в улыбке:

— Они делали что-то такое, отчего потом вышли из кабинета растрепанными?

Ричер так же дружелюбно ответил ей улыбкой:

— Например?

— Например, занимались там сексом.

Стивесант побледнел:

— Искренне надеюсь, что это не так. И, кроме всего прочего, их же там трое в бригаде.

— Ну, втроем сексом тоже иногда занимаются, — напомнила Нигли.

— Но они живут вместе, — тут же вставил Стивесант. — Если им это так необходимо, они могли бы потерпеть и до дома, а там уже делать все, что им заблагорассудится.

— Но, может быть, им захотелось испытать нечто вроде эротического приключения?

— Забудь про секс, — отмахнулся Ричер. — Думай только о том, что они были несколько растрепаны и выглядели совсем не уставшими. Почему у нас создалось такое впечатление?

Все дружно пожали плечами. Стивесант продолжал сидеть на своем месте бледный, как полотно. Ричер не смог сдержать улыбку:

— Там, на пленке, есть еще кое-что интересное. Когда уборщики заходят в кабинет, мешок для мусора у них практически пустой, а когда выходят, мешок забит чуть ли не до отказа. Неужели так много мусора оказалось у вас в кабинете?

— Нет, — сердито буркнул босс, как будто его оскорбило данное предположение. — Я никогда не оставляю после себя мусора.

Фролих подалась вперед:

— Так что же находилось в этом мусорном мешке?

— Мусор, — безразлично ответил Джек.

— Ничего не понимаю, — в отчаянии произнесла Фролих.

— Пятнадцать минут — это очень долго, — заметил Ричер. — Уборщики пробыли у секретаря девять минут, но успели все вычистить и вымыть. А ее закуток и больше, и грязней, чем кабинет Стивесанта. Давайте сравним обе площади и сложность работы. Теперь предположим, что уборщики везде трудятся с одной скоростью и с одинаковым усердием. Сколько времени у них должна была занять уборка кабинета Стивесанта?

Фролих пожала плечами:

— Минут семь? Восемь? Наверное, не больше.

Нигли кивнула:

— Согласна. Ну, с натяжкой — девять минут.

— Я люблю чистоту, — словно попытался оправдаться босс. — И всегда оставляю инструкции относительно уборки моего кабинета, требуя, чтобы на него бригада тратила не менее десяти минут.

— Но не пятнадцати, — заметил Ричер. — Это было бы излишне. И мы, кстати, спрашивали их об этом. То есть мы интересовались, сколько времени они проводят у вас в кабинете. И что же они нам ответили?

— Они ничего не ответили, — напомнила Нигли. — Они просто удивленно смотрели на нас и молчали.

— Тогда мы спросили, занимает ли у них уборка вашего кабинета всегда одно и то же время. И они ответили положительно.

Стивесант посмотрел на Нигли, ожидая подтверждения, и она согласно кивнула.

— Хорошо, — продолжал Ричер. — Но если короче, то мы говорим только о тех конкретных пятнадцати минутах. Вы все видели эти записи. Ну так скажите мне, чем они там занимались столько времени.

Никто ему не ответил.

— Есть два варианта, — наконец смилостивился над ними Ричер. — Либо их там вообще не было все эти пятнадцать минут, либо они занимались тем, что отращивали себе волосы.

— Что? — переспросила Фролих.

— Вот почему они показались нам немного растрепанными. В особенности, Хулио. Его волосы стали длинней по сравнению с теми, с какими он вошел в кабинет.

— Разве такое возможно?

— Возможно, потому что мы смотрели на уборщиков в разные ночи. Это были эпизоды с двух разных пленок, смонтированные и переписанные на одну ленту. Две половинки двух разных ночей.

В комнате повисла тишина.

— Две разные пленки, — повторил Ричер. — Отгадка состоит в том, что пленки всякий раз меняются ровно в полночь. Первая пленка — настоящая. Иначе быть не может, потому что на ней чуть раньше мы видим, как Стивесант и секретарь уходят домой. На этой пленке запечатлены события среды. Итак, уборщики появляются в одиннадцать часов пятьдесят две минуты. Они выглядят немножко усталыми, ну, может быть, потому, что это первая ночь их смены. Может быть, весь день до этого они занимались своими домашними делами и притомились. Но работа у них осталась прежняя, и ничего необычного не произошло. Нет разлитого кофе, нет невообразимых куч мусора, на которые надо потратить дополнительное время. Вот поэтому мешок для мусора выглядит практически пустым. Я полагаю, что в кабинете Стивесанта они пробыли всего минут девять. То есть, как всегда, справились достаточно быстро. Это вполне объяснимо. Вот почему они удивились, когда мы заметили, что они пробыли в кабинете слишком уж долго. На самом деле, как мне кажется, они вышли из кабинета уже в одну минуту первого, потом девять минут приводили в порядок секретарский закуток, а в десять минут первого вообще оттуда ушли.

— И что же? — нетерпеливо вставила Фролих.

— А то, что после полуночи мы смотрим уже другую запись, может быть, двухнедельной давности. На ней виден Хулио еще со старой прической, до его похода в парикмахерскую. В ту ночь они прибыли на этаж Стивесанта чуть позже, а потому и вышли из его кабинета тоже позже.

Ну, может быть, на другом этаже в тот день было много работы. Наверное, там здорово намусорили, потому что мешок был уже почти полным. А выглядели они тогда более энергичными, потому что пытались наверстать потраченное время. Или это была как раз середина смены, они успели войти в ритм и хорошо выспались днем. Вот и получается, что мы видим на пленке, как они входят в кабинет Стивесанта в среду, а выходят из него совсем другой ночью.

— Но число на пленке стоит верное, — вмешалась Фролих. — Я же отчетливо помню, что это был четверг.

Ричер кивнул:

— Нендик подготовил фальшивую пленку заранее.

— Нендик?

— Да, ваш сотрудник, который занимается видеозаписями, — подтвердил Ричер. — Я полагаю, что целую неделю он ставил одно и то же число на пленке, которая вела запись с полуночи до шести утра. А может, две недели. Еще бы! Ведь у него было три варианта развития событий, а потому нужно было иметь различные версии уборки. Первая: уборщики могли войти в кабинет Стивесанта и выйти из него до полуночи. Вторая: они входят туда до полуночи, а выходят в первом часу ночи. И третья: они убирают кабинет уже после двенадцати. Если бы они управились до полуночи, то он представил бы нам пленку, где с полуночи до шести утра в интересующей нас зоне ничего не происходит. Если бы они вошли и вышли из кабинета после полуночи, он нашел бы нам именно такую пленку, причем показывающую, что все это происходит именно в четверг. Но все получилось по-другому, а потому он использовал ту свою фальшивую пленку, на которой запечатлен только уход уборщиков из кабинета Стивесанта.

— Значит, это Нендик положил мне письмо на стол? — спросил Стивесант.

Ричер кивнул:

— Да, Нендик и есть тот ваш сотрудник, который действовал совместно с неизвестными нам лицами. На самом деле камера в ту ночь записала вот что: сразу после полуночи уборщики покидают ваш кабинет, а затем, уже под конец пленки, где-нибудь в половине шестого, через пожарную лестницу к вам в кабинет проникает Нендик и кладет письмо на стол. При этом он, конечно, не забыл надеть перчатки. Настоящую запись он тут же уничтожает, а на полку ставит свою фальшивку.

— Но ведь на пленке показано, как я утром вхожу в кабинет, да и мой секретарь тоже.

— Правильно. Но ведь это уже третья пленка — та, которая встала на запись в шесть утра, и она, конечно, тоже настоящая. Подделкой является только вторая кассета.

В комнате стало тихо.

— Он, наверное, им и рассказал про ваши камеры в гараже, — продолжал Ричер. — Когда доставили еще одно послание, в воскресенье.

— Но как вам удалось догадаться? — изумился Стивесант. — Только по волосам?

— Частично. Немалую роль тут сыграла и попка Нигли. Нендик так волновался из-за своих кассет, что даже не обратил внимания на фигуру Нигли. А вот она это заметила, и даже сказала мне, что это весьма необычное поведение со стороны нормального взрослого мужчины.

Стивесант снова покраснел, словно собирался вслух подтвердить слова Джека.

— Поэтому нам надо немедленно освободить уборщиков, — подытожил Ричер. — Потом переговорить с Нендиком. Ведь это именно он встречался с неизвестными.

Стивесант согласно кивнул.

— И был ими запуган, как я полагаю.

— Думаю, мы не ошибаемся, — кивнул Джек. — И очень надеюсь на то, что он стал сотрудничать с ними отнюдь не по доброй воле.

* * *

Использовав свой ключ-вездеход, Стивесант проник в комнату, где производились и хранились видеозаписи, прихватив с собой в качестве свидетеля дежурного офицера. Они тут же обнаружили, что отсутствуют десять кассет с записью от полуночи до шести утра, предшествующих тому самому четвергу. В журнале Нендик пометил их как бракованные. Затем Стивесант отобрал наугад дюжину кассет, после чего были просмотрены отрывки с них. Выяснилось, что уборщики никогда не задерживались в кабинете босса более, чем на девять минут. После этого Стивесант сделал соответствующий звонок, объяснив, когда и почему следует освободить всю бригаду уборщиков.

Затем им предстояло определить порядок действий. Можно было под каким-нибудь предлогом вызвать Нендика в офис, послать к нему агентов и арестовать или же самим нанести ему визит, чтобы успеть задать свои вопросы еще до того, как начнет действовать шестая поправка, усложняющая ведение расследования.

— Нужно отправляться к нему домой, — предложил Ричер. — Хотя бы для того, чтобы использовать элемент неожиданности.

Он ожидал услышать возражения, но Стивесант только печально кивнул в ответ. Он выглядел бледным и усталым, как человек, на плечи которого свалилось слишком много проблем. Создавалось впечатление, что сейчас он боролся с противоречивыми чувствами. Ему предстояло иметь дело с предателем, с которым нужно поступить по справедливости, но в то же время им двигал инстинкт, присущий всем сотрудникам Секретной службы — по возможности скрывать все то, что связано с работой. И в случае с Нендиком этот инстинкт срабатывал в гораздо большей степени, чем раньше, когда дело касалось только уборщиков. Те считались обычными пешками, и от них, по большому счету, практически ничего не зависело. Другое дело Нендик. Эта фигура занимала видное место в организации, и с ним следовало вести себя иначе. Поэтому Стивесант загрузил компьютер своего секретаря и отыскал адрес Нендика.

Он жил в пригороде, в десяти милях от границы со штатом Виргиния, и дорога туда заняла двадцать минут. Дом Нендика стоял на извилистой улице в тихом квартале, застроенном так давно, что многие деревья в округе успели состариться, но хватало и молодых посадок, отчего все здесь выглядело достаточно аккуратно. Это район, где обитают люди среднего достатка. У подъездов к домам стояли автомобили иностранных марок, правда, не самых новых моделей. Машины выглядели чистыми, но несколько потрепанными. Дом Нендика представлял собой длинную невысокую, похожую на фермерскую, постройку, с крышей цвета хаки и кирпичной трубой. В окнах было темно, и только в одном виднелся голубой отсвет экрана телевизора.

Фролих свернула к дому и остановилась перед гаражом. Все вышли из машины на холод и двинулись ко входной двери. Стивесант вдавил кнопку звонка и не отпускал ее. Через полминуты в прихожей вспыхнула лампочка, и над дверью засветилось оранжевое окно в веерообразном переплете, а над головами прибывших включился еще один светильник. Дверь открылась. В ее проеме молча стоял Нендик, одетый в костюм, словно только что явился с работы. От страха лицо его осунулось, будто он предчувствовал, что сейчас на него обрушатся еще большие неприятности. Стивесант смерил его взглядом, выждал несколько секунд, а затем шагнул в дом. Фролих последовала за ним. Шествие замыкали Ричер и Нигли. Она закрыла за собой дверь и встала у нее, словно часовой: раздвинув ноги и заведя руки за спину.

Нендик продолжал хранить молчание, уставший и изможденный. Стивесант положил ему руку на плечо, и, развернув, подтолкнул по направлению к кухне. Тот не сопротивлялся. Только пару раз споткнулся, шагая в заднюю часть дома. Стивесант последовал за ним.

Зайдя на кухню, он включил освещение — трубки дневного света, придавшие помещению жилой вид.

— Сидеть, — приказал босс, словно обращался к собаке.

Нендик сделал шаг и осел на табурет возле столика для завтрака, продолжая молчать и обхватив тело руками, будто его лихорадило.

— Имена и фамилии, — коротко бросил Стивесант.

Нендик безмолвствовал, как бы давая понять, что вытянуть из него ничего не удастся, и уставился невидящими глазами в дальнюю стену. Одна из ламп, видимо, доживала последние дни, так как давала неровный пульсирующий свет, а ее дроссель сердито жужжал в тишине. Потом у Нендика затряслись руки, и он был вынужден спрятать ладони под мышки, а сам принялся раскачиваться на табурете взад-вперед. Тот тихо поскрипывал под его весом. Ричер оглядел кухню. Симпатичная обстановка. Желтые в клеточку занавески на окнах удачно гармонировали с такой же расцветкой потолка. Обращало на себя внимание обилие цветов в вазах, правда, засохших, да гора посуды в раковине, копившаяся, видимо, недели две. На некоторых тарелках сохранились даже объедки.

Ричер вернулся в коридор и прошел в гостиную. Большой, почти новый телевизор, оказался включенным на коммерческий канал. Программа составлена из эпизодов полицейской хроники о крупных дорожных происшествиях за последние годы. Звук почти отсутствовал: слышалось лишь невнятное бормотание, сопровождающее демонстрацию событий. На подлокотнике кресла лежал пульт дистанционного управления. На каминной полке выстроилось в ряд шесть фотографий в латунных рамках. Все шесть изображали Нендика с какой-то женщиной примерно его возраста, довольно симпатичной и, может быть, чуть-чуть простоватой. На снимках зафиксированы свадьба, пара эпизодов из отпусков и еще каких-то семейных торжеств. Ни на одной фотографии не было детей. Да и сам дом словно говорил об их отсутствии: ни игрушек, ни следов беспорядка. Вся обстановка тщательно продумана, выдержана в определенной цветовой гамме, даже несколько вычурно, так, как это сделал бы только взрослый человек.

Ричер обратил внимание, что пульт предназначался для видеомагнитофона, а не для телевизора. Он взял его в руки и нажал на кнопку воспроизведения. Аппарат щелкнул, полицейские исчезли с экрана и уступили место любительской видеозаписи свадьбы. Нендик и его жена улыбались в объектив камеры из прошлого. Съемка велась несколько лет назад. Молодожены, прижавшись друг к другу щеками, выглядели радостными и счастливыми. Она в белом платье, он — в элегантном костюме жениха. Действо разворачивалось в жаркий день на лужайке. Волосы невесты развевались, и вся звуковая дорожка пленки

представляла собой почти непрерывный шум ветра. Сияющая невеста улыбалась и что-то щебетала, очевидно, обращаясь к потомкам, но Ричер не смог разобрать ни слова.

Он остановил видеозапись, и на экране вновь замелькали кадры полицейской хроники. Ночное преследование какого-то преступника на автомобиле. Джек вернулся на кухню. Нендик все так же трясся всем телом и раскачивался на табурете. Руки он по-прежнему прятал под мышками и все так же упорно молчал. Ричер еще раз оглядел гору грязной посуды и засохшие цветы в вазах.

— Мы можем вернуть ее вам, — начал он. Нендик ничего ему не ответил. — Скажите нам только, кто это был, и мы тут же отправимся за ней.

И снова тишина вместо ответа.

— Чем скорее вы нам все расскажете, тем лучше, — продолжал Ричер. — Судя по тому, как обстоят дела, нельзя терять времени и заставлять ее ждать больше, чем это необходимо, верно ведь?

Нендик, сосредоточившись, сверлил взглядом дальнюю стену кухни.

— Когда они приходили за ней? — не отступал Джек. — Пару недель назад?

Но Нендик ничего ему не сказал. Он вообще не издал ни звука. Из коридора появилась Нигли и проскользнула на ту половину кухни, которая считалась семейной. Здесь у стены в ряд стояла мебель из одного гарнитура: книжный шкаф, тумбочка с ящиками и еще один книжный шкаф.

— Мы можем вам помочь, — снова предложил Ричер. — Но нам нужно знать, откуда начать поиски.

Нендик никак не отреагировал на его слова. Он продолжал смотреть вдаль, трястись и обнимать себя ладонями.

— Ричер, — внезапно позвала Джека Нигли, Ее мягкий голос прозвучал несколько напряженно. Ричер отошел от Нендика и приблизился к женщине, которая сейчас стояла у тумбочки. Она передала ему какой-то предмет. Это оказался конверт с фотографией внутри. На снимке «Поляроида» была изображена женщина, сидящая на стуле. Ее бледное лицо искажал страх. Широко раскрытые глаза, грязные растрепанные волосы. Жена Нендика выглядела на сто лет старше, чем на фотографиях у камина в гостиной. В руках она держала газету «Ю-Эс-Эй Тудей» так, что название оказалось у нее под подбородком. Нигли передала Джеку еще один конверт с похожим снимком. Та же женщина, та же газета, но только за другое число.

— Они присылали доказательства, что она еще жива, — пояснил Ричер.

Нигли понимающе кивнула:

— Посмотри-ка сюда. А это что за доказательство?

Она протянула ему еще один конверт, в котором находился небольшой коричневый контейнер, в каких пересылают по почте бандероли. Внутри него лежали белые, не слишком свежие трусики. Одна пара.

— Великолепно, — только и смог выговорить Ричер. Нигли передала ему четвертый конверт. Еще один контейнер, но гораздо меньшего размера, внутри которого находилась совсем крошечная коробочка. В такую ювелир мог бы поместить, например, сережки. Там, на куске ваты, побуревшей от крови, лежала фаланга человеческого пальца, отрезанная чем-то очень острым, возможно, садовыми ножницами. Судя по размеру и изгибу это была фаланга мизинца левой руки. На ногте еще сохранились остатки декоративного лака. Ричер долгое время внимательно смотрел на фалангу, затем вернул коробочку Нигли. Обошел стол и взглянул Нендику прямо в глаза, пытаясь начать с ним новую игру.

— Стивесант, — позвал он, — и ты, Фролих. Подождите нас в коридоре.

Они застыли в удивлении, некоторое время непонимающе смотрели на Джека, но, встретившись с ним взглядом, все же послушно вышли из кухни.

— Нигли, — подозвал Джек коллегу. — Подойди сюда ко мне.

Она приблизилась к нему и спокойно встала рядом. Ричер подался вперед и облокотился о столик. Его лицо оказалось на одном уровнем с физиономией Нендика.

— Ну вот, теперь они ушли, — негромко начал он. — Мы остались одни. И мы не работаем в Секретной службе, как вам это хорошо известно, не правда ли? До недавнего времени вы вообще нас никогда не видели, а потому можете смело довериться. Мы не станем снимать с вас стружку, как это могли себе позволить они. И будем работать без промаха. Мы сами из того места, где ни промах, ни провал не разрешен ни при каких обстоятельствах. Кроме того, там, откуда мы явились, не признают никаких правил. Потому мы можем вернуть ее. Мы знаем, как это делается. Мы возьмем тех негодяев и спасем ее. Она очень скоро уже окажется в безопасности. Договорились? Я обещаю вам. И все останется между нами, между мной и вами.

Нендик откинул голову назад и раскрыл рот. Губы у него пересохли, но сейчас на них выступила пена. Затем он так же беззвучно закрыл рот, да с такой силой, что губы его превратились в тонкую бледную полоску.

После этого он вынул одну руку из-под мышки и поднес ее к губам, держа вместе большой и указательный пальцы, словно между ними что-то находилось. Очень медленно он провел пальцами по линии рта, будто показывая, что закрывает уста на невидимую «молнию», после чего снова спрятал руку под мышкой. Его опять затрясло, а в глазах, бессмысленно смотревших вдаль, читался нескрываемый страх. Некий абсолютный и неконтролируемый ужас. Нендик принялся медленно раскачиваться, при этом он закашлялся, да так надолго, что кашель стал душить его. Но он упорно не желал при этом раскрывать рта, еще сильнее сжимая губы и стискивая челюсти. Он качался на табурете, плотно обхватив себя руками и отчаянно сражаясь с приступом кашля. Глаза его представляли собой два бездонных озера, переполненных страхом. Затем глазные яблоки закатились к потолку, обнажая одни белки, он качнулся слишком сильно и повалился назад вместе с табуретом.

Глава 10

Все, что могли, они сделали в доме у Нендика, хотя это ему мало помогло. Он лежал на кухонном полу почти без чувств, практически не шевелясь, хотя и был еще в сознании. Он находился в каком-то сумеречном состоянии. Нендик побледнел, лицо его покрылось каплями пота. Дыхание стало частым и поверхностным, пульс ослабел. Он реагировал на свет и прикосновение, но больше ни на что. Уже через час он лежал в охраняемой палате в военном медицинском центре Уолтера Рида с предварительным диагнозом: кататония, спровоцированная психозом.

— Говоря языком дилетанта, он парализован страхом, — пояснил врач. — Такое состояние медикам знакомо. Оно часто встречается у подверженных предрассудкам примитивных племен, которые обитают, например, на Гаити или в некоторых частях Луизианы. Другими словами, это те племена, которые до сих пор практикуют Буду. У жертвы наблюдается повышенное выделение пота, бледность кожи, резкое снижение артериального давления, при этом она находится в почти бессознательном состоянии. Это совсем не то, что паника, вызванная повышенным содержанием адреналина в крови, а процесс чисто нервного происхождения. Видите ли, при этом у пострадавшего замедляется сердцебиение, а крупные сосуды в брюшной полости вызывают отток крови от мозга на себя, что, следовательно, приводит к тому, что пациент не может совершать никаких волевых поступков.

— Какая же угроза может сотворить такое с человеком? — негромко спросила Фролих.

— Такая, в которую этот человек искренне верит, — ответил врач. — Вот в этом и кроется разгадка. Жертва убеждена в том, что угроза настоящая.

Мое предположение таково, что похитители предупредили его о том, что станет с его женой, если он что-нибудь расскажет о них посторонним. Ваше появление в доме спровоцировало кризис, поскольку он сам боялся заговорить. Может быть, он даже хотел что-то поведать вам о преступниках, но сознавал, что не может позволить себе сделать это. Более подробно обсуждать эту тему я бы не рискнул, поскольку мне ничего не известно о том, какими угрозами могли эти люди внушить страх пациенту.

— Он поправится? — с надеждой в голосе поинтересовался Стивесант.

— Все будет зависеть от состояния его сердца. Если оно слабое, то ему грозят серьезные осложнения, так как он пережил исключительный стресс.

— Когда мы сможем поговорить с ним?

— Не скоро. И все, опять же, зависит только от него самого. Ему нужно для начала прийти в себя и хотя бы немного окрепнуть.

— Но это очень важно. Только он один обладает необходимой нам информацией.

Но доктор покачал головой:

— Может быть, пройдет несколько дней, прежде чем он окажется вам полезен. А возможно, это уже не произойдет никогда.

Стивесант, Ричер, Фролих и Нигли прождали в медицинском центре целый час, но состояние Нендика не изменилось. Он неподвижно лежал на больничной койке в окружении попискивающих и тихо жужжащих аппаратов. Он делал вдохи и выдохи, но более ничего. Наконец Стивесант и его команда отчаялись дождаться перемен в его состоянии и вернулись в офис в полном молчании. Настроение у всех было ужасное. Они расселись по двое в мрачном конференц-зале и принялись обсуждать новые проблемы.

— Армстронга надо ввести в курс дела, — начала Нигли. — Они успешно инсценировали демонстрацию уязвимости вице-президента, как они назвали свою показуху, и теперь им ничего не мешает исполнить и главное действие своей программы.

Но Стивесант тут же замотал головой:

— Этого мы допустить не можем. У нас очень жесткая политика, которой мы придерживаемся вот уже на протяжении целого века. И в данном случае никто ничего менять не будет.

— Тогда следует резко ограничить его пребывание вне дома и офиса, — предложила Фролих.

— И это тоже никуда не годится, — вздохнул Стивесант. — Таким образом, мы сразу признаем свое поражение. Кроме того, это опасный и скользкий шаг. Если мы пойдем у них на поводу один раз и прибегнем к ограничениям перемещения вице-президента, то эта практика сразу твердо закрепится, и мы станем поступать так всякий раз, получив очередную угрозу извне. А этого произойти не должно. Мы обязаны защищать его и приложить для этого все усилия. Итак, планировать свои действия нам надо прямо сейчас. Против чего мы должны обороняться? Что нам известно?

— То, что два человека уже погибли, — ответила Фролих.

— Двое мужчин и одна женщина, — поправил ее Ричер. — Вспомни статистику. В подобных случаях похищение человека равносильно его смерти, по крайней мере так происходит в девяноста девяти случаях из ста.

— Но сами фотографии являются доказательствами того, что она еще жива, — возразил Стивесант.

— Только до тех пор, пока Нендик не начнет выдавать нам сведения о преступниках. А он молчит уже две недели.

— Но он до сих пор ничего не сказал нам, а потому я лично буду все же надеяться на то, что она жива.

Ричер не стал возражать.

— Вам известно что-нибудь об этой женщине? — осведомилась Нигли.

Стивесант отрицательно покачал головой:

— Никогда не приходилось встречаться с ней. Я даже не знаю, как ее зовут. Да и Нендика, можно сказать, я совсем не знал. Для меня он просто человек из технического персонала, с которым мы иногда встречались в коридоре, не более.

В комнате стало тихо.

— Кроме того, обо всем случившемся нужно будет рассказать ФБР, — продолжала Нигли. — Теперь дело касается не только Армстронга. Имеется похищенная женщина, которая либо уже мертва, либо жизнь ее находится в серьезной опасности. Все это, без сомнения, входит уже в юрисдикцию ФБР. Сюда же можно приплюсовать убийства, совершенные в двух разных штатах. Ими тоже должно заняться Бюро.

Собравшиеся притихли. Стивесант тяжело вздохнул и по очереди внимательно вгляделся в каждого из присутствующих.

— Совершенно верно, — наконец кивнул он. — Я согласен. Дела зашли чересчур далеко. Бог свидетель, что мне этого ох как не хочется, но все же я вынужден поставить ФБР в известность. Пусть они тоже займутся расследованием.

Никто не стал ему возражать. Да и нечего было сказать в данном случае. Похоже, такой выход был единственно правильным, учитывая все сложившиеся обстоятельства. Однако вслух никто не выразил своего мнения. Согласиться с боссом показалось бы демонстрацией сарказма, а любое сочувствие сейчас было бы попросту неуместным, хотя бы по отношению к супругам Нендик и непричастным к делу семьям, носящим фамилию Армстронг, если не считать самого Стивесанта.

— Ну а пока сосредоточим усилия на охране вице-президента, — продолжал босс. — Вот, пожалуй, и все, чем мы можем заняться.

— Завтра он снова улетает в Северную Дакоту, — сообщила Фролих. — Еще одна прогулка на открытом воздухе. Сплошные развлечения. Кстати, встреча с местной общественностью будет проходить там же, где и в первый раз. Надо сказать, это место не слишком надежно. Самолет улетает в десять.

— А в четверг?

— В четверг отмечается День Благодарения. Вице-президент будет присутствовать на благотворительном обеде в приюте для бездомных, здесь, в Вашингтоне, где, между прочим, сам намеревается помогать в раздаче праздничного угощения. Он будет постоянно на виду у публики.

На этот раз молчание длилось дольше обычного. Стивесант снова глубоко вздохнул и положил ладони на длинный деревянный стол перед собой.

— Ну хорошо, — подытожил он. — Приходите сюда завтра к семи утра. Думаю, что ФБР с удовольствием пришлет нам кого-нибудь в помощь.

Сказав это, он, оттолкнувшись ладонями от стола, поднялся и отправился из конференц-зала к себе в кабинет, откуда ему следовало сделать несколько звонков, которые могли в дальнейшем серьезно повредить его карьере.

* * *

— Я чувствую себя абсолютно беспомощной, — призналась Фролих. — Как жаль, что я раньше так мало занималась профилактической деятельностью.

— Тебе не нравится оборонительная позиция? — поинтересовался Ричер.

Они лежали на кровати в ее комнате, которая была больше, чем гостевая, симпатичней и тише, поскольку располагалась в задней части дома. Да и потолок здесь казался более ровным, хотя, чтобы беспристрастно судить о нем, нужно было дождаться, пока его осветят солнечные лучи, а на этой стороне они должны были достичь его на закате, а не утром. В постели было уютно, так же, как и во всем доме. Он напоминал островок тепла, затерявшийся среди холодной и серой городской ночи.

— Оборона меня вполне устраивает, — ответила Фролих. — Ведь нападение — одна из форм защиты, верно? Особенно в нашей ситуации. Но почему-то всегда получается так, что мы доводим до того, что факты начинают наступать на нас, а мы пытаемся от них скрыться. По-моему, вся беда в том, что мы привыкли только к действиям, и очень мало внимания уделяем исследованиям.

— Но у вас есть такие сотрудники, — напомнил Джек. — Например, тот парень, который смотрит соответствующие фильмы и анализирует их для вас.

Она кивнула, уткнувшись носом ему в плечо.

— Да, это в отделе по исследованию проблем охраны и безопасности. Но у этого сотрудника очень странная роль. Она больше теоретическая, нежели конкретная. Скорее стратегическая, чем тактическая.

— Тогда займись этим сама. Попробуй кое-что предпринять без посторонней помощи.

— Например?

— Так как Нендик временно выпал из цепочки событий, считай, что мы практически вернулись на исходные позиции. Следовательно, придется начинать заново. Советую тебе сосредоточиться на отпечатке большого пальца.

— Но его нет ни в одном файле.

— С файлами тоже бывают проблемы. К тому же, они старятся, и, напротив, одновременно прибавляются новые. Ты должна повторять попытки через каждые несколько дней. Расширь область поиска. Обратись в информационные системы других стран. Возможно, Интерпол сумеет помочь тебе.

— Я сомневаюсь в том, чтобы наши неизвестные оказались иностранцами.

— Но не исключено, что они американцы, любящие путешествовать. А что если у них были неприятности, скажем, в Канаде или в Европе? Или даже в Мексике или Южной Америке?

— Возможно, ты прав.

— При этом не забывай учитывать и то, что отпечаток большого пальца наш неизвестный ставит как свою подпись. Это как бы его фирменный знак. Поищи в базах данных, не случалось ли чего-нибудь похожего раньше. Может быть, кто-то до нас тоже получал письма с угрозами и подобным отпечатком. Сколько лет в архивах хранят сведения?

— Запись ведется с доисторических времен.

— Значит, ограничь круг поисков двадцатью годами, считая от сегодняшнего дня. Тем более, что в доисторические времена очень уж многие люди вместо подписи ставили свой отпечаток пальца.

Она сонно улыбнулась. Джек почувствовал это кожей плеча, даже не глядя на нее.

— Ну, еще до того, как была изобретена письменность, — пояснил он свою мысль.

Она ничего ему не ответила, потому что уже спала, уютно устроившись на его мужественном плече. Джек чуть-чуть сместился в сторону и попал в небольшую ложбинку на матрасе. Он подумал о том, что, возможно, ее продавил Джо. Некоторое время Джек лежал неподвижно, затем изогнулся, протянул руку вверх и выключил свет.

* * *

Им показалось, что удалось поспать всего несколько минут: пришлось вставать, принимать душ и снова мчаться в конференц-зал Секретной службы. И вот они уже сидят за столом с агентом Бэнноном, сотрудником ФБР, которого Бюро прислало для сотрудничества и установления связей, едят пончики и запивают их кофе. Ричер оделся в третий из оставленных Джо итальянских костюмов, третью рубашку той же фирмы «Кто-то и кто-то» и гладкий синий галстук, набросив сверху пальто, приобретенное им в Атлантик-Сити. Фролих выбрала очередной черный брючный ансамбль, а Нигли предпочла наряд, в котором щеголяла в воскресенье вечером: короткую куртку и те самые знаменитые брюки, которые так выгодно подчеркивали ее бедра, проигнорированные Нендиком. Она меняла экипировку с такой скоростью, с которой ей это позволяла прачечная гостиницы. Стивесант выглядел безупречно в своем обычном строгом костюме от «Брукс Бразерс». Не исключено, что сегодня он выбрал другой, но отличить его от вчерашнего не представлялось возможным. Все его костюмы выглядели абсолютно одинаково. Босс явно устал. Вообще-то, усталыми

выглядели все в группе, и Ричера данный факт несколько огорчал и настораживал. Он знал по собственному опыту, что усталость ослабляет результативность действий, влияя на работоспособность не лучше, чем излишнее пристрастие к выпивке.

— Выспимся в самолете, — предложила Фролих. — А пилоту скажем, чтобы летел помедленней.

Бэннон выглядел лет на сорок. Высокий и плотный, одетый в твидовую куртку спортивного покроя и серый фланелевый костюм, этот широколицый мужчина ирландского типа казался несколько грубоватым. Его красная физиономия особенно страдала от холода зимнего утра. Но он, кроме всего прочего, оказался вежливым, добродушным и по собственной инициативе купил на всю компанию пончиков и кофе. При этом ему пришлось посетить два разных магазина, поскольку он привык выбирать только самое хорошее. Его приняли дружелюбно, а угощение на сумму в двадцать долларов окончательно растопило лед, долгие годы сковывавший отношения между их организациями.

— У нас не должно быть никаких секретов друг от друга, — начал Бэннон. — В этом заключается наше предложение, и никаких взаимных претензий. Обойдемся без всякой ерунды и будем сотрудничать по-честному. Итак, я полагаю, нам всем нужно свыкнуться с мыслью, что жена Нендика уже мертва. Мы, конечно, все равно станем разыскивать ее, как если бы она все еще оставалась в живых, но и обманывать себя не стоит. В результате получается, что погибло уже три человека. У нас есть кое-какие сведения, но их недостаточно. Мы можем только догадываться о том, что Нендик встречался с этими неизвестными, и они сами — это уже наверняка — посещали его дом. Ну, хотя бы для того, чтобы совершить похищение его супруги, а может быть, и еще в каких-нибудь целях. Итак, дом Нендика является местом преступления, следовательно, его надо посетить еще раз, чтобы впоследствии обменяться впечатлениями. Если этот парень придет в себя, он, я думаю, поможет нам. Однако, если такое и произойдет, то не очень скоро, а потому нам пока что следует действовать в трех различных направлениях. Первое: послания, которые приходили к вам сюда, в Вашингтон. Второе:

место происшествия в Миннесоте. И третье: то же самое, только в Колорадо.

— Ваши люди уже работают там? — поинтересовалась Фролих.

— Разумеется, в обоих штатах, — подтвердил Бэннон. — Наши эксперты по баллистике в Колорадо считают, что там был использован автомат «Хеклер и Кох», а именно MP5.

— Мы сразу пришли к такому же заключению, — кивнула Нигли. — Скорее всего, это была модель с глушителем, а точнее, M35SD6.

— А вы, наверное, раньше служили в армии? Я угадал? Значит, вам приходилось и прежде встречаться с подобным оружием, так же, как и мне самому. Такие автоматы применяют в полицейских и федеральных отрядах быстрого реагирования.

Он замолчал и обвел победным взглядом присутствующих, словно к его словам уже нельзя ничего добавить.

— А что насчет Миннесоты? — поинтересовалась Нигли.

— Нам удалось найти пулю, — сообщил Бэннон. — Мы обшарили весь двор с помощью металлоискателя. Она ушла под землю на девять дюймов. Скорее всего, стрелок находился на холме, поросшем лесом, который расположен примерно в ста двадцати ярдах на север от дома, на высоте, может быть, футов в восемьдесят.

— Что же это за пуля? — осведомился Ричер.

— Стандарта НАТО, 7,62 миллиметра.

— Что еще о ней известно?

— Это был маломощный снаряд.

— Из боеприпасов, пули которых развивают лишь дозвуковую скорость, — понимающе кивнул Джек. — Ну а при таком калибре стрелок, скорее всего, воспользовался снайперской винтовкой с глушителем «вайме Мк2».

— И это оружие также используется как в армии, так и в полиции, — подхватил Бэннон. — Его часто применяют подразделения в ходе антитеррористических операций.

Он снова оглядел всех по очереди, словно приглашая к беседе, но никто больше не пожелал высказаться, поэтому он снова заговорил сам:

— А знаете что?

— Что?

— Если сравнить списки тех, кто приобретает «Хеклер и Кох» MP5 в Америке, со списками покупателей «вайме Мк2», вы увидите, что существует лишь одна организация, закупающая оба вида оружия.

— Какая же?

— Секретная служба Соединенных Штатов Америки.

В комнате стало тихо. Все дружно молчали. В этот момент в дверь постучали, и в конференц-зал шагнул дежурный офицер. Он стоял на пороге, не осмеливаясь идти дальше:

— Только что пришла почта, — сообщил он. — Там есть нечто такое, на что вам обязательно нужно взглянуть.

* * *

Они положили на стол в конференц-зале ставший уже привычным, коричневый конверт с проклеенным клапаном и металлической застежкой. На нем виднелась этикетка с адресом, отпечатанном на компьютере: «Бруку Армстронгу, Сенат Соединенных Штатов Америки, Вашингтон Ди-Си». Четкий шрифт «Таймс нью роман». Бэннон открыл свой «дипломат», вынул оттуда пару новых тонких хлопчатобумажных перчаток и не спеша надел их: сначала правую, затем левую. Аккуратно натянул до конца каждый палец.

— Я взял их в лаборатории, — пояснил он. — Мы используем такие при особых обстоятельствах. В нашем случае, например, я не хотел бы смешивать следы от талька, если таковые на письме имеются.

Бэннон чувствовал себя в перчатках неловко. Ему пришлось подогнать конверт к краю стола, чтобы взять его двумя пальцами. Зажав его в руке, он принялся искать глазами что-нибудь такое, при помощи чего можно было бы вскрыть конверт. Ричер вынул из кармана свой керамический нож и, нажав на кнопку, раскрыл его, после чего протянул Бэннону рукояткой вперед. Тот взял нож и просунул его кончик под уголок клапана, затем отвел руку с конвертом назад, в то время как рука с ножом продолжала двигаться вперед. Лезвие разрезало бумагу, как воздух. Бэннон вернул нож Ричеру, а сам чуть сжал края конверта, чтобы получилось широкое отверстие. Он заглянул внутрь него, после чего перевернул конверт и вытряхнул на стол единственный лист бумаги.

Он оказался точно таким же, как и прежде: стандартного формата, видимо, все из той же пачки. Приземляясь, листок чуть скользнул вбок по полированной поверхности стола, и остановился. На нем виднелось только одно предложение, расположенное в две строчки, по центру, с соблюдением полей, чуть выше середины листа. Послание гласило: «Как вам понравилась демонстрация?» При этом последнее слово занимало отдельную строчку, и оттого казалось, что оно несет в себе какой-то особый зловещий смысл.

Бэннон перевернул конверт и внимательно исследовал почтовый штамп с места отправления письма.

— Снова из Вегаса, — сообщил он. — Опущено в субботу. Они весьма самоуверенны, не так ли? Они спрашивают о том, как понравилось их представление за три дня до того, как привели свой план в исполнение.

— А нам уже пора пошевеливаться, — спохватилась Фролих. — Самолет вылетает ровно в десять. Я хочу, чтобы Ричер и Нигли отправились вместе со мной. Они уже бывали в тех местах и хорошо знают окрестности.

Стивесант чуть приподнял руку. Этот непонятный жест можно было трактовать, как угодно: «Хорошо», «Поступай, как считаешь нужным» или даже «Делай, что хочешь, только меня не трогай».

— Я хочу, чтобы мы встречались два раза ежедневно, — заявил Бэннон. — Вот здесь, в семь утра и, наверное, в десять вечера. Годится?

— Да, при условии, что в это время мы будем находиться в городе, — предупредила Фролих, направляясь к двери. Ричер и Нигли последовали за ней. У выхода из конференц-зала Джек взял Фролих под локоть и, вместо того чтобы идти направо, повел налево, увлекая все дальше по коридору, пока они не дошли до ее кабинета.

— Нужно осуществить поиск по базам данных, — шепнул он.

Она взглянула на часы:

— Но это очень долгий процесс.

— Начни сейчас, и пусть машина продолжает работать хоть весь день, но уже без тебя.

— Неужели этим не может заняться Бэннон?

— Может быть, он уже это делает, но двойная проверка еще никому не вредила.

Фролих остановилась и задумалась, после чего решительно прошла внутрь кабинета. Зажгла свет, включила компьютер. В Центре информации по преступлениям был достаточно сложный механизм допуска к данным. Для того чтобы начать работу, Фролих ввела свой пароль и в отделе поиска пояснила: «Отпечаток большого пальца».

— Надо конкретизировать, — посоветовал Ричер. — Иначе тебе предложат рассмотреть тысячи случаев, когда на конвертах были обнаружены отпечатки большого пальца.

Подумав пару секунд, к первому варианту она добавила еще несколько ключевых слов: «Документ + письмо + подпись».

— Так годится? — спросила Фролих.

Джек неопределенно пожал плечами:

— Не мне рекомендовать тебе что-то еще.

— Это только для начала, — вступила в разговор Нигли. — По-моему, неплохо. А позже, если понадобится, мы еще раз уточним, что же именно пытаемся найти.

Фролих нажала на «поиск». Жесткий диск что-то «пробормотал», и машина принялась работать.

— Пойдемте отсюда, — предложила хозяйка кабинета.

* * *

Перемещение находящегося под угрозой вице-президента из Вашингтона в великий штат Северная Дакота — дело нелегкое. Для этого требуется восемь машин Секретной службы, четыре полицейских автомобиля, двадцать агентов и самолет. Организация собрания местной политической элиты сама по себе требует наличия двенадцати агентов, сорока местных полицейских, четырех машин полиции штата и двух подразделений с собаками. В общей сложности Фролих проговорила по рации четыре часа, чтобы скоординировать действия всей этой армии.

Оставив свой «сабербен» в гараже, она воспользовалась «линкольном» с водителем, чтобы, не отвлекаясь на дорогу, посвятить все внимание отдаче приказов подчиненным. Ричер и Нигли находились вместе с ней на заднем сиденье машины, которая, выехав из Джорджтауна, припарковалась у дома Армстронга. Через полчаса в к ним присоединилась машина с вооруженной охраной и еще два «сабербена», Спустя еще пятнадцать минут появился бронированный «кадиллак», остановившийся точно у входа в тент. Затем две полицейские машины, сверкая проблесковыми маяками на крышах, перекрыли движение на улице с обеих сторон. Весь городской транспорт ехал с включенными фарами, так как небо стало темно-серым и накрапывал дождь. Чтобы работали обогреватели в салонах, машины не глушили двигатели, и выхлопные газы облаками плыли над мостовой.

Все ждали. Фролих успела переговорить с охранниками Армстронга, находящимися внутри дома, связаться с наземной командой ВВС на авиабазе Энрдюс и с полицейскими, сидящими в машинах. Она прослушала доклад о движении транспортных потоков, которые ей передала служба воздушного наблюдения. Из-за погоды город парализовало огромное количество пробок. Представители дорожной полиции порекомендовали Фролих выбрать объездной путь вокруг Белтэуй. С авиабазы сообщили, что техники уже осмотрели самолет, и пилоты заняли свои места. Личные охранники доложили, что Армстронг уже выпил утренний кофе.

— Сопровождайте его, — приказала она.

Движения под тентом со стороны не наблюдалось, но Фролих в наушнике слышала все, что там происходило. Лимузин отъехал от

тротуара, «сабербен» обогнал его и пристроился позади первой полицейской машины. Следом за «кадиллаком» двинулся автомобиль с вооруженной охраной, потом «линкольн» Фролих, за ним второй «сабербен» и замыкающая эскорт полицейская машина. Выстроившись, кортеж помчался по Висконсин-авеню, миновал Бетезду и взял курс в противоположную от авиабазы сторону. Однако очень скоро машины свернули направо и понеслись по Белтуэй, описывая большую дугу по часовой стрелке. В эти минуты Фролих уже связывалась с аэропортом Бисмарка, узнавая, все ли готово к приему самолета. Расчетное время прибытия приходилось на час дня, и Фролих хотела убедиться, все ли ее распоряжения выполнены, чтобы иметь возможность спокойно выспаться в самолете.

Кортеж въехал через северные ворота авиабазы, и машины покатились по бетонной полосе. Лимузин Армстронга остановился так, что пассажирская дверь оказалась в двадцати футах от ступеней трапа. Самолет оказался двухтурбинным «Гольфстримом», выкрашенным в традиционные сине-белые цвета. Двигатели пронзительно завывали, закручивая струйки дождя в тонкие спирали. Из «сабербенов» высыпали агенты, а вице-президент, выскользнув из лимузина, бегом преодолел двадцать футов под моросящим дождем. За ним проследовала личная охрана, Фролих, Нигли и Ричер, к которым присоединилась пара репортеров из стоящего неподалеку фургончика, а замыкали группу еще трое агентов. Наземная бригада откатила трап в сторону, и стюард закрыл дверь самолета.

Внутри «Гольфстрим» ничем не напоминал борт № 1, который Ричер неоднократно видел в кино. Он больше походил на автобус, в каких раньше разъезжали рок-музыканты. Обычное транспортное средство, если не считать двенадцати пассажирских сидений, сделанных на заказ, да и то не слишком шикарных. Восемь из них, попарно разделенные столиками, располагались по двум бортам фюзеляжа, а остальные четыре были установлены в ряд впереди. Кожаные кресла и деревянные столики плохо гармонировали с чисто функциональным убранством салона. По неофициальной установленной иерархии все знали, куда кому садиться. Поначалу все толпились в проходе, ожидая, пока Армстронг выберет себе кресло. Он выбрал место у иллюминатора с левой стороны против движения самолета. Журналисты расположились к нему лицом за тем же столиком: видимо, между ними существовала предварительная договоренность об интервью, чтобы зря не тратить времени в полете. Фролих и личная охрана вице-президента заняли второй столик. В переднем ряду поместились Нигли и трое агентов. У Ричера не оставалось выбора, как только оказаться через проход от Фролих, но зато рядом с Армстронгом.

Запихнув пальто в багажный контейнер над головой, он сел в кресло. Армстронг посмотрел на него, как на старого приятеля, и репортеры тут же нетерпеливо заерзали, бросая на Джека удивленно-вопросительные взгляды. Они изучали его костюм, и Ричеру казалось, что он читает их мысли: «Для агента этот парень слишком шикарно одет. Кто он такой? Помощник? Или лицо, аккредитованное при вице-президенте?» Джек с таким равнодушным видом пристегнулся к креслу, словно летать с вице-президентами ему приходится каждые четыре года. Армстронг молчал, не думая рассеивать заблуждения журналистов. Он спокойно сидел, дожидаясь первого вопроса.

Под нарастающий гул двигателей самолет вырулил на взлетную полосу. К тому времени, когда он поднялся в воздух, набрал высоту и выровнялся, все, кроме сидящего за столиком Ричера, уже мирно спали в своих креслах. Они отключились, как свойственно профессионалам, получившим свободное окно в напряженной работе. Очевидно, Фролих не впервой спать в самолете: она склонила голову на плечо, ру ки сложила на коленях и выглядела при этом великолепно.

Трое агентов за ее столиком развалились в менее благопристойных позах. Огромным парням с мощными шеями, могучими плечами и толстыми запястьями было тесновато, и один даже вытянул в проход ногу в ботинке чуть ли не последнего размера. Нигли, по расчетам Джека, спала как раз за ним. Она могла расслабиться где угодно. Ричер помнил, как она уснула на дереве во время продолжительной засады. Нащупав кнопку на подлокотнике, Джек чуть откинул кресло, устраиваясь поудобней. И в этот момент репортеры приступили к интервью. Их первые вопросы, адресованные Армстронгу, касались личности Ричера.

— Можно узнать его фамилию, хотя бы для истории? — поинтересовался один из них.

Но Армстронг отрицательно покачал головой.

— Я считаю, что имена таких личностей должны оставаться на данном этапе строго засекреченными.

— Однако можем ли мы предполагать, что до сих пор находимся в сфере деятельности Агентства национальной безопасности?

Армстронг добродушно улыбнулся, почти что подмигнув репортеру:

— Я не могу запретить вам предполагать все, что вы пожелаете.

Корреспонденты тут же принялись что-то записывать. Затем они повели беседу о международных отношениях, делая акцент на военные расходы и источники финансирования. Ричер проигнорировал эту часть интервью и попытался задремать. Он снова очнулся, когда в его

сознание проник один и тот же повторяющийся вопрос, и почувствовал на себе чей-то взгляд. Один из репортеров смотрел в его сторону.

— И все же, поддерживаете ли вы до сих пор доктрину подавляющего превосходства? — поинтересовался второй журналист, обращаясь к Армстронгу.

Вице-президент посмотрел на Ричера:

— Может быть, вы пожелаете прокомментировать это?

Ричер зевнул:

— Да. Лично я до сих пор поддерживаю идею о подавляющем превосходстве, можете не сомневаться. И всегда поддерживал, вы уж мне поверьте.

Оба репортера снова принялись что-то записывать в своих блокнотах. Армстронг мудро покивал, а Ричер откинул кресло еще больше назад и, приняв полулежачее положение, снова заснул.

* * *

Он проснулся в тот момент, когда самолет начал снижаться. Все вокруг тоже пришли в движение. Фролих тихонько отдавала подчиненным последние распоряжения. Нигли прислушивалась к ним, как и агенты. Джек взглянул в иллюминатор, находившийся рядом с Армстронгом, и увидел безоблачное голубое небо. Бурая, словно спящая, земля лежала на десять тысяч футов внизу, как и Миссури, протекающая с севера на юг через бесконечные синие озера. С востока на запад пробегала тоненькая ниточка шоссе I-94. А вот здесь грязным коричневым пятном расползся сам городок Бисмарк, в котором они уже встречались.

— Безопасность периметра оставим местной полиции, — говорила Фролих. — Сегодня там будут дежурить сорок сотрудников, а может, и больше. Плюс полицейские в машинах. Наша задача — держаться вместе и как можно плотнее. Мы появимся неожиданно и так же внезапно исчезнем. Прибываем уже после начала мероприятия, уезжаем задолго до его окончания.

— Оставляя их в трепетном ожидании следующей встречи, — вставил Армстронг, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Этот метод прекрасно срабатывает в шоу-бизнесе, — подхватил один из журналистов. В этот момент самолет чуть покачнулся и направился к посадочной полосе. Все срочно привели кресла в вертикальное положение, тут и там раздались щелчки застегиваемых ремней. Репортеры убрали ручки и блокноты. Эти двое должны были оставаться в самолете, так как сама встреча по прибытии не представляла интереса для таких крупных специалистов по международным отношениям.

Фролих посмотрела на Ричера и улыбнулась, хотя он успел заметить в ее глазах тревогу.

Самолет аккуратно приземлился и подрулил к самому краю бетонной полосы, туда, где прилетевших уже ожидало пять автомобилей. С обоих концов кортежа стояли полицейские машины, а между ними — три одинаковых «линкольна». Небольшая наземная команда уже ждала неподалеку с трапом. Армстронг в окружении личной охраны прошествовал в средний автомобиль. Трое агентов прикрытия забрались в следующий машину, а Фролих, Ричер и Нигли расположились в первом «линкольне». С безоблачного неба сияло ослепительное солнце, но воздух так и не нагрелся.

— Вам предоставляется полная свобода действий, — сказала Фролих. — Поступайте так, как сочтете необходимым.

Навстречу им не попалось ни одной машины. Казалось, они едут по пустой необжитой местности. Правда, путешествовать по гладкому шоссе пришлось недолго, так как неожиданно вдали показалась знакомая Ричеру церковь с колокольней, вокруг которой сгрудились домики. По обеим сторонам подъездной дороги выстроились припаркованные машины, а за сто ярдов от территории религиозного центра полиция перекрыла движение. Кортеж проехал дальше, направляясь к автостоянке. Ограда ее была украшена флажками. На обширном газоне уже собралась толпа встречающих, человек триста. И над всеми ними нависала колокольня — высокая, в основании квадратная, мощная и ослепительно белая в лучах солнца.

— Надеюсь, что на этот раз они обыскали в ней каждый дюйм, — вздохнула Фролих.

Пять автомобилей прошелестели шинами по гравию и наконец, громко хрустнув камушками, остановились. Первыми вышли агенты прикрытия. Они встали веером перед машиной Армстронга и принялись всматриваться в лица встречающих, пока Фролих связывалась с местной полицией, чтобы услышать от них, что вся территория проверена, и можно выходить. Она передала эту информацию старшему из агентов и тот, чуть заметно кивнув, подошел к дверце, за которой сидел Армстронг, и торжественно открыл ее. На Джека этот ритуал произвел должное впечатление. Церемония приезда и появления перед публикой напоминала сцену из балета. Прошло всего пять секунд, но каких! Преисполненных серьезностью, благородством, величавой неторопливостью и высоким чувством собственного достоинства. Впрочем, все это обеспечивалось трехсторонней радиосвязью и гарантированным визуальным подтверждением безопасности. Операция прошла блестяще!

Армстронг вышел, сменив тепло салона автомобиля на холод улицы. На лице его уже играла простоватая добродушная улыбка — мол, я местный парень, такой же, как и вы, поэтому зачем такая шумиха? — и дружественно протягивал руку своему преемнику, возглавлявшему восторженную толпу. Вице-президент шел с непокрытой головой в настолько тесном окружении охранников, что они едва ли не толкали его. Группа прикрытия тоже держалась совсем рядом, маневрируя так, что двое самых высокий парней постоянно защищали Армстронга со стороны церкви. Пальто у них были расстегнуты, а глаза постоянно обшаривали все вокруг.

— Проклятая церковь! — выругалась Фролих. — Просто идеальная позиция для снайпера, а не святое место!

— Мы должны снова сами ее проверить, — решил Джек. — Чтобы чувствовать себя уверенней. Пусть Армстронг пока что движется против часовой стрелки.

— Но тогда он подойдет ближе к церкви!

— Вплотную к ней он в большей безопасности. В этом случае угол для стрельбы приближается к прямому. Вокруг площадки, где висят колокола, есть несколько слуховых окон с деревянными жалюзи. Радиус поражения лежит в сорока футах от основания колокольни, а ближе простирается мертвая зона.

Фролих через микрофон, укрепленный на запястье, переговорила со старшим агентом. Через несколько секунд Джек увидел, как тот увлек Армстронга направо, и они зашагали по большой дуге против часовой стрелки в направлении церкви. Преемник потащился следом. Толпа развернулась и послушно двинулась за ними.

— А теперь отыщи мне парня с ключами от церкви, — потребовал Ричер.

Фролих тут же вышла на связь с капитаном местной полиции и выслушала его ответ.

— Церковный староста будет ждать нас вон там через пять минут.

Они вышли из машины и, хрустя гравием, направились к церковным воротам. Воздух был холодным. Голова Армстронга маячила среди моря людей. Солнце искрилось на его шевелюре. Он уже удалился на значительное расстояние и находился в тридцати футах от церкви, к тому же его преемник стоял рядом с ним, и их плотным кольцом окружало шестеро агентов. Толпа ползла следом, постоянно изменяя форму, как некая аморфная субстанция. Повсюду темные пальто, женские шляпки, шарфы и солнцезащитные очки. Побуревшая от ночных заморозков трава.

Внезапно Фролих напряглась, поднося к губам микрофон и прижимая правой рукой наушник.

— Отжимайте его ближе к церкви, — велела она. Затем ее руки пробежали вниз по пальто, расстегивая пуговицы, чтобы облегчить доступ к кобуре с пистолетом.

— Со мной только что связались полицейские штата, охраняющие внешний периметр. Они заметили подозрительного типа.

— Где именно?

— Рядом с церковными землями.

— Внешность?

— Не определена.

— Сколько у нас полицейских на поле?

— Сорок с небольшим по периметру.

— Пусть развернутся спиной к толпе и наблюдают за внешней территорией.

Еще раз переговорив с капитаном местной полиции, Фролих отдала приказы его подчиненным. Глаза ее настороженно блуждали по толпе.

— Мне нужно идти, — сказала она.

Ричер повернулся к Нигли.

— Проверь улицы и все те подходящие для покушения точки, которые мы изучили ранее.

Нигли кивнула и длинным размашистым шагом, скорее, напоминавшим бег, направилась к выходу с территории религиозного центра.

— А что, вы определили такие точки? И много их?

— Да как дырок в решете.

Фролих снова поднесла микрофон к губам:

— Пошевеливайтесь, парни! Прижимайте его ближе к стене и прикрывайте с трех остальных сторон. Привести машины в полную готовность. Действуйте!

Она выслушала ответ и кивнула. Армстронг подходил к колокольне уже с другой стороны и сейчас был ей невидим. Фролих и Ричер стояли, может быть, в сотне футов от вице-президента.

— Иди, — сказал Ричер. — Я сам проверю церковь.

Не говоря ни слова, женщина направилась к толпе. Ричер остался один у ворот. Выждав несколько секунд, он зашагал к самой церкви и остановился у двери, массивной, вырезанной из дуба, окованной железными полосами и имевшей дюйма четыре в толщину. Ричер обратил внимание на крупные черные шляпки гвоздей. А над дверью вертикально в небо на семьдесят футов вздымалась колокольня. На вершине ее находился флаг, громоотвод и флюгер, который сейчас оставался неподвижен. Полотнище флага безвольно свисало. Прохладный воздух был спокоен — ни намека даже на слабый ветерок. В такую погоду воздух нежно обволакивает пулю, позволяя ей сохранить убийственную направленность полета.

Через минуту хруст гравия на дорожке привлек внимание Джека: приближался церковный староста. Это был невысокий мужчина, облаченный в черный стихарь, поверх которого он накинул кашемировое пальто. Меховая шапка с наушниками подвязана под подбородком. Очки с толстыми стеклами в тонкой золотой оправе. В руке он держал толстое проволочное кольцо, с которого свисал огромный железный ключ. Он был настолько массивен, что невольно приходили на ум комедии про средневековые тюрьмы. Староста протянул его Ричеру.

— Это настоящий ключ от нашей церкви, — пояснил он. — Он выкован еще в 1870 году.

— Я скоро верну его вам, — ответил Джек. — Подождите меня на поле.

— Могу подождать и здесь.

— На поле, — повторил Ричер. — Так будет лучше.

И без того выпученные глаза старосты казались еще больше за толстыми линзами очков. Он повернулся и зашагал в том же направлении, откуда недавно появился. Ричер с уважением взвесил ключ на ладони. Подойдя к двери, он нацелился ключом в скважину. Затем вставил его и попытался повернуть. Ключ не поворачивался. Тогда Джек потянул ручку двери на себя, и оказалось, что она была не заперта.

Со скрипом старых железных петель дверь открылась на шесть дюймов. Этот звук был Ричеру знаком. Но только раньше, в пять часов утра, он казался более пронзительным. Теперь он терялся на фоне гула приближающейся толпы.

Ричер резким движением распахнул дверь. Немного выждав, он вступил в царящий внутри сумрак. Здание представляло собой простую деревянную постройку со сводчатой крышей. Выкрашенные в белый цвет стены давно уже утратили первоначальную чистоту. Скамейки вытерты до глянца. Свет еле-еле пробивается через стекла витражей. В

глубине Джек увидел алтарь, расположенный рядом с ним высокий аналой, к которому вела деревянная лестница, и несколько дверей, ведущих в ризницу. Впрочем, в церковной терминологии Ричер был не силен.

Он закрыл за собой дверь и запер церковь изнутри. Спрятав ключ в деревянный сундук со сборниками церковных гимнов, Ричер двинулся вперед по проходу между рядами, затем замер на месте и прислушался. Тишина. В прохладном воздухе пахло старым деревом, пыльной тканью и воском. Он так же медленно прокрался дальше и проверил комнатушки, расположенные за алтарем. Их оказалось три: крохотные помещения с деревянными полами. В них не обнаружилось ничего интересного: только старые книги и груды церковных облачений.

Ричер не спеша двинулся назад. Пройдя в дверь, ведущую в основание колокольни, он очутился на квадратной площадке. К ее центру опускались сверху три веревки колокольных воротов с надетыми на их концы расшитыми вылинявшими чехлами, каждый в ярд длиной. С этой площадки начиналась уходящая наверх, в темноту, деревянная винтовая лестница. Джек стоял у ее основания и прислушивался, но никаких подозрительных звуков так и не уловил. Он начал взбираться наверх. После трех поворотов по часовой стрелке лестница закончилась. На самом ее краю была привинчена приставная деревянная лестница в двадцать футов, ведущая к люку в потолке. Потолок состоял из широких досок, в которых проделаны три аккуратных отверстия в девять дюймов диаметром для веревок. И если сейчас кто-то находился наверху, он мог бы услышать и увидеть Джека через эти отверстия. Ричер знал об этом. Пять дней назад он сам, прячась в колокольне, слышал, как внизу возились полицейские с собаками.

Он замер у начала приставной лестницы. Затем, достав из кармана керамический нож, скинул пальто и пиджак на пол. Джек поставил ногу на первую ступень, и она скрипнула. Еще шаг — и снова скрип.

Ричер застыл и поднес к глазам ладонь. Перец. Тот самый перец, который он сам рассыпал здесь пять дней назад. Перца осталось немного. Возможно, сам Джек, спускаясь, смахнул его, а может быть, кто-нибудь из полицейских поднимался сюда сегодня? Или кто-то еще? Он поднялся еще на одну скрипучую ступеньку.

Вновь остановка. Необходимо оценить ситуацию. Итак, он находится на скрипящей лестнице в восемнадцати футах под люком, и неизвестно, что ждет его наверху. А у него всего лишь нож с лезвием в три с половиной дюйма. Джек вздохнул, раскрыл нож и зажал его в зубах. Ухватившись за боковые стойки лестницы как можно выше, он подтянулся и, действуя подобным образом, преодолел восемнадцать футов за три или четыре секунды. Оставив на лестнице одну руку и одну

ногу, другой свободной рукой он зафиксировал себя в пространстве, упершись пальцами в потолок, и прислушался.

Тишина. Тогда он вытянул руку, толкнул крышку люка, приоткрыв ее на дюйм, и снова отпустил. Крышка захлопнулась, а Джек опять уперся пальцами в потолок, прислушиваясь. Однако никакого движения или вибраций он не уловил. Полуминутное ожидание не принесло никаких результатов, и тогда он, распахнув люк полностью, выбрался к колоколам.

* * *

Они, немые, спокойно висели в своих рамах. Три колокола, со шкивами на осях, приводимые в движение с помощью веревок. Маленькие, почерневшие, отлитые из стали колокола. Они ничуть не напоминали те огромные бронзовые произведения искусства, звон которых величаво разносился с древних соборов Европы. Эти являлись простыми деревенскими артефактами с такой же незатейливой историей. Солнечный свет, проникая сквозь слуховые окна, бросал на колокола холодные блики. Больше тут ничего не было, и все помещение выглядело так же, как и при первом посещении Джека.

Или не совсем?

Пыль кто-то потревожил. Повсюду можно было заметить непонятные следы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся отпечатками каблуков, носков, локтей и коленей, но они явно не принадлежали Ричеру. В этом он мог поклясться. И кроме того, на самой грани обоняния ощущался какой-то непонятный запах. Смесь пота, ружейного масла, стали и новеньких медных гильз. Джек обошел помещение вокруг, и запах исчез, словно его и не было. Прижав кончики пальцев к поверхности колокола, Ричер замер, как будто пытался заставить металл раскрыть тайну произошедшего здесь.

Снаружи до него донеслись звуки, проникающие сюда, как и солнечный свет, через слуховые окна. Толпа подошла к колокольне и находилась сейчас в семидесяти футах внизу. Шагнув вперед, Джек, прищурившись, заглянул в щели жалюзи. Всей толпы он видеть не мог: лишь ее край да стоящих на расстоянии в тридцать ярдов друг от друга полицейских, расположившихся по периметру площадки спиной к церкви. Отсюда открывался вид на религиозный центр общины и на парковочную площадку, где над терпеливо ожидавшими машинами поднимались в холодный воздух белые облачка выхлопных газов. Окружающие дома тоже представали как на ладони — словом, идеальная позиция для стрельбы. Правда, поле зрения было ограничено, но и требовался всего лишь один выстрел.

Джек задрал голову и заметил в потолке еще один люк и ведущую к нему лестницу. Рядом с ней тянулись широкие медные, позеленевшие от

времени, шины заземления, ведущие к громоотводу. В прошлый раз Ричер не удосужился подняться туда, так как его не устраивала перспектива восемь часов торчать на холоде. Но кому-то, кто хотел найти место с широким обзором, верхушка колокольни в солнечный день могла показаться очень привлекательной. Люк, скорее всего, служил для смены флага. Если флюгер и громоотвод располагались на шпиле с 1870 года, то полотнище флага с тех пор неоднократно приходилось менять — хотя бы для того, чтобы добавить новые звезды.

Снова зажав нож в зубах, Ричер начал карабкаться по двенадцатифутовой лестнице, также заскрипевшей под его весом. Одолев половину пути, он остановился, держась руками за боковые стойки, и осмотрелся. Ступеньки были древними и пыльными, но кое-где на них остались следы. Подняться по лестнице можно двумя способами: подтягиваясь на боковых стойках или по ступенькам. Джек посмотрел вниз, затем, вытянув шею, заглянул наверх и определил, что места, где пыль оказалась стертой, точно соответствуют положению человеческих рук при подъеме. Значит, здесь кто-то побывал. Следы могли быть оставлены и пару дней назад, и пару часов. Может быть, это церковный староста влезал сюда, чтобы поднять свежевыстиранный флаг. А может быть, и нет.

Ричер, неподвижно висел над колоколами, и вслушивался в доносившийся гул толпы. На верхушках колоколов мастер отлил из олова свои инициалы — А. Г. Б. Они повторялись три раза и шли неровной линией по окружности.

Люк, в который Ричер уперся пальцами, был набран из толстых брусков, скорее всего, покрытых снаружи листовым свинцом. Будь сейчас кто-нибудь наверху и задумай он сплясать джигу, Джек не ощутил бы ни малейшей вибрации. Горбясь, он переступил еще несколько раз, упираясь спиной в крышку люка. Он знал, что она окажется тяжелой, толщиной с потолочное перекрытие. Ричер осмотрел заржавевшие железные петли и понял, что они поддадутся его усилиям не сразу.

Джек глубоко вздохнул и что есть силы распрямил ноги. Люк с треском распахнулся, и Ричер выбрался на крышу, под ослепительный солнечный свет. Вынув изо рта нож и прижимаясь к кровле, на которой сто тридцать лет непогоды оставили неизгладимые следы, он, стоя на коленях, обогнул колокольню, но никого не обнаружил.

Сама верхушка колокольни представляла собой коробку с невысокими свинцовыми бортиками, открытую всем ветрам. Посредине возвышалось на три фута кубическое основание шпиля, на котором крепились рядом и флюгер, и громоотвод, и флагшток. Крыша основания была набрана из свинцовых листов, спаянных между собой в

стыках. Она имела форму опрокинутой воронки, чтобы снег и дождь не задерживались.

По-прежнему на четвереньках, Ричер подобрался к ограждению. Он знал, что охрана Армстронга способна отреагировать на малейшее подозрительное движение внутри охраняемого периметра, а потому и не подумал выпрямляться. Чуть высунувшись из-за парапета, Джек, дрожа от порывов холодного ветра, взглянул вниз. Армстронг находился прямо под ним. Новый сенатор стоял рядом. Их окружали шестеро агентов. И тут Ричер краем глаза заметил какое-то движение: по полю, ярдах в ста от церкви, бежало несколько полицейских. Они устремились к одной точке — к дальнему углу охраняемой территории. Там они сгрудились, рассматривая некий предмет у себя под ногами, затем отворачивались и принимались что-то сообщать по рациям. Джек снова посмотрел на толпу и увидел, как от нее отделилась Фролих и, прижимая пальцем наушник, быстрым шагом направилась к полицейским.

Ричер, прячась, добрался до люка, проскользнул в него и, закрыв за собой крышку, спустился по ступенькам. Затем еще один люк и еще одна лестница. Подхватив пальто и пиджак, он стремительно преодолел винтовую лестницу, промчался мимо веревок колоколов и очень очутился у входной двери церкви, оказавшейся распахнутой настежь.

Крышка сундука, где хранились гимны и куда Ричер спрятал ключ, была открыта, а сам ключ торчал в замочной скважине изнутри. Остановившись в ярде от выхода, Джек прислушался. Затем выбежал на открытый воздух и замер снова. Резко развернулся, но позади никого не оказалось. Да и вообще здесь царили тишина и спокойствие. Издалека, откуда-то с поля, доносился шум. Набросив на плечи пальто, Ричер устремился в том направлении, и тут заметил взволнованного мужчину в длинном коричневом пальто, спешащего ему навстречу по гравиевой дорожке. Полы пальто были распахнуты и хлопали на ветру, открывая твидовый пиджак и фланелевые брюки. В высоко поднятой, словно для приветствия, руке мужчина сжимал золотистый значок. Возможно, это был какой-то детектив из Бисмарка, а то и сам начальник полиции.

— Колокольня безопасна?! — с расстояния в двадцать футов прокричал он.

— Внутри пусто! — гаркнул Ричер. — Что вообще происходит?

Полицейский остановился, нагнулся и, уперев руки в колени, попытался отдышаться.

— Еще не знаю. Какие-то неприятности.

И он, глядя мимо Ричера, уставился на церковь.

— Проклятье! Вы должны были запереть дверь. Нельзя оставлять ее открытой.

Полицейский побежал к церкви, а Ричер направился в поле, по дороге наткнувшись на спешащую куда-то Нигли.

— Что такое? — спросила она.

— Бежим туда, — скомандовал Джек.

Выбежав через ворота на поле, они заметили Фролих, устремившуюся к машинам, и бросились ей наперерез.

— Возле ограды нашли спрятанную винтовку, — тут же прояснила она ситуацию.

— И кто-то побывал в церкви, — запыхавшись, поделился информацией Ричер. — На колокольне, если не вообще на крыше. Возможно, этот кто-то и сейчас болтается где-то поблизости.

Застыв на месте, Фролих уставилась на него, а потом поднесла к губам микрофон:

— Всем приготовиться срочно отбыть. Начинаем по моей команде на счет «три».

Голос ее звучал спокойно.

— Всем машинам приготовиться. Основная машина и машина охраны — двигаться к объекту по моей команде.

Она выждала пару секунд и начала отсчет:

— Один, два, три! Отходим, отходим.

Одновременно произошли две вещи. Сначала взревели моторы кавалькады, и машины рассыпались, словно осколки взорвавшейся звезды. Головная полицейская машина рванулась вперед, а замыкающая притормозила, пропуская два лимузина, которые, круто развернувшись на гравии, вылетели на поле. В тот же миг личная охрана навалилась на Армстронга, буквально похоронив его под своими телами. Через секунду один из агентов выдвинулся вперед, двое подхватили вице-президента под руки, а трое оставшихся, подняв руки над головой Армстронга, живым щитом прикрыли его сзади, оттесняя к машинам. Со стороны по скорости и напору все это напоминало эпизод футбольного матча. Испуганная толпа стала рассыпаться, а агенты с Армстронгом поспешили навстречу приближающимся к ним машинам. Лимузины остановились, личная охрана усадила вице-президента в передний, а группа прикрытия моментально расселась во втором.

Головная полицейская машина, включив сирену и «мигалки», уже продвигалась к выезду. Лимузины, развернувшись на траве, послушно последовали за ней, и все три машины, выехав на дорогу, помчались вперед. В это время третий лимузин подбирал Фролих.

— Мы еще можем взять их, — обратился к ней Ричер. — Уверен, что они до сих пор здесь.

Не отвечая, Фролих подхватила под руки Джека и Нигли, увлекая их за собой. Лимузин, взревев мотором, понесся вдогонку кортежу, за ним пристроилась замыкающая полицейская машина. Уже через двадцать секунд после команды Фролих об эвакуации все пять автомобилей представляли собой единую кавалькаду, уносящуюся прочь со скоростью семьдесят миль в час, завывая сиренами и сверкая проблесковыми маяками.

Фролих устало откинулась на сиденье:

— Вот видите? Мы способны не только на профилактические действия. В случае необходимости мы действуем моментально.

Глава 11

Фролих стояла на холоде у ступенек трапа и о чем-то разговаривала с Армстронгом. Беседа получилась недолгой. Очевидно, она поведала ему об обнаружении спрятанной винтовки, из-за чего и пришлось так внезапно прервать мероприятие. Он не стал с ней спорить и воздержался от глупых вопросов. Скорее всего, он так и не понял, что за этим эпизодом кроется нечто большее. Кроме того, казалось, что его вовсе не беспокоит собственная безопасность. Он больше волновался за то, как последствия могут повлиять на общественные связи его преемника. Он отвернулся, мысленно пересчитав все плюсы и минусы сложившейся ситуации, как часто поступают политики, и чуть заметно улыбнулся. Никакого вреда никому нанесено не было. Затем он быстро взбежал по ступенькам трапа в теплое чрево самолета, готовый продолжить интервью с ожидавшими его там журналистами.

В этот раз Ричер оказался проворней в выборе места и сразу же устроился в переднем ряду рядом с Фролих и через проход от Нигли. Пока самолет выруливал на взлетную полосу, Фролих разговаривала со своими подчиненными. Она поздравляла каждого с успешным проведением операции, по очереди наклоняясь к ним, выслушивая их, согласно кивая и под конец прикасаясь кулаком к их кулакам, как это делают игроки в баскетбол после особенно удачного и эффектного броска. Все это время Ричер наблюдал за ней. «Прирожденный лидер и отличный руководитель», — подумал он. Вскоре Фролих вернулась на место и пристегнула ремень. Пригладила волосы и прижала пальцы к

вискам, словно старалась очистить мозг от произошедшего и сконцентрироваться на будущем.

— Нам нужно было бы остаться, — сказал Ричер.

— Там полицейских сейчас больше, чем пчел в улье, — отозвалась Фролих. — К ним присоединится ФБР. Это их работа. А нам нужно сосредоточить внимание на Армстронге. Между прочим, все это мне нравится ничуть не больше, чем тебе.

— Что это была за винтовка? Ты сама-то ее хоть видела?

Но Фролих отрицательно покачала головой.

— Нам пришлют полный отчет. Говорят, что она лежала в какой-то виниловой хозяйственной сумке.

— Спрятанной в траве?

Она кивнула:

— Совершенно верно. У самого забора, где трава особенно сильно разрослась.

— Когда заперли церковь?

— Поздно вечером в воскресенье. С тех пор прошло больше шестидесяти часов.

— Скорее всего, преступники сами справились с замком. Это очень старый и грубый механизм, а замочная скважина такая огромная, что туда можно руку засунуть.

— Ты точно там никого не видел?

Ричер отрицательно покачал головой:

— Зато они меня видели. Они находились там же, внутри церкви, вместе со мной. Им было известно, куда я спрятал ключ. Они им воспользовались и улизнули.

— Ты, судя по всему, спас Армстронгу жизнь. А мне — задницу и карьеру. Хотя я до сих пор не могу разгадать их план. Как же так: сами они находились в церкви, а винтовку припрятали в ста ярдах от нее?

— Подожди немного. Сначала нам надо узнать хоть что-нибудь об этой винтовке. Может быть, тогда все и прояснится.

У конца взлетной полосы самолет чуть повернул вбок и сразу начал увеличивать скорость. Взлетел и стал быстро набирать высоту. Через пять минут звук работающих двигателей чуть смягчился, и Ричер услышал, как журналисты возобновили беседу на тему о

международных отношениях. Джек обратил внимание и на то, что они не стали интересоваться, почему вице-президент вернулся гораздо раньше запланированного времени.

* * *

Они приземлились на авиабазе Эндрюс в половине седьмого по местному времени. Город затихал. Длинные выходные перед Днем Благодарения уже начались со второй половины дня. Кавалькада направилась на Бранч-авеню и, миновав сердце столицы, очутилась в Джорджтауне. Здесь Армстронга провели в дом через длинный белый тент-переход. Затем машины развернулись и возвратились в гараж Министерства финансов. Стивесанта в офисе не оказалось. Ричер и Нигли последовали за Фролих в ее кабинет, где она должна была проверить результаты компьютерного поиска. Однако они были безнадежны. Сверху экрана виднелось информационное окошко, где с гордостью сообщалось, что машина работала в течение пяти часов и двадцати трех минут, и за это время выбрала 243 791 пример. Сюда включались все преступления, где упоминались отпечатки большого пальца, документы, подписи и письма. Подборка начиналась делами, датированными двадцатью годами ранее, и с той поры включала в себя примерно по тридцать примеров за каждый из 7305 дней. Фролих просмотрела первую дюжину эпизодов, а затем выбрала еще несколько наугад, но не нашла ни в одном из них никакой мало-мальски полезной информации.

— Нужно ограничить диапазон поиска, — заметила Нигли. Она присела на корточки рядом с Фролих и придвинула к себе клавиатуру. Очистив экран, она вызвала окно запросов и напечатала: «отпечаток-болыпого-пальца-как-подпись». Затем дала команду «поиск». Жесткий диск заурчал, и окно запросов исчезло с экрана. В этот момент зазвонил телефон Фролих. Она сняла трубку, в течение секунды слушала чей-то голос, после чего разъединила связь.

— Стивесант вернулся сюда, — сообщила она. — Он получил предварительное заключение ФБР относительно той винтовки и теперь приглашает нас в конференц-зал.

* * *

— Мы сегодня чуть не потеряли его, — мрачно заметил Стивесант.

Он устроился во главе стола и разложил перед собой несколько страниц, пришедших по факсу. Они были заполнены плотным мелким текстом, который кое-где чуть расплывался из-за погрешностей связи. Ричеру был виден заголовок на одной из страниц. Рядом с небольшой печатью слева значилось: Министерство юстиции США, а справа: Федеральное Бюро Расследований.

— Начнем с незапертой церковной двери, — сказал Стивесант. — ФБР предполагает, что замок открыли рано утром. Они добавили еще, что с ним справился бы и ребенок, имеющий при себе вязальную спицу. Нужно было навесить туда собственный замок, хотя бы на время.

— Невозможно, — тут же вставила Фролих. — Церковь является местной достопримечательностью, и ее нельзя трогать.

— Значит, надо было изменить место проведения встречи.

— Я искала такое место еще перед первым мероприятием, но все остальные варианты оказались еще хуже.

— Надо было оставить одного агента на крыше церкви, — заявила Нигли.

— Бюджет не позволяет, — покачал головой Стивесант. — Пока не прошла инаугурация, мы несколько стеснены в средствах.

— Будем надеяться, что она все же произойдет, — отозвалась Нигли.

— А что узнали о винтовке? — поинтересовался Ричер, нарушая наступившую тишину.

Стивесант положил перед ним один из листков с текстом:

— А вы сами имеете какие-нибудь предположения?

— Это должно быть что-то такое, что не жалко и выбросить, — заговорил Ричер. — То, что они и не планировали использовать. По своему опыту скажу, что предмет, который так легко отыскать, специально не слишком надежно спрятан.

Стивесант кивнул:

— Эту штуковину и винтовкой-то не назовешь. Старая рухлядь, плевательница 22-го калибра. Содержалась в жутком состоянии, вся проржавела. Создается такое впечатление, что ее не использовали уже в течение целого поколения. Она была не заряжена, да и патронов поблизости не обнаружилось.

— У нее есть номер?

— Нет.

— Отпечатки пальцев?

— Разумеется, тоже нет.

Ричер кивнул:

— Понятно. Очередная уловка.

— Зато отпертая дверь в церковь оказалась весьма убедительной. Ну, например, что вы сделали, когда зашли внутрь?

— Сразу же запер дверь за собой.

— Почему?

— Я люблю, чтобы все было надежно в то время, пока работаю и провожу разведку.

— Ну а если бы вам самому предстояло стрелять в вице-президента?

— Тогда я бы оставил ее открытой, особенно в том случае, если бы у меня при себе не было ключа.

— Почему?

— Чтобы потом успеть быстро убежать.

Стивесант кивнул:

— Незапертая дверь означала то, что они действительно собирались стрелять. Я полагаю, что у них при себе была М35 или даже Мк2. А возможно, и то и другое. Они знали, что их подброшенное оружие скоро найдут и потому основные силы полиции, скорее всего, переместятся к забору. Таким образом, мы должны были бы передвинуть Армстронга ближе к машинам, где он представлял бы собой великолепную мишень.

— Это вполне вероятный план действий противника, — согласился Ричер. — Но только лично я внутри церкви так никого и не увидел.

— В сельской церкви спрятаться легко, — вздохнул Стивесант. — Вы проверяли ее подземную часть?

— Нет.

— А хоры?

— Тоже нет.

— Там очень легко спрятаться, — повторил Стивесант.

— Я чувствовал, что где-то неподалеку есть люди.

— Вот именно, — кивнул Стивесант. — Они были там, внутри церкви. Это точно.

В комнате повисла тишина.

— Может быть, среди гостей обнаружили подозрительную личность? — спросила Фролих.

Но Стивесант лишь отрицательно покачал головой:

— Там начался настоящий хаос. Бегущие во все стороны полицейские, беснующаяся толпа. К тому времени, как был восстановлен порядок, по крайней мере двадцать человек успели покинуть поле и разбежаться. Это вполне понятно и объяснимо. Вы находитесь на открытой местности, и вдруг кто-то обнаруживает поблизости оружие. Вполне естественно, что любой разумный человек постарается побыстрей скрыться оттуда. Вы со мной согласны?

— А что насчет того подозрительного прохожего, о котором нам сообщила полиция?

— Это был самый обыкновенный мужчина в длинном пальто, — пояснил Стивесант. — Больше о нем полиция штата так и не смогла ничего рассказать. Скорее всего, это местный житель, спокойно прогуливавшийся по округе. Так, ничего особенного. Более того, в это время, как мне кажется, наши неизвестные уже находились внутри церкви.

— И все же, что-то вызывало в этом прохожем подозрение местных полицейских, — насторожилась Нигли.

Стивесант только пожал плечами:

— Ну, знаете, как бывает в таких случаях... Как себя чувствует рядовой полицейский из Северной Дакоты, когда вокруг него снуют сотрудники Секретной службы? Он боится что-то заметить и еще больше опасается что-то упустить из виду. Вот потому, как только ему кто-то покажется подозрительным, он тут же сообщит о нем, хотя потом и сам не сможет объяснить, почему он так поступил, И нам не следует винить его за эту сверхбдительность. Пусть лучше он перестарается, чем прозевает реальную опасность. И пусть не боится показаться смешным или перестраховаться.

— Но мы снова не получили никакой полезной информации, — расстроилась Фролих.

— Зато у нас остается Армстронг, — напомнил Стивесант. — Причем целый и невредимый. А потому сейчас лучше идите пообедайте и возвращайтесь сюда к десяти часам, когда начнется совещание совместно с ФБР.

* * *

Но они сначала все же отправились в кабинет Фролих, чтобы проверить, как прошел поиск информации по параметрам, заданным Нигли. Процесс поиска уже закончился. Впрочем, он был закончен еще до того, как они успели отойти от стола. В окошке в верхней части экрана сообщалось, что поиск занял девять сотых секунды, в результате чего было найдено ноль примеров. Фролих снова вызвала окно запросов и

набрала на этот раз: «Отпечаток большого пальца на письме». Щелкнула мышью и уставилась на экран. В тот же момент ей сообщили, что поиск закончен через восемь сотых секунды, и за это время не было найдено ни одного соответствующего запросу примера.

— Теперь мы ничего не получили за более короткое время, — прокомментировала она.

В следующий раз Фролих набрала: «Отпечаток большого пальца на послании». Тот же результат — ноль примеров, поиск завершен за восемь сотых секунды. Тогда Фролих попыталась отыскать информацию, изменив текст параметров на: «Отпечаток большого пальца на угрозе». Результат оказался идентичным, причем был получен все за те же восемь сотых секунды. Фролих в отчаянии пожала плечами и умолкла.

— Дай-ка и мне попробовать, — попросил Ричер. Она поднялась со стула, Джек тут же занял ее место и быстро набрал текст: «Короткое письмо, подписанное отпечатком большого пальца».

— Идиот, — фыркнула Нигли.

Он щелкнул мышью. На экране почти сразу вспыхнуло информационное окошко, в котором Джеку сообщили о том, что машина работала по его запросу в течение семи сотых секунды и не смогла обнаружить ни одного примера.

— Зато у меня новый рекорд по времени, — заметил Ричер и виновато улыбнулся.

Нигли рассмеялась, и всеобщее уныние начало понемногу улетучиваться. Следующей попыткой Ричера стаи текст: "Отпечаток большого пальца и сквален ". На этот раз машина старалась помочь ему в течение одной десятой секунды.

— Слишком медленно, — прокомментировал Джек.

Он попытал счастья, напечатав одно только слово «сквален». Примеров не оказалось, время работы машины — восемь сотых секунды.

Тогда он поменял в слове одну букву и получил «сквалан». Тот же результат за восемь сотых секунды.

— Ну хватит, — отмахнулся Джек. — Пойдемте лучше поедим.

— Подожди-ка, — попросила Нигли. — Можно, я рискну еще разок? Все это напоминает мне олимпийский вид спорта.

Она вытолкала его со стула и набрала на экране: «Единственный необъяснимый отпечаток большого пальца» и щелкнула мышью.

Примеров не оказалось. Этот эксперимент занял у компьютера шесть сотых секунды. Она победно улыбнулась.

— Шесть сотых! Ребята, у нас новый мировой рекорд.

— Нам пора, пошли, — нетерпеливо произнес Ричер.

Но она упорствовала и теперь вывела: «Самостоятельный необъяснимый отпечаток большого пальца» и нажала на «поиск».

— Это что-то вроде новой игры, — словно извиняясь, пояснила Нигли.

Компьютер снова ничего не нашел и сообщил об этом снова через шесть сотых секунды.

— Первое место закреплено, — подытожила Фролих. — А теперь опять моя очередь.

Она заняла место Нигли, подвинула клавиатуру поближе и задумалась.

— Ну хорошо, поехали, — наконец произнесла женщина. — Я сейчас напечатаю нечто такое, что либо обеспечит мне сразу же золотую медаль, либо заставит нас проторчать здесь всю ночь.

И она вывела на экране два простых и недлинных слова: «большой палец». На этот раз компьютер искал примеры в течение целой секунды и нашел один. Небольшой абзац, но все же он существовал! Это оказался полицейский отчет из Сакраменто, штат Калифорния. Врач кабинета неотложной помощи в городской больнице ставил в известность местное отделение полиции о том, что пять недель назад один из его пациентов отрубил себе большой палец во время плотничных работ. При этом врач, обследовавший рану, пришел к выводу, что палец ампутировали умышленно, хотя и действовал при этом явно дилетант. Тем не менее, на допросе в полицейском участке пострадавший продолжал настаивать на том, что это был несчастный случай, когда он работал с электрической пилой. Как следовало из отчета, на этом дело пришлось закрыть.

— Какое-то странное и немножко жутковатое происшествие, — прокомментировала Фролих.

— Пойдемте ужинать, — предложил Ричер.

— Рекомендую на этот раз заказать что-нибудь вегетарианское, — добавила Нигли.

* * *

Они направились к Дюпон-серкл и поужинали в армянском ресторане. Ричер заказал баранину, а Фролих и Нигли выбрали какое-то немыслимое блюдо из турецкого гороха. На десерт все трое попробовали пахлаву и выпили по три чашечки крепкого мутного кофе. Они много

говорили, но в общем беседа шла ни о чем. Никому не хотелось сейчас вспоминать ни Армстронга, ни Нендика, ни его жену, ни тех неизвестных, которые способны запугать человека до полусмерти и застрелить двух ни в чем неповинных людей лишь за то, что они оказались однофамильцами вице-президента. Фролих не хотелось говорить о Джо в присутствии Ричера, а Нигли — обсуждать Ричера в присутствии Фролих. Поэтому они избрали темой для разговора политику, как, впрочем, большинство посетителей ресторана и, возможно, все остальные горожане. Однако беседовать о политике в конце ноября и не упомянуть при этом новую администрацию было невозможно. А это снова вело к Армстронгу, и поэтому вся троица решила обсуждать что-то личное. Но и эта тактика неизбежно требовала дополнительной информации о человеке, а потому очень скоро Фролих начала интересоваться у Нигли ее прошлой жизнью и карьерой.

Ричер перестал прислушиваться к их болтовне. Он знал, что Нигли не станет отвечать на вопросы о своем прошлом. Она никогда ничего не рассказывала о себе. Они знакомы с Джеком долгие годы, и за все время ему так и не удалось узнать о ней ровным счетом ничего. Он полагал, что в прошлом она, должно быть, пережила какую-то трагедию. Впрочем, это не редкость среди тех, кто пошел служить в армию. Некоторые идут туда, чтобы получить работу и обучиться профессии, другим хочется стрелять из тяжелых орудий и взрывать все вокруг. Кто-то, кто похож на Ричера, отправляется в армию, потому что так предписано судьбой. Но большинство все же ищет там сплоченность, доверие, преданность и чувство товарищества. Им нужны братья, сестры и родители, которых они были лишены в жизни.

Вот поэтому Нигли пропустила свое детство и рассказывала Фролих только о годах службы. Ричер не слушал женщин, а внимательно разглядывал посетителей ресторана. Здесь было довольно шумно: сегодня сюда пришло много и парочек и целых семейств. Джек сделал вывод, что все те, кому завтра предстояло готовить обеды ко Дню Благодарения, сегодня решили посетить ресторан, чтобы ничего не делать на кухне. Несколько лиц показались ему знакомыми: скорее всего, это известные политики или телеведущие. Через некоторое время Ричер прислушался к разговору за столом. Нигли рассказывала о своей новой работе в Чикаго. Джеку понравилось и то, что сейчас она, похоже, нашла для себя неплохое место. Она сотрудничала с ребятами из правоохранительных органов и с военными в солидной фирме, предлагавшей широкий выбор услуг, от компьютерной безопасности до обеспечения личной охраны во время путешествий в Европу. Если приходится выбирать такую работу, чтобы каждый день ходить в офис, может быть, Нигли как раз и сумела подыскать себе оптимальный вариант. По крайней мере, голос ее звучал уверенно, и сама она казалась удовлетворенной своим нынешним положением.

Они уже собирались заказать по четвертой чашечке кофе, но в этот момент у Фролих зазвонил телефон. Стрелки часов показывали начало десятого. В ресторане стало шумно, и потому Фролих не сразу услышала звонок. Только спустя какое-то время она поняла, что из ее сумочки несется трель. Она достала трубку и начала слушать. Ричер внимательно наблюдал за выражением ее лица: сначала на нем проявилось удивление, потом озабоченность.

— Хорошо, — сказала она и захлопнула крышку телефона. — Стивесант срочно хочет видеть тебя в офисе, — сообщила она, обращаясь к Ричеру. — Немедленно.

— Меня? — переспросил Джек. — Но почему?

— Он больше ничего не сказал.

* * *

Стивесант ожидал их за дверью, ведущей в офисы. Он расположился на одном конце стола в приемной, а на другом суетился дежурный офицер, записывая что-то в свой журнал. Все здесь казалось привычным, кроме, разве что, телефона, стоявшего непосредственно перед боссом. Аппарат перенесли с его обычного места, и теперь он находился рядом со Стивесантом, который не сводил с него глаз. К аппарату тянулся длинный провод.

— Нам недавно звонили, — сразу же сообщил босс.

— Кто и откуда? — насторожилась Фролих.

— Он не назвался, и номер тоже оказался заблокированным. Мужской голос, без акцента. Он связался с коммутатором и попросил соединить его с "большой шишкой ". При этом он говорил так, что дежурный офицер не счел его просьбу за розыгрыш и отнесся к звонившему вполне серьезно. Но он почему-то посчитал, что неизвестный имеет в виду большое начальство, а потому сразу же вызвал меня. Однако тот тип не пожелал разговаривать со мной. Ему нужен именно физически крупный мужчина, которого он видел совсем недавно.

— Я? — не выдержал Ричер.

— Ну, вы были там единственным здоровенным парнем.

— А зачем ему потребовалось разговаривать со мной?

— Вот как раз это мы и собираемся выяснить. Он обещал перезвонить в половине десятого.

Ричер взглянул на часы. До условленного времени оставалось восемь минут.

— Это они, — кивнула Фролих. — Они видели тебя в церкви.

— Я тоже так подумал, — согласился Стивесант. — Итак, у нас состоится первый контакт. Магнитофон уже подготовлен. Теперь мы постараемся определить, откуда он звонит. А от вас требуется говорить с ним как можно дольше.

Ричер взглянул на Нигли. Она посмотрела на часы и покачала головой:

— У нас совсем не осталось времени, — вздохнула она.

Ричер понимающе кивнул и неожиданно поинтересовался:

— Можно сейчас узнать прогноз погоды для Чикаго?

— Я свяжусь с авиабазой, — отозвалась Фролих. — Только зачем это тебе?

— Пока ничего не спрашивай, а лучше действуй. Хорошо?

Она отошла на несколько шагов, чтобы воспользоваться другим телефоном. Метеорологам с военной базы потребовалось четыре минуты, чтобы узнать прогноз: в Чикаго холодно, однако небо остается чистым. Ричер снова взглянул на часы: девять двадцать семь.

— Хорошо, — кивнул он.

— Помните, о чем я вас просил, — вступил в беседу Стивесант. — Говорите с ним как можно дольше. Вы их озадачили. Они не могут понять, кто вы такой и откуда взялись, а потому сейчас волнуются.

— На вашей страничке в Интернете есть сообщение о том, как Армстронг собирается провести праздник? — поинтересовался Джек.

— Да, — кивнула Фролих.

— И даже указано место, куда он поедет?

— Конечно, — снова подтвердила она.

До связи оставалось чуть больше минуты.

— Какие еще мероприятия ожидают нас в ближайшее время?

— Через десять дней еще одна встреча на Уолл-Стрит, — быстро проговорила Фролих. — Но больше ничего.

— А на этот уик-энд?

— Он отправляется в Северную Дакоту вместе с супругой, во второй половине дня.

— Это в Интернете тоже упомянуто?

Но Фролих отрицательно покачала головой:

— Нет, это сугубо личное. О таких поездках мы никого не оповещаем.

— Хорошо, — снова повторил Ричер. Часы показывали девять двадцать девять.

И в этот момент зазвонил телефон. Его трель в тишине показалась особенно громкой и настойчивой.

— Рановато, — покачал головой Ричер. — Кому-то очень уж не терпится услышать меня.

— Говорите как можно дольше, — снова напомнил Стивесант. — Тяните время. Используйте их любопытство против них самих.

Ричер поднял трубку:

— Алло.

— В следующий раз тебе уже так не повезет, — ответил ему мужской голос.

Ричер проигнорировал предупреждение и стал внимательно вслушиваться в шумы на другом конце провода.

— Эй! — позвал его неизвестный. — Я хочу поговорить с тобой.

— А я с тобой — нет, козел, — спокойно произнес Ричер и повесил трубку.

Стивесант и Фролих молча уставились на него.

— Что вы натворили? — изумился босс.

— Меня не тянуло на беседу с этим типом, — объяснил Джек.

— Но я же просил вас говорить подольше.

Ричер неопределенно пожал плечами:

— Если вы хотели сделать что-то по-другому, надо было самому этим и заниматься. Могли бы выдать себя за меня и разговаривать с ним в свое удовольствие сколь угодно долго.

— Но вы умышленно все нам испортили.

— Ничего подобного. Это мудрый шаг в нашей игре.

— Проклятье! По-вашему, мы тут в игрушки играем?

— Совершенно верно.

— Но нам нужна была информация!

— Спуститесь на землю, — искренне посоветовал Ричер. — Вы бы все равно от него ничего не узнали.

Стивесант промолчал.

— Мне хочется кофе, — сказал Джек. — Вы вытащили нас из ресторана на самом интересном месте.

— Нам нужно оставаться здесь, — возразил Стивесант. — Они могут перезвонить.

— Нет, — помотал головой Ричер. — Больше сюда никто звонить не станет.

* * *

На всякий случай они подождали в приемной еще пять минут, но в конце концов направились в конференц-зал, прихватив с собой стаканчики с кофе. Фролих замкнулась в себе, Нигли предпочла помалкивать, а босс продолжал негодовать.

— Объяснитесь, — потребовал он.

Ричер устроился в конце стола в полном одиночестве. Нигли заняла нейтральную позицию где-то в его середине, а Фролих и босс уселись во главе.

— Эти парни используют водопроводную воду из крана, чтобы запечатывать свои конверты, — напомнил Ричер.

— И что же из этого следует? — насторожился Стивесант.

— А то, что они никогда бы не стали звонить в главный офис Секретной службы с такого телефона, номер которого можно было бы определить, понимаете? Да они бы сами повесили трубку, если бы знали, что их таким образом можно вычислить. А этого удовольствия я им доставлять не собирался. Нужно было показать им, что раз они хотят конфликтовать со мной, то я всегда буду одерживать над ними верх, в любой ситуации.

— Значит, вы повели себя так и провалили все дело лишь потому, что посчитали все это какой-то игрой, состязанием: кто круче, что ли?

— Я ничего не провалил, — отозвался Ричер. — Всю информацию, которую мы могли вытянуть, мы уже получили.

— Мы ничего не получили.

— Почему же? У вас есть запись его голоса. Он сказал вполне достаточно для того, чтобы можно было провести анализ. Прозвучало много гласных и согласных звуков, в том числе шипящих и свистящих.

— Нам надо было узнать, откуда они звонят, неужели не понятно?

— Это телефон-автомат, у которого заблокирован номер, расположенный где-то на Среднем Западе. А теперь давайте рассуждать, Стивесант. Сегодня неизвестные находились в Бисмарке и имели при себе очень серьезное оружие. Следовательно, они приехали туда на машине. Сейчас они находятся от нас на расстоянии около четырехсот миль, в одном из шести штатов, в каком-нибудь баре или крупном магазине, где есть телефон-автомат. А тот, кто пользуется водопроводной водой, чтобы запечатать конверт, наверняка знает, что и как нужно сделать, чтобы тебя не засекли, пока ты болтаешь по телефону.

— Но вы не можете с уверенностью сказать, что они сейчас за рулем.

— Вы совершенно правы, — согласился Джек. — Наверняка этого не скажет никто. Я могу лишь предположить, что они расстроены тем, что произошло сегодня. Может быть, они здорово рассержены. А из Интернета им известно, что завтра у них будет еще один великолепный шанс все поправить, причем здесь, в Вашингтоне. Но после этого ожидается довольно длительный перерыв. Поэтому можно сделать вывод, что они все-таки решили избавиться от оружия и лететь сюда самолетом. Следовательно, в данный момент они могут находиться и в О'Харе, ожидая своего рейса. Может быть, имело бы смысл отправить туда несколько полицейских, чтобы они присмотрелись к тем, кто в этот момент разговаривает из автоматов. Но у меня в распоряжении оставалось лишь восемь минут. Если бы вы раньше начали соображать, то наверняка пришли бы к какому-нибудь решению. У вас, между прочим, имелось целых полчаса. И это они сами дали вам такую фору. Если бы вы за это время успели предупредить полицейских, я бы заболтал их так, что у них успели бы уши завянуть. Но вы ничего не предприняли. Вот потому не нужно обвинять в провале операции меня. Я вам ничего не проваливал.

Стивесант опустил голову и промолчал.

— А теперь спросите, зачем ему понадобился прогноз погоды, — напомнила Нигли.

Но Стивесант продолжал молчать.

— Зачем ты попросил узнать прогноз погоды? — вступила в разговор Фролих.

— Я надеялся, что мы все же успеем что-либо предпринять. Если бы погода оказалась нелетной накануне Дня Благодарения, они проторчали бы в этом аэропорту неизвестно сколько часов подряд. Вот тогда я мог бы напроситься и на их повторный звонок, а в это время там бы уже орудовали полицейские. Но погода оказалась отличной, рейсы не задерживаются, а потому нам не удалось выиграть время.

— А что ты можешь сказать насчет его произношения? — спокойно поинтересовалась Фролих. — Хватило ли тебе его слов, чтобы составить какое-то представление о его личности или сделать соответствующие выводы?

— У вас уже есть запись, — отозвался Джек. — Но вообще-то ничего такого странного мне на ум сразу не пришло. Это не иностранец, не южанин и не житель восточного побережья. Наверное, он родом как раз из того штата, который не отличается никаким особым говором.

В комнате наступила тишина, на этот раз надолго.

— Простите, — наконец, выдавил Стивесант. — Наверное, вы поступили именно так, как следовало.

Ричер только покачал головой и вздохнул.

— Не стоит так волноваться, — заметил он. — Мы сейчас находимся в таком состоянии, что готовы ухватиться за соломинку. Скорее всего, нам все равно не удалось бы определить их местонахождение. Это была лишь моя внезапная догадка насчет аэропорта. Но зато я чую нутром, что они действительно немного озадачены присутствием моей персоны. Что ж, пусть теряются в догадках. И еще мне хочется их хорошенько разозлить. Ну, хотя бы для того, чтобы они хоть немного перенесли свое внимание с Армстронга и сосредоточились на мне.

— Вам хочется, чтобы эти уголовники занялись вашей персоной?

— Ну, это все же лучше, чем если бы они целиком и полностью занялись Армстронгом.

— Вы, очевидно, сошли с ума. Вокруг него и днем и ночью находится охрана. А за вами никто не присматривает.

Ричер улыбнулся:

— Но меня они совсем не волнуют.

Фролих заерзала на стуле.

— Значит, для тебя все это действительно перешло в стадию соревнования и испытания нервов, — заметила она. — Да ты как две капли воды похож на Джо. Тебе это известно?

— Возможно, только я до сих пор жив, — напомнил Джек.

В этот момент в дверь кто-то постучал, она открылась, и в проем просунулась голова дежурного офицера:

— К вам пришел специальный агент Бэннон, — сообщил он. — Говорит, что явился на вечернее заседание.

* * *

Стивесант увел Бэннона к себе в кабинет и там сообщил ему с глазу на глаз все то, что было связано с телефонным разговором. В десять минут одиннадцатого они оба появились в конференц-зале. Бэннон и на этот раз больше походил на городского полицейского, нежели на федерального агента. Пальто из твида, серый фланелевый костюм, грубые ботинки. И конечно, раскрасневшаяся физиономия. Он даже чем-то напоминал прозорливого детектива из Чикаго, Бостона или Нью-Йорка: был мрачен и в руках держал тоненькую папку.

— Нендик все еще не поправился, — сообщил Бэннон.

В комнате повисла тишина.

— Ему не лучше, но и не хуже, — продолжал специальный агент. — Но врачи все же опасаются за его жизнь.

Он грузно опустился на стул напротив Нигли. Открыл папку и вынул из нее пачку цветных фотографий, после чего положил перед каждым из присутствующих по два снимка, словно раздал карты для игры.

— Здесь изображены Брюс Армстронг и Брайан Армстронг, — пояснил Бэннон. — Покойники из Миннесоты и Колорадо соответственно.

Фотографии представляли собой крупные отпечатки, сделанные на глянцевой бумаге при помощи струйного принтера, а не полученные по факсу.

Видимо, оригиналы были взяты у членов семей погибших, а затем отсканированы и переданы по электронной почте. Скорее всего, первоначально это были семейные фотографии, затем увеличенные и обрезанные в лаборатории ФБР, так чтобы на снимках остались только голова и плечи, как это принято для документов. Результат оказался отвратительным. Со снимков глядели добродушные широколицые мужчины, оба улыбающиеся и смотрящие на того, кто должен находиться с ними рядом на фотографии, но был жестоко обрезан. Фамилии обоих жертв подписаны в нижней части снимков шариковой ручкой. Может быть, даже самим Бэнноном: "Брюс Армстронг. Брайан Армстронг.

Эти двое не были даже похожи друг на друга. И, разумеется, ни один из них ничем не напоминал Брука Армстронга. Ни один нормальный человек не перепутал бы их. Ни в темноте, ни в спешке. Это были всего лишь светловолосые и голубоглазые американцы, каждому по сорок с лишним лет. Вот и все, что могло их объединять. Но, конечно, они были в чем-то схожи, если применить другую технику разделения человечества. Если взять всех людей, живущих на планете, и попытаться как-то поделить их, то характеристики поначалу будут несколько иными. Мужчина или женщина, черный или белый, азиат или монголоид, высокий или низкий, толстый, худой или среднего телосложения, молодой, старый или средних лет, блондин, брюнет или шатен, серо-голубые глаза или карие. Сначала нужно произвести все эти подсчеты, и уже потом говорить, насколько схожи или различаются трое вышеупомянутых Армстронгов.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — поинтересовался Бэннон.

— Это очень печально, — вздохнул Ричер.

— Согласен, — кивнул Бэннон. — Две вдовы и пятеро детей, оставшихся без отцов. Забавно, правда?

На это никто ему не ответил.

— У вас имеется что-нибудь еще для нас? — поинтересовался Стивесант.

— Мы неустанно трудимся, — кивнул Бэннон. — И особое внимание уделяем отпечатку большого пальца. Мы запрашиваем все базы данных, которые только имеются в мире. Хотя, сказать по правде, оптимизма при этом не испытываем. Мы опросили всех соседей Нендика. Выяснилось, что семья Нендик была не слишком гостеприимна, и к ним редко заходили друзья. Похоже, что они предпочитали общество друг друга, часто посещали известный бар в десяти милях от их дома, по дороге в Даллас. Эта забегаловка очень популярна среди полицейских. Видимо, Нендик предпочитал компанию себе подобных, я имею в виду его работу. А сейчас мы пытаемся выяснить, с кем он разговаривал в последнее время, кто мог бы вызвать хоть малейшие подозрения.

— Вы спрашивали соседей о событиях двухнедельной давности? — осведомился Стивесант. — Когда была похищена его жена? Скорее всего, в тот день в их доме было шумно.

Но Бэннон отрицательно покачал головой.

— В тех местах днем повсюду очень шумно. Дети, играющие в футбол, их болельщики, да и обыкновенные прохожие. Здесь у нас, к сожалению, пусто. Никто ничего не помнит. Впрочем, похищение могло ведь произойти и ночью, верно?

— Нет, мне почему-то кажется, что Нендик сам отвез ее куда-то, — вступил в разговор Ричер. — Они вынудили его поступить так, чтобы еще больше обострить его чувство вины и одновременно ответственности за нее.

— Возможно, — согласился Бэннон. — Он был здорово напуган, в этом сомневаться не приходится.

Ричер кивнул:

— Мне кажется, этих типов можно назвать специалистами по жестокости. Кроме того, они неплохие психологи. Именно поэтому некоторые их послания приходили непосредственно сюда. Что может быть хуже для Армстронга, чем услышать от тех, кому платят за его безопасность, о том, что кто-то ему угрожает!

— Но только он ничего не узнает, — заметила Нигли.

Бэннон не стал комментировать ее заявление.

— Что-нибудь еще? — после долгой паузы осведомился Стивесант.

— Мы пришли к заключению, что больше вы не будете получать никаких писем и сообщений, — заговорил Бэннон. — Теперь они нанесут удар в то время и в том месте, как запланировали, причем вряд ли будут даже намекать вам о том, где и когда это произойдет. И если их попытка опять обернется провалом, им не захочется ставить вас об этом в известность, хотя бы потому, чтобы не показаться вам неудачниками и хвастунами.

— А вы ничего сами не чувствуете относительно того, где и когда это должно произойти?

— Поговорим об этом завтра утром. В данный момент наши специалисты разрабатывают одну интересную теорию. Надеюсь, завтра мы все встретимся здесь же?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Но ведь завтра День Благодарения.

— Армстронг завтра работает, значит, работаем и мы.

— Чем он будет занят?

— Постарается ублажить бездомных в приюте.

— Разве это мудрый поступок?

Стивесант только пожал плечами.

— У него нет выбора, — заговорила Фролих. — В Конституции сказано, что политики должны присутствовать в самом бедном и неблагополучном районе города в День Благодарения и лично раздавать порции индейки нуждающимся.

— И все же я попрошу вас подождать до завтрашнего утра, — заметил Бэннон. — Не исключено, что вам захочется сделать все возможное, чтобы он изменил свое решение. Или ввел поправку в Конституцию.

Он поднялся из-за стола и обошел его, по пути собирая фотографии, словно они представляли для него особую ценность.

* * *

Фролих подбросила Нигли до отеля, после чего они с Ричером поехали домой. Всю дорогу она не проронила ни слова, причем казалось, что ее молчание не только умышленное, но даже агрессивное. Джек смог выдержать эту пытку лишь до того момента, когда они миновали мост над рекой, но затем сдался.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

— Нет, что-то определенно произошло.

Она не ответила и молча вела машину, а потом припарковала ее как можно ближе к дому, всего через две улицы от своего особняка. Вокруг стояла тишина, как и положено ночью в канун праздника. Все горожане уже находились дома, наслаждаясь теплом и уютом семейной обстановки. Фролих выключила двигатель, но продолжала сидеть в машине, смотря куда-то вдаль и продолжая молчать.

— Что случилось? — повторил свой вопрос Ричер.

— Мне кажется, я всего этого просто не вынесу.

— Чего именно?

— Ты доиграешься до того, что тебя убьют. Точно так же, как получилось с Джо, когда ты добился того, что его не стало.

— Что-что?

— Ты все прекрасно слышал.

— Но Джо погиб не из-за меня.

— Он был создан совсем не для того, чем занимался. Но он упорно продолжал работать на своем месте, потому что постоянно сравнивал себя с тобой. Это занятие переросло у него в одержимость.

— И я в этом виноват?

— Ну а кто же еще? Он был твоим братом и потому решил последовать твоему примеру в выборе карьеры.

Ричер промолчал.

— Но почему вам всегда нужно быть такими? — в отчаянии спросила Фролих.

— Нам? Такими? — недоумевал Джек. — Какими же?

— Ну вам, мужчинам, — ответила она. — Военным. Вы всегда готовы очертя голову и жертвуя собой броситься в какую-нибудь очередную глупость.

— Вот этим, по-твоему, я и занимаюсь?

— Ты сам это сознаешь.

— Но я не давал клятвы, что приму на себя пулю, предназначенную для какого-нибудь никчемного политика.

— И я тоже. Я просто так образно выразилась. И, кстати, далеко не все политики такие уж никчемные люди.

— Так значит, ты готова подставить себя и принять пулю, чтобы защитить Армстронга? Или все-таки нет?

Фролих лишь пожала плечами:

— Не знаю.

— И я не несусь никуда очертя голову, — добавил Джек.

— А вот тут ты не прав. Как же! Тебе ведь бросили вызов. И упаси Господь тебе при этом проигнорировать все это и остаться в стороне.

— Так ты хочешь, чтобы я отошел в сторону? — удивился Ричер. — Или все же мы должны довести дело до конца?

— Я только хочу, чтобы при этом ты не вел себя, как олень во время гона, не бодался и не шел напролом.

— А почему бы и нет? Ведь рано или поздно кто-то должен победить: либо они, либо мы. Именно так все и получится. Почему ты считаешь, что в данном случае все выйдет по-другому?

— Но зачем самому умышленно искать себе неприятности?

— А я их и не ищу. Да и вообще не рассматриваю это дело как неприятности.

— А как еще это можно назвать?

— Понятия не имею.

— Правда?

Он немного помолчал, потом заметил:

— У тебя есть знакомые адвокаты?

— Кто-кто? — переспросила Фролих.

— Ты все прекрасно слышала.

— Адвокаты? Ты, наверное, шутишь? В этом городе адвокатские конторы располагаются на каждом углу.

— Хорошо. Теперь представь себе опытного адвоката. Двадцать лет тому назад он получил диплом и с тех пор постоянно практикуется. И вот к нему обращается клиент и просит его помочь составить не совсем обычное завещание. Что будет делать этот адвокат? Как поступит? Неужели он начнет дрожать от волнения? Или посчитает, что ему бросили вызов? И при чем тут тестостерон и все такое прочее? Он спокойно ответит: «Да, с удовольствием помогу вам». И действительно поможет, а все потому, что это его работа. Все ясно и просто.

— Но это вовсе не твоя работа, Ричер.

— Моя, хотя это сейчас и не имеет большого значения. Дядюшка Сэм выдавал мне доллары налогоплательщиков именно за то, что я занимался своей работой, в течение тринадцати лет. И, уж конечно, он не рассчитывал, что я начну избегать трудностей, пытаясь отыскать в своем поведении какое-нибудь психологическое оправдание.

Фролих продолжала вглядываться куда-то вдаль сквозь ветровое стекло, которое очень быстро запотело от их дыхания.

— В Секретной службе занято очень много людей, — заговорила она. — Их, наверное, сотни, хотя точную цифру я не назову. Я имею в виду отдел финансовых преступлений. Там работают хорошие специалисты. Если мы считаем себя не слишком изобретательным и творческим народом, то там на этот счет одни мастера. Этим они и занимаются, для этого их, собственно, и держат. Джо мог выбрать десяток лучших и отправить вместо себя в Джорджию. Мог бы послать туда и с полсотни бойцов. Но он не стал этого делать. Ему нужно было обязательно ехать туда самому. И ехать в одиночку. А все потому, что он почувствовал: ему бросили вызов. И не сумел отступить, поскольку всегда сравнивал себя с тобой.

— Я согласен с тобой: ему не надо было так поступать, — кивнул Ричер. — Как, например, врачу не стоит заниматься составлением завещаний, а адвокату делать хирургические операции.

— Но ты заставил его поступить именно так.

Джек отрицательно покачал головой.

— Я не заставлял его.

Фролих промолчала.

— У меня есть два замечания, — заговорил Джек. — Первое: люди не должны выбирать профессию, учитывая лишь то, что может подумать или сказать при этом их младший брат. И второе: последний раз мы виделись с Джо, когда мне было шестнадцать лет. Ему в то время было уже восемнадцать. Он уезжал в Вест-Пойнт, а я был еще ребенком. И вот уж меньше всего я бы подумал о том, что Джо когда-нибудь начнет подражать мне. Ты, наверное, просто спятила. Кстати, с тех пор я его и не видел, если не считать похорон, на которых мы оба присутствовали. И если ты считаешь меня плохим братом, то он — поверь мне! — был ничем не лучше. Он вообще не обращал на меня никакого внимания. Проходили годы, а он даже не давал о себе знать.

— Он выбрал такую же карьеру, как и у тебя, а о тебе ему много рассказывала мать, вот он и решил последовать твоему примеру.

— Наша мать умерла раньше него на семь лет. В то время у меня еще не было никакой карьеры.

— Но ты успел заработать Серебряную Звезду в Бейруте.

— Я попал на место взрыва, — пояснил Джек. — И мне вручили медаль, потому что не смогли придумать ничего другого. В армии такое частенько случается, и Джо знал об этом не хуже меня.

— И все же он постоянно сравнивал себя с тобой, — повторил а Фролих.

Ричер заерзал на своем сиденье и принялся разглядывать дорожки, образованные на стекле каплями стекающего конденсата.

— Возможно, — вынужден был согласиться он, — но только не со мной.

— Тогда с кем же?

— Вероятней всего, с нашим отцом.

Она неопределенно пожала плечами.

— Но он никогда не говорил мне о нем.

— Вот видишь, — понимающе кивнул Ричер. — Это с его стороны было чем-то вроде протеста или даже отречения.

— Ты так считаешь? Чем же таким особенным выделялся ваш отец?

Ричер отвернулся и закрыл глаза:

— Он был бойцом морской пехоты. Корея и Вьетнам. Это был человек, обособленный от всех остальных и не похожий на них. Мягкий в общении, даже скромный и нежный, и одновременно — хладнокровный убийца. Очень крутой парень. Да я и в подметки ему не гожусь.

— А ты пытался себя с ним сравнивать?

Ричер покачал головой и открыл глаза:

— Нет смысла. Я совсем другой и таким останусь, что, может быть, совсем неплохо.

— Ты любил его?

— Он был отличным парнем, хотя и чудаковатым. Таким уже не место в нашем мире.

— И все-таки Джо не надо было ехать в Джорджию, — вздохнула Фролих.

Ричер кивнул:

— В этом вопросе я спорить с тобой не стану. Но винить в случившемся некого, кроме него самого. Ему надо было все продумать и действовать соответственно.

— Тебе тоже.

— А я хорошенько думаю, прежде чем что-то совершить. Вот, например, я пошел в военную полицию, а не в морскую пехоту. И я не суечусь и не пытаюсь вывернуться наизнанку, чтобы изобрести дизайн новой стодолларовой купюры, а предпочитаю заниматься тем, что мне привычно, и в чем я специалист.

— И ты считаешь, что сумеешь взять этих типов?

— Ну, точно так же, как мусорщик знает о том, где и когда он должен забирать мусор. Да тут и не надо быть семи пядей во лбу. Это же не ракетная промышленность.

— Что ж, ты о себе достаточно высокого мнения.

Он покачал головой:

— Послушай, мне уже надоело оправдываться. Это же смешно. Вот, например, ты знакома со своими соседями? Ну, с теми, кто живет рядом с тобой?

— Нет.

Он протер стекло и указал большим пальцем куда-то вперед:

— Может быть, среди них найдется милая старая леди, которая вяжет свитеры. Неужели ты подойдешь к ней и скажешь: «Что это вы делаете? Не могу поверить собственным глазам! Неужели вы обладаете такой безрассудной храбростью, чтобы вязать свитеры?!»

— Ты решил сравнить вооруженное противостояние с вязанием свитеров?

— Я хочу сказать, что каждый из нас умеет что-то делать, и делать хорошо. А я умею именно то, чем собираюсь заняться. Может быть, ни на что большее я не гожусь. Я не горжусь этим, но и не стыжусь своих способностей. Просто я умею справляться с подобными делами и словно генетически запрограммирован побеждать, вот и все. В течение нескольких последовательных поколений.

— У Джо были те же гены.

— Нет, у Джо были те же родители, а это разные вещи.

— Надеюсь, что твоя самоуверенность может быть оправдана.

— Так оно и есть. Особенно, в данный момент, когда рядом со мной есть Нигли. Это из-за нее я могу показаться излишне мягким.

Фролих притихла и принялась всматриваться вдаль.

— Что теперь? — поинтересовался Джек.

— Она в тебя влюблена.

— Ерунда.

Фролих внимательно посмотрела на него.

— Почему ты так говоришь?

— Она никогда мной не интересовалась.

Но Фролих только покачала головой.

— Мы совсем недавно беседовали с ней об этом, — продолжал Джек. — На днях. И она сама мне сказала, что я никогда ее не интересовал.

— И ты ей поверил?

— А почему нет?

Фролих промолчала, а Ричер чуть заметно улыбнулся.

— А ты считаешь, что я ей интересен? — спросил он.

— У тебя точно такая же улыбка, как была у Джо, — ответила она. — Скромная и чуть кривоватая. Пожалуй, я никогда еще не видела такой потрясающе красивой улыбки.

— Ты все еще не можешь его забыть, верно? Ты боишься, что будешь последней, кто его помнил. А еще страшишься того, что твоя любовь к нему станет чересчур очевидной со стороны.

Она ничего не ответила, вышла из машины и зашагала вперед. Джек последовал за ней. На улице было холодно и сыро. В ночном воздухе чувствовался запах речной тины и керосина. Наконец, они добрались до дома Фролих. Она отперла дверь, и они зашли внутрь.

На полу в коридоре лежал лист бумаги.

Глава 12

Это оказался уже знакомый лист белой бумаги высокой плотности и стандартного размера. Он лежал на полу, точно выровненный по линии дубовой доски, точно посередине коридора, возле лестницы, там, куда Ричер две ночи назад бросил свой мешок с одеждой. На листе было напечатано незатейливое заявление, причем слова также располагались строго по центру. Неизвестный снова выбрал шрифт «Таймс нью роман», размер четырнадцать, полужирный. Это произойдет очень скоро. Два слова занимали одну строку, и еще два — следующую. Предложение со стороны поначалу могло бы даже показаться поэтическим двустишьем. Видимо, преступники умышленно разделили слова именно так, чтобы этим придать дополнительную драматичность ситуации. Так и хотелось выдержать некоторую паузу между строчками, набрать в грудь воздуха. А еще казалось, что между ними должна была прозвучать барабанная дробь или даже грянуть выстрел. Это произойдет... Бабах!.. очень скоро! Ричер не мог отвести взгляд от букв, словно они возымели на него какое-то гипнотическое влияние. Очень скоро... Очень скоро...

— Не трогай его! — предупредила Фролих.

— А я и не собирался, — пожал плечами Джек.

Он выглянул на улицу и проверил, нет ли кого поблизости. Но все машины в пределах видимости оказались пустыми, а окна в соседних домах — темными и занавешенными. Ни единого пешехода в пределах видимости, ни одного бездельника, ошивающегося рядом. Полная

тишина. Он вернулся в дом, медленно и аккуратно закрыл дверь, словно боялся создать сквозняк, который мог бы изменить положение злосчастного листа.

— Как они сумели проникнуть сюда? — волновалась Фролих.

— Через дверь, — пояснил Ричер. — Скорее всего, они вошли с заднего входа.

Фролих вынула пистолет из кобуры, и они вместе с Джеком прошли в гостиную, а оттуда проследовали на кухню. Задняя дверь оказалась закрыта, но не заперта на ключ. Ричер чуть приоткрыл ее, огляделся, но опять ничего подозрительного не заметил. Затем он полностью открыл дверь вовнутрь, так, что на ее внешнюю поверхность упал свет, и вблизи пристально изучил пластину вокруг замочной скважины.

— Здесь есть небольшие царапинки, — сообщил он. — Совсем крохотные. Они работали очень осторожно.

— Значит, они уже здесь, в столице, — вздохнула Фролих. — А не сидят где-то в далеком баре на Среднем Западе.

Она смотрела из кухни в гостиную.

— Телефон, — коротко произнесла женщина.

Кто-то снял аппарат с его привычного места и поставил на стол, рядом с креслом у камина.

— Они звонили по моему телефону, — продолжала Фролих.

— Наверное, для того, чтобы побеседовать со мной, — добавил Ричер.

— На нем есть отпечатки?

Он покачал головой:

— Они были в перчатках.

— Значит, эти негодяи успели нанести мне визит, — с грустью произнесла Фролих.

Она отошла от задней двери, в нерешительности встала у кухонного стола, некоторое время смотрела куда-то, а потом резко открыла один из ящиков.

— Они забрали мой пистолет. У меня здесь лежало запасное оружие.

— Я знаю, — кивнул Ричер. — Старая «беретта».

Фролих выдвинула соседний ящик.

— И магазины с патронами тоже исчезли. Они хранились вот тут.

— Знаю, — повторил Джек. — Под варежкой для духовки.

— Откуда тебе это известно?

— Я тут все осмотрел еще в понедельник вечером.

— Зачем?

— Старая привычка. Не обижайся.

Она несколько секунд молча смотрела на него, затем проверила тайник, где держала деньги, в керамическом горшке для цветов. Однако она ничего не сказала Джеку, из чего он заключил, что пачка купюр осталась нетронутой. Ричер мысленно напомнил себе старую истину: как правило, люди не любят проверять места, находящиеся выше их роста.

Внезапно Фролих замерла, словно ее посетила какая-то неприятная мысль.

— Они все еще могут находиться внутри дома, — тихо произнесла она.

Фролих не трогалась с места. Впервые Джек почувствовал, что эта женщина чего-то испугалась.

— Пойду проверю, — тут же предложил он. — Если только ты не сочтешь это за глупую попытку отреагировать на брошенный мне вызов.

Она молча передала ему свой пистолет. Джек выключил свет на кухне, чтобы его фигуру не было видно в дверном проеме у лестницы, ведущей в подвал, и медленно направился вниз. Он прислушивался к шорохам, стараясь не обращать внимания на гул работающей системы отопления. Некоторое время постоял не шевелясь, чтобы глаза привыкли к темноте. Но в подвале никого не оказалось, равно как и наверху. Никто не таился и не ждал их здесь. Люди, которые прячутся и выжидают, все же производят какие-то если даже не звуки, то шумы. Кроме того, от них исходят определенные вибрации. Сейчас Джек не чувствовал абсолютно ничего. Дом был пуст, и ничто в нем не говорило о недавнем вторжении, если не считать перемещенного с привычного места телефона, исчезнувшего пистолета с патронами и послания на полу прихожей. Ричер вернулся на кухню и отдал Фролих пистолет, держа его рукояткой вперед.

— Все тихо и спокойно, — доложил он.

— Лучше я сразу же позвоню куда следует, — решила Фролих.

Спустя сорок минут к дому подъехал седан, принадлежащий ФБР, со специальным агентом Бэнноном и тремя сотрудниками. Еще через пять

минут появился Стивесант на «сабербене» Специальной службы. Они оставили машины с включенными «мигалками» на улице, припарковав их рядом с особняком Фролих. Соседние дома причудливо озарялись вспышками белого, красного и синего цветов. Несколько секунд Стивесант стоял в дверях дома и не двигался с места.

— А ведь мы, согласно вашему утверждению, не должны были больше получать сообщения, — напомнил он.

Бэннон стоял на коленях и разглядывал листок бумаги с текстом.

— Здесь только одна ничего не конкретизирующая фраза, — возразил он. — А мы предполагали лишь то, что они не будут уточнять нам ни время, ни место предстоящей операции. Так оно и получилось. Слово «скоро» ни о чем не говорит, оно слишком расплывчато. Это просто какая-то насмешка, издевательство. Судя по всему, они хотели произвести на нас впечатление своими действиями.

— И им это удалось — во всяком случае, в отношении меня, — вздохнул Стивесант.

Бэннон взглянул на Фролих:

— Сколько времени вас не было дома?

— Весь день, — ответила женщина. — Мы уехали в половине седьмого утра, чтобы встретиться с вами.

— Кто это «мы»?

— Ричер остановился у меня, — пояснила она.

— Больше ему здесь оставаться нельзя, — покачал головой Бэннон. — И вам тоже. Это было бы слишком рискованно. Мы поселим вас на время в более безопасное место.

Фролих промолчала.

— Значит, они сейчас находятся в Вашингтоне, — заключил Бэннон. — Скорее всего, перегруппировываются где-нибудь. Видимо, они приехали сюда из Северной Дакоты часа через два после вас. Им было известно, где вы живете. А сейчас нам самим нужно остаться здесь и поработать. Все же теперь ваше жилище представляет собой место преступления.

— Это мой дом, — напомнила Фролих.

— Это место преступления, — повторил Бэннон. — Они побывали здесь. И нам тоже нужно кое-что здесь сделать. А вы поживете в другом месте, пока дом снова не станет безопасным.

Фролих ничего ему не ответила.

— Не надо спорить, — посоветовал Стивесант. — Я хочу, чтобы вы чувствовали себя спокойно. Мы поселим вас в мотеле, и пока все это не закончится, вас будут охранять двое полицейских.

— Не забудьте про Нигли, — напомнил Ричер.

Фролих бросила на него выразительный взгляд.

— Не беспокойтесь, — понимающе кивнул Стивесант. — Я уже послал за ней людей.

— А что говорят ваши соседи? — поинтересовался Бэннон.

— Я с ними практически не знакома, — пожала плечами Фролих.

— Возможно, они успели заметить кое-что, — сказал агент ФБР и поглядел на часы. — И сейчас кто-то из них, возможно, еще не успел лечь в постель. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Когда вытаскиваешь свидетелей из кровати, они, как правило, начинают сердиться.

— Ну, работайте, ребята, — обратился Стивесант к команде Бэннона. — А мы уезжаем.

* * *

Ричер стоял в гостевой комнате, и его охватило такое чувство, что он уже никогда не вернется в этот дом. Поэтому Джек забрал все свои пожитки из ванной, мешок с одеждой, приобретенной в Атлантик-Сити, а также все костюмы Джо и нераспечатанные рубашки. Чистые носки и нижнее белье он рассовал по карманам. Все это он взял в одну руку, подхватил под мышку картонную коробку с вещами Джо, и в таком виде спустился вниз. Выходя на улицу к машине, он вдруг подумал о том, что впервые за пять лет покидает дом, имея при себе какой-то багаж. Он загрузил свои вещи в «сабербен» босса, обошел автомобиль и, устроившись на заднем сиденье, принялся ждать Фролих. Она вышла из дома с небольшим чемоданчиком. Стивесант принял его у женщины из рук, уложил в машину, и они оба сели впереди. После этого «сабербен» тронулся с места и покатил по улице. Фролих даже не обернулась.

Они поехали на север, затем свернули на запад. Почти миновали район гостиниц и остановились у одного мотеля в Джорджтауне, за десять улиц в стороне от дома, где жил Армстронг. У гостиницы стоял старый «краун-Вик», а рядом с ним — новенький «линкольн», в котором сидел водитель. «Краун-Вик» оказался пуст. Сам мотель представлял собой милое уютное строение, украшенное темным деревом везде, где возможно. С трех сторон здание окружали посольства, и их территории были надежно ограждены. Посольства принадлежали новым государствам, о которых Ричер никогда и не слышал, но ограды всех трех произвели на него должное впечатление. В общем, местность ему

понравилась. В мотеле имелся единственный вход, а в вестибюле уже расположился полицейский. Еще один дежурил в коридоре, и этого было больше чем достаточно, чтобы обеспечить полную безопасность новых постояльцев.

Стивесант снял три одноместных номера. Нигли уже прибыла в мотель. Они встретили ее в вестибюле, когда она покупала в автомате банку газированной воды и беседовала о чем-то с великаном в дешевом черном костюме и здоровенных ботинках. Ричер безошибочно определил в нем полицейского и одновременно водителя «Крауна». «Видимо, у них бюджет не позволяет иметь такие роскошные машины, как у Секретной службы, — решил Джек. — Впрочем, то же самое можно сказать и об одежде».

Стивесант заполнил бумаги у стола администратора и вскоре вернулся, неся в руке три карточки-ключа. Немного смущаясь, он торжественно раздал их и назвал номера комнат. Оказалось, что они находятся рядом друг с другом. Затем он порылся в кармане, достал ключи от «сабербена» и протянул их Фролих.

— Я поеду с водителем, который привез сюда Нигли, — пояснил босс. — Увидимся завтра в офисе, в семь утра. Жду вас всех, — добавил он. — И Бэннона.

Затем он повернулся и вышел из мотеля. Нигли повертела в руке свою карточку-ключ, подбросила банку с газировкой и снова поймала ее, а потом подхватила сумку с вещами и отправилась в свой номер. Фролих и Ричер последовали за ней. В коридоре их встретил еще один полицейский. Он устроился на простом стуле, для удобства чуть наклонив его и прижав спинкой к стене. Ричер пронес мимо него неуклюжий багаж и остановился у своего номера. Фролих в это время уже находилась напротив своей двери, через две комнаты от него. Она даже не взглянула в его сторону.

Джек вошел внутрь и обнаружил знакомую обстановку, которую ему приходилось видеть уже тысячи раз. Вот только сама комната оказалась не слишком просторной. Здесь стояли кровать, кресло и стол, имелся обычный телефон и небольшой телевизор. Все остальное тоже не отличалось от внутреннего убранства других гостиниц: занавески в цветочек, уже задернутые на ночь, такое же покрывало на кровати, накрахмаленное так, что ткань казалась жесткой. Стены завешаны бамбуковыми циновками. Над кроватью висела дешевая репродукция, которая должна была представлять собой раскрашенный вручную рисунок какого-то античного греческого храма. Ричер разложил пожитки, расставил бритвенные принадлежности на полочке над раковиной. Посмотрел на часы. Они показывали начало первого ночи. Значит, уже начался День Благодарения. Он снял пиджак, когда-то

принадлежавший Джо, и бросил его на стол, затем ослабил узел галстука и зевнул. В этот момент в номер постучали. Он открыл дверь и увидел перед собой Фролих.

— Заходи, — пригласил Джек.

— Я только на минуточку, — тут же предупредила женщина. Джек отошел вглубь комнаты и присел на край кровати, чтобы дать гостье возможность устроиться в кресле. Волосы у нее были немного растрепаны, словно она недавно тщетно пыталась привести их в порядок. Но эта небрежность в прическе оказалась ей даже к лицу. Она выглядела моложе и ранимей, что ли.

— Я уже забыла его, — начала она.

— Хорошо, — кивнул Ричер.

— Но мне кажется, я понимаю, почему ты до сих пор так не считаешь.

— Хорошо, — повторил Джек.

— Поэтому, я полагаю, нам сегодня следует оставаться в разных номерах. Но все же я хотела бы объяснить, почему зашла.

— Как пожелаешь.

— Ты просто очень похож на него. И я не могла не вспомнить о нем. Понимаешь, что я имею в виду? Но ты никогда не играл для меня роль замены ему. И мне очень важно, чтобы ты знал об этом.

— Ты до сих пор думаешь, что он погиб из-за меня?

Фролих отвернулась.

— Из-за кого-то он все же умер, — сказала она. — Что-то повлияло на его решение, и это «что-то» относилось к его прошлому. Ведь почему-то он решил, что сможет сразиться и победить того, кого победить он никак не мог. Что-то заставило его подумать о том, что у него все получится. Но ничего не получилось. И ведь то же самое может случиться с тобой на этот раз. И ты глупец, если этого не понимаешь.

Ричер кивнул, но ничего не стал отвечать ей. Фролих поднялась с кресла и прошла мимо него, оставляя за собой легкий аромат духов.

— Позвони, если я буду тебе нужен, — негромко произнес Джек.

Она не ответила ему, а он не стал подниматься, чтобы проводить ее до двери.

* * *

Через полчаса в номер снова постучали. Открывая дверь, Джек ожидал опять увидеть Фролих, но это оказалась Нигли. Она была в той же одежде, в которой приехала сюда, немного усталая, но совершенно спокойная.

— Ты один? — поинтересовалась она.

Джек кивнул.

— А где она?

— Уже ушла.

— Из-за занятости или от недостатка ласки и внимания?

— Она пребывает в смятении, — пояснил Ричер. — То ей хочется, чтобы я превратился в Джо, то начинает меня обвинять в том, что брат погиб из-за меня.

— Она до сих пор любит его.

— Очевидно, ты права.

— А ведь прошло шесть лет с тех пор, как они расстались.!

— И это нормально для женщины?

Нигли только пожала плечами:

— Ты меня об этом спрашиваешь? Впрочем, я знаю, что многие люди несут свой факел любви очень долгое время. Наверное, он был весьма достойным человеком.

— Я не слишком хорошо знал его, — заметил Джек.

— Так он погиб из-за тебя?

— Конечно, нет. Я в то время находился за тысячи миль от него. И мы не общались с ним уже лет семь. Я же тебе рассказывал об этом.

— Тогда чего она добивается?

— Она говорит, будто он становился безрассудным оттого, что сравнивал себя со мной.

— Это правда?

— Сомневаюсь.

— Но ты говорил, что впоследствии испытывал некоторое чувство вины. Помнишь, когда мы просматривали пленки с записями камер наблюдения?

— Мне помнится, что я говорил тебе о том, как сердился на него, но никакого чувства вины при этом не испытывал.

— Ну, это почти одно и то же. А почему ты должен чувствовать себя виноватым, если он погиб не из-за тебя?

— Ну вот, теперь еще ты будешь убеждать меня в том, что я каким-то образом причастен к его смерти!

— Я просто спрашиваю тебя: почему ты должен был бы испытывать чувство вины?

— Он вырос, ориентируясь на совсем иные ценности.

Джек замолчал и ушел в угол комнаты. Нигли последовала за ним. Он лег на кровать, раскинув руки, так, что ладони свисали по сторонам. Нигли устроилась в кресле, там, где совсем недавно сидела Фролих.

— Расскажи мне об этих ценностях, — попросила она.

— Он был крупным мужчиной, и одновременно прилежным и трудолюбивым, — начал Джек. — А в тех школах, куда он ходил, быть прилежным означало то же самое, как если бы он написал у себя на лбу «Дай мне по заднице». Кроме того, он совсем не был крутым парнем, хотя природа наградила его богатырской внешностью. Вот поэтому ему частенько попадало от других, причем с завидной регулярностью.

— И что же?

— Я был на два года моложе его, такой же здоровенный, но очень крутой и совсем не прилежный. Вот поэтому я стал приглядывать за ним. Это была братская преданность, а кроме того, мне просто нравилось драться. Мне исполнилось всего шесть, но я ввязывался в любые потасовки и многому научился. Например, тому, что очень важно показать свою готовность к драке. Только сделай вид, что сейчас ты бросишься на человека, и он, скорее всего, отступит. Правда, этот метод не всегда срабатывал. Первый год учебы в школе меня то и дело мутузили третьеклассники. Но это пошло мне на пользу, и я научился драться по-настоящему. Я стал просто бешеным. Это было что-то! Мы то и дело переезжали на новое место, и мои одноклассники стали очень быстро понимать, что с Джо лучше не связываться, иначе им немедленно начнет мстить психопат Джек.

— Похоже, ты в детстве был довольно миленьким мальчиком.

— Я рос в семье военного. В другом случае меня попросту отправили бы в исправительную школу.

— Значит, пока Джо подрастал, он всегда зависел от тебя, зная, что на брата можно положиться.

Ричер кивнул:

— Да, и это продолжалось, в общем, десять лет. Но мы становились старше, и положение изменилось. Все реже мне приходилось заступаться за него — правда, когда подобное все же случалось, я становился исключительно серьезным. Думаю, Джо и сам понимал это. Десять лет — достаточно большой срок, чтобы уяснить для себя кое-что. Мне кажется, он даже настроил себя так, что перестал бояться чего бы то ни было: он знал, что в случае чего ненормальный братец все равно за него заступится. Вот поэтому я и думаю, что Фролих, возможно, где-то и права. Он мог совершать опрометчивые поступки. Но не потому, что состязался с кем-то, а потому что в глубине души продолжал чувствовать, что может позволить себе это. И все из-за того, что я постоянно охранял его. И он привык, как привыкают к тому, что мама всегда его покормит, а армия предоставит жилье.

— Сколько ему было лет, когда он погиб?

— Тридцать восемь.

— Что ж, двадцать лет он жил самостоятельно, и у него было достаточно времени, чтобы приспособиться к жизни. Нам всем приходится приспосабливаться к ней.

— Разве? Иногда мне кажется, что я все еще веду себя как шестилетний ребенок, и потому многие до сих пор краем глаза посматривают на меня, как на самого настоящего психа.

— Кто же?

— Например, Фролих.

— Она тебе это говорила?

— Я постоянно ввожу ее в замешательство, это же ясно видно.

— Не забывай, что Секретная служба — организация гражданская. В лучшем случае, полувоенная. И в ней трудятся всего лишь гражданские лица.

Он улыбнулся, но промолчал.

— Итак, каков же будет приговор? — поинтересовалась Нигли. — Отныне ты будешь вешать на себя вину за убитого брата?

— Только самую малость, — кивнул Джек. — Но я сумею с этим справиться.

Она кивнула.

— Не сомневаюсь. Так и должно быть. Твоей вины в его гибели нет. Он ведь не ждал, что в последний момент, как по волшебству, откуда-то, как всегда, появится его младший брат.

— Можно задать тебе один вопрос? — поинтересовался Джек.

— О чем?

— О том, что еще мне сказала Фролих.

— Она удивляется, почему между мной и тобой нет романа, — тут же отозвалась Нигли.

— Ты на удивление сообразительна. А как ты догадалась, о чем я тебя спрошу?

— Я это сразу почувствовала, — кивнула Нигли. — Она была немного озабочена чем-то. Немного ревновала. Я даже ощутила холод в ее отношении ко мне. А потом мне стало все равно, и я попросту перестала обращать на нее внимание. Мы здесь занимаемся более серьезными делами.

— Это точно.

— А мы с тобой никогда даже не касались друг друга. Ты замечал это? Так что между нами не могло быть никакого физического контакта. Ты ни разу не похлопал меня по спине и даже не пожал мне руку.

Джек внимательно посмотрел на Нигли, словно вспоминал последние пятнадцать лет своей жизни.

— Разве все так и было? — изумился он. — А это хорошо или плохо?

— Хорошо, — кивнула Нигли. — Только не спрашивай, почему именно.

— Договорились.

— А у меня на то имеются собственные причины. И не надо интересоваться ими. Просто мне не нравится, когда до меня кто-то дотрагивается. И мне почему-то казалось, что ты тоже чувствуешь это. Я всегда ценила твое отношение ко мне. Кстати, это и есть одна из причин, почему ты мне всегда очень нравился.

Джек промолчал.

— Я могла бы стерпеть и то, что ты учился в исправительной школе.

— Тебя, скорее всего, отправили бы туда вместе со мной.

— И получилась бы отличная команда. Да мы и сейчас здорово сработались. Тебе было бы неплохо поехать со мной в Чикаго.

— Я люблю бродяжничать.

— Что ж, не буду настаивать. И вот еще что: в отношениях с Фролих вспоминай только ее положительные качества. Пусть она немного расслабится с тобой. Она очень симпатичная женщина, так что развлекайтесь. Вы отлично смотритесь вдвоем.

— Наверное, ты права.

Нигли поднялась с кресла и зевнула.

— У тебя все в порядке? — поинтересовался Джек.

Она кивнула.

— Все чудесно.

Затем она поцеловала кончики своих пальцев и сдула поцелуй в сторону Ричера, находившегося в шести футах от нее, после чего, не говоря ни слова, вышла из номера.

* * *

Джек сильно устал, но сейчас его подстегивало возбуждение. Кроме того, в номере было холодно, а постель оказалась неуютной, с какими-то бугорками, и он, как ни старался, не смог заснуть. Поэтому он снова надел брюки и рубашку, прошел к шкафу и достал из него коробку с вещами, когда-то принадлежавшими Джо. Впрочем, он и не надеялся найти внутри что-либо ценное или интересное. Скорее всего, в коробке хранилось какое-то барахло. Ни один здравомыслящий мужчина не стал бы оставлять дорогие ему вещи в доме подружки, с которой он намеревался в скором времени расстаться.

Ричер поставил коробку на кровать и раскрыл ее. Первое, что он увидел, были ботинки. Они лежали сверху, по диагонали, и носок одного ботинка касался каблука другого. Это была черная классическая пара из хорошей кожи и достаточно тяжелая. Простроченный рант, аккуратные мыски. Тонкие шнурки. Скорее всего, это была обувь импортного производства, но не итальянская: слишком уж прочными и солидными выглядели эти ботинки. Возможно, английские, как и тот галстук с парашютами.

Он аккуратно поставил их рядом с коробкой на кровать, на расстоянии шести дюймов один от другого. Правый каблук был стерт больше, чем левый, да и сами ботинки при внимательном изучении оказались довольно старыми и поношенными. Джеку почудилось, что он чуть ли не видит ноги Джо, обутые в них, словно он стоял здесь, перед ним, на кровати. Эти ботинки словно играли роль своеобразной посмертной маски.

Кроме них в коробке лежало три книги обрезами вверх. Одна из них оказалась первым романом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», французским дешевым изданием в скучной мягкой обложке. Он быстро пролистал его, и хотя понимал язык, содержание от него ускользало. Второй книгой оказался учебник по статистическому анализу, написанный тяжелым и неинтересным языком. Ричер сразу понял, что это его не увлечет, и водрузил том на роман Пруста.

Вынув третью книгу из коробки, он замер, поскольку сразу же узнал ее. Он сам покупал ее для Джо, очень давно, на тридцатилетие. Это было английское издание «Преступления и наказания» Достоевского. Джек купил его в Париже у букиниста. Он до сих пор помнил, во сколько обошелся ему этот подарок. Надо заметить, что не слишком дорого. Продавец-француз отнес этот том к разряду дешевых, так как текст был напечатан на иностранном языке, к тому же это оказалось далеко не первое и не такое уж редкое издание. Но для Джека эта книга была симпатичной с виду и имела восхитительный сюжет.

Он открыл ее, и сразу же на форзаце увидел строки, написанные его рукой: «Джо, избегай и того, и другого, хорошо? С днем рождения! Джек». Он писал ручкой, которую взял у букиниста, и чернила с тех пор немного расплылись и выцвели. Он тогда написал адрес на наклейке, потому что букинист сам предложил ему отправить книгу бандеролью. В то время Джо еще служил в военной разведке, и его адрес произвел на продавца должное впечатление: «Пентагон, Арлингтон, штат Виргиния, США».

Джек перевернул страницу и начал читать первое предложение: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал…» Затем он стал листать книгу дальше, отыскивая эпизод, где происходит убийство при помощи топора, и в этот момент из книги выпал сложенный листок бумаги. Он, наверное, использовался как закладка и лежал на том месте, где Раскольников спорил со Свидригайловым.

Джек развернул листок и сразу узнал бумагу, на которой пишут в армии: гладкая, с кремовым оттенком. Это было начало письма, и Ричер сразу узнал почерк Джо. Наверху стояло число: брат начал сочинять это послание через полтора месяца после дня рождения. Он писал: «Дорогой Джек, спасибо тебе за книгу. Наконец-то она прибыла ко мне. Роман навсегда останется для меня большой ценностью. Скорее всего, я его даже прочитаю, но не в ближайшее время, потому что сейчас у меня много разных срочных дел. Я подумываю о том, чтобы перейти на работу в Министерство финансов. Кое-кто (и ты его знаешь) предложил мне место, и…»

Вот и все. Письмо обрывалось неожиданно, на половине предложения. Он положил его рядом с ботинками. Джек упаковал все три книги назад в коробку и прислушался к тому, что происходила у него в голове. Так киты вслушиваются в звуки, подаваемые другим китом, находящимся за тысячи миль в холодном океане. Но никаких звуков он не уловил. Ничего. Поэтому он положил ботинки в коробку и следом отправил туда же неоконченное письмо. Закрыл коробку, отнес ее через комнату туда, где стояла корзина для мусора, и взгромоздил поверх нее. Затем он повернулся к кровати, собираясь отправиться спать, и в этот момент в дверь постучали.

На пороге стояла Фролих. Она надела брюки от костюма и пиджак, но под ним не было видно рубашки. Очевидно, она набросила пиджак на голое тело. Ричер представил себе, что она оделась на скорую руку и лишь потому, что знала: в коридоре придется пройти мимо дежурившего полицейского.

— Ты еще не спишь?

— Заходи, — пригласил Ричер женщину.

Она шагнула в комнату и подождала, когда он закроет за ней дверь.

— Я не сержусь, — начала она. — Джо погиб не из-за тебя. Да я так и не думала. И я не сержусь на Джо за то, что он позволил себя убить.

— И все же на кого-то ты сердишься.

— На него за то, что он меня бросил.

Джек прошел вглубь комнаты и присел на край кровати. На этот раз Фролих устроилась рядом с ним.

— Я уже забыла его, — продолжала она. — Полностью, клянусь тебе. Уже давно. Но я все еще помню, как он поступил со мной.

Ричер промолчал.

— И вот поэтому я злюсь сама на себя, — тихо произнесла она. — Потому что начала желать ему неприятностей. Я мысленно хотела, чтобы в один прекрасный день он разбил себе голову или сгорел. И вот когда нечто подобное произошло, я ощутила глубочайшее чувство вины. И теперь я боюсь, что ты начнешь осуждать меня.

Ричер немного помолчал и заметил:

— Тут нечего осуждать. И нет повода испытывать чувство вины. То, что ты желала ему зла, вполне объяснимо, но твои мысли никак не могли повлиять на то, что произошло. Никак, — повторил он.

Она не ответила ему.

— Он сам принял решение, — продолжал Ричер. — Вот и все. Он рискнул, но ему не повезло. И ты не явилась причиной его гибели, точно так же, как и я был к ней непричастен. Это просто случилось.

— Но все происходит из-за чего-то.

Он покачал головой:

— Нет, это просто происходит само по себе. Твоей вины в этом нет. Ты не несешь никакой ответственности за случившееся.

— Ты так думаешь?

— Ты не несешь никакой ответственности, — повторил Джек. — Да и никто другой тут не виноват. Кроме, конечно, того парня, который нажал на курок.

— Но я желала ему зла, — настаивала Фролих. — И теперь мне нужно, чтобы ты меня простил.

— Тут нечего прощать.

— Я хочу, чтобы ты произнес это вслух.

— Не могу, — признался Ричер. — И не буду. Ты не нуждаешься в моем прощении, потому что твоей вины в случившемся нет. И моей тоже. Да и сам Джо был не виноват. Это просто произошло, как нередко случается в жизни.

Фролих долго молчала, потом чуть заметно кивнула и подвинулась поближе к Джеку.

— Ну хорошо, — произнесла она.

— Ты что-нибудь надела под пиджак?

— А ты ведь знал, что я храню пистолет на кухне.

— Да.

— Зачем тебе понадобилось обыскивать мой дом?

— Потому что во мне есть ген, который начисто отсутствовал у Джо. Со мной такие вещи не происходят. Мне не может не повезти. У тебя пистолет сейчас с собой?

— Нет.

Некоторое время они оба молчали.

— И под костюмом ничего не надето, — наконец добавила она.

— Мне нужно было кое в чем убедиться, — признался Ричер. — Для того, чтобы чувствовать себя спокойней. Но это ни о чем не говорит, как ты понимаешь.

Он осторожно расстегнул верхнюю пуговицу на ее пиджаке, затем следующую. Просунул ладонь под ткань и сразу почувствовал тепло ее гладкой кожи.

* * *

Их разбудили, позвонив от администратора в шесть часов утра. «Скорее всего, об этом еще вчера договорился предусмотрительный босс, — подумал Ричер. — Зря, лучше бы он забыл это сделать». Рядом заворочалась Фролих, затем она резко раскрыла глаза и тут же села на кровати, сразу сбросив с себя остатки сна.

— С Днем Благодарения тебя, — поздравил ее Ричер. — Пусть он принесет тебе счастье.

— Надеюсь, — отозвалась она. — У меня появилось какое-то особое чувство насчет сегодняшнего дня. Мне кажется, именно сегодня мы победим или проиграем.

— Я люблю такие дни.

— Правда?

— Конечно, — подтвердил Джек. — Но проигрывать мы не имеем права, а отсюда следует, что мы обязательно победим.

Она откинула простыни. Воздух в комнате успел нагреться, и сейчас здесь было даже жарко.

— Оденься как в самый обычный день, — посоветовала Фролих. — Надо выглядеть не слишком аккуратным. Официальные костюмы не годятся на празднике, где бесплатно раздают похлебку. И напомни об этом Нигли, хорошо?

— Об этом ты ей сама скажи, ты ведь все равно будешь проходить мимо ее двери. Кстати, Нигли не кусается.

— Правда?

— Конечно.

Она надела костюм и ушла. Джек прошлепал к шкафу и достал мешок со своей одеждой, приобретенной в Атлантик-Сити. Вытряхнул ее на кровать и вручную попытался разгладить особенно заметные складки. Затем он принял душ, но бриться не стал. «Она хотела, чтобы я выглядел не слишком аккуратным», — вспомнил он. Джек встретился с Нигли в вестибюле. Она была одета в джинсы и свитер и накинула

поверх него потертую кожаную куртку. У входа находился столик с кофе и разными плюшками. К этому времени полицейские успели уничтожить основную их часть.

— Ну, вы поцеловались и заключили перемирие? — поинтересовалась Нигли.

— Почти так все и получилось, — признался Джек.

Он взял чашку и налил себе кофе, потом выбрал булочку из отрубей с изюмом. В этот момент в вестибюле показалась Фролих, свежая и привлекательная, в черных джинсах, такой же широкой рубашке-поло и в черной нейлоновой куртке. Они позавтракали тем, что осталось на столе после полицейских, и все вместе вышли к «сабербену», принадлежавшему боссу. Еще не было семи, и в это праздничное утро город казался вымершим. Создавалось впечатление, будто все население заранее эвакуировано. Вокруг царила тишина. Прохладный воздух был неподвижен. С ясного голубого неба уже светило солнце, и от этого каменные здания казались золотистыми. На дорогах не было видно ни единой машины, и троица добралась до офиса беспрепятственно. Стивесант уже поджидал их в конференц-зале. Он интерпретировал понятие «одеться, как в обычный день или даже с небрежностью», выбрав серые со стрелками брюки, розовый свитер и ярко-синюю куртку для игры в гольф. Ричер сразу же предположил, что все это имело ярлыки от «Брук Бразерс». Кроме того, сегодня был четверг, и он вспомнил, что миссис Стивесант, как обычно, уехала в больницу в Балтимор, так как благотворительностью занималась и в праздники тоже. Бэннон расположился напротив босса. Он был одет в то же твидовое пальто и фланелевый костюм и выглядел, как заправский полицейский. Видимо, у него имелся не слишком большой выбор нарядов.

— Давайте начнем, — предложил Стивесант. — У нас сегодня обширная повестка дня.

— Пункт первый, — поддержал его Бэннон. — ФБР официально рекомендует вам отменить сегодняшнее мероприятие. Нам известно, что преступники находятся в городе, а потому можно предположить, что они неминуемо используют данную ситуацию для покушения.

— Об отмене акции не может быть и речи, — покачал головой Стивесант. — Бесплатный кусок индейки в приюте для бездомных может показаться вещью тривиальной, но наша столица живет символами и традициями. Если Армстронг откажется от раздачи праздничного угощения, это может нанести непоправимый ущерб его политической карьере.

— Ну хорошо, тогда мы будем находиться там вместе с вами, — кивнул Бэннон. — Но не станем дублировать вас. Мы не будем вмешиваться в то, что касается личной безопасности Армстронга, однако, если там что-нибудь произойдет, все же будет лучше, если мы окажемся поблизости.

— У вас имеется какая-нибудь особая информация на этот счет? — поинтересовалась Фролих.

Но Бэннон печально покачал головой.

— Нет, только предчувствия, и я хочу, чтобы вы отнеслись к ним со всей серьезностью.

— Я сейчас любую мелочь воспринимаю очень серьезно, — отозвалась Фролих. — Дело в том, что я хочу целиком поменять план проведения этого мероприятия, а потому раздача угощения будет проходить под открытым небом.

— Как?! — изумился Бэннон. — Вы не осложняете ситуацию?

— Нет, — решительно произнесла Фролих. — А если подумать и разобраться, то так будет даже лучше. Бездомные, как правило, принимают пищу в длинном и узком помещении, в задней части которого находится кухня. Сегодня там ожидается огромное скопление народа. Давайте будем рассуждать реалистически: использовать металлодетекторы там не представится возможным. Сейчас конец ноября, и большинство нищих будут облачены в пять слоев одежды, а в карманах у них найдется немереное количество разных железок. Не сможем же мы обыскивать каждого из них. Во-первых, это займет уйму времени, а во-вторых, в ходе этой процедуры мои сотрудники обязательно подхватят какую-нибудь заразу. Ну а перчатки в данном случае можно было бы принять за оскорбление. Теперь надо признать, что наши преступники могут запросто затесаться в компанию этих нищих, да так, что мы уже не сможем ни сразу распознать их, ни помешать им привести в исполнение свой план.

— Ну и каким образом вас выручит то обстоятельство, что вы перенесете мероприятие на улицу?

— Там имеется небольшой дворик. Мы поставим раздаточные столы в длинную линию под прямым углом к стене здания. Еда будет подаваться через окно. За столами также есть стена. Вот там, спиной к ней, и будут стоять Армстронг, его супруга и четверо агентов. Гости начнут проходить слева, минуя цепочку моих сотрудников. Затем они получают свою порцию, удаляются в зал, там устраиваются за столами и спокойно едят. Кстати, телевизионщикам это тоже понравится. Они всегда любят снимать такие мероприятия на свежем воздухе. Движение будет строго

организованным: слева направо, вдоль раздаточного стола. Армстронг кладет им на тарелку по куску индейки, его жена — гарнир. Гости благопристойно проходят дальше, внутрь помещения, садятся и принимаются за еду. По-моему, это довольно легко себе представить.

Фролих немного помолчала и продолжила:

— Несмотря на то, что мы ждем большое количество гостей, безопасность обеспечивается надежно. Никто не вынет оружия до того, как приблизится к Армстронгу, поскольку придется передвигаться вдоль цепочки агентов вплоть до того момента, пока не окажешься непосредственно перед вице-президентом. Ну а если они задумали совершить покушение именно на этом этапе, рядом будут мои агенты.

— А что дальше? — поинтересовался Стивесант.

— Шансы им остаются минимальные. С трех сторон нас окружают стены. Правда, с четвертой двор все же открыт. Прямо через улицу расположен квартал пятиэтажных строений. В основном, это старые склады. Окна в них заколочены досками, что тоже нам на руку. Тем не менее, мы поместим агента на каждую крышу. Наверное, нам временно придется забыть про дефицит бюджета.

Стивесант понимающе кивнул:

— Это мы можем себе позволить. Такой план мне нравится.

— И погода сегодня нам тоже благоприятствует, — добавила Фролих.

— И это нормальное изменение распорядка? — удивился Бэннон. — Я хочу сказать, разве Секретная служба имеет право на подобные вольности?

— Я не хочу ничего комментировать, — заявила Фролих. — Секретная служба не обсуждает такие вопросы.

— Но мы теперь будем действовать как одно целое, — возразил Бэннон. — Почему вы не хотите мне ответить?

— Ему можно рассказать, — кивнул Стивесант. — Мы действительно увязли вместе.

Фролих неопределенно пожала плечами:

— Хорошо. Я полагаю, такие изменения время от времени проводятся нашей службой. Правда, в таком месте у нас не слишком много вариантов, чтобы фантазировать и выбирать оптимальный. А почему это вас заинтересовало?

— Потому что мы сами долго думали над этим вопросом, — пояснил Бэннон. — Очень долго.

— И что же? — осведомился Стивесант.

— Мы искали некие специфические факторы. Все это, если не ошибаюсь, началось семнадцать дней назад, верно?

Стивесант кивнул.

— Первый вопрос: кому от этого стало хуже? Второй: вспомните об убийствах в Колорадо и Миннесоте. Каким образом вы были оповещены о случившемся? Третий: какое оружие использует преступник? И четвертый: каким образом получилось так, что последнее послание подбросили в прихожую мисс Фролих?

— И что вы хотите этим сказать?

— То, что все четыре вопроса указывают нам на одно направление.

— Какое направление?

— Какую цель преследуют все послания?

— Это самые обычные угрозы, — ответила Фролих.

— На кого направлены угрозы?

— Разумеется, на Армстронга.

— Неужели? Некоторые из них были адресованы вам, а некоторые — ему. Но видел ли он сам хоть одно из этих посланий? Даже те, которые были адресованы непосредственно ему? Знает ли он хоть что-нибудь о них?

— Мы никогда ни о чем не рассказываем тем, чью безопасность должны обеспечивать. Это наша политика. Так было всегда.

— Значит, Армстронг ни о чем не подозревает и не волнуется. А кто сходит с ума и переживает?

— Все мы.

— Так, может быть, эти послания нацелены не столько на Армстронга, сколько на Секретную службу Соединенных Штатов? Если рассмотреть вопрос пристально?

Фролих промолчала.

— Хорошо, — продолжал Бэннон. — А теперь вспомните о Миннесоте и Колорадо. Вот это демонстрация! Не так-то просто устроить подобное «представление». Кем бы вы ни были, чтобы застрелить человека, от вас

потребуется невероятная выдержка плюс умение, внимательность и, конечно, подготовка. Это не так-то легко сделать, как кажется. Не каждый день приходится убивать. Тем не менее, они пошли на это, поскольку им надо было вас в чем-то убедить. Теперь другой вопрос. Каким образом они намекнули вам о происшедшем? Откуда вы знали, где надо искать информацию об убийствах?

— Они ничего для этого не делали.

— Именно, — подтвердил Бэннон. — Итак, они затеяли нелегкую игру, позаботились о том, чтобы все было выполнено в точности так, как они рассчитывали, а потом исчезли и ничего не предприняли для того, чтобы поставить вас в известность о свершившемся. Они попросту выжидали. Разумеется, отчеты об убийствах появились в местной полиции и, следовательно, в Центре информации по преступлениям. Компьютеры ФБР отсканировали их так, как были запрограммированы, и когда было обращено внимание на слово «Армстронг», мы тут же оповестили вас о своей находке.

— И что же?

— Теперь скажите мне, сколько самых обыкновенных людей могло знать о том, что произойдет с данной информацией? И многие ли сидели бы вот так спокойно и ожидали, когда вы наконец заинтересуетесь убийствами, прочитав о них в газетах?

— К чему вы клоните? Кто они такие — эти убийцы?

— Каким оружием они воспользовались?

— Это были «Хеклер и Кох MP5SD6» и «вайме Мк2», — вставил Ричер.

— Достаточно экзотическое и редкое оружие, — заметил Бэннон. — И простым гражданам недоступное, поскольку снабжено глушителями. Его могут приобрести только государственные организации. И оба вида оружия закупает лишь одна из них.

— Это мы, — спокойно ответил Стивесант.

— Совершенно верно, — подтвердил Бэннон. — И последнее: я искал адрес и телефон мисс Фролих по городским справочникам. И знаете что? Данных в них не оказалось. Мисс Фролих не вошла в списки граждан, проживающих в столице. Разумеется, ничего странного тут нет. Никто не собирается афишировать то, что она работает в Секретной службе и писать следом: «А кстати, вот вам ее адресок». Но каким же образом преступники сумели доставить ей послание точно по адресу?

В комнате повисла тишина.

— Они знают меня, — тихо произнесла Фролих.

Бэннон кивнул.

— Простите, ребята, но в настоящее время ФБР подозревает сотрудников Секретной службы. Не тех, кто трудится у вас сейчас, потому что в этом случае человек бы знал, когда до вас дошло письмо с сообщением о демонстрации уязвимости вице-президента, и тогда бы они действовали расторопней. Поэтому мы сосредоточили свое внимание на тех сотрудниках, которые недавно ушли из вашей системы и кое-что еще помнят о коллегах. Люди, которые знакомы с вашими методами работы, понимают, что вы ничего не сообщаете Армстронгу о получаемых угрозах. Это должен был тот, кто знал мисс Фролих и Нендика, потому что они явно побывали у него дома. Возможно, это тот, кто был уволен с работы, а потому до сих пор точит на вас зуб. Я имею в виду, на Секретную службу, а не на Армстронга, конечно. Наша теория такова, что вице-президент является только средством, а не целью. Они убьют его для того, чтобы рикошетом ударить по вам. Ну, точно так же, как они застрелили и тех двух Армстронгов.

В комнате опять стало тихо.

— А какие у него могут быть мотивы? — поинтересовалась Фролих.

Бэннон поморщился:

— Из озлобленных бывших сотрудников мотивы так и сыплются, пока они ходят, дышат, разговаривают или просто существуют. Нам всем это хорошо известно, и все мы в свое время от этого страдали.

— А что вы скажете насчет отпечатка большого пальца? — возразил Стивесант. — У всех наших сотрудников берут отпечатки пальцев при оформлении на работу. И так было всегда.

— Наше предположение таково, что речь идет о двух преступниках. Мы полагаем, что тот, кто ставит свой отпечаток — просто союзник вашего бывшего сотрудника, того самого, который надевает перчатки из латекса. Поэтому мы и привыкли говорить «они». Мы почти уверены в том, что здесь работает команда. Но не оба они работали у вас. Мы не считаем, что вам мстят сразу два предателя.

— Значит, только один предатель.

— Это только наша теория, — повторил Бэннон. — Но говорить «они» принято, поскольку, скорее всего, тут действительно работал не один человек, хотя мы воспринимаем их как некое единое целое. Наверное, это происходит потому, что они владеют одинаковой информацией. Вот почему, когда я говорю, что у вас работал только один, то подразумеваю, что ваши секреты в любом случае известны им обоим.

— Но у нас очень сложная и большая система, — начал Стивесант. — И текучесть кадров тоже велика. Кто-то сам покидает нас, некоторых выгоняют. Одни с возрастом уходят на пенсию, а кое-кого даже приходится просить побыстрей отойти от дел.

— Все это мы сейчас проверяем тщательнейшим образом, — кивнул Бэннон. — Мы получаем списки интересующих нас лиц непосредственно из Министерства. Мы решили ограничиться периодом в пять лет.

— Это, наверное, очень длинные списки.

— У нас нет недостатка в специалистах, способных обработать такого рода информацию.

Никто ему не ответил.

— Извините меня, — вздохнул Бэннон, — никому не было бы приятно узнать, что проблемы вызвал человек, когда-то являвшийся коллегой. Но это единственное логическое заключение, к которому можно прийти. И эти выводы неутешительны, особенно сейчас. Преступники находятся в нашем городе, и они знают точно, о чем вы думаете и что собираетесь делать. Вот почему я настаиваю на том, чтобы вы отменили сегодняшнее мероприятие. Но если это действительно невозможно, то могу лишь посоветовать вам быть как можно более внимательными и проявить максимум осторожности.

Стивесант молча кивнул в наступившей тишине.

— Мы постараемся, — сказал он. — Можете на это рассчитывать.

— Мои люди приедут на место за два часа до начала церемонии, — пообещал Бэннон.

— А наши будут там еще на час раньше, — ответила Фролих.

Бэннон сдержанно улыбнулся, отодвинул стул и поднялся.

— Там и увидимся, — негромко произнес он.

Он вышел из конференц-зала и закрыл за собой дверь — совершенно бесшумно, но достаточно решительно.

* * *

Стивесант посмотрел на часы:

— Итак?

Они немного помолчали, затем дружно вышли из комнаты, проследовали в приемную, где выпили кофе, после чего снова вернулись в конференц-зал. Теперь каждый смотрел на то место, где совсем

недавно находился Бэннон, словно он все еще присутствовал на собрании.

— Итак? — повторил Стивесант.

И снова молчание.

— Это было неизбежно, — подытожил выступление Бэннона босс. — Они никак не могли привязать к нам типа с отпечатком большого пальца, но второй, очевидно, все же когда-то работал у нас. Теперь в здании Гувера все наверняка улыбаются от уха до уха или тихо хихикают в кулачки.

— И все же: они правы или нет? — удивилась Нигли.

— Скорее всего, Бэннон не ошибся, — вступила в разговор Фролих. — Эти типы знают, где я живу.

Стивесант поморщился, словно где-то рядом невидимый рефери начал отсчет: раз!

— А каково ваше мнение? — спросил он у Нигли.

— Судя по той аккуратности, с которой они обошлись с конвертами, я тоже склонна думать, что это кто-то из своих, — отозвалась женщина. — Но меня волнует другое. Если они настолько знакомы с вашими методами работы, то почему не смогли предвидеть ситуацию, возникшую в Бисмарке? Они посчитали, что полиция направится к подброшенной винтовке, а Армстронг двинется к машинам, таким образом, подвергая себя непосредственной опасности. Но ничего подобного не произошло. Армстронг продолжал оставаться в мертвой зоне, а автомобиль сам подъехал к нему.

Фролих покачала головой.

— Нет, я полагаю, что они все поняли правильно. При обычных обстоятельствах Армстронг находился бы в центре поля, чтобы публика могла получше его разглядеть. Ну, чтобы политик как бы всегда оказывался в центре внимания. Как правило, мы не заставляем вице-президента жаться к изгороди. В самый последней момент было решено сделать все так, чтобы он оказался вблизи от церкви. Я основывалась на интуиции и расчетах Ричера. И при других обстоятельствах я, конечно, никогда бы не решилась на то, чтобы приказать водителю лимузина дать задний ход и въехать на газон. В этом случае существовала опасность, что колеса завязнут в грязи, и машина вообще не сможет тронуться с места. Представляете, как бы тогда ужасно все выглядело? Но земля промерзла и была достаточно твердой. Вот почему я решила импровизировать. Этого не мог ожидать никто, даже тот, кто проработал у нас долгое время. Поэтому мое решение оказалось для всех большим сюрпризом.

В комнате повисла тишина.

— В таком случае, теория Бэннона становится тем более правдоподобной, — подытожила Нигли. — Простите...

Стивесант кивнул.

— Два! — выкрикнул все тот же невидимый рефери.

— Ричер, ваше мнение?

— Не могу ничего возразить.

— Три!

Стивесант уронил голову, словно в его душе погасла последняя надежда.

— Но я не верю в это, — добавил Джек.

Стивесант воспрянул и прислушался.

— Я, конечно, рад, что они так внимательно изучают эту проблему, — продолжал Ричер, — поскольку ее надо исследовать со всех сторон, как я понимаю. Мы должны исключить все лишние варианты и возможности. Но они налетели на нее, как сумасшедшие. Если они правы, то в дальнейшем серьезно займутся этими людьми. Так что хотя бы одной задачей у нас останется меньше. Но мне все же кажется, что они понапрасну тратят свое драгоценное время.

— Почему? — насторожилась Фролих.

— Потому что я уверен в том, что ни один из преступников никогда не работал у вас.

— Так кто же они такие?!

— Мне кажется, они совершенно посторонние люди. Они старше Армстронга на несколько лет, от двух до десяти. Оба росли и учились где-то далеко, в сельской местности, где имеются приличные школы, а налоги не слишком высоки.

— Что-что?

— Вспомните все, что нам известно. Подумайте о том, что нам пришлось наблюдать. А теперь скажите мне, что самое меньшее вы можете припомнить из всего этого? Ну, самый, я бы сказал, незначительный компонент?

— Назови его сам, — попросила Фролих.

Стивесант снова взглянул на часы и покачал головой.

— Только не сейчас, — сказал он. — Нам пора идти. Вы расскажете нам об этом позже. Но вы уверены в своей теории?

— Они оба — совершенно посторонние люди, — кивнул Ричер. — Это гарантировано. И это же записано в Конституции.

Глава 13

В каждом крупном городе есть граница, разделяющая его на богатую и бедную части. Вашингтон в этом ничем не отличается от других столиц. Стык роскошных районов и неблагополучных представляет собой зигзагообразную линию-петлю, которая кое-где выпячивается, чтобы включить рекуперированные кварталы, где-то уходит внутрь, чтобы обогнуть определенную местность. В некоторых частях ее разрывают облагороженные участки городского пейзажа. А в общем, она незаметно проходит по столице, кое-где превращаясь в сотни ярдов улицы, где в начале одного переулка вы можете приобрести до тридцати сортов чая в магазинчике, а в конце пути, выяснить, что вы сэкономили тридцать процентов стоимости купленного.

Приют, выбранный для появления Армстронга на людях, находился на «ничейной земле», к северу от Юнион-стейшн. К востоку от него тянулись бесконечные рельсы и обгонные пути. К западу — шоссе, пролегающее в тоннеле под землей. Район заполняли старые полуразрушенные строения: в основном, бывшие склады, хотя имелись тут и многоквартирные дома. Большинство жильцы давно оставили, в некоторых до сих пор еще обитали люди. Само здание приюта было именно таким, как его описала Фролих: длинная одноэтажная кирпичная постройка с большими окнами в железных рамах, равномерно расположенными вдоль стен. Рядом с приютом находился двор, в два раза по своим размерам превышающий само здание. С трех сторон двор закрывали кирпичные стены. Было невозможно догадаться о первоначальном назначении постройки. Возможно, здесь располагалась конюшня, еще в те времена, когда груз с вокзала развозили на лошадях. Не исключено, что в последующие времена дом был реконструирован, стены снабдили окнами и использовали его как гараж для грузовиков, после того как гужевой транспорт канул в прошлое. Может быть, в какие-то годы это здание использовалось под офисы. Впрочем, сейчас этого уже никто не мог вспомнить.

Каждую ночь приют принимал до пятидесяти бездомных. Их будили рано утром, кормили завтраком и выставляли на улицу. Затем пятьдесят постелей убиралось, пол в помещении тщательно мыли, и все вокруг дезинфицировали. На место коек вносились металлические столы и стулья, и в дневное время ночлежка превращалась в столовую, где нищих и бездомных кормили обедами и ужинами, после чего, в девять вечера, производилась очередная смена мебели, и здание снова готово

было принять на ночлег пятьдесят несчастных и обездоленных жителей столицы.

Но сегодня распорядок изменился. В праздники здесь все происходило немного по-другому, нежели в будни, а нынешний День Благодарения для приюта выдался особенным. Подъем прозвучал немного раньше, и завтрак подали в ускоренном темпе. Бездомных спровадили на улицу на полчаса раньше, чем обычно, что явилось для них двойным ударом, поскольку в праздники в городе бывает особенно тихо и безлюдно, и потому попрошайкам, как правило, в такие дни практически ничего не подают. В приюте более старательно надраили полы, и в воздухе распылили в два раза больше дезинфицирующих средств. Что касается столов и стульев, то их расставляли с особой тщательностью. В этот день сюда явилось множество помощников-добровольцев в белоснежных рубашках, на которых яркими красными буквами были выведены имя и фамилия благотворителя.

Первыми из агентов Секретной службы на место прибыла команда визуального наблюдения, располагающая крупномасштабной картой местности и мощной оптикой, снятой с винтовок. Один агент шаг за шагом повторял маршрут, которым должен был пройти Армстронг. Он то и дело останавливался, приникал к оптическому прицелу и докладывал о тех окнах и крышах, которые попадали в поле зрения. Если его взору открывался вид на удобную крышу или окно, то и потенциальному стрелку, расположись он там, также хорошо был виден путь вице-президента. Агент с картой отмечал на ней указанные его товарищем здания, вводил координаты и определял дистанцию. Все объекты, расположенные ближе семисот футов, выделялись черным.

В целом место оказалось хорошим, и покушающиеся могли бы расположиться лишь на крышах пяти заброшенных складов, стоящих напротив приюта. Когда агент с картой закончил свою работу, на ней красовалось только пять черных крестиков. Он записал: «Проверено через оптический прицел при нормальном дневном освещении, 8 часов 45 минут. Все подозрительные точки отмечены». Эту надпись он сделал внизу карты, после чего расписался и поставил число. Его коллега также завизировал схему, после чего карту свернули в трубку и уложили в «сабербен» в ожидании приезда Фролих.

Затем к приюту подъехали полицейские фургоны, привезшие пять подразделений сотрудников с собаками. Первое занялось проверкой приюта, два других отправились осматривать склады, а два оставшихся, с собаками, натасканными на поиск взрывчатки, принялись прочесывать близлежащие улицы в радиусе четырехсот ярдов. Все, что находилось за этой чертой, вряд ли нуждалось в проверке, тем более, что бомба на таком расстоянии оказалась бы бесполезной. Как только часть улицы или здание считались безопасными, так оставался дежурить один

из полицейских. Солнце вовсю светило с безоблачного неба, создавая иллюзию тепла и сводя ворчание недовольных к минимуму.

К половине десятого утра приют представлял собой центр совершенно безопасной территории в четверть квадратной мили. Городские полицейские и пешком, и на машинах безостановочно патрулировали границы зоны, а еще пятьдесят их коллег несли службу внутри. Они, собственно, и представляли собой сейчас большинство публики. Город все еще оставался тихим и безлюдным. Лишь кое-где мелькали обитатели приюта, которым просто некуда было податься. Кроме того, по опыту они знали, что чем раньше встанешь в очередь за благотворительным обедом, тем лучше. Политики не разбирались в размерах порций, и те могли уменьшиться в ближайшие полчаса раздачи.

Фролих приехала на своем «сабербене» ровно в десять утра и привезла с собой Ричера и Нигли. Стивесант находился в следующей машине, а за ним тянулись четыре фургона с пятью снайперами и пятнадцатью рядовыми агентами. Фролих припарковала машину вплотную к кирпичной стене склада. При других обстоятельствах она, скорее всего, заблокировала бы улицу перед входом в приют, но сейчас ей не хотелось раскрывать свои карты и показывать, с какой стороны подъедет сюда Армстронг. В общем, по расписанию он должен был появиться с юга, но эта информация, вместе с небольшой работой над картой, могла бы помочь преступникам рассчитать его маршрут от дома до приюта с удивительной точностью.

Фролих собрала своих сотрудников во дворе приюта, а снайперов отправила занимать позиции на крышах складов. Им предстояло пробыть там три часа до начала мероприятия, но для них это было делом обычным. Как правило, они приезжали на такие акции первыми, а покидали свои места последними. Стивесант отозвал Ричера в сторонку и попросил его лично проконтролировать снайперов.

— А потом спускайтесь сюда и разыщите меня, — добавил он. — Я хочу от вас услышать, насколько плохи у нас дела.

Ричер перешел улицу вместе с одним из снайперов по фамилии Крозетти, и они, миновав дежурившего у склада полицейского, очень скоро очутились в сыром коридоре, где пол был сильно замусорен и повсюду виднелся крысиный помет. В средней части здания находилась лестница. Ричер обратил внимание на то, что Крозетти защищен бронежилетом. Снайпер нес в руке винтовку в здоровенном тяжелом футляре, но, несмотря на это, легко взлетел по ступенькам, на полпролета опередив Джека: сказывалась отличная физическая подготовка.

Лестница заканчивалась внутри накрышной постройки, напоминающей бункер. Свет проникал сюда через дощатую дверь, распахнув которую, оба мужчины оказались на плоской битумной площадке. Тут и там валялись останки голубей. На крыше имелись грязные стеклянные зарешеченные люки верхнего освещения и металлические грибки вентиляции. Всю крышу опоясывал невысокий бордюр с карнизами, изъеденными временем и непогодой. Крозетти подошел к левому краю, затем к правому, кивнул коллегам, расположившимся на соседних зданиях, и, подойдя к центру крыши, заглянул вниз. Ричер уже изучал открывавшуюся отсюда панораму.

Вид был одновременно и хорошим, и плохим. Хорошим, потому что в небе сияло солнце, а они находились на пятиэтажном здании, возвышавшемся над близлежащими невысокими постройками. Плохо было то, что двор приюта, находящийся под ними, напоминал отсюда коробку из-под ботинок, в которую заглядываешь с расстояния в три фута и с такой же высоты. Задняя стена приюта, где должен будет стоять Армстронг, оказалась прямо перед ними. Сложенная из старого кирпича, она напоминала место для расстрелов в тюрьме какой-нибудь отсталой страны. Поразить отсюда цель было проще, чем попасть в рыбу, плавающую в бочке.

— Сколько ярдов по прямой до места вице-президента? — поинтересовался Ричер.

— А вы как считаете? — в свою очередь спросил Крозетти.

Ричер встал на колени у края крыши и посмотрел сначала на здание приюта, потом вертикально вниз.

— Девяносто?

Крозетти расстегнул один из кармашков жилета и достал дальномер.

— Лазерный, — прокомментировал он, включил прибор и выставил его вперед, направляя куда-то вдаль.

— Девяносто два ярда до стены, — через секунду доложил он. — И, следовательно, девяносто один до его головы. У вас отличный глазомер.

— А что вы скажете относительно ветра?

— От бетона снизу вверх поднимаются незначительные тепловые потоки, но этого можно даже и не учитывать, — пожал плечами Крозетти. — А больше ничего особенного.

— Таким образом, получается, что попасть в него можно, как если бы вы стояли непосредственно рядом с ним, — подытожил Ричер.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Крозетти. — Пока я нахожусь здесь, все будет в порядке. Это моя работа. И сегодня мы выполняем обязанности скорее часовых, чем снайперов.

— Где вы будете находиться? — поинтересовался Ричер. Крозетти оглядел свою крохотную «империю» и указал на дальний угол крыши.

— Наверное, вон там, чтобы лежать параллельно передней стене. Чуть повернусь налево — и смогу прикрыть весь двор, чуть направо — и передо мной вход в приют и на лестницу.

— Неплохой выбор, — кивнул Ричер. — Вам ничего больше не надо?

Крозетти отрицательно покачал головой.

— Хорошо, — улыбнулся Ричер. — А я пойду по своим делам. И постарайтесь не заснуть.

Крозетти ответил ему такой же добродушной улыбкой.

— Как правило, у меня это получается.

— Хорошо, — заключил Джек. — Мне очень нравится это качество в часовых.

Он прошагал в темноте пять лестничных пролетов и наконец снова очутился на свету. Перейдя через улицу, он взглянул наверх и убедился, что Крозетти уже успел устроиться на углу крыши. С улицы были видны его колени и голова, а также ствол винтовки, который был сейчас направлен в безоблачное небо под углом в сорок пять градусов. Джек помахал снайперу рукой, и тот в ответ так же помахал Ричеру. Затем Джек отправился искать Стивесанта. Впрочем, заметить его оказалось несложно из-за розового свитера, выделявшегося в солнечном свете.

— Там, наверху, все в порядке, — тут же доложил Ричер. — Правда, эта крыша — замечательный полигон и идеальная площадка для стрельбы, но пока ваши ребята охраняют все пять зданий, мы можем ни о чем не беспокоиться.

Стивесант кивнул, повернулся и принялся всматриваться в крыши ближайших строений. Со двора были хорошо видны все пять складов, охраняемые снайперами: пять голов и пять стволов.

— Вас искала Фролих, — вспомнил Стивесант.

Возле здания агенты и добровольцы-помощники уже таскали столы на козлах и устанавливали их рядом, формируя, таким образом, барьер. Правый конец упирался в одну стену двора, левый должен был отстоять от противоположной на три фута. За линией столов отгораживался своеобразный «загон» в шесть футов глубиной. В этом закутке и должны

были находиться Армстронг, его супруга и еще четверо агентов. Непосредственно за ними высилась «стена расстрела». Правда, вблизи она выглядела более жизнерадостно. Старые кирпичи, нагретые солнцем, казались золотистыми и даже где-то милыми. Ричер повернулся к ним спиной и еще раз взглянул на крыши складов. Крозетти помахал ему рукой, словно передавал сигнал: «Я не сплю, я все вижу!».

— Ричер! — внезапно позвала Джека Фролих.

Он повернул голову и увидел, как она выходит из приюта и направляется к нему. В руках женщина держала толстую папку с бумагами. Было видно, что сейчас она занималась той работой, которую любила и которая у нее получалась великолепно. Фролих выглядела безупречно. Черная одежда подчеркивала ее элегантность, и от этого ее голубые глаза будто сияли каким-то волшебным огнем. Десятки агентов и полицейских суетились возле нее, получали приказы, выслушивали распоряжения и тут же удалялись на указанные ею места и занимали свои позиции.

— У нас здесь все в порядке, — пояснила она, — а потому я хочу, чтобы ты прогулялся по району. Просто походи по улицам и ознакомься с местностью. Нигли уже бродит где-то поблизости. Ну, ты сам знаешь, на что нужно обратить внимание.

— Это здорово, правда? — спросил он.

— Что именно?

— Делать, то, что тебе нравится и что у тебя получается, — пояснил Джек. — Командовать и смотреть за тем, чтобы все вокруг было в полном порядке.

— Ты полагаешь, я с этим справляюсь?

— Лучше, чем кто-либо другой. Ты неповторима. Армстронгу здорово повезло.

— Надеюсь.

— Ты уж мне поверь.

Она скромно улыбнулась и принялась снова перелистывать бумаги. Ричер отвернулся и зашагал прочь. Он выбрал себе первый переулок справа и мысленно уже составил маршрут, не намереваясь отдаляться от приюта больше, чем на полтора квартала.

На углу стояли полицейские и уже начала выстраиваться неровная очередь из тех, кто ждал бесплатного угощения. Сюда же подъехали два телевизионных фургона, но они пока оставались на расстоянии в

пятьдесят ярдов от приюта. Разворачивались гидравлические антенны, устанавливались спутниковые тарелки. Техперсонал уже начал разматывать кабели, а репортеры с камерами готовились к съемке. Ричер приметил Бэннона с командой из шести мужчин и женщины, которые, как догадался Джек, также являлись сотрудниками ФБР. Они только что прибыли сюда. Бэннон развернул на капоте своего автомобиля карту, и сейчас его коллеги, сгрудившись вокруг, внимательно изучали ее. Ричер помахал Бэннону рукой, затем свернул налево и двинулся по переулку за складами. Он чувствовал, как где-то впереди по рельсам проходит поезд. У первого же дома стоял полицейский, развернувшись к приюту, около него находилась машина с еще одним стражем порядка внутри. Повсюду, куда ни кинь взгляд, можно было увидеть полицейских. Ричер прикинул, сколько придется выплачивать государству за их сверхурочную работу.

Тут и там виднелись небольшие магазинчики, но все они оказались закрыты в праздничный день. Здесь же возвышались и несколько обветшалых церквей, также не работающих. Возле железнодорожных путей имелись лавки автозапчастей, но везде царила тишина. Только возле одного крохотного ломбарда суетился старичок и наводил чистоту, отмывая витрину своей лавки. Он оказался единственным движущимся объектом на всей улице. Лавка была узкой и длинной, а внутри витрины стояли перегородки и была разложена всяческая рухлядь, давно уже вышедшая из моды. Здесь Ричер увидел настенные и каминные часы, какие-то немыслимые пальто, музыкальные инструменты, радиобудильники, шляпы, проигрыватели, магнитолы, бинокли и даже рождественские гирлянды из разноцветных лампочек. На витрине красовалась надпись, предлагающая купить любой предмет, когда-либо изготовлявшийся на земле. Кроме того, реклама утверждала, что если этот предмет не рос сам по себе и не передвигался самостоятельно, то владелец лавки готов дать вам за него деньги. Но и это еще не все. Хозяин ломбарда предлагал всевозможные услуги: обналичивание банковских чеков, оценку ювелирных изделий, ремонт часов. Как бы в знак доказательства способностей старичка тут же был выложен поднос со всевозможными наручными и карманными часами. В основном это были старые механические модели с выпуклыми стеклами, крупными светящимися в темноте цифрами и длинными стрелками. Ричер еще раз взглянул на рекламу: «Ремонт часов», потом посмотрел на старика. Тот всецело углубился в свою работу, и руки у него по локоть были перемазаны мыльной пеной.

— Вы чините часы? — поинтересовался Ричер.

— А какая у вас модель? — в свою очередь спросил старичок. У него был сильный акцент. «Русский», — тут же определил Джек.

— Хотелось задать вам один вопрос.

— А я думал, вы хотели починить у меня свои часы. Я ведь когда-то именно этим и занимался. Давно, еще в те времена, когда не существовало кварцевых моделей.

— Мои часы в полном порядке, — убедил его Ричер. — Простите...

Он отодвинул пальцем манжет, чтобы посмотреть на время. Четверть двенадцатого.

— Дайте-ка взглянуть, — попросил старик.

Ричер протянул ему руку с часами.

— «Булова», — кивнул часовщик. — Такие носили военные в Америке до войны в Заливе. Хорошие часы. Вы приобрели их у солдата?

— Нет, я сам был солдатом.

Старик понимающе кивнул:

— Я тоже. В Красной армии. Так о чем же вы хотели меня спросить?

— Вы знаете, что такое сквален?

— Это смазочное вещество.

— Вы им пользуетесь?

— Время от времени. Мне уже редко приходится ремонтировать часы. Особенно плохо стало с тех пор, как изобрели кварцевые.

— И где вы его достаете?

— Вы надо мной смеетесь?

— Нет, — со всей серьезностью произнес Ричер. — Я задал вам вопрос.

— То есть вам хочется узнать, где я достаю себе сквален?

— Ну да. По-моему, именно для этого и задают вопросы: чтобы получить требуемую информацию.

Старик улыбнулся:

— Я ношу его с собой.

— Где?

— Да вы сейчас на него смотрите.

— Неужели?

Старик кивнул:

— А я смотрю на ваш сквален.

— На что?

— На ваш личный запас сквалена.

— Но у меня нет с собой ничего подобного, — опешил Джек. — Этот продукт добывают из печени акул. А мне давненько не приходилось потрошить акулу.

Но старик лишь покачал головой:

— Видите ли, молодой человек, советскую систему частенько критиковали и, поверьте мне, я счастлив рассказать о ней всю правду, когда мне предоставляется такой случай. Но у нас, по крайней мере, давали образование. Особенно это касается естественных наук.

— С-тридцать, Н-пятьдесят, — с важностью произнес Ричер. — Это ацикличный углеводород. А если его гидрогенизировать, то получится сквалан.

— Вы сами-то поняли то, что сказали?

— Нет, — признался Ричер. — Не очень.

— Сквален — это масло, — начал свое объяснение старик. — В естественном виде в биосфере он встречается только в двух местах. Внутри печени акулы и как продукт сальных желез, находящихся в человеческой коже вокруг носа.

Ричер невольно дотронулся пальцем до своего носа:

— И это одно и то же вещество? То же, что есть у акулы в печени, имеется и у нас возле носа?

Старик кивнул:

— Совершенно идентичной молекулярной структуры. Вот поэтому, если мне нужен сквален для смазки часов, я добываю его своим пальцем. Вот так.

Он вытер мокрую руку о штаны и потер то место, где нос соединяется с губой, а потом поднес палец к глазам.

— Вот этим можно смазывать шестеренки, и они у вас будут в полном порядке, — закончил он.

— Понятно, — негромко произнес Ричер.

— Не желаете ли продать свои часы?

Ричер отрицательно покачал головой.

— Это для меня трогательная память, — пояснил он.

— Об армии? — удивился старик. — Какой же вы некультурный! — покачал он головой, произнеся последнее слово по-русски, затем отвернулся к витрине и продолжил свое занятие. Ричер зашагал прочь.

— С Днем Благодарения вас! — выкрикнул Джек уже издалека, но ответа не получил. За квартал от приюта он встретился с Нигли. Она шла ему навстречу, но, увидев Ричера, развернулась, и присоединилась к нему, держась на привычном расстоянии от его плеча.

— Отличный день, — заметила она, — правда?

— Не знаю, — пожал плечами Ричер.

— А как бы стал действовать ты сам?

— Я бы вообще сюда не поехал. Это надо делать где угодно, но только не здесь, не в Вашингтоне. Тут у них все как на ладони. Я бы стал выжидать более благоприятного случая.

— Согласна, — кивнула Нигли. — Но и в Бисмарке у них ничего не получилось. Встреча на Уолл-Стрит через десять дней тоже ничего хорошего им не сулит. А это уже декабрь, во второй половине начинаются сплошные праздники, а там не за горами инаугурация. Не так-то много у них шансов. К тому же, нам достоверно известно, что они уже в городе.

Ричер ничего не ответил. Скоро они прошли мимо Бэннона, сидевшего в машине.

* * *

К приюту Джек и Нигли подошли ровно в полдень. Стивесант стоял у входа и, заметив их, кивнул в знак приветствия. Во дворе все уже было подготовлено к началу мероприятия. Раздаточные столы, выстроенные в линию, накрыты белоснежными скатертями, свисающими до земли. На столах стояли специальные подогреватели для готовых блюд. Сверкали половники и ложки с длинными ручками. Окно кухни выходило как раз в закуток у раздаточных столов. Зал уже переоборудовали под столовую. У входа во двор, с левой стороны, даже поставили полицейское заграждение так, чтобы вереница гостей методично проходила со двора к раздаточным столам, где они должны были получить еду, затем еще один поворот, проход мимо стены приюта, и дальше, внутрь зала, готового принять всех тех, кто придет сюда сегодня. Фролих уже беседовала с пятнадцатью выделенными ей агентами, объясняя каждому его непосредственную задачу. Четверо агентов должны встречать гостей у входа во двор, еще шестеро — выстроиться в цепочку перед раздаточными столами. По одному агенту Фролих выставляла у каждого края закутка с его внешней стороны, а оставшиеся трое следили за

гостями на участке между выходом от раздаточных столов и дверью в приют.

— Слушайте меня внимательно, — инструктировала Фролих. — Помните: очень легко сделать так, чтобы стать немного похожим на нищего, но очень трудно выглядеть абсолютно как нищий. Смотрите на обувь. Может быть, она слишком новая или модная? Смотрите на руки: нам нужны грязные ногти или перчатки, чаще всего без пальцев. Вглядывайтесь в лица: бездомные должны быть худыми. Обращайте внимание на щеки: достаточно ли они впалые? И еще очень важно отметить волосы. У наших гостей волосы не мыты месяц, а то и год. И одежда такая, что кажется, будто она уже срослась с их телами. Понимаете? Вопросы есть?

Агенты молчали.

— Если у вас возникнет сомнение, то сначала действуйте соответствующим образом, а потом будет соображать и анализировать, — посоветовала Фролих. — Я буду на раздаче пищи, там, вместе с Армстронгом, его супругой и личной охраной. Так что наша безопасность целиком зависит от вас. Ваша задача — не пропустить ни одного подозрительного гостя. Если человек почему-либо вам не понравился — не дайте ему пройти дальше. Понятно?

Она посмотрела на часы.

— Пять минут первого. Остается ждать меньше часа.

Ричер обогнул левую сторону раздаточных столов и оказался за ними, в закутке. Позади него возвышалась стена, справа — точно такая же. Слева — окна приюта. Гости должны были подходить справа и спереди. Любому из них нужно миновать четырех агентов у входа во двор, а потом еще шестерых. Десять пар внимательных натренированных глаз сопровождали бы каждого гостя, прежде чем он предстал бы непосредственно перед Армстронгом. Впереди и слева находился проход, откуда трое агентов препровождали гостей в зал приюта. Джек поднял глаза вверх. Там находились склады. И пятеро часовых на пяти крышах. Крозетти помахал ему рукой, и Ричер ответил ему тем же.

— Все в порядке? — поинтересовалась Фролих.

Она стояла по другую сторону раздаточных столов, и Ричер, улыбнувшись, осведомился тоном услужливого официанта:

— Вам темного или светлого?

— Перекусим позже, — ответила она. — Я хочу, чтобы ты и Нигли свободно перемещались по двору. Лучше всего выбрать позицию у

выхода от раздаточных столов: там хорошо видна и вся территория перед приютом, и сам вход в него.

— Ладно, — согласился Джек.

— Тебе все еще кажется, что у меня все получается отлично?

Он указал влево.

— Не нравятся мне эти окна. Представь себе, что наш неизвестный каким-то образом все же минует агентов. Ну, он движется, потупив взгляд, ведет себя прилично, скромно протягивает руку за тарелкой, берет индейку, проходит внутрь приюта, где садится за стол, и уже спокойно достает оружие и стреляет через одно из этих окон.

Фролих понимающе кивнула.

— Я уже об этом подумала. Внутри зала будут дежурить трое полицейских. По одному у каждого окна, стоя лицом к залу.

— Тогда все отлично. Ты молодец.

— Кроме того, на всех нас будут бронежилеты. На тех, кто окажется за раздаточными столами, включая, разумеется, Армстронга и его супругу.

Она снова взглянула на часы.

— Остается сорок пять минут. Пойдем со мной.

Они покинули двор и вскоре оказались на другой стороне улицы, там, где она оставила свой «сабербен». Он стоял в тени, отбрасываемой стеной склада. Фролих отперла задний борт и опустила его вниз. Из-за тонированных стекол и тени от стены здания в салоне царил полумрак. Весь багажный отсек был занят необходимыми для работы предметами, но заднее сиденье оставалось свободным.

— Мы могли бы забраться внутрь, — предложил Ричер. — Ну, и немножко подурачиться.

— Нельзя.

— Почему? Ты ведь, кажется, говорила, что не прочь немного побаловаться во время работы.

— Я имела в виду в офисе.

— Это можно расценивать как приглашение?

Она помолчала, затем выпрямилась и улыбнулась.

— Ну хорошо. А почему, собственно, и нет? Вдруг мне понравится?

И она чуть не рассмеялась.

— Хорошо, — повторила Фролих. — Если только сегодня с Армстронгом все будет в порядке и мероприятие пройдет, как должно, мы сделаем это прямо на столе у Стивесанта и, таким образом, отпразднуем свою победу.

Она нагнулась, выхватила из багажного отделения свой бронежилет, быстро поцеловала Джека в щеку, потом ловко увернулась от его объятий и направилась назад к приюту. Он с досадой захлопнул откидной борт, а она заперла машину при помощи дистанционного пульта с расстояния в сорок футов.

* * *

За полчаса до начала церемонии Фролих надела под куртку бронежилет и еще раз проверила по рации готовность своих людей, после чего сообщила начальнику полиции, что его подчиненные могут начинать выстраивать собравшихся в очередь. Журналистам было разрешено занять места во дворе и приступить к съемке. За пятнадцать минут до назначенного времени она объявила всем, что кортеж Армстронга уже в пути.

— Подавайте еду, — скомандовала она.

Кухонная команда засуетилась вокруг столов, а из окна кухни повара принялись подавать сковороды и кастрюли с угощением. Ричер прислонился к стене приюта у оконечности раздаточных столов, со стороны публики. Он прижался спиной к кирпичной кладке между кухонным окном и первым окном столовой. С этого места хорошо просматривалась вся линия раздачи. Чуть повернувшись влево, он сможет наблюдать за теми, кто подходит к столам, а бросив взгляд направо, сможет увидеть происходящее в закутке. А вот гостям придется огибать его, неся уже нагруженные тарелки. В общем-то, Джеку и нужна возможность разглядеть лицо каждого из гостей вблизи. В шести футах от него, во дворе, заняла свой пост Нигли. Нервничающая Фролих, наверное, уже в сотый раз прошла мимо нее, перепроверяя готовность всех к приезду Армстронга.

— Кортеж приближается, — заговорила он в микрофон. — Водитель сообщил, что они уже в двух кварталах от места. Ребята на крышах, — обратилась она к снайперам. — Вы их видите?

Выслушав ответ, она вновь повторила:

— В двух кварталах.

Кухонная команда закончила нагружать подогреватели едой и исчезла. Стены мешали Ричеру видеть, зато он ясно услышал гул мощных двигателей и шорох толстых покрышек по мостовой. Автомобили

подъехали и сейчас медленно останавливались. Первой на территорию приюта вкатилась полицейская машина, за ней «сабербен» охраны и, наконец, лимузин, который затормозил прямо у ворот. Из него вышел Армстронг и, обернувшись, подал руку жене. Журналисты с камерами устремились к нему навстречу. Чета Армстронгов остановилась и, замерев, некоторое время улыбалась в нацеленные на них объективы. Миссис Армстронг была высокой блондинкой, чьи явно скандинавские гены насчитывали лет двести. На праздник она явилась в безупречно сидящих джинсах и свитере с широкими рукавами, несколько большим по размеру, так что надетый под него бронежилет был незаметен. Зачесанные назад волосы оставляли лицо открытым. Казалось, что в джинсах она себя чувствует несколько скованно, как будто не привыкла носить их.

Армстронг тоже приехал в джинсах, но они у него были старые и потертые, как будто он не вылезал из них. Сегодня он выбрал себе красную в клетку куртку с блестящими пуговицами, но она, в отличие от наряда супруги, была, напротив, чуть маловата ему, и опытный взгляд специалиста мог сразу распознать под ней плохо скрываемый бронежилет. Армстронг был без головного убора. Но на этот раз его прическа отличалась аккуратностью. Личные охранники тут же окружили его и провели во двор приюта. Журналисты с камерами неотступно следовали за вице-президентом. Телохранители Армстронга были одеты так же, как Фролих: в черные джинсы и черные нейлоновые куртки, застегнутые на «молнию», поверх бронежилетов. Двое носили солнцезащитные очки, один — спортивную шапочку, и у всех чуть оттопыривались куртки у талии, где находилось оружие в кобуре.

Фролих провела их за раздаточные столы. Двое сразу же встали с обоих краев этого своеобразного барьера, сложив руки на груди, так как в их задачу входило лишь наблюдать за толпой гостей. Третий агент вместе с Фролих и четой Армстронг должен был стоять на раздаче угощения, а потому они сразу же прошли вперед. Несколько секунд они потоптались у столов, пока каждый не занял свое место. Получилось так, что третий агент стоял слева, затем сам Армстронг, потом Фролих и далее, справа, жена Армстронга. Вице-президент взял в левую руку половник, а в правую — ложку. Заметив, что камеры снова нацелены на него, он воинственно, словно оружие, вскинул вверх кухонную утварь, прокричав при этом:

— Поздравляю всех вас с Днем благодарения!

В тот же момент толпа повалила к воротам. Люди выглядели подавленно и передвигались словно лунатики, почти не переговариваясь между собой. Гости ничем не напоминали шумную толпу, собиравшуюся приветствовать Армстронга в вестибюле отеля. Многие закутались в несколько слоев одежды, а некоторые даже

подпоясались веревками. Отрешенные лица, засаленные шляпы, старые перчатки с обрезанными пальцами. Каждый из них проходил слева направо мимо шестерки агентов. Первый из очереди, пройдя мимо них, взял с подноса пластиковую тарелку и был тут же встречен ослепительной улыбкой Армстронга. Вице-президент шлепнул на тарелку индюшачью ножку, и нищий поплелся дальше, где Фролих наделила его овощным гарниром, а жена Армстронга — начинкой от фаршированной индюшки. От еды шел восхитительный аромат, чего нельзя было сказать о запахе, исходящем от гостей.

Так продолжалось минут пять. Каждый раз, когда очередная сковорода или кастрюля пустела, ее тут же заменяли новыми, подававшимися через окно кухни. Армстронг улыбался, упиваясь собственным благодушием. Очередь из бездомных понемногу продвигалась вперед. Безостановочно работали камеры журналистов. Тишину нарушали лишь позвякивание половников и кастрюль да повторяющиеся банальные приветствия от раздающих еду:

— Угощайтесь! Поздравляем с Днем Благодарения! Спасибо, что пришли.

Ричер посмотрел на Нигли, и та вскинула брови. Затем он обежал взглядом крыши складов и, наконец, уставился на Фролих, целиком поглощенную раздачей пищи. Потом он обратил внимание на телевизионщиков, лица которых выражали едва скрываемую тоску. Они снимали уже целый час, прекрасно зная, что после монтажа материала останется едва ли на восемь секунд, сопровождающихся комментарием: «Вице-президент угощает традиционной индейкой в честь Дня Благодарения обитателей одного из приютов для бездомных в Вашингтоне». А первое место в новостях, конечно же, будет отдано четвертьфинальному футбольному матчу.

В очереди оставалось еще человек тридцать, когда все это произошло.

Ричер ощутил спиной глухой удар в кирпичную стену, и что-то оцарапало его щеку. Краем глаза он зафиксировал разлетевшееся облачко пыли и небольшую выбоину в кладке. Однако никакого звука не последовало. Через какую-то долю секунды его мозг отреагировал: пуля, глушитель. Джек взглянул на очередь, но в ней никто и не пошевелился. Тогда он резко повернул голову влево и наверх. Крыша. Крозетти на месте не оказалось. Но он должен быть там. Снайпер отодвинулся от первоначальной позиции на двадцать футов. Он стреляет. Нет, это не Крозетти.

Джек пытался обмануть время и двигаться быстрее, чем позволяла охватившее его чувство паники. Оттолкнувшись от стены, он втянул воздух в легкие и повернулся к Фролих. Движения Ричера были замедлены, словно он перемещался в воде. Он раскрыл рот, и слова

отчаяния уже готовы были сформироваться в крик, как Фролих опередила его.

— Стреляют! — выкрикнула она.

Как в замедленной съемке, женщина повернулась, а выпущенная ею из руки ложка, на какой-то миг, словно повисла в воздухе, а затем описала дугу, блестя на солнце и разбрызгивая частички гарнира в стороны. Фролих прыгнула на Армстронга, левой рукой обнимая его тело и пытаясь прикрыть от пуль. Ее прыжок был достоин баскетболиста, забрасывающего мяч в корзину. В воздухе она успела развернуться, и, схватив Армстронга за плечо, оказалась лицом к лицу с ним. Фролих подтянула колени к груди, и Армстронг, выдохнув, опрокинулся навзничь. В этот момент вторая пуля, выпущенная из винтовки с глушителем, попала ей в шею. Абсолютно беззвучно. Только выплеснувшаяся струя алой крови рассыпалась брызгами, словно осенняя роса.

Длинное коническое облачко, застывшее и переливающееся, подобно пару. Брошенная Фролих ложка, кувыркаясь, нарушила его безупречную форму, и оно изогнулось, превратившись в подобие вопросительного знака. Тело женщины уже упало, а кровавые брызги еще оставались висеть в воздухе. Ричер повернул разом отяжелевшую голову, взглянул на крышу и увидел лишь край плеча, исчезающий из поля зрения. Так же бесконечно долго Джек поворачивал голову обратно, туда, где пунктирная линия, прочерченная кровью, исчезала где-то под столами.

Тут время вернулось к своему нормальному течению. Одновременно стало происходить множество вещей, сопровождаемых нарастающим шумом и на огромной скорости. Телохранители, едва не придушив жену Армстронга, повалили ее на землю, закрывая собой. Она истошно и отчаянно вопила. Агенты выхватили оружие и открыли лихорадочный огонь по крыше. Толпа бесновалась и орала. Топая ногами, люди разбегались в разные стороны под грохот выстрелов. Ричер, опрокидывая за собой столы, устремился к Фролих. Агенты уже вытаскивали из-под ее тела вице-президента. Взревели моторы машин, завизжали покрышки. Стрельба не прекращалась, и в воздухе повис дымный шлейф. Завывали сирены. Армстронг уже исчез, и Ричер, упав на колени в лужицу крови, бережно поднял в ладонях голову Фролих. Все ее изящество и гибкость исчезли, она обмякла и лежала неподвижно, словно пустая одежда. Но глаза ее оставались широко раскрытыми, и зрачки двигались, будто пытаясь что-то разглядеть.

— С ним все в порядке? — прошептала она.

Голос ее был еле слышен, но в нем звучала тревога.

— В полной безопасности, — успокоил ее Ричер.

Он просунул руку ей под шею, почувствовав пальцами провод от наушника. Он ощущал, как из ее тела льется кровь.

Даже не льется, а, накачиваемая сердцем, толчками выбивается из раны. Кровь пузырилась между пальцами Джека, словно он зажал ими водопроводный кран, а кто-то то прибавлял, то уменьшал напор. Он чуть изменил положение ее головы и увидел рваную рану на шее. Как бурная река, из нее хлестала артериальная кровь.

— Врача! — крикнул Джек.

Но никто его не слышал, словно голос Ричера не доходил до окружающих. Агенты вокруг него продолжали палить по крыше, и звук выстрелов сливался в единый грохот. Отработанные гильзы с металлическим звоном прыгали по земле, отскакивали от стены и время от времени шлепали его по спине.

— Скажи мне, что стрелял кто-то не из наших, — попросила Фролих.

— Это был посторонний, — отозвался Ричер.

Ее голова склонилась на грудь, и кровь, заполняя складки кожи на горле, переливалась на рубашку и стекала на землю. Джек пытался зажать рану ладонью, но пальцы постоянно соскальзывали.

— Врача! — крикнул он что есть мочи.

Но Ричер понимал, что все уже бесполезно. Судя по весу Фролих, в ней было восемь-девять пинт крови, и большую часть она уже потеряла. Он сам стоял коленями в целой луже. Сердце продолжало свою работу и, отчаянно стуча, выкачивало драгоценную кровь на землю.

— Врача!

Но никто не пришел.

Фролих посмотрела ему в глаза.

— Ты помнишь? — прошептала женщина.

Он нагнулся поближе.

— Как мы познакомились? — добавила она.

— Помню, — ответил он.

Женщина слабо улыбнулась, словно вполне удовлетворенная его ответом. Сейчас она была очень бледна, будто вся кровь из нее уже вылилась на землю, а лужа под ней продолжала расползаться все больше. Кровь у раны запузырилась: опустевшие артерии заполнялись воздухом. Ее глаза чуть двинулись, остановившись на лице Ричера и

бледные, начинающие синеть, губы почти беззвучно прошептали последние слова:

— Я люблю тебя, Джо.

И она умиротворенно улыбнулась.

— Я тоже люблю тебя, — отозвался Джек.

Он еще какое-то время держал ее, уже умершую, держал до тех пор, пока Стивесант не приказал прекратить стрельбу. Неожиданно наступила полная тишина. Терпкий металлический запах сворачивающейся крови и кислая вонь сгоревшего пороха наполнили воздух. Ричер посмотрел за спину и увидел, что, держа камеру, словно нацеленное оружие, к нему приближается один из репортеров. Тут же дорогу ему заступила Нигли. Журналист попытался отодвинуть ее, но та, без единого лишнего движения, швырнула телевизионщика на землю. Потом Ричер услышал хруст: камера журналиста вдребезги разбилась о «стену расстрела». И только теперь где-то вдали послышалась сирена кареты скорой помощи. За ней еще одна. До его слуха доносился топот ног и звук подъезжающих полицейских автомобилей. Прямо перед лицом стоящего на коленях в крови Фролих Ричера возникли серые брюки Стивесанта.

Босс молчал. Он просто стоял рядом, пока во двор не въехала «скорая». Потом Стивесант нагнулся и попытался поднять Ричера, но тот выпустил тело только тогда, когда медики оказались рядом, и тихонько уложил голову женщины на землю. Затем, разбитый, измученный и шатающийся, встал на ноги сам. Стивесант, поддерживая его под локоть, увлек Джека в сторону.

— Я даже не знал, как ее зовут, — признался Ричер.

— Мэри Эллен, — вздохнул босс.

Медики, повозившись у тела лишь пару секунд, накрыли его простыней, предоставив дальнейшее криминалистам. Ричера качнуло, и он уселся на корточки, прислонившись спиной к стене, положив руки на колени и опустив на них голову. Его одежда почти полностью пропиталась кровью. Нигли сидела в дюйме от него. Стивесант устроился рядом с ними.

— Что сейчас происходит? — еле слышно спросил его Ричер.

— ФБР перекрывает все пути отхода из города, — пояснил босс. — Дороги, мосты, аэропорты. Бэннон лично занялся этим. Он вызвал все имеющиеся у них силы. С ним вместе работают столичные полицейские. Подключены правоохранительные силы Виргинии. Наши люди в этой операции тоже активно участвуют. Мы обязательно перехватим преступников.

— Они воспользуются железной дорогой, — сказал Ричер. — Мы же находимся совсем рядом с вокзалом.

Стивесант кивнул.

— Они обыскивают каждый поезд. Мы поймаем их.

— С Армстронгом все в порядке?

— Он совершенно не пострадал. Фролих выполнила свой долг до конца.

Наступила долгая тишина. Через минуту Ричер взглянул куда-то вверх.

— Что произошло на крыше? Где находился Крозетти?

Стивесант отвернулся.

— Каким-то образом им удалось обмануть его. Он мертв. Они выстрелили ему в голову. Скорее всего, была использована та же винтовка с глушителем.

И снова тишина.

— Откуда родом был Крозетти? — внезапно поинтересовался Джек.

— По-моему, из Нью-Йорка, — неуверенно произнес Стивесант. — Или из Джерси. В общем, из тех краев.

— Не годится. А Фролих?

— Эта девушка приехала из Вайоминга.

Ричер задумчиво кивнул:

— А вот это уже лучше. Где сейчас находится Армстронг?

— Я не могу вам этого сказать, — покачал головой Стивесант. — Не положено.

Ричер поднял руку и принялся рассматривать собственную ладонь. Все линии и шрамы на ней были окрашены кровью.

— Вы мне это скажете, — неторопливо произнес он. — Или я вам шею сломаю.

Стивесант промолчал.

— Где он? — повторил свой вопрос Ричер.

— В Белом Доме, — ответил босс. — В комнате безопасности. Таков порядок наших действий при данных обстоятельствах.

— Мне необходимо поговорить с ним.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Это невозможно.

Ричер посмотрел куда-то вдаль, мимо поваленных столов:

— Возможно.

— Но я не могу вам позволить это.

— Тогда попытайтесь остановить меня.

Стивесант молчал некоторое время, потом заговорил снова:

— Хорошо, только дайте мне сначала связаться с ним по телефону.

Он неловко поднялся и зашагал прочь.

— С тобой все в порядке? — заволновалась Нигли.

— Джо как будто опять решил меня потревожить, — отозвался Джек. — Как тогда, с Молли Бет Гордон.

— Но ты ничего не мог поделать в данном случае.

— Ты все видела?

Нигли кивнула.

— Она приняла пулю, предназначенную ему, — печально произнес Ричер, — А еще говорила, что просто образно выразилась.

— Инстинкт сработал, — сказала Нигли. — А еще ей просто не повезло. Еще десятая доля секунды, и пуля угодила бы в бронежилет. А так как она обладала дозвуковой скоростью, то просто отскочила бы.

— Ты видела стрелявшего?

Но Нигли отрицательно покачала головой:

— Я смотрела вперед. А ты?

— Мельком. Там был один мужчина.

— Но это уже кое-что!

Ричер кивнул, затем вытер ладони о брюки. Рукой пригладил волосы:

— Если бы мне сейчас пришлось выбирать, я не тронул бы ни одного из старых врагов Джо, а просто попросил бы их тихонько покончить жизнь самоубийством, потому что переключился бы на сегодняшних сволочей и сделал бы с ними такое, что даже трудно себе представить.

— Что же нам делать теперь? — спросила Нигли.

Он пожал плечами:

— Тебе, наверное, следовало бы вернуться в Чикаго.

— А тебе?

— Я еще побуду здесь.

— Для чего?

— Ты знаешь, для чего.

— ФБР займется ими.

— Если только я не достану их первым.

— Ты уже так решил для себя?

— Она умерла у меня на руках, истекая кровью, и теперь я просто так отсюда не уйду.

— Тогда я тоже остаюсь.

— Я справлюсь и один.

— Я знаю, — согласилась Нигли. — Но со мной тебе будет лучше.

Ричер кивнул.

— Что она сказала тебе?

— Мне она ничего не говорила. Она думала, что я — Джо.

В этот момент Джек увидел, как к ним через двор возвращается Стивесант, и силой заставил себя подняться, опираясь обеими руками о стену.

— Армстронг готов принять нас, — сообщил он. — Вы не хотите сначала переодеться?

Ричер оглядел свою одежду, пропитавшуюся кровью Фролих в нескольких местах. Она остывала, подсыхала и становилась бурой.

— Нет, — мотнул головой Джек. — Я не буду переодеваться.

* * *

Они поехали на «сабербене» Стивесанта. Праздник шел своим чередом, и в городе все еще было относительно пустынно. По дороге они почти не встречали обычных пешеходов: все то, что каким-то образом перемещалось по улицам Вашингтона, имело отношение к полиции и другим силовым структурам. Вокруг Белого Дома в каждом переулке

стоял усиленный полицейский патруль, «сабербен» босса мчался с включенной мигалкой, и полицейские пропускали его беспрепятственно. Они подъехали к воротам, где Стивесант предъявил удостоверение, их пропустили на территорию Белого Дома, и босс припарковал машину у западного крыла. Часовой — морской пехотинец — указал им на сотрудника Секретной службы, который повел их дальше, внутрь здания. Здесь они спустились вниз на два лестничных пролета и очутились в подвале со сводами и стенами из кирпича, где находились хорошо охраняемые помещения, а за ними — еще один ряд комнат со стальными дверями. Охранник подвел их к одной такой двери и громко постучал.

Ее открыл им изнутри один из личных телохранителей Армстронга. Он все еще был в бронежилете и солнцезащитных очках, хотя в комнате не оказалось окон. Свет здесь струился из люминесцентных ламп, распложенных у потолка. Вице-президент и его жена сидели за столом в центре комнаты. Еще два агента стояли неподалеку, прислонившись к стенам. Очевидно, супруга Армстронга никак не могла успокоиться и долго плакала, что было заметно по ее лицу. На щеке Армстронга все еще оставался размазанный след крови Фролих. Вице-президент выглядел совсем убитым, словно он, наконец, понял, насколько серьезно его нынешнее положение.

— Есть какие-нибудь новости? Какова ситуация в настоящий момент? — тут же поинтересовался он.

— У нас двое убитых, — спокойно отозвался Стивесант. — Часовой на крыше склада и сама Эм-И. Они оба погибли на месте происшествия.

Жена Армстронга резко дернулась, как будто ей влепили невидимую пощечину.

— Вы схватили виновных? — спросил Армстронг.

— Этим сейчас занимается ФБР, — пояснил Стивесант. — Это только вопрос времени.

— Я хочу быть вам полезен, — добавил вице-президент.

— И вы в состоянии это сделать, — подхватил Ричер.

Армстронг кивнул.

— Я слушаю вас.

— Вы можете сделать официальное заявление, — начал Джек. — Немедленно. Так, чтобы оно успело попасть в вечерние новости.

— Что я должен сказать?

— То, что вы отменяете отдых в выходные дни и не летите в Северную Дакоту, платя дань уважения двоим погибшим агентам. Добавьте, что вы остаетесь в своем доме в Джорджтауне и не планируете никуда выходить, пока не поприсутствуете на службе в память о вашем ведущем агенте в ее родном городе в Вайоминге в воскресенье утром. Выясните название этого города и объявите его громко и отчетливо.

Армстронг снова кивнул.

— Хорошо, — согласился он. — Наверное, я смог бы это сделать. Но только чем это поможет?

— Тем, что второй попытки здесь, в Вашингтоне, уже не будет. Во всяком случае, они не рискнут проникнуть в ваш дом, зная, как организована его охрана. Поэтому они на время покинут столицу и будут выжидать. А у меня появляется время, и до воскресенья я надеюсь выяснить, где они обитают.

— Вы? Разве ФБР их не схватит уже сегодня?

— Если у них все получится, я буду только рад, потому что в данном случае смогу уехать туда, куда мне хочется.

— А если они ничего не добьются?

— Тогда я все узнаю сам.

— А если и вы потерпите провал?

— Это не входит в мои планы. Но если это все же произойдет, тогда они обязательно появятся в Вайоминге, чтобы еще раз попытаться убить вас во время службы по Фролих. А я буду их там поджидать.

— Нет, — возразил Стивесант. — Я не могу допустить этого. Вы, наверное, с ума сошли. Мы не можем обеспечить необходимую безопасность на Западе в течение остающихся семидесяти двух часов. И уж тем более я не допущу, чтобы вице-президент был использован в качестве живца.

— Ему и не надо никуда лететь, — пояснил Ричер. — Возможно, в Вайоминге даже не будет проводиться никакой службы. Самое главное, чтобы он официально заявил об этом.

Но Армстронг покачал головой.

— Я не могу делать заявление, если служба не состоится. А если она все-таки будет иметь место, то я не останусь здесь, а обязательно должен буду присутствовать на ней.

— Если вы действительно хотите помочь, то должны поступить именно так.

Армстронг промолчал.

* * *

Ричер и Стивесант покинули сводчатый подвал западного крыла, и были препровождены к «сабербену». Солнце по-прежнему ярко светило в голубом безоблачном небе и золотило дома. Праздник продолжался.

— Отвезите нас назад в мотель, — попросил Ричер. — Я хочу принять душ, после чего встретиться с Бэнноном.

— Зачем? — поинтересовался босс.

— Потому что я являюсь свидетелем, — пояснил Ричер. — Я видел стрелявшего со склада, хотя только мимолетно успел разглядеть его со спины, когда он отходил от края крыши.

— Вы смогли бы описать его?

— Вряд ли. Это заняло лишь долю секунды. Описать я его не смогу, но мне запомнилось кое-что в его движениях. Где-то я его уже видел раньше.

Глава 14

Он буквально содрал с себя одежду, ставшую липкой и холодной, а кое-где даже успевшую затвердеть. Джек швырнул костюм в шкаф, зашел в ванную и включил душ. Вода под его ногами сразу покраснела, затем стала розовой и, наконец, прозрачной. Он дважды вымыл голову и тщательно побрился, затем переоделся в новый костюм Джо, его свежую рубашку и выбрал в знак памяти о Фролих тот самый галстук с парашютами, который она сама покупала для его брата. После этого он вернулся в вестибюль мотеля.

Нигли уже поджидала его там. Она тоже успела переодеться, выбрав на этот раз строгий черный костюм. Ричер вспомнил старый армейский принцип: когда находишься в душевном смятении, старайся выглядеть официально. Нигли предусмотрительно приготовила для Джека чашку кофе и коротала время за беседой с дежурными полицейскими. Это были новые ребята, утром принявшие смену у своих коллег.

— Стивесант обещал вернуться за нами, — сообщила Нигли. — И мы отправимся на встречу с Бэнноном.

Джек кивнул. Полицейские при его появлении притихли, поглядывая на него чуть ли не с преувеличенным уважением. Но было ли это связано с самим Джеком или с Фролих — он не мог сказать наверняка.

— Тяжеловато вам пришлось, — заметил один из полицейских.

Ричер посмотрел куда-то в сторону.

— Да уж, — глухо отозвался он, затем взглянул на парней и добавил: — Но ведь всем нам иногда доводится глотать дерьмо.

Нигли чуть заметно улыбнулась и тоже вспомнила один из принципов, которого сама частенько придерживалась, служа в армии: в момент сомнений и замешательства стань несерьезным и отделайся каким-нибудь дурацким замечанием.

* * *

Стивесант приехал за ними через час, и они втроем отправились в здание Гувера. Соотношение сил изменилось. Убийство федеральных агентов попадало под юрисдикцию ФБР, поэтому теперь бюро само серьезно взялось за расследование.

Они начали открытую облаву и преследование виновных. Бэннон встретил троицу в вестибюле, и сам провел их до лифта после чего они поднялись в конференц-зал, который выгодно отличался от аналогичного помещения в Министерстве финансов. Комната была обшита деревом и имела несколько окон. На длинном столе стояли, сгрудившись кучками, стаканы и бутылки с минеральной водой. Бэннон был нарочито демократичен и потому не стал садиться во главе стола. Он просто опустился на ближайший стул сбоку, Нигли устроилась с той же стороны, через два стула от него. Ричер выбрал себе место напротив нее, а Стивесант расположился через три стула от Ричера и тут же налил себе стакан воды.

— Ну и денек у нас выдался! — в тишине вздохнул Бэннон. — Мое ведомство передает свои глубочайшие соболезнования вашему агентству.

— Вы так и не нашли их, — констатировал Стивесант.

— У нас имеется заключение медиков, — начал Бэннон. — Крозетти получил в голову пулю стандарта НАТО 7,62. Он скончался в ту же секунду. Что касается Фролих, то пуля попала ей в горло сзади. Очевидно, в обоих случаях применялось одно и то же оружие. Пуля разорвала ей сонную артерию. Но, наверное, все это вам известно и без меня.

— Вы так и не нашли их, — повторил Стивесант.

Бэннон покачал головой:

— Сегодня День благодарения, — попытался оправдаться он. — И поэтому здесь имеются свои плюсы и минусы. Основной минус

заключается в том, что у нас не оказалось достаточного количества персонала. Из-за праздника многие сотрудники оказались вне досягаемости. Точно такая же проблема возникла и у столичной полиции, да и у всех остальных тоже, как мне кажется. Главный плюс — в том, что в городе было немноголюдно. Пожалуй, этот плюс превалировал в данной ситуации, потому что уже через пять минут после начала всеобщего переполоха выяснилось, что мы сами представляем собой большинство граждан на улицах города.

— И все же вам не удалось разыскать их.

Бэннон снова печально покачал головой.

— Нет, — подтвердил он. — Не удалось. Разумеется, мы до сих пор продолжаем поиски. Но если смотреть на вещи реалистически, надо признать, что наши неизвестные конечно, давно покинули Вашингтон.

— Замечательно, — съязвил Стивесант.

Бэннон поморщился.

— Мы делаем все возможное и стараемся работать организованно, чтобы ничего не испортить. Но если вы будете ругать нас, то все равно делу этим не поможете. Хотя бы потому, что нам есть что ответить вам. Между прочим, эти люди прорвались через охрану, которую организовали именно вы. И им каким-то образом удалось обмануть вашего парня там, на крыше.

Говоря это, Бэннон пристально смотрел Стивесанту в глаза.

— Мы уже поплатились за это, — отозвался босс. — И цена оказалась исключительно высокой.

— Но как же все это случилось? — недоумевала Нигли. — Как вообще им удалось проникнуть туда, наверх?

— Только не с фасада, — начал Бэннон. — Да и вообще, эту местность охраняла целая куча полицейских. Но они ничего не видели, а заснуть все одновременно в тот критический момент не смогли бы. С переулка, что проходит за складом, войти в помещение было тоже невозможно, так как там тоже были полицейские: один постовой и один в автомобиле, с обоих ее концов. Так вот, все четверо утверждают, что никого не видели, и мы склонны верить им всем. Поэтому мы считаем, что преступники попали на крышу вот как. Они проникли в здание, расположенное параллельно складу, в следующем квартале. Прошли его насквозь и очутились в нужном переулке. Тогда им оставалось только пробежать три метра по открытому пространству, и они оказывались у черного хода склада. Скорее всего, они и убегали таким же путем, хотя на этот раз им пришлось поторапливаться.

— Но как они ухитрились обмануть Крозетти? — все еще не мог успокоиться Стивесант. — Он был у нас на хорошем счету. Отличный, проверенный агент.

— Да, — согласился Ричер. — Он мне тоже сразу понравился.

Бэннон снова лишь пожал плечами.

— Ну, уловку насчет того, как обмануть охрану, всегда можно придумать.

Он оглядел комнату с таким важным видом, как делал это всегда, когда ему хотелось дать остальным понять, что он имеет в виду гораздо большее, чем то, что только что произнес. Никто ему ничего не ответил.

— Вы проверяли поезда? — поинтересовался Ричер.

Бэннон кивнул.

— С особой осторожностью и тщательностью. Вообще-то поезда оказались переполненными, так как многие отправлялись на семейные обеды к родственникам. Но мы старались изо всех сил.

— Винтовку обнаружили?

Бэннон только покачал головой, и Ричер молча уставился на него.

— Вы хотите сказать, что им удалось улизнуть от вас, да еще с оружием? — наконец, вымолвил он.

В комнате повисла тишина. Теперь Бэннон, в свою очередь, обратился к Джеку:

— Вы же видели стрелявшего.

Ричер кивнул.

— Да. Но лишь мельком, в течение, может быть, четверти секунды. Причем только его силуэт, в тот момент, когда он уже отходил от края крыши.

— И вам показалось, что вы раньше могли его где-то видеть.

— Но я никак не могу вспомнить, где именно.

— Замечательно.

— Что-то было особенное в его движениях, что бросилось мне в глаза, вот и все. Может быть, контуры тела. Или одежда. Или что-то еще, пока ускользающее от моего сознания. Ну, как забытая строчка из старой песни.

— Может быть, это тот же тип, проходящий возле гаража, которого зафиксировала видеокамера?

— Нет.

Бэннон понимающе кивнул.

— Как бы там ни было, это нам практически ничего не даст. А в том, что вы его раньше где-то видели, нет ничего странного. Вы были с ним в одно время и в одном месте — в Бисмарке, а может быть, и еще где-то. Нам ведь уже достоверно известно то, что они видели вас. Они сами звонили вам. Но, конечно, хотелось бы, чтобы вы вспомнили и его лицо, и, если возможно, фамилию.

— Я сразу же сообщу вам, если что-нибудь всплывет в памяти, — пообещал Ричер.

— Ваша теория все еще остается в силе? — поинтересовался Стивесант.

— Да, — подтвердил Бэннон. — Мы до сих пор проверяем ваших бывших сотрудников. Теперь мы, как никогда, уверены в своей правоте. Иначе, как вы думаете, почему Крозетти ушел со своего поста? Ну конечно, потому что увидел человека, которому, как он подумал, можно доверять.

* * *

Они проехали с полмили на запад по Пенсильвания-авеню, оставили машину в гараже и поднялись в конференц-зал Секретной службы. Каждая минута пути без Фролих горечью отдавалась в сознании.

— Что за чертовщина! — расстраивался Стивесант. — Никогда прежде мне не приходилось терять агента. А я ведь проработал здесь двадцать пять лет. И вот сегодня за один день у меня погибают сразу двое. Мне очень нужно, чтобы этих негодяев схватили. Очень.

— Считайте, что они уже трупы, только еще передвигаются, — заметил Ричер.

— Но все обстоятельства пока свидетельствуют против нас, — добавил босс.

— Что вы хотите этим сказать? Если преступники окажутся вашими бывшими сотрудниками, то вы перестанете желать их поимки?

— Нет, я просто не желаю, чтобы они оказались людьми из нашей системы, — пояснил Стивесант.

— А я не считаю, что они окажутся вашими, — заверил его Ричер. — Однако, в любом случае, они сполна заплатят за то, что натворили. Давайте смотреть правде в глаза. Они уже сделали столько ошибок, что я потерял им счет.

— Я не хочу, чтобы они оказались людьми из нашей системы, — уже в который раз повторил Стивесант. — Но боюсь, что Бэннон может быть прав.

— Тут либо одно, либо другое, — понимающе кивнул Ричер. — Или он прав, или ошибается. Если прав, то мы узнаем об этом очень скоро, потому что он в лепешку расшибется, лишь бы доказать нам это. Вся беда в том, что он даже исключает возможность того, что ошибается. Слишком уж ему хочется победить.

— Скажите мне, что он все же ошибается.

— Я так считаю. Но дело в том, что если тут неправ я, а прав он, то это уже не имеет никакого значения, потому что Бэннон не оставит камня на камне и перевернет все вверх дном. В этом мы можем на него положиться. И не стоит его подгонять. Наша задача состоит в том, чтобы искать там, куда он не станет соваться. А как раз там-то, как мне кажется и стоит покопаться.

— Ну, все равно, скажите мне, что он ошибается.

— Его теория напоминает пирамиду, которую поставили на собственную вершину, и она каким-то чудом удерживает равновесие. Очень впечатляет, но лишь до того момента, пока она не завалится набок. Да, Армстронгу никто не говорил об угрозах, но это ничего не доказывает. Здесь полностью отсутствует логика. Может быть, как раз наоборот, у этих ребят есть повод точить зуб именно на Армстронга. Не исключено, что они просто не знают о том, что вы ничего не рассказали вице-президенту о тех письмах.

Стивесант кивнул.

— Я согласен с вами. Господь свидетель, мне очень хочется, чтобы вы оказались правы. Но что вы скажете насчет информации из Центра о тех преступлениях? Бэннон совершенно справедливо заметил, что, будь эти типы со стороны, они сами намекнули бы нам о том, где, когда и какие материалы нужно посмотреть. Они хотя бы навели нас на Миннесоту и Колорадо. С этим придется смириться.

— И его замечание насчет оружия тоже настораживает, — подтвердила Нигли. — Ну и, разумеется, адрес Фролих, который они тоже должны были каким-то образом узнать.

Ричер кивнул.

— Ну, тогда уж добавьте сюда и отпечаток большого пальца. Если вы действительно хотите окончательно погрузиться в депрессию, то учтите, что они, наверное, знали, что отпечаток большого пальца отсутствует в

доступных нам файлах, и это тоже будто бы было известно им обоим. Может быть, они сами успели это проверить.

— Этого еще не хватало! — огорчился Стивесант.

— И все равно лично я во все это не верю, — подытожил Ричер.

— Почему?

— Принесите сюда все послания, которые вы получили, и давайте еще раз внимательно изучим их.

Стивесант пару секунд молча переваривал эту просьбу, затем поднялся из-за стола и вышел из комнаты. Он вернулся через три минуты, неся в руках папку с документами. Раскрыв ее, он аккуратно выложил на стол в ряд шесть официальных фотографий, присланных из лаборатории ФБР. Сам босс все еще был одет в розовый свитер, который яркими бликами отражался на глянцевых снимках стандартного размера восемь дюймов на десять. Нигли обошла стол и устроилась рядом с мужчинами так, чтобы все трое смогли прочитать послания в том порядке, в котором они поступали от преступников.

— Отлично, — начал Ричер. — Теперь внимательно взгляните на них. Постарайтесь отметить все, что покажется вам странным. Помните, зачем вы все это делаете. Вы это делаете во имя памяти Фролих.

Фотографии заняли на столе четыре фута в длину, и поэтому всем пришлось встать, чтобы иметь возможность рассматривать снимки.

Ты умрешь.

Вицепрезидент Армстронг умрет.

День, когда умрет Армстронг, быстро приближается.

Демонстрация его уязвимости будет произведена сегодня.

Как вам понравилась демонстрация?

Это произойдет очень скоро.

* * *

— И что же? — нетерпеливо спросил Стивесант.

Обратите внимание на грамотность составителей этих писем. За исключением слова «вице-президент», о котором я хочу поговорить позже, у них с правописанием все в порядке. Посмотрите, они правильно проставили запятые в третьем письме, не забыли про точки в конце каждого послания, кроме вопросительного предложения. Ну, и так далее.

— Что же в этом такого удивительного?

— То, что это люди грамотные, немаловажно.

— Допустим.

— А теперь обратите внимание на четвертое письмо.

— Что же в нем особенного?

— Нигли, — обратился Ричер к женщине. — Как оно тебе нравится?

— Ну, немножко старомодно звучит. Вернее, как-то по-книжному.

— Вот именно, — кивнул Ричер.

— Но это же ничего не доказывает, — недоумевал Стивесант.

— В самом деле, — согласился Ричер. — Но теперь перейдем к самому главному. Вы когда-нибудь читали Конституцию?

— Какую? Соединенных Штатов?

— Ну конечно.

— Наверное, когда-то читал, — начал вспоминать Стивесант. — Только очень уж давно.

— Я тоже, — признался Ричер. — В одной из школ, где я учился, каждому ученику выдали по экземпляру Конституции. Это была тоненькая книжечка, но в твердом переплете, с жесткими краями, и мы использовали ее на переменах, когда били друг друга, используя ее в приемах карате вместо собственной ладони. Помню, это было чертовски больно.

— И что же?

— Это правовой документ. Ну и, конечно, исторический. Но главное, правовой. Поэтому, когда кто-то хочет переиздать Конституцию, это надо делать крайне аккуратно. Нельзя путать слова, и надо повторить ее точно в таком же виде, в каком она была издана до вас. Иначе новая книга потеряет всякую ценность. Например, нельзя ничего делать с языком, которым она написана — ни осовременить его, ни отредактировать по собственному усмотрению.

— Наверное, вы правы.

— Самые ранние главы относятся еще к 1787 году. Последняя поправка, что касается моего тогдашнего экземпляра, была двадцать шестой и датировалась 1971-м годом. В ней говорится о снижении возраста имеющих права голоса до восемнадцати лет. Итак, Конституция

охватывает период в сто восемьдесят четыре года. И все в ней воспроизводится так, как было записано в те или иные времена.

— Ну и что?

— Но вот что мне особенно запомнилось. В первой части слово «вице-президент» пишется через дефис. То же самое можно сказать и о последней части Конституции. Дефис в этом слове имеется. Но вот в тех главах, что были написаны где-то в середине нашей истории, этот дефис потерялся. Это продолжалось недолго, примерно с 60-х годов XIX века и до 30-х годов XX века. Тогда слово «вице-президент» писалось слитно, без дефиса.

— Именно так и написали это слово наши неизвестные.

— Да, в своем втором послании.

— И что же из этого следует?

— А вот что. Можно предположить, что в школе они были прилежными учениками, поскольку все их послания написаны грамотно. Но учились они в какой-то сельской местности, в глухомани, где использовались старые книги и учебники. Вот оттуда у них и сохранился немножко архаичный стиль. Поэтому-то я и подумал, что они учились там, где налоги невысокие. И второе: эти типы никогда не работали в Секретной службе. Иначе им бы приходилось часто иметь дело со всевозможными бумагами. Я это уже понял. Даже у нас в армии не было такого количества бумажной работы, как у вас. И человек, который трудится здесь, должен писать слово «вице-президент», наверное, по нескольку раз в день, а потому он точно знает, как это слово пишется в наше время. Они бы давно привыкли к изменившемуся правописанию, если бы работали с документами.

В комнате некоторое время царила тишина.

— А что если это послание писал кто-то другой? — заговорил Стивесант. — Ну, тот, с отпечатком большого пальца, который здесь никогда не работал.

— Это уже не имеет значения, — отмахнулся Ричер. — Как правильно заметил Бэннон, эти двое представляют собой команду, некое единое целое. Они тесно сотрудничают друг с другом и стараются, чтобы все у них получалось безупречно. Так что если бы один из них ошибся, а другой заметил это, он сразу бы поправил своего товарища. Но это слово так и осталось написанным с ошибкой, потому что никто из них не знал современного написания. Отсюда так и напрашивается вывод: никто из них здесь у вас не работал.

Стивесант долго молчал.

— Мне очень хочется поверить в это, — наконец выдавил он. — Но только вся ваша теория строится на крошечном дефисе.

— Который на самом деле является очень важной деталью, — заметил Ричер. — Не забывайте об этом.

— Я и не забываю. Я просто пытаюсь сосредоточиться, чтобы рассуждать логично.

— Вам, наверное, начинает казаться, что я сошел с ума.

— Нет, я думаю о том, смогу ли я принять за основу такую шаткую теорию.

— В этом и заключается вся ее красота, — подхватил Ричер. — Но даже если я полностью неправ, это тоже не имеет никакого значения, ведь ФБР позаботится о том, чтобы разыскать их, основываясь на списках ваших бывших сотрудников.

— А почему вы не учитываете того варианта, что они могли нарочно неправильно написать одно слово, чтобы просто ввести нас в заблуждение? — высказал свое предположение Стивесант. — Не исключено, что они хотят запутать нас, замести следы, скрыть свое происхождение, образование и так далее.

Но Ричер отрицательно покачал головой.

— Не думаю. Это было бы чересчур тонко. В таком случае, они нарочно наляпали бы грубых ошибок и наставили бы лишних запятых. А вот слово «вице-президент» действительно оказалось роковым. Да тут не только школьник задумается, как его писать — раздельно или слитно?

— Ну, если считать, что вы правы, какие же конкретные выводы вы сделали? — поинтересовался Стивесант.

— Во-первых, можно определить их возраст, — начал объяснять Ричер. — Самое большее, им может быть по пятьдесят с небольшим, чтобы суметь все это организовать и выполнить. Даже взять такую мелочь, как бег по лестнице на складе вверх и вниз. Но они не могут быть моложе сорока с небольшим, потому что Конституцию изучают в младших классах, а уж к 1970 году все школы в Америке были обеспечены новыми учебниками. Мне кажется, что они изучали Конституцию как раз перед 70-м годом. В то время сельские школы продолжали отставать от городских. Ну, вы, наверное, должны все это знать: там имелась всего одна классная комната, учебники пятидесятилетней давности, устаревшие географические карты на стенах. Одним словом, вы сидите вместе со всеми своими двоюродными и троюродными братьями и сестрами и слушаете, как вещает некая седая старушка...

— И все же, это несколько притянуто за уши, — попытался возразить Стивесант. — И тоже напоминает мне все ту же злосчастную пирамиду, балансирующую на собственной вершине. Все это замечательно, но лишь до тех пор, пока пирамида не завалится на сторону.

В комнате стало тихо.

— Что ж, я сам доведу дело до конца и все выясню, — пообещал Ричер. — Неважно, будет со мной сотрудничать Армстронг или нет. И мне даже не важно, станете ли мне в этом помогать вы сами. Если возникнет необходимость, я справлюсь и один. Только во имя Фролих я сделаю все сам. Она заслуживает этого.

Стивесант кивнул:

— Ну, если ни один из них не работал у нас, откуда они узнали о том, что ФБР само сообщит нам об обнаружении сведений об убийствах в информационном Центре?

— Понятия не имею, — честно признался Ричер.

— Каким образом им удалось обмануть Крозетти?

— Не знаю.

— Откуда у них взялось именно то оружие, которое заказываем только мы?

— И это мне не известно.

— Как они узнали домашний адрес Эм-И?

— Его им сказал Нендик.

Стивесант кивнул:

— Хорошо. Но тогда каковы были их мотивы?

— Личная неприязнь и враждебное отношение Армстронгу, как мне кажется. У такого крупного политика должна быть масса врагов и недоброжелателей.

И снова тишина.

— А может быть, твоя теория, так же, как и теория Бэннона, верна лишь наполовину? — заметила Нигли. — Вот и получается что-то вроде «пятьдесят на пятьдесят». Может быть, они — совершенно посторонние люди, но просто точат зуб на Секретную службу. Может, это те, кто хотел поступить сюда на службу, но не прошел тестирование. Ну, те, кто просто мечтал о такой работе. Этакие тупоголовые громилы, которым можно найти место где-нибудь в силовых структурах. Они-то как раз

могли знать и об информационном Центре, и об оружии, которое вы закупаете.

— А что, это отличное предположение, — ухватился за мысль Нигли босс. — Мы действительно отказываем в рабочих местах очень многим претендентам. И некоторые сильно переживают свою неудачу. Отказ для них является настоящим горем. Может быть, вы правы.

— Нет, — вступил в разговор Ричер, внимательно слушавший Нигли. — Она ошибается. Зачем бы им тогда ждать столько времени? Я все же придерживаюсь своей теории относительно их возраста. Никто ведь не будет устраиваться на работу в Секретную службу в возрасте пятидесяти лет или около того. Если им отказали в рабочем месте, то очень давно, когда этим ребятам было лет по двадцать пять. Зачем же ждать четверть века, чтобы отомстить?

— И это тоже верно, — вынужден был согласиться Стивесант.

— Я уверен в том, что здесь не последнюю роль играет сама личность Армстронга, — продолжал Ричер. — Так должно быть, по крайней мере. Давайте проанализируем временной фактор, а также причинно-следственный. Армстронг баллотировался летом. До этого никто о нем ничего и не слышал. Фролих сама мне об этом говорила. И вот теперь мы получаем письма с угрозами, адресованными ему. Но почему именно сейчас? Скорее всего, это касается того, что он сделал во время предвыборной кампании, не иначе.

Стивесант молча уставился на стол, положил на него обе ладони и начал выводить ими круги, словно расправлял складки на невидимой скатерти. Так прошло с полминуты. После этого он бережно взял со стола первую фотографию и положил ее под вторую, потом поднял первые две и подложил их под третью, и так далее, пока не собрал всю пачку вместе. Уложил их в папку и захлопнул ее.

— Хорошо, мы с вами поступим вот как, — начал он. — Мы расскажем Бэннону о теории, выдвинутой только что Нигли. Тот, кого мы не приняли на работу, более или менее схож с теми людьми, которых мы уволили. Все равно горечь поражения присутствует и у тех, и у других. Пусть ФБР разбирается и с ними тоже. Мы больше возимся с бумагами, а у них достаточно персонала. К тому же, я все же склонен считать, что они правы. Но мы будем последними болванами, и к тому же не исполним свой долг, если не расскажем им об этой новой теории. Вдруг все же они ошибаются? Ну а мы тем временем займемся теорией Ричера. Это нужно хотя бы потому, чтобы занять себя чем-нибудь и попытаться в знак памяти Фролих разобраться с этим делом до конца. Итак, откуда мы можем начать свое расследование?

— С Армстронга, — предложил Ричер. — Нам нужно выяснить, кто именно так ненавидит его и почему.

* * *

Стивесант позвонил домой одному из сотрудников Управления по исследованию проблем охраны и безопасности и попросил его немедленно приехать в офис. Несчастный сотрудник попытался было объяснить боссу, что в данный момент у него в семье на стол подают праздничные блюда, так как наступает обеденное время, и Стивесант смягчился. Он позволил ему доесть индейку, сказав, что будет ждать его через два часа. После этого он снова отправился в здание Гувера, чтобы еще раз встретиться с Бэнноном. Ричер и Нигли остались ждать его в приемной. Там стоял телевизор, и Джек решил посмотреть новости, чтобы узнать, стал ли все-таки Армстронг делать то самое заявление, о котором его просил он сам, или нет. До выхода блока новостей в эфир оставалось полчаса.

— С тобой все в порядке? — заволновалась Нигли, обратив внимание на обеспокоенное выражение лица своего товарища.

— Я как-то странно себя чувствую, — пояснил он. — Как будто я представляю собой сразу двоих. И она тоже перед самой смертью приняла меня за брата.

— А как бы Джо повел себя сейчас? Что бы он предпринял?

— Наверное, то же самое, что собираюсь предпринять и я сам.

— Тогда действуй, — кивнула Нигли. — Для Фролих ты всегда был Джо. Может быть, тебе и удастся сделать это во имя нее.

Ричер промолчал.

— Закрой глаза, — посоветовала Нигли. — Очисть свой мозг. Тебе нужно сосредоточиться на том стрелке.

Но Ричер только покачал головой:

— Если я начну сосредотачиваться, у меня вообще ничего не получится.

— Тогда думай о чем-нибудь другом. Используй боковое зрение. Вообрази, что смотришь куда-нибудь еще. Ну, возможно, на крышу соседнего склада.

Джек послушно закрыл глаза и увидел край крыши, очень четкий в солнечных лучах. Увидел небо, ясное и бледное одновременно. Зимнее небо. Бесконечное и однообразное. Он смотрел в него и вспоминал те звуки, что слышал в это утро. Практически безмолвная толпа, звон половников, голос Фролих, говорившей: «Спасибо, что пришли», да повторяющееся «угощайтесь» нервничавшей миссис Армстронг, словно

она сама до конца не понимала своей роли в происходящем. Затем мягкий звук первой пули, пролетевшей в четырех футах от Армстронга и ударившейся в кирпичную стену. Наверное, стрелок поторопился. Вот он поднимается на крышу, останавливается и негромко окликает Крозетти. Тот видит его, узнает и делает несколько шагов. Возможно, неизвестный в это время отступает к лестнице. Крозетти приближается, и в него стреляют. Надстройка на крыше полностью поглощает и без того тихий звук выстрела из винтовки с глушителем. Неизвестный перешагивает через тело и, пригнувшись, бежит к краю крыши. Становится на колено и поспешно стреляет, не успев унять дыхание. Он промахивается на четыре фута. Пуля ударяет в кладку, и маленький осколок кирпича царапает щеку Ричера. Неизвестный передергивает затвор и тщательно прицеливается для второго выстрела.

Джек открыл глаза.

— А ты пока-то поразмышляй над проблемой «как», — попросил он Нигли.

— Что именно «как»?

— Как им удалось отвлечь Крозетти и заставить его отойти с поста. Мне очень важно знать, как они это сделали.

Нигли помолчала несколько секунд, потом снова заговорила.

— Боюсь, что теория Бэннона лучше всего подходит к данному случаю, — сказала она. — Крозетти поднял глаза и увидел кого-то из своих знакомых.

— Давай пока отбросим этот вариант, — предложил Ричер. — Придумай что-нибудь еще.

— Я поразмышляю над этим, — пообещала Нигли. — А ты пока что вспоминай стрелка.

Джек снова закрыл глаза и мысленно представил себе крышу соседнего склада. Затем вернулся к раздаточным столам. Он вспомнил струю крови и то, что сразу что пришло ему в голову при виде этого красного облачка. Смертельный выстрел. Откуда исходит опасность? Вот тогда-то он поднял глаза вверх и увидел... что? Изгиб спины или плеча. Фигура наверху передвигалась. И было что-то в этом силуэте и в ее перемещении, что сливалось воедино...

— Пальто! — осенило Джека. — Фасон пальто на том человеке показался мне тогда и странным и удивительно знакомым. Вернее, то, как он передвигался в этом пальто.

— Значит, ты видел раньше именно это пальто?

— Кажется, да.

— Какого оно цвета?

— Не знаю. По-моему, оно вообще было каким-то бесцветным. То есть самым обычным. Темным, наверное, вот и все.

— Может быть, это какая-то особая ткань?

— Да, ткань, конечно, имеет значение. Но я не могу ее припомнить. Она и не толстая, и не тонкая.

— Может быть, в рубчик?

Но Ричер медленно покачал головой:

— Это совсем не то пальто, которое мы наблюдали на пленке на том типе, который проходил мимо гаража. Да и сам парень был другим. Мой выше и худощавей, причем у него особенно изящна верхняя часть туловища. От этого и пальто казалось чересчур длинным. Да-да, именно длинным.

— Но ты говорил, что видел только его плечи.

— И все равно оно сидело на нем так, как может сидеть только длинное пальто.

— Как именно?

— Ну, оно должно было тоже двигаться вместе с ним каким-то особенным образом, как если бы тот тип очень энергично передвигался по крыше.

— Так оно и было, наверное. Еще бы! Этот тип стрелял в Армстронга, и ему нужно было пошевеливаться, чтобы вовремя успеть удрать.

— Нет, дело даже не в этом. У меня создалось впечатление, что этот человек всегда полон энергии. Словно его переполняет желание постоянно находиться в движении. Этакий стройный мужчина, уверенный в себе и, следовательно, в своих движениях.

— Его возраст?

— Он постарше нас.

— Телосложение?

— Среднее.

— Волосы?

— Не помню.

Он закрыл глаза и стал перебирать в памяти различные фасоны пальто. Длинное, при этом ткань не толстая, но и не слишком тонкая. Джек расслабился, позволяя своим мыслям беспрепятственно блуждать, где им вздумается, но они каждый раз возвращали его в тот самый магазин в Атлантик-Сити, где он проторчал целых пять минут перед разнообразием всевозможных моделей, и выбрал самое дурацкое пальто, можно сказать, почти наугад. А из Атлантик-Сити мысли понесли его на Запад, в пустынный гостиничный номер «Ла Джолла» в Калифорнии.

* * *

Через двадцать минут Джек отчаялся вспомнить что-либо еще и жестом попросил дежурного офицера включить звук телевизора на время выпуска новостей. Сводку открывало сегодняшнее происшествие у приюта. На заднем плане, за спиной ведущего сначала появилась большая фотография, изображающая Армстронга на трибуне. Затем начался видеорепортаж. Вице-президент помогал своей жене выйти из лимузина. Они встали рядом друг с другом, счастливо улыбаясь в камеру. Затем был показан вице-президент, воинственно вскидывающий в руках половник и ложку. Он не переставал улыбаться. На этом эпизоде диктор умолк, и послышался голос самого Армстронга: «Поздравляю всех с Днем Благодарения!». Затем в течение семи или восьми секунд демонстрировали, как происходила раздача угощения бездомным.

А затем они показали весь тот ужас, который Ричер один раз уже успел пережить.

Из-за глушителя звука выстрела не было слышно, и потому снимающий не пригнулся и даже не вздрогнул. Он все так же продолжал держать камеру и снимать. Но из-за отсутствия звука выстрела казалось непостижимым, почему Фролих вдруг так неожиданно прыгнула на Армстронга. Спереди это выглядело чуть по-другому. Она просто оттолкнулась от земли левой ногой и взвилась в воздух, изворачиваясь на половине пути. У нее был отчаянный вид, хотя прыжок получился весьма грациозным. Сначала пленку прокрутили на обычной скорости, затем еще раз — замедленно. Фролих положила правую руку на левое плечо Армстронга, пихнув его при этом вниз. Сама же она от этого столкновения чуть поднялась вверх, подогнула ноги и коленями повалила вице-президента на землю. Он упал, и она сразу же последовала за ним. В тот момент, когда пуля настигла ее, голова Фролих находилась на фут ниже, чем в ее обычном состоянии.

— Черт! — только и смог произнести Ричер.

Нигли медленно кивнула.

— Она действовала слишком уж быстро. Замешкайся она на четверть секунды, ее тело оставалось бы достаточно высоко в воздухе. И пуля наверняка угодила бы в жилет.

— Она все делала стремительно.

Запись прокрутили еще раз на обычной скорости. Через несколько секунд все было закончено, но пленка продолжала показывать последующие события, словно репортер прирос к земле, не в силах сойти с места. Ричер увидел самого себя, пробирающегося к Фролих через барьер из столов. Затем показали стрелявших по крыше агентов. Фролих не было видно, ее скрывали столы. Затем журналист, видимо, пригнулся вместе с камерой, потом споткнулся, судя по дрогнувшему изображению. Началась суматоха, но оператору не терпелось запечатлеть происходящее у приюта. Он двинулся было вперед, но тут возле самого объектива мелькнуло лицо Нигли, и запись на этом закончилась. На экране появился комментатор, объявивший о том, что реакция Армстронга на происшедшее возле приюта оказалась быстрой и впечатляющей.

На экране появилась площадка, которую Ричер сразу же узнал: это была парковочная стоянка перед западным крылом Белого Дома. Армстронг стоял рядом с женой. Они все еще были одеты, как и во время мероприятия, только сняли бронежилеты, и кто-то успел вытереть вице-президенту кровь со щеки. Армстронг был аккуратно причесан, и лицо его выражало решительность. Он говорил тихо и сдержанно, как обыкновенный человек, который только что пережил личную трагедию и теперь сражается с собственными эмоциями. Армстронг говорил о той скорби, которая охватила его в связи с гибелью двух агентов. Затем он похвалил каждого за отличные качества и выразил свое соболезнование семьям погибших. Далее он отметил, что агенты погибли, защищая демократию в целом, а не только его одного, как личность. Армстронг надеялся, что это послужит хотя бы небольшим утешением родственникам, которые должны гордиться, что в их семьях родились такие люди. Армстронг обещал, что очень скоро злоумышленники ответят за содеянное. После этого он убедил страну в том, что никаким насилием никто не сможет запугать правительство, и команда переходного периода будет продолжать свою работу, как и прежде. Однако, как заметил Армстронг, в знак уважения перед погибшими, он останется на выходные в Вашингтоне, отменит любые развлечения до тех пор, пока не поприсутствует на службе в память о своем личном друге и ведущем агенте. Он добавил, что служба состоится в воскресенье утром в небольшой сельской церкви маленького городка Грейс, то есть «милости Господней», в Вайоминге. И эта метафора как нельзя лучше отражает величие и непреходящую славу Америки.

— По-моему, он насмерть перепуган, — заметил дежурный офицер.

— Нет, как раз с ним-то все в порядке, — ответил ему Ричер.

Диктор принялся рассказывать о предстоящем футбольном матче четвертьфинала, и дежурный офицер, выключив звук телевизора, отвернулся. Ричер закрыл глаза. Он думал о Джо, потом о Фролих, потом о них обоих. Затем снова повторил то самое движение, когда посмотрел сначала на Фролих, а в следующую секунду — на крышу склада. Итак, изогнутое облачко кровавых брызг, изгиб плеча стрелявшего, вот он удаляется, покачиваясь… Покачиваясь. И пальто тоже удаляется вместе с ним. Он снова мысленно просмотрел этот эпизод, словно мог перематывать свои впечатления, как видеопленку. И тут же широко раскрыл глаза.

— Ты уже догадалась, как они обманули часового? — спросил он у Нигли.

— Не могу отделаться от намека Бэннона.

— Какого?

— Ну, того самого, что Крозетти якобы увидел знакомое лицо, а потому поверил, что перед ним свои.

— Кого он увидел: мужчину или женщину?

— Судя по всему, мужчину.

— Ну-ка, ну-ка, повтори мне еще раз то, что ты сказала.

— Крозетти увидел знакомое лицо, а потому доверился этому человеку.

Но Ричер покачал головой.

— Не совсем так. Гораздо короче: Крозетти увидел того, кому можно доверять.

— Кого же он там увидел? — напряглась Нигли.

— Ну кто может появляться в любом месте так, чтобы это не вызывало подозрения?

Нигли внимательно посмотрела на Джека:

— Представитель силовых структур?

Ричер кивнул.

— Вот именно. А пальто у него было коричневато-рыжего цвета или что-то вроде того. Не совсем пальто, и не совсем плащ, так, что-то среднее между ними. Он бежал, расстегнув его, и потому полы развевались сзади на ветру.

— Кто «он»? Кто и куда бежал?

— Тот полицейский в Бисмарке. Лейтенант или кто он там такой... Он подбежал ко мне в тот момент, когда я выбрался из церкви. И это он был на крыше склада.

— Как?! Полицейский?!

* * *

— Это очень серьезное заявление, — заметил Бэннон. — Вы видели этого человека только четверть секунды с расстояния в девяносто ярдов, да еще в стрессовой ситуации.

Они снова вернулись в конференц-зал ФБР. Стивесант так и не уходил отсюда и по-прежнему был одет в розовый свитер. И этот зал со всеми удобствами все так же производил на босса должное впечатление.

— Это был он, — упрямо повторил Ричер. — Я абсолютно уверен.

— Но у всех полицейских обязательно берут отпечатки пальцев, — возразил Бэннон. — Это одно из условий приема на работу.

— Значит, его напарник — не полицейский, — упорствовал Джек. — Ну, тот самый, который проходил мимо гаража на видеозаписи.

Никто ему не ответил.

— Это он, — заключил Ричер.

— Сколько времени вы имели возможность общаться с ним в Бисмарке? — спросил Бэннон.

— Секунд десять, наверное. Он торопился к церкви. Может быть, он видел меня внутри нее, выбежал на улицу, но, заметив, что я выскочил следом, тут же развернулся, притворившись, что бежит навстречу.

— Всего получается десять секунд с четвертью, — подытожил Бэннон. — И оба раза в экстремальной ситуации. Адвокаты просто сожрут вас с потрохами.

— Тем не менее, здесь кроется некий смысл, — вступил в разговор Стивесант. — Бисмарк ведь тот самый город, в котором постоянно проживал Армстронг, а именно в таких местах и следует искать корни междоусобицы и прочих распрей.

Бэннон поморщился.

— Вы можете описать этого полицейского?

— Высокий, — начал Ричер. — Волосы песочного цвета, частично седые. Худое лицо, сам тоже тощий. Твидовый пиджак, белая рубашка, серые брюки и длинное, нараспашку, коричневое пальто. Тяжелые ботинки.

— Возраст?

— Около пятидесяти.

— Звание?

— Он показал мне свой значок, но в тот момент находился на расстоянии в двадцать футов от меня. Конечно, я не смог прочитать, что там было написано. Но мне показалось почему-то, что это кто-то из офицеров: лейтенант или, может быть, даже капитан полиции.

— Он разговаривал с вами?

— Он обратился ко мне издали, не подходя ближе. Ну, десятка полтора слов, не больше.

— Это был тот же парень, что и звонил вам по телефону?

— Нет.

— Значит, теперь нам известны они оба, — подвел итог Стивесант. — Коротышка в пальто в рубчик, тот, что на видео возле гаража, и высокий худой полицейский из Бисмарка. Низенький разговаривал по телефону, и отпечаток большого пальца также принадлежит ему. И он же побывал в Колорадо с автоматом, потому что полицейский стрелял из винтовки. Вот почему он торопился к церкви. Он собирался стрелять.

Бэннон открыл папку и вынул оттуда лист бумаги. Внимательно просмотрев его, он заявил:

— Сотрудники нашего филиала в Бисмарке предоставили нам списки всех тех, кто присутствовал на мероприятии в тот день. Здесь приводятся фамилии сорока двух полицейских, но нет никого, по званию выше сержанта, кроме двоих: самого капитана полиции и лейтенанта, его помощника.

— Это мог быть как раз один из них, — вставил Ричер.

Бэннон вздохнул.

— Это ставит нас в весьма затруднительное положение.

Стивесант уставился на него.

— Вы что же, переживаете из-за того, что вам, может быть, предстоит сообщить неприятные известия в полицию Бисмарка?

— Я вовсе не переживаю, — огрызнулся Бэннон. — Я просто думаю, какой тактики придерживаться, сообщая им об этом. Если бы речь шла об обыкновенном патрульном, я бы переговорил с лейтенантом или капитаном и попросил бы их самостоятельно все расследовать. Но в обратную сторону ничего не получается. А уж алиби, я полагаю, там успел обеспечить себе каждый. К тому же, сегодня, в праздничный день, старшие офицеры, скорее всего, находятся на отдыхе.

— Немедленно звоните им, — попросила Нигли. — Выясните, кого нет в городе. Они еще не успели туда вернуться. И продолжайте контролировать аэропорты.

Но Бэннон лишь покачал головой.

— Сегодня многие могут отсутствовать дома по очень веским причинам. Кто-то уехал навещать родственников, вот и все. Этот праздник — дело семейное. А наш стрелок как раз мог бы уже успеть попасть домой. Ему ничего не стоило беспрепятственно улететь, в этом-то все и дело. Наши агентства суетятся, но мало кто знает персонал всех организаций в лицо. Вот он и воспользовался всеобщей неразберихой. Он просто показал свой значок и спокойно прошел туда, куда ему нужно. Становится понятно, каким образом им удавалось всякий раз проникать туда, куда это было необходимо. И точно так же они выбираются назад. Кого же более естественного в таких ситуациях можно представить, как не бегущего полицейского, демонстрирующего при этом свой значок? В комнате стало тихо.

— В личных делах должны быть фотографии всех полицейских, — заговорил Стивесант. — Нужно связаться с полицией и попросить их прислать нам копии всех личных дел. Пусть Ричер просмотрит эти снимки и опознает нашего стрелка.

— На это уйдет не один день, — возразил Бэннон. — И через кого я должен делать подобный запрос? Может быть, я как раз буду разговаривать с самим преступником, когда начну просить его о помощи.

— Тогда свяжитесь со своим филиалом в Бисмарке, — предложила Нигли. — Не удивлюсь, если узнаю, что у местных фэбээровцев имеются не совсем законные личные дела с фотографиями на каждого сотрудника полиции.

Бэннон улыбнулся.

— Вообще-то данная информация должна быть вам недоступна.

Затем он поднялся из-за стола и отправился к себе в кабинет, чтобы оттуда сделать соответствующий звонок.

* * *

— Итак, Армстронг сделал необходимое заявление, — начал Стивесант. — Вы видели его по телевизору? Но это будет стоить ему дорого в смысле политической карьеры, потому что я не смогу отпустить его туда.

— Мне нужна была приманка, не более того, — пояснил Ричер. — Мне будет даже легче действовать, если он туда не полетит. И уж последнее, о чем я сейчас тревожусь, так это политика.

Стивесант ему не ответил, и в комнате снова воцарилась тишина. Через пятнадцать минут вернулся Бэннон. Лицо его не выражало ровным счетом ничего.

— У меня есть хорошие новости и не очень, — начал он. — Сначала хорошие. Бисмарк — не самый крупный город на земле. В полиции служат сто тридцать восемь человек. Тридцать два из них — гражданские лица. Значит, остается сто шесть сотрудников, имеющих значки офицера. Двенадцать из них — женщины. Следовательно, остается девяносто четыре. И, благодаря чудесам не совсем законной разведки и современной технологии, мне удалось договориться о том, что нам просканируют и перешлют сюда электронной почтой все девяносто четыре фотографии этих полицейских всего через десять минут.

— А плохие новости? — заволновался Стивесант.

— Чуть позже, — пообещал Бэннон. — Пусть сначала Ричер отнимет у нас еще немного времени.

Он оглядел комнату, но не стал более ничего добавлять. Ждать пришлось даже чуть менее десяти минут. В комнату вошел агент и положил перед Бэнноном стопку листов. Агент подтолкнул ее Ричеру. Тот взял стопку в руки и сначала быстро просмотрел документы. На шестнадцати страницах были размещены фотографии сотрудников полиции Бисмарка. Пятнадцать страниц по шесть снимков на каждой и одна страница, где разместились оставшиеся четыре. Всего девяносто четыре фотографии. Он начал с последнего листа. Ни одно из лиц, изображенных на нем, не показалось ему знакомым.

Затем он взял в руки пятнадцатую страницу. Просмотрел все шесть снимков и отложил листок в сторону. Взял следующую страницу и снова просмотрел ее. Он работал быстро. Ему не нужно было вглядываться в лицо каждого полицейского, потому что перед его мысленным взором тот самый мужчина, появившийся на поле в Бисмарке, вырисовывался достаточно четко. Но на четырнадцатой странице его не оказалось. Равно как и на тринадцатой.

— А вы уверены, что хорошо помните его? — спросил Стивесант.

Двенадцатая страница легла рядом на стол вместе с теми, которые Джек уже просмотрел.

— Уверен, — коротко отозвался Ричер. — Это был он, тот самый полицейский. У него в руке имелся значок, да он сам выглядел, как настоящий полицейский. Ну, такой же, как, например, Бэннон.

Одиннадцатый и десятый лист также не принесли результатов.

— Но я не похож на полицейского, — вставил Бэннон.

Девятый лист тоже оказался отвергнутым.

— Вы смотритесь как самый настоящий полицейский, — кивнул Ричер. — У вас такое же пальто, брюки и ботинки. Да у вас даже лицо, как у заправского копа.

Восьмая страница также оказалась бесполезной.

— И он вел себя как подобает полицейскому, — добавил Ричер.

Седьмая страница последовала за восьмой.

— От него даже пахло как от полицейского.

Шестая и пятая отправились туда же.

— А что он вам сказал? — поинтересовался Стивесант.

Ничего интересного и на четвертой странице.

— Он спросил меня, безопасно ли в церкви на данный момент. Я кивнул и спросил его, что происходит. Он ответил, что, по всей видимости, начались какие-то неприятности. Потом он наорал на меня за то, что я оставил церковь открытой. Настоящий полицейский поступил бы точно так же.

Третья и вторая страница ничего не изменили, и когда Ричер брал в руки последнюю, он уже точно знал, что и на ней не будет фотографии того типа с поля. Он бросил лист рядом с остальными и отрицательно покачал головой.

— Ну ладно, а теперь плохие новости, — начал Бэннон. — Дело в том, что в полиции Бисмарка нет сотрудников, которые пришли в тот день в штатском. Ни единого. И вообще, такое мероприятие они посчитали праздником, а потому все сорок два сотрудника явились в парадной форме. Включая лейтенанта и капитана. Ну, там, белые перчатки и все такое прочее.

— Но тот парень был полицейским Бисмарка, — упрямо повторил Ричер.

— Нет, — покачал головой Бэннон. — Он им не был. В лучшем случае, он пытался выдать себя за такового.

Ричер промолчал.

— И, судя по всему, у него это неплохо получилось, — добавил Бэннон. — Вас, например, ему удалось обмануть. Очевидно, у него оказались подходящими и внешний вид, и манеры.

В комнате снова стало тихо.

— Итак, боюсь, в нашем расследовании пока ничего не изменилось, — продолжал Бэннон. — Мы все еще просматриваем списки бывших сотрудников Секретной службы и ищем преступников среди них. И кто может лучше сыграть роль провинциального полицейского, как не тот ветеран, который сам неоднократно участвовал в подобных мероприятиях и тысячи раз сталкивался с такими вот сельскими стражами порядка?

Глава 15

Сотрудник из Управления по исследованию проблем охраны и безопасности уже ожидал Стивесанта в приемной, когда троица вернулась в Министерство финансов. Он был одет в вязаный свитер и голубые брюки и выглядел так, словно ему пришлось сбежать прямо из-за стола во время праздничного обеда. Примерно одного возраста с Ричером, он внешне напоминал университетского профессора. Особенно поражали воображение его глаза: мудрые и настороженные, отчего казалось, будто этому человеку пришлось многое повидать и еще больше услышать. Он носил фамилию Суэйн. Стивесант, представив его, сам куда-то исчез. Суэйн повел Ричера и Нигли по коридорам, где те раньше еще не были, и вскоре они очутились в просторном помещении, которое одновременно выполняло роль библиотеки и лекционного зала. У трех стен здесь стояли книжные шкафы, у четвертой — ряд столов с компьютерами и принтерами. Имелась и кафедра, перед которой стояло с дюжину стульев.

— Я слышал о теории, которой сейчас придерживается ФБР, — сразу приступил к делу Суэйн.

— И вы верите в это? — поинтересовался Джек.

Суэйн неопределенно пожал плечами.

— Так верите или нет? — не отступал Ричер.

— Я полагаю, что ее нельзя считать невозможной. С другой стороны, нет особых причин верить в нее. С тем же успехом можно утверждать, что это бывшие сотрудники ФБР. Или даже те, кто сейчас работает у них.

Кстати как агентство мы более эффективны, чем они. Может быть, они намеренно решили нас унизить.

— Вы считаете, что нам следует покопаться и в этом направлении?

— А вы ведь брат Джо Ричера, верно?

Джек кивнул.

— Я работал с ним, — добавил Суэйн. — Когда-то.

— И что же?

— Ему нравились случайные наблюдения, из которых можно делать заключения.

— Мне они тоже нравятся, — поддержал его Ричер, — у вас такие имеются?

— Моя работа связана с чистой теорией, — вздохнул Суэйн. — Вы понимаете? Я настоящий исследователь. Даже, я бы сказал, ученый. И потому могу только анализировать.

— Ну и что же?

— Данная ситуация не похожа на все то, с чем мне приходилось сталкиваться ранее. Ненависть здесь очевидна. Видите ли, убийства, особенно политические, могут быть идеологическими или функциональными. Функциональное убийство происходит в том случае, если необходимо отделаться от человека по политическим или экономическим причинам. Об идеологическом убийстве можно говорить, если вы убиваете кого-то из-за того, что ненавидите. В течение многих лет было совершенно бесчисленное количество покушений, связанных с данными причинами. Но нет смысла рассказывать о них, поскольку преступники в результате так ничего и не добились. И конечно, они руководствовались в основном своей безграничной ненавистью. Правда, обычно эмоции скрываются, а злоумышленники действуют, как настоящие конспираторы. Они перешептываются, даже беседуя друг с другом. Нам же достается лицезреть только результат их работы. Однако в нашем случае ненависть выплескивается наружу. Эти люди пошли на большой риск и сделали немало, при этом всякий раз убеждаясь, что их послания достигают нас.

— Каким же будет ваше заключение?

— Мне кажется, что особого внимания заслуживает подготовительная стадия в их работе. Возьмите, к примеру, эти письма. Подумайте о риске, на который пошли преступники. А сколько энергии они потратили на то, чтобы свести риск к минимуму? Они позволили себе огромные затраты

именно на раннем этапе. Поэтому, надо полагать, они считали свой план достойным этих затрат.

— И все напрасно, — заметила Нигли. — Армстронг так и не увидел ни одного из их писем. Они зря потратили столько сил и времени.

— В этом можно винить только их невежество, — продолжал Суэйн. — А вы сами были уверены в том, что нам никогда не придется обсуждать проблему угроз с вице-президентом?

— Нет, — призналась Нигли. — И вообще все это меня удивило.

— Вот именно, — кивнул Суэйн. — Все только и делали, что удивлялись. А вот эти парни считали, что их письма сразу же попадут в руки Армстронга. Поэтому я уверен, что у них имеется личная неприязнь к вице-президенту. И они нацелились непосредственно на него, а вовсе не на нас.

— И мы тоже рассчитываем выйти непосредственно на них, а не на кого-нибудь другого, — сказал Ричер. — А что же это за особая причина, вызвавшая такую ненависть?

— Возможно, вы посчитаете меня наивным, — начал Суэйн, — но я не верю в то, что человек который работает у нас или когда-то работал, смог убить еще и тех двоих Армстронгов. Нет, это невозможно.

Ричер пожал плечами.

— Наверное, вы действительно наивны. Впрочем, это вопрос спорный. Да и не в этом дело. Мы убеждены в том, что преступники не работали в вашей системе.

— Почему?

— Из-за отсутствия дефиса в слове «вице-президент» в их послании.

— Дефиса? — переспросил Суэйн и, чуть помедлив, добавил: — Понимаю. Доказательство убедительное, но косвенное, верно ведь?

— Как бы там ни было, мы считаем, что у преступников имеется личная вражда по отношению к Армстронгу.

— Хорошо, но откуда она взялась? Вполне очевидно, что они его терпеть не могут. Им хотелось то насмехаться над ним, то запугать, то заставить помучиться. Просто застрелить его им показалось мало.

— Но кто они такие? Кто может так сильно ненавидеть его?

Суэйн только взмахнул рукой, словно отметая данный вопрос.

— Очевидно, есть что-то еще. Что-то такое, что мы не учли. Сколько всего посланий было получено?

— Шесть, — ответил Ричер.

— Нет, — покачал головой Суэйн. — Их было семь.

— И куда же подевалось седьмое?

— Это Нендик, — пояснил Суэйн. — Я полагаю, что Нендик доставил второе послание, а сам стал третьим. Видите ли, вы разгадали его тайну через сорок восемь часов, а это достаточно короткий срок. Правда, мы бы в любом случае добрались до него, это было неизбежно. Если не уборщики, значит, все дело в пленках. Поэтому мы сами бы выяснили, кто тут замешан. И что бы мы обнаружили? То, что Нендик лишь исполнил роль передатчика. Он сам по себе являлся посланием, и своим состоянием должен был показать, на что способны эти люди. Если предположить, что Армстронг был в курсе событий, он, вероятно, здорово бы испугался.

— Тогда получается, что общее количество посланий — девять, — вставила Нигли. — Аналогично рассуждая, можно расценить убийства в Миннесоте и Колорадо как такие же послания.

— Совершенно верно, — кивнул Суэйн. — Понимаете, что я имею в виду? Повсюду присутствует элемент запугивания. Без него не обошлось ни одного послания. Давайте представим, что мы ничего не скрывали от Армстронга. Итак, получив первое письмо, он начинает волноваться. Затем мы сами получаем письмо, и его волнение усиливается. Тут нам удается выяснить, каким образом доставлено второе сообщение, и вице-президент немного успокаивается. Но дела усложняются, поскольку тут же Нендик становится невменяемым от страха. Затем следует предупреждение о демонстрации уязвимости Армстронга — и тот снова встревожен. Наконец, совершаются два убийства — и вице-президент в ужасе вынужден констатировать, насколько жестоки и беспощадны преступники.

Ричер молчал, уставившись себе под ноги.

— Вы, наверное, скажете, что я слишком усердствую с анализом, — предположил Суэйн.

Ричер покачал головой, не отрывая взгляда от пола.

— Нет, это скорее я недооценил метод анализа. Возможно. Или даже скорее всего. Потому что о чем нам говорят отпечатки большого пальца?

— Это своеобразная насмешка, — ответил Суэйн. — Хвастовство. Загадка. Попытка подразнить вице-президента. Ну, что-то вроде: «Все равно вы меня не поймаете».

— А сколько времени вы работали с моим братом?

— Пять лет. Вернее, я работал у него. Я сказал «с ним» для важности.

— Он был хорошим начальником?

— Великолепным, — подтвердил Суэйн. — И как босс, и просто как человек.

— И он на рабочих собраниях обсуждал случайные наблюдения?

Суэйн кивнул.

— Это было замечательно. Каждый сотрудник мог свободно высказываться и выражать свое мнение.

— А сам он подключался?

— Да. Но очень скромно.

Наконец, Ричер перестал рассматривать пол и взглянул на собеседника.

— Вы говорили, что главная цель преступников — добиться страха. Но потом добавили, что отпечаток пальца должен был выразить насмешку над Армстронгом или что-то вроде того. Значит, далеко не все у них одинаково. Что-то меняется.

Суэйн пожал плечами:

— Ну, подтянуть факты все равно можно. Отпечаток пальца должен вызвать страх перед тем, что мы не сумеем их поймать, например. Другая разновидность страха, но все же страха, понимаете?

Ричер отвернулся и замолчал. Так прошло тридцать секунд, потом минута.

— Я все же докопаюсь до истины, — упрямо заявил он. — Я постараюсь быть таким же, как Джо. Я ношу его костюм. Я спал с его подружкой. Я встречаюсь с его бывшими коллегами. Поэтому я тоже приведу свои очень скромные случайные наблюдения и постараюсь их проанализировать. Ну, точно так же, как в свое время поступал он.

— И что же у тебя имеется на этот счет? — заинтересовалась Нигли.

— Мне кажется, мы упускаем что-то значительное, — пояснил Ричер. — Проходим мимо него и не замечаем.

— Что же это такое?

— В голове вертятся самые жуткие и совершенно неуместные образы. Ну, например, как секретарь Стивесанта занимается своими непосредственными делами, сидя за столом.

— Какими именно делами?

— Мне кажется, что мы совершенно неправильно поняли назначение этого отпечатка пальца. Все время мы полагали, будто они считают, что мы никогда не проследим его происхождение. Но дело в том, что мы жестоко ошибались. Все как раз наоборот: они рассчитывали на то, что мы сразу определим, кому принадлежит этот отпечаток.

— Почему?

— Потому что, как мне кажется, этот отпечаток в чем-то сродни невменяемому состоянию Нендика. Сегодня я случайно познакомился с одним часовщиком, и он поведал мне о том, откуда берется сквален.

— Из печени акул, — напомнила Нигли.

— И с кожи рядом с носом любого человека, — добавил Ричер. — Это то же самое вещество. Короче, когда ты просыпаешься, у тебя вокруг носа успевает за ночь скопиться сквален. У него точно такая же химическая формула.

— И что же?

— А то, что нашим парням не повезло. Представьте себе, что вы выбрали наугад мужчину лет шестидесяти или семидесяти. Велики ли шансы, что хоть раз в жизни у него брали отпечатки пальцев?

— Думаю, что да, — отозвалась Нигли. — Отпечатки берут у всех иммигрантов. Если он коренной американец, его могли призывать в Корею и Вьетнам, а для этого тоже требуются отпечатки пальцев, даже в том случае, если этого человека никуда потом не пошлют. Кроме того, если он хоть раз был арестован или работал в правительственной организации, его отпечатки тоже должны быть в архивах.

— Или трудился в крупной частной корпорации, — добавил Суэйн. — Сейчас очень многие компании ставят такое условие при приеме на работу. Это, в первую очередь, банки, торговые предприятия и так далее.

— Точно, — согласился Ричер. — Итак, вот что я хочу сказать. Я полагаю, что отпечаток большого пальца принадлежит не самим преступникам, а совершенно постороннему лицу, а именно выбранному ими наугад невинному человеку. И этот отпечаток должен был вывести нас на того, кому принадлежал.

В комнате стало тихо. Нигли уставилась на Ричера.

— Но для чего? — спросила она.

— Чтобы мы отыскали еще одного такого же Нендика, — пояснил Джек. — Отпечаток пальца ставился на каждом послании, и тот, кому он принадлежал, сам являлся очередным посланием. Ну, в том смысле, в котором, как нам пояснил Суэйн, посланием был и сам Нендик. Мы должны были определить, кому принадлежит отпечаток пальца и, обнаружив этого человека, увидеть, что он также смертельно напуган и не сможет прояснить ситуацию, поскольку побоится говорить. Поэтому он и будет посланием сам по себе. Но так уж получилось, что у этого человека никогда не брали отпечатков пальцев, а потому нам до сих пор так и не удалось выследить его.

— Но мы получили в общей сложности шесть посланий на бумаге, — заметил Суэйн. — Между первым, доставленным по почте, и последним, подброшенным в дом Фролих, прошло, может быть, двадцать дней. Что же все это значит? Неужели они заранее заготовили все сообщения? Но не слишком ли многое им пришлось планировать загодя?

— Не исключено, что именно так все и было, — кивнула Нигли. — И они могли напечатать десятки вариантов своих сообщений, на каждый случай, который только сумели предвидеть.

— Нет, — покачал головой Ричер. — Я думаю, они печатали их постепенно, по мере развития событий. А отпечаток пальца имели возможность получить в любой момент.

— Каким образом? — удивился Суэйн. — Неужели для этого им пришлось похитить того парня и держать его в заложниках все это время? Но тогда они были бы вынуждены повсюду возить его за собой, куда бы ни направлялись.

— Нет, эта версия не годится, — поморщилась Нигли. — Тогда мы не застали бы его дома, как только нам удалось бы выяснить адрес этого несчастного.

— Он находится у себя дома, — согласился Ричер. — А вот его большой палец — нет.

Никто ему ничего не ответил.

— Включите-ка ваш компьютер, — попросил Ричер. — И запросите у него справку из Центра информации о преступлениях по ключевым словам «большой палец».

* * *

— В Сакраменто у нас очень большой филиал, — заметил Бэннон. — Трое агентов и один врач уже задействованы. Через час мы получим всю необходимую информацию.

На этот раз Бэннон сам пришел к ним. И сейчас они заседали в конференц-зале Секретной службы. Во главе стола сидел Стивесант. Ричер, Нигли и Суэйн расположились с одной стороны стола, а Бэннон — с другой.

— Это какая-то безумная идея, — пожал плечами Бэннон. Что же, по-вашему, они держат его в морозильной камере?

— Возможно, — согласился Ричер. — Нужно только немного дать ему оттаять, затем потереть им кожу возле носа — и можно ставить отпечаток на бумаге. Точно так же, как делает это секретарь Стивесанта своим резиновым штампом. Наверное, со временем палец высыхает, а потому количество сквалена на нем становится немного больше раз от раза, так как тереть его тоже приходится дольше.

— Ну и какие выводы из всего этого можно сделать? — поинтересовался Стивесант. — Если, конечно, допустить, что ваша теория верна.

Ричер поморщился.

— Теперь кое-что меняется в наших предположениях. Я думаю, что отпечатки пальцев обоих преступников имеются в архивах, и им обоим приходилось надевать резиновые перчатки.

— Значит, это два предателя, — заметил Бэннон.

— Совсем не обязательно считать, что они работали у нас, — напомнил Стивесант.

— Тогда попробуйте разумно объяснить мне и другие факты, — ехидно заявил Бэннон.

Никто не стал ему отвечать, и он победно вздернул плечи.

— Ну, что же вы, давайте, выкладывайте свои мысли, — снисходительно добавил он. — У нас имеется что-то около часа. И мне очень не хочется искать преступников там, где их нет. Поэтому попробуйте убедить меня в том, что я ошибаюсь. Докажите, что это независимые и совершенно посторонние граждане, которые просто хотят свести счеты с Армстронгом.

Стивесант многозначительно посмотрел на Суэйна, но тот упорно продолжал молчать.

— А время, между прочим, уходит, — заметил Бэннон.

— Для рассуждений сейчас не слишком подходящая обстановка, — уклончиво заявил Суйэн.

— Что такое? — улыбнулся Бэннон. — Вам нужна трибуна и соответствующая аудитория?

В комнате стало тихо.

— Вы ничего не сможете мне возразить, — продолжал Бэннон. — Я хочу сказать вот что: ну кто он такой, этот ваш вице-президент? Никто. Как там один раз сказали про них: «ведро теплых плевков», что ли?

— Кувшин, — поправил его Суэйн. — Джон Нэнс Гарнет как-то сказал, что вице-президенты не стоят и кувшина плевков. И еще он говорил, что вице-президент — это так бы запасное колесо для правительственного автомобиля. А сам он был первым помощником Рузвельта, между прочим. Джон Адамс называл вице-президента самой незначительной, да и ненужной фигурой в политике, хотя сам являлся первым вице-президентом.

— Ну и кому же могло понадобиться стрелять в запасное колесо или, как вы заметили, в кувшин с плевками?

— Позвольте мне начать с самого начала, — попросил Суэйн. — Чем занимается вице-президент?

— Сидит себе и ждет, когда умрет президент, — не задумываясь, ответил Бэннон.

Суэйн кивнул.

— Кто-то из знаменитостей как-то заметил, что работа вице-президента заключается лишь в том, чтобы ждать. Он ждет, само собой, смерти президента, а также и того, чтобы его еще раз переизбрали, а через восемь лет, глядишь, может быть, он сам станет президентом. Но, чтобы перейти к делу, скажите мне, для чего нужен вице-президент?

— Если бы я это знал! — в сердцах воскликнул Бэннон.

— Его значимость очевидна лишь тогда, когда он является кандидатом, — начал свое объяснение Суэйн. — Его расчетные ресурсы существуют с того дня, когда его начинают финансировать летом, и вплоть до дня выборов. Таким образом, он приносит пользу лишь в течение четырех или — самое большее — пяти месяцев. Начинается все с предвыборной кампании, когда он выступает со своими речами, смысл которых сводится к короткой фразе «выберите меня». К середине лета всем уже успевают порядочно надоесть кандидаты на пост президента, и потому будущий вице-президент вносит в кампанию свежую струю. Неожиданно появляется нечто новенькое, что можно обсудить. Нечто такое, что можно проанализировать. Мы начинаем рассуждать о качествах этого человека, изучаем его прошлое. Мы прикидываем, насколько он вписывается в ряд кандидатов. Вот в чем заключается

первоначальная функция вице-президента. Он существует для равновесия и контраста. Если претенденту на пост президента не хватает каких-то качеств, они обязательно найдутся у того, кто выдвинут на пост вице-президента. Он может быть молодым, старым, веселым, занудным, северянином, южанином, туповатым, умницей, жестким, мягким, богатым, бедным.

— Ну, это нам понятно, — нетерпеливо вставил Бэннон.

— Итак, вот он появился, выдвинутый за то, кем является сам по себе, — продолжал Суэйн. — Поначалу для всех нас он представляет собой лишь фотографию в газете и краткую биографию в статье о нем. Он — всего лишь понятие. Некая концепция. Затем он приступает к выполнению своих обязанностей. У него должны быть навыки в участии и проведении предвыборной кампании. Именно здесь он будет играть роль нападающего. Он имеет право произносить в своих речах такие вещи, которые недопустимы для кандидата в президенты. Если в программе партии есть особенно острые моменты, именно будущий вице-президент будет произносить их в своих выступлениях. А кандидат в президенты в это время будет стоять в сторонке и наблюдать за всем этим, как и подобает в данном случае государственному деятелю. Затем происходят выборы. Победивший кандидат в президенты едет в Белый Дом, а вице-президента, так сказать, припрятывают в шкаф. Его задача выполнена. И уже после первого вторника ноября он становится абсолютно бесполезной фигурой.

— И как же Армстронг справился со своей задачей? Достойно?

— Он был великолепен. На самом деле он оказался отрицательной фигурой во время предвыборной кампании, но подсчет голосов этого не отразил, поскольку ему удавалось все время сохранять на лице свою неизменную улыбку. А правда заключается еще и в том, что он абсолютно безгрешен.

— И вы считаете, что он все же сумел наступить кому-то на любимую мозоль во время кампании, за что теперь его хотят убить?

Суэйн кивнул.

— Да, и сейчас я как раз работаю над этой проблемой. Я стараюсь проанализировать каждую его речь, каждый комментарий, а также все его нападки на противника.

— Этот период времени очень важен для нас, — подтвердил Стивесант. — Тут спорить бесполезно. Армстронг был в Палате представителей шесть лет и еще шесть заседал в Сенате, но за это время ни разу не получал подобных писем с угрозами. Вся эта история началась недавно, а потому, вероятно, и связана с событиями последних выборов.

— Да, потому что кроме предвыборной кампании ничего интересного в его жизни не происходило.

— И вы ничего не нашли в его биографии? — удивился Бэннон.

Но Суэйн лишь отрицательно покачал головой.

— Мы уже просмотрели все материалы четырех проверок. Кстати, самую недавнюю проверку проводили вы сами у себя в ФБР, когда он только был выдвинут на пост вице-президента. У нас имеется копия результатов этого исследования, но там нет ничего достойного внимания. Кроме того, у нас есть данные об исследованиях оппозиции на период последних выборов, а также два отчета, составленных в то время, когда его дважды выбирали в Конгресс. Причем те исследователи порылись в его подноготной даже глубже, чем это получилось у вас, но и они не смогли отыскать ничего компрометирующего.

— А что утверждают источники из Северной Дакоты?

— Там тоже пусто, — кивнул Суэйн. — Разумеется, мы успели побеседовать с местными журналистами, которым известно буквально все, но насчет Армстронга они ничего плохого сказать нам не сумели.

— Значит, все дело в предвыборной кампании, — подтвердил свое предположение Стивесант. — Он наверняка кому-то перешел дорогу.

— Кому-то, кто знает все об оружии, которое приобретает Секретная служба, — заметил Бэннон. — Кому-то, кто в курсе скоординированного сотрудничества между ФБР и Секретной службой. Кому-то, кто справедливо полагает, что ни одно письмо, адресованное вице-президенту, не достигнет его, прежде чем его тщательным образом изучит Секретная служба. Кому-то, кто знал, где живет Фролих. Вы слышали что-нибудь о так называемой «утиной проверке»? То есть, если кто-то похож на утку, ходит как утка, крякает как утка, то, скорее всего, это и есть утка.

Стивесант ничего ему не ответил. Бэннон взглянул на часы, вынул из кармана мобильный телефон и демонстративно положил его на стол перед собой.

— Вот потому я продолжаю придерживаться своей теории, — заявил он. — Но только теперь я считаю, что оба преступника — ваши ребята. Если сейчас этот телефон зазвонит, и Ричер будет прав, значит, я не ошибся.

В этот момент телефон зазвонил, причем начал наигрывать вариацию на тему известной классической увертюры. В напряженной тишине комнаты она прозвучала особенно нелепо. Бэннон поднял телефон и нажал на кнопку связи. Идиотская мелодия смолкла. Наверное, кто-то

спросил в трубку: «Шеф, это вы?», поскольку Бэннон ответил коротким «да», а потом выслушивал говорившего в течение нескольких секунд. Затем он разъединил связь и снова уложил аппарат в карман пиджака.

— Сакраменто? — поинтересовался Стивесант.

— Нет, — покачал головой Бэннон. — Это звонили отсюда. Наши сотрудники обнаружили винтовку.

* * *

Оставив Суэйна, троица отправилась в лаборатории ФБР, расположенные в здании Гувера. Там уже собирались специалисты, внешне напоминавшие Суэйна — такие же ученые-теоретики, которых только что вытащили из-за праздничного стола. Одеты они были тоже по-домашнему и, видимо, рассчитывали провести вечер у телевизора, наблюдая за футбольным матчем. Кое-кто из них уже успел выпить по парочке бутылок пива, и это казалось заметным по их внешнему виду. Нигли смутно вспомнила одного из них: когда-то ей приходилось наведываться в лаборатории ФБР для прохождения практики.

— Это «вайме Мк2»? — поинтересовался Бэннон.

— Без сомнения, — тут же отозвался один из экспертов.

— Есть серийный номер?

Но эксперт покачал головой.

— Стравлен при помощи кислоты.

— Можно попробовать как-то восстановить его?

Но эксперт опять покачал головой.

— Нет. Если бы это был чеканный номер, мы могли бы под ним обнаружить поврежденные кристаллы в металле и, вероятно, узнать номер, но дело в том, что «вайме» использует гравировку. Поэтому мы ничего предпринять не сможем.

— Где же эта винтовка сейчас?

— Мы ищем отпечатки пальцев, хотя, кажется, это тоже занятие бесполезное. Флуороскоп нам ничего не дал, равно как и лазер. Оружие тщательно протерли.

— Где вы его нашли?

— На складе, за дверью одной из комнат на третьем этаже.

— Наверное, они и сами прятались там. Выжидали, когда начнется переполох, чтобы скрыться в толпе, охваченной паникой, — заметил Бэннон. — Хладнокровные люди.

— Гильзы обнаружены?

— Ни одной, — покачал головой эксперт. — Скорее всего, они их забрали с собой. Но зато у нас есть все четыре пули. Три сегодняшних повреждены ударами о твердую поверхность, но та, которую нам прислали из Миннесоты, хорошо сохранилась: этому способствовала земля, куда она попала.

Он подошел к столику, где на чистой белой бумаге были выложены четыре пули. Три из них были расплющены. Одна, та, что, не попав в Армстронга, угодила в стену, оставалась чистой. Две другие до сих пор хранили на себе почерневшие брызги от мозга Крозетти и крови Фролих. Остатки плоти пригорели к медным оболочкам, образовав характерные концентрические круги. Эти следы частью деформировались, когда пули, покинув тела, ударились о следующую преграду. О кирпичную кладку, например, как в случае с Фролих, и, очевидно, о стену склада, если говорить о Крозетти. Пуля из Миннесоты выглядела, как новая. Зарывшись в мягкую землю на фермерском дворе, она осталась чистой.

— Принесите винтовку, — потребовал Бэннон.

Ее доставили из лаборатории, и она еще сильно пахла парами суперклея, которыми ее обдували в попытке обнаружить скрытые отпечатки пальцев. Перед Ричером лежало неуклюжее, не впечатляющее оружие, сохранившее черную лаковую заводскую окраску металлических частей. Короткий утолщенный приклад и столь же короткий ствол. Длину оружию придавал лишь глушитель с компенсатором. Винтовка была снабжена мощным оптическим прицелом на цапфах.

— Это другой прицел, — заметил Ричер. — Это же «хенсольдт», а на «вайме» используются прицелы «бушнелл».

— Да, им пришлось немного модифицировать оружие, — согласился один из экспертов. — Мы тоже это сразу заметили и занесли данные в журнал.

— Как модифицировано? На заводе?

Но специалист покачал головой:

— Не думаю. Работа тонкая, но не заводская.

— И что же это может означать? — заинтересовался Бэннон.

— Я еще сам толком не понял, — признался Ричер.

— Наверное, «хенсольдт» лучше, чем «бушнелл»?

— Не совсем так. Они оба хороши. Как, например, «БМВ» и «мерседес» или «кэнон» и «никон».

— Но, может быть, у каждого человека свой вкус в этом отношении?

— Только не у государственного работника, — возразил Ричер. — Ну что бы вы сказали, если бы один из ваших людей, фотографирующих места преступления, вдруг явился к вам и попросил: «Поменяйте мне „никон“, который вы мне выдали, на „кэнон“»?

— Ну, я, наверное, послал бы его ко всем чертям.

— Вот именно. И он будет работать с тем аппаратом, который ему положен. Вот поэтому я не думаю, что сотрудник государственной службы мог заявиться к штатному оружейнику и попросить у него взамен прицела «бушнелл» в тысячу долларов такой же «хенсольдт» за ту же сумму лишь потому, что он предпочитает эту фирму.

— Тогда зачем им понадобилось переделывать винтовку?

— Я еще сам не понял, — повторил Ричер. — Может быть, прицел был поврежден. Если хорошенько уронить такую винтовку, то прицел, скорее всего, придет в негодность. Но в государственном учреждении поставят еще один «бушнелл». Винтовки покупаются вместе с ящиками всевозможных запчастей.

— Ну а если у них кончились такие прицелы? Вдруг они постоянно портили их, и получилось так, что «бушнеллов» не осталось?

— Тогда, наверное, можно было приспособить и «хенсольдт». Такие прицелы обычно устанавливают на винтовках SIG. Надо еще раз хорошенько просмотреть списки и выяснить, кто закупает для своих снайперов и «вайме» и SIG одновременно.

— А SIG тоже используются с глушителем?

— Нет, — покачал головой Ричер.

— Итак, что же у нас получается, — подытожил Бэннон. — Некой организации требуются два вида снайперских винтовок. Она приобретает «вайме» с глушителем и SIG без глушителя. В качестве запасных частей закупает два вида прицелов. Но вот «бушнеллы» у них кончаются, и тогда они автоматически переходят на «хенсольдт».

— Возможно, все происходит именно так, — кивнул Ричер. — Нужно сделать соответствующие запросы. И особенно нужно поинтересоваться,

не переделывал ли кто-нибудь винтовку «вайме» так, чтобы на нее можно было установить прицел «хенсольдт». И если такого заказчика не обнаружится, необходимо будет опросить частных ружейных мастеров. Причем начать с самых дорогих, поскольку мы имеем дело с редкими моделями оружия. Это важно помнить.

Стивесант смотрел куда-то вдаль, сгорбившись от горя.

— Что с вами? — заволновался Ричер.

Стивесант вздрогнул, услышав его голос, и печально покачал головой.

— Боюсь, что это именно мы приобретали винтовки SIG, — негромко заговорил он. — У нас была такая партия лет пять назад. Полуавтоматическое оружие, без глушителя. Мы использовали его как альтернативный вариант. Правда, нечасто, так как автоматический механизм делает эти винтовки не слишком точными, когда работать приходится в толпе и на близком расстоянии. В основном, эти винтовки так и хранились на складе. В настоящее время мы повсеместно используем «вайме». Поэтому, как мне кажется, запасных частей для SIG должно быть в избытке.

В комнате на некоторое время стало совсем тихо. В этот момент зазвонил телефон Бэннона, и нелепая звенящая мелодия как нельзя некстати разорвала тишину. Бэннон нажал на кнопку связи, произнес свое обычное «да» и принялся слушать.

— Понимаю, — сказал он кому-то и снова прислушался.

— Так считает доктор? — спросил он собеседника и через несколько секунд снова добавил: — Понимаю.

Затем он выдавал только односложные предложения, реагируя на рассказ невидимого собеседника, такие как: «Наверное», «Два?», и наконец, произнеся: «Хорошо», разъединил связь.

— Наверх, — коротко велел он. Джек успел заметить, как побледнел Бэннон.

Стивесант, Ричер и Нигли последовали за ним к лифту и поднялись в конференц-зал. Бэннон сел во главе стола. Остальные устроились рядом с выходом, словно не хотели оказаться ближе к новостям. Небо за окнами уже начинало темнеть. День Благодарения заканчивался.

— Его фамилия — Андретти, — начал Бэннон. — Этому господину семьдесят три года, плотник-пенсионер, бывший доброволец-пожарный. У него есть внучки. Именно о них и шла речь, когда ему угрожали.

— Он что-нибудь рассказал? — осведомилась Нигли.

— Очень немногое. Просто этот человек покрепче, чем Нендик.

— И как же все произошло?

— Когда он еще работал пожарным, то полюбил посещать один бар на окраине Сакраменто, и эта привычка осталась у него до сих пор. Вот в этом баре он и встретил двоих незнакомцев.

— Они были одеты как полицейские? — поинтересовался Ричер.

— Они были похожи на полицейских, — ответил Бэннон. — Во всяком случае, он так утверждает. Они разговорились, потом начали показывать друг другу семейные фотографии. Эти двое повторяли, насколько прогнил наш мир, и что нужно сделать, чтобы как следует защитить свою семью. В общем, вот так постепенно они и дошли до сути дела.

— И что же?

— Поначалу он вообще отмалчивался, но потом наш врач решил осмотреть его руку и увидел, что большой палец на левой был ампутирован хирургическим путем. Ну, даже не совсем так. Его могли попросту отрубить, как считает наш медик. Правда, видна попытка сделать все по возможности аккуратней. Андретти упорно повторял историю о плотницких работах и несчастном случае. Но доктор уверен, что это не электропила. Он так и сказал Андретти. Тот словно обрадовался этому выводу и начал говорить.

— И что же он рассказал?

— Он вдовец, живет один, и те два парня, похожие на полицейских, довольно быстро напросились к нему в гости. Там, у него в доме, они начали спрашивать, что, мол, ты бы сделал для того, чтобы защитить свою семью? Ну, что конкретно? Все это звучало вроде бы теоретически. Но эти типы вскоре перешли к практике. Они заявили, что старику придется пожертвовать пальцем или он попрощается с внучками, с которыми они обещали разделаться по-своему. Старику предстояло выбирать. Они держали его и отрубили ему палец. Затем захватили с собой его семейный альбом и записную книжку с адресами. Дескать, теперь мы знаем, где живут твои внучки и как они выглядят, и если ты пикнешь что-нибудь лишнее, мы вырежем у них яичники так же, как сейчас обошлись с твоим пальцем. И Андретти им поверил. А что оставалось делать? Они бы ни перед чем не остановились и выполнили бы свою угрозу. Помимо всего прочего, эти сволочи похитили у него с кухни морозильную камеру и набрали льда из холодильника для транспортировки пальца. Когда они ушли, старик сразу отправился в больницу.

В комнате стало тихо.

— Он дал описание их внешности? — поинтересовался Стивесант.

Бэннон покачал головой.

— Он слишком запуган. Мои сотрудники рассказали ему о системе защиты свидетелей, обещали охранять все его семейство, но он не поддался. Я полагаю, больше нам из него ничего выжать не удастся.

— Эксперты осматривали его дом?

— Да, но Андретти его тщательно прибрал. Эти негодяи заставили хозяина все вымыть и сами наблюдали за его работой.

— А что сказали в баре? Кто-нибудь видел, как они разговаривали со стариком?

— Мы еще раз опросим персонал и завсегдатаев. Но учтите, что с тех пор прошло уже полтора месяца. Вот почему на многое рассчитывать не приходится.

Долгое время все хранили молчание.

— Ричер, — обратилась Нигли к коллеге.

— Что?

— О чем ты сейчас думаешь?

Он пожал плечами.

— Я вспомнил Достоевского, — медленно заговорил Джек. — Я обнаружил томик «Преступления и наказания», который в свое время подарил Джо на день рождения. Тогда я чуть было не послал ему «Братьев Карамазовых», но потом передумал. Ты когда-нибудь читала эту книгу?

Но Нигли отрицательно покачала головой.

— Там есть отрывок, где описываются зверства турок в Болгарии, — пояснил Ричер. — Там происходили сплошные насилия, грабежи и мародерство. Пленных вешали по утрам, а перед этим они целую ночь оставались прибитыми к заборам за уши. Турки кидали младенцев в воздух и ловили их на штыки. Они утверждали, что лучше всего это проделывать на глазах у матерей. Иван Карамазов был потрясен увиденным. Он говорил, что ни одно животное не бывает настолько искусным и изысканно жестоким, как человек. Потом я подумал о том, как эти звери наблюдали за Андретти, который мыл полы в своем доме, я полагаю, одной рукой. Представляю, как тяжело ему пришлось. Достоевский вложил свои чувства в книгу, но я не обладаю подобным талантом. Потому я считаю, что мне придется другими способами

доказать этим негодяям, как они были не правы. Для этого мне придется применять те таланты, которыми меня наделила природа.

— Что-то я не заметил, чтобы вы любили читать, — ехидно вставил Бэннон.

— Иногда приходится откладывать чтение до лучших времен, — ответил ему Джек.

— И хочу вас предупредить, чтобы вы не прибегали к самодеятельности, когда настанет время наказывать преступников. Надеюсь, что в душе вы все-таки не виджиланте[1].

— Надо же! Какие слова, оказывается, знают специальные агенты ФБР!

— В любом случае, я не хочу, чтобы вы в одиночку решали их судьбу.

Ричер кивнул.

— Я это запомнил.

Бэннон улыбнулся.

— Вы уже решили ту самую математическую задачу? — осведомился он.

— Какую?

— Мы предполагали, что винтовка «вайме» побывала во вторник в Миннесоте и вчера в Северной Дакоте. Теперь мы ее обнаруживаем в Вашингтоне. Но преступники не летели вместе с ней, потому что перевозка оружия коммерческими рейсами требует заполнения всевозможных бумаг, которые несложно отследить. А перечисленные мною пункты находятся слишком далеко друг от друга, чтобы они успели преодолеть это расстояние на машине. Получается, что тот парень, у которого есть «Хеклер и Кох», остается в Бисмарке, а другой в это время едет из Миннесоты сюда, в столицу, со своей «вайме». Если же оба парня находились в Бисмарке, то у них должно быть две винтовки «вайме». Одна там, в Северной Дакоте, другая припрятана где-то здесь. Если же оба преступника были в Бисмарке, но «вайме» у них только одна, значит, ее из Миннесоты им привез кто-то другой. А в этом случае получается, что преступников у нас не двое, а трое.

Никто ему не отвечал.

— Я должен вернуться к Суэйну, — наконец заговорил Ричер. — Я отправлюсь туда пешком, сейчас мне это необходимо.

— Я пойду с тобой, — предложила Нигли.

* * *

Полмили по Пенсильвания-авеню они прошли довольно быстро. Небо было по-прежнему безоблачным, отчего вечерний воздух казался холодней.

Сквозь легкий городской смог и оранжевый свет уличных фонарей поблескивали несколько ярких звезд. Высоко в небе светил молодой месяц. На улицах в это время было пустынно. Нигли и Ричер миновали Федеральный Треугольник, и перед ними выросло массивное здание Министерства финансов. Полицейские посты у Белого Дома уже убрали. Город возвращался к нормальной жизни, словно ничего особенного сегодня и не произошло.

— С тобой все в порядке? — волновалась Нигли.

— Я просто вынужден примириться с реальностью, — отозвался Джек. — Я старею, и мысли мои уже не так стремительны. Я, конечно, доволен тем, что мне достаточно быстро удалось выйти на Нендика, но в былые времена я бы разгадал эту загадку сразу же. А в общем, я работал отвратительно. Особенно в том, что касалось отпечатка большого пальца. Мы же часами гадали, что он мог означать, ходили вокруг да около, а дни шли... Мы и так вертели факты, и этак, но настоящее их значение до нас так и не доходило.

— Но в конце концов ты же справился и с этой задачей.

— И, как обычно, теперь я испытываю чувство вины.

— Почему?

— Ну, я ведь неоднократно говорил Фролих, что она на своем месте просто безупречна, — пояснил Ричер. — А нужно было убедить ее в том, что охрану на крышах складов требуется удвоить. Один стрелок на краю крыши, другой — у входа на лестницу. Тогда, возможно, она сейчас была бы жива.

Нигли молчала. Так они прошли несколько шагов.

— Но ведь это была ее работа, а не твоя, — заметила женщина. — И ты ни в чем не виноват. Ты не можешь отвечать за каждого человека в этом мире.

Ричер ничего ей не ответил, а только молча шел вперед.

— И эти преступники выдают себя за полицейских, — добавила Нигли. — Они бы обманули и двоих часовых так же, как сумели одурачить одного. Они прошли бы и мимо дюжины часовых. Или даже больше. Ведь весь район буквально кишел агентами. Никто бы не смог ничего сделать в данном случае. Иногда и нам тоже приходится глотать дерьмо.

Ричер промолчал.

— И если на крыше было бы два часовых, их убили бы обоих, — заметила Нигли. — А еще одна жертва никому бы ничем не помогла.

— А как ты считаешь, Бэннон действительно похож на копа? — поинтересовался Джек.

— Ты полагаешь, что действительно орудуют трое злоумышленников? — удивилась Нигли.

— Нет, не трое, и в этом даже сомневаться не приходится. Это команда из двух человек. Бэннон не учитывает чего-то вполне очевидного. Он вошел в раж и упускает какую-то важную деталь. Впрочем, при его профессии такое встречается нередко.

— Чего же он не учел?

— Так все-таки: он сам похож на копа?

Нигли улыбнулась, но улыбка сразу же сошла с ее лица:

— Он смотрится как самый настоящий коп. А может быть, он и был им раньше, до того, как поступил на службу в ФБР.

— А что делает его похожим на полицейского?

— Все. Каждая деталь и все вместе. Это у него, наверное, в крови.

Ричер замолчал и снова задумался.

— Что-то было такое особенное в речи Фролих, когда она наставляла своих агентов перед самым появлением Армстронга, — начал вспоминать Джек. — Она предупреждала их о том, что человек может постараться прикинуться нищим, и это у него получится, но только не до конца. Совершенно невозможно учесть всего и в точности походить на нищего. То же самое и в отношении полицейских. Если, например, я надену пальто из твида, серые брюки, самые обыкновенные ботинки и покажу тебе золотистый значок, стану ли я похожим на копа?

— Немножко. Но не совсем.

— А эти двое во всем похожи на полицейских. Я же сам видел одного из них, и у меня даже сомнений не возникло, кто передо мной стоит. Да и не меня одного обманул его внешний вид. Эти типы беспрепятственно проходят там, где им требуется.

— И это многое объясняет, — подхватила Нигли. — Например, в баре, куда заглядывают преимущественно полицейские, они себя чувствовали как в своей тарелке, ни у кого не вызывая подозрений. Так они познакомились с Нендиком и Андретти.

— Как тогда Бэннон нам говорил про утку, — напомнил Джек. — То же самое и у них: они ходят как полицейские, разговаривают как полицейские, да и вообще выглядят как заправские полицейские.

— Теперь становится ясно, почему они с такой осторожностью отнеслись к конвертам. Да и насчет информационного центра, наверное, знали. Я полагаю, что любой полицейский знает о том, что ФБР отслеживает все отчеты этого центра и следит за новыми поступлениями, а также тесно сотрудничает с Секретной службой.

— И то же самое насчет оружия. Скорее всего, им не раз приходилось сталкиваться с полицейскими из групп быстрого реагирования, и тогда они могли увидеть, как у тех обновляется оружие или изменяется после ремонта. Я имею в виду нестандартные оптические прицелы.

— Но нам также известно и то, что они при всем при этом не являются полицейскими, — вздохнула Нигли. — Ты же сам просмотрел все девяносто четыре фотографии, которые нам прислали.

— Нет. Нам известно только то, что они не работают в полиции Бисмарка, — ответил Ричер. — Но, может быть, они полицейские, только служат где-то в другом месте.

* * *

Суэйн все еще ждал их. Он выглядел несчастным, и не только потому, что его оставили одного: видимо, просто боялся услышать неутешительные новости, и ему самому не хотелось сообщать ничего неприятного. Он вопросительно взглянул на Ричера, и тот понимающе кивнул.

— Его фамилия Андретти, — начал Джек. — В основном, ситуация такая же, что и с Нендиком. Правда, этот держится лучше, но тоже не собирается ничего рассказывать.

Суэйн промолчал.

— Это ваша заслуга, — добавил Ричер. — Вы сумели определить связь между этими людьми. А винтовкой оказалась «вайме». Правда, на ней стоит прицел «хенсольдт» вместо привычного «бушнелла».

— Я плохо разбираюсь в оружии, — признался Суэйн.

— Теперь вы должны рассказать нам все, что вам известно о предвыборной кампании. Кто может держать зло на Армстронга?

Наступила короткая пауза. Суэйн отвернулся.

— Никто, — наконец заговорил он. — То, что я сказал вам раньше, неправда. Дело в том, что я закончил свой анализ еще несколько дней

назад. Да, Армстронгу приходилось огорчать людей, но не до такой степени. Нет, ничего особенного насчет него я не обнаружил.

— Тогда зачем вы говорили о личной ненависти?

— Я хотел немного остудить пыл ФБР. Лично я не считаю, что преступники обязательно должны оказаться нашими людьми. Мне не понравилось то, что они начали оскорблять нашу организацию.

Ричер промолчал.

— Мне стало обидно за Крозетти и Фролих. Они не заслужили такого отношения.

— Итак, у вас имеется обычное предчувствие, а у нас — крошечный дефис, — подытожил Ричер. — Обычно мне приходилось иметь дело с более вескими доказательствами.

— Что же нам теперь делать?

— Искать где-то в другом месте, — посоветовала Нигли. — Если политика тут ни при чем, значит, должна быть личная ненависть.

— Я не уверен, что имею право показывать вам эти документы, — начал Суэйн. — Материалы считаются конфиденциальными.

— И в них есть что-то существенное, что может нам помочь, но что нам знать не следует?

— Нет, иначе ведь вы сами могли бы узнать об этом еще во время предвыборной кампании.

— Тогда в чем проблема?

— Он верен своей жене? — высказал предположение Ричер.

— Да, — кивнул Суэйн.

— А она?

— Тоже.

— У него все в порядке в финансовом отношении?

— Да.

— Ну а все остальное касается только его биографии. И почему мы не сможем просмотреть эти документы? Чем это повредит?

— Наверное, ничем.

— Тогда пойдемте.

Они двинулись к библиотеке и, когда дошли до нее, раздался телефонный звонок. Суэйн снял трубку и передал ее Ричеру:

— Это Стивесант. Он хочет поговорить с вами.

Ричер слушал босса в течение минуты, затем разъединил связь.

— Сейчас сюда приедет Армстронг, — заявил он. — Он очень расстроен и никак не может успокоиться, а потому хочет поговорить со всеми, кто был сегодня возле приюта и кого только можно будет попросить прийти сюда.

* * *

Оставив Суэйна в библиотеке, Джек и Нигли снова отправились в конференц-зал. Стивесант прибыл туда через минуту после них. Он все еще не успел переодеться, и на его обуви до сих пор оставались пятна крови Фролих. Теперь кровь, доходящая до ранта ботинок, почернела и высохла. Сам босс выглядел изможденным и, кроме того, никак не мог прийти в себя после всего случившегося. Ричеру приходилось и раньше наблюдать нечто подобное. Представьте себе человека, исправно прослужившего двадцать пять лет, — и вдруг в один прекрасный день все начинает рушиться. Так бывало не раз, и причиной этого краха становятся или самоубийцы, взрывающие себя вместе с бомбой, или катастрофа с вертолетом, или утечка секретной информации, или банды зверствующих в увольнительной солдат. И вот тогда срабатывает машина отмщения, и безупречная карьера, отмечавшаяся ранее лишь благодарностями, разом рушится из-за одного росчерка пера, поскольку, как и в любом другом случае, за случившееся должен кто-то отвечать. Да, дерьмовые ситуации случаются, но их не должно быть в окончательном отчете официальной комиссии, расследующей причины совершившегося.

— Нас будет немного, — сразу же предупредил Стивесант. — Практически всем я дал сутки отдыха, и теперь не стану будоражить людей только потому, что вице-президенту не спится.

Через пять минут в конференц-зале появилось еще двое сотрудников. Ричер узнал их: один парень дежурил на крыше склада, а другой агент стоял возле раздаточных столов. Они кивками поприветствовали собравшихся и отправились за кофе. Очень скоро оба вернулись, прихватив с собой по пластиковому стаканчику горячего напитка для всех присутствующих.

Телохранители Армстронга передвигались одновременно с ним, находясь чуть впереди, словно на границе невидимой сферы, вращающейся вместе с вице-президентом. Сначала по рации, связанной со зданием Министерства, сообщили, что Армстронг находится на расстоянии в одну милю. Потом проинформировали собравшихся из

гаража, затем из лифта. Один из телохранителей зашел в приемную и объявил, что зона безопасна. Двое других провели туда Армстронга. Та же процедура повторилась и у дверей конференц-зала. Сначала в комнату вошел первый агент и что-то буркнул в микрофон, после чего Армстронг чуть ли не прыжком влетел внутрь, словно играл со своими телохранителями в пятнашки.

Он успел поменять наряд, и эта «домашняя одежда» совершенно не шла ему. Он был в вельветовых брюках, узорчатом свитере и замшевой куртке. Все цвета гармонировали, и вещи сами по себе казались совершенно новыми, но Ричер впервые заметил в Армстронге некую фальшь. Словно перед появлением в конференц-зал он спросил себя: «А что бы в данном случае надел вице-президент?», вместо того чтобы схватить первое, что подвернулось под руку. Армстронг мрачно кивнул в знак приветствия всем присутствующим и двинулся к столу, ничего не говоря. Создавалось впечатление, что он чувствует себя неловко. Тишина становилась угнетающей.

— Как себя чувствует ваша супруга? — поинтересовался снайпер-часовой.

Это был идеальный с точки зрения политики вопрос, как показалось Ричеру. Это было приглашение поговорить о чувствах тех, кто здесь не присутствует, что всегда получается естественней, чем говорить о себе. Своим вопросом он как бы заявлял: «Теперь мы все варимся в одном котле, поэтому давайте поговорим о тех, кого вместе с нами нет». И еще кое-что: «У тебя появился прекрасный шанс поблагодарить нас за то, что мы спасли и ее задницу и, кстати, твою собственную».

— Она сильно потрясена, — кивнул Армстронг. — Все это ужасно. Она просила меня передать вам, что очень сожалеет о происшедшем. Мне очень тяжело видеть ее в таком состоянии. И еще она говорит мне, что я неправ, заставляя вас рисковать своими жизнями.

А вот это был великолепный ответ настоящего политика, как решил Ричер. Тут напрашивался только одно: «Мы только выполняем свою работу, сэр».

— Это наша работа, сэр, — тут же отозвался Стивесант. — Если пуля попала не в вас, значит, она должна была настичь кого-то другого.

— Благодарю вас, — тихо произнес Армстронг, — за то, что вы так великодушны. И спасибо за вашу безупречную службу, а особенно за то, что вы сделали сегодня. Спасибо от нас обоих. Мы благодарим вас от всей души. Я человек без предрассудков и хочу сказать, что теперь чувствую себя обязанным. То есть, это ощущение меня не оставит до тех пор, пока я не сделаю что-нибудь лично для каждого из вас. Поэтому, если вам что-то нужно, скажите мне об этом. Что бы то ни было,

формальное или неформальное, общее или индивидуальное. Я теперь ваш друг навеки.

В комнате стало тихо.

— Расскажите мне о Крозетти, — попросил Армстронг, — У него была семья?

Снайпер кивнул.

— Жена и сын. Мальчику, по-моему, девять лет.

Армстронг отвернулся.

— Мне очень жаль, что так все произошло.

Ему никто не ответил.

— Может быть, я смогу как-нибудь помочь им? — спросил вице-президент.

— О них позаботятся, — убедил его Стивесант.

— У Фролих остались родители в Вайоминге, — продолжал Армстронг. — И больше никого нет. Она не была замужем. Ни сестер, ни братьев. Я сегодня уже звонил в Вайоминг и разговаривал с ее отцом и матерью. Сразу же после того, как вы пришли ко мне в Белый Дом. Я понял, что должен сам выразить им наши соболезнования. И еще все уточнить с ними перед тем, как выступать по телевидению. Ну, я не хотел никого вводить в заблуждение. Вдруг ее родители не захотели бы, чтобы проводилась служба, и тогда мое заявление было бы неискренним. Но они были не против этого, даже наоборот, отнеслись с пониманием. Они сказали, что сами позаботятся о службе, поэтому она состоится в воскресенье.

Все молчали, и Армстронг, отыскав пятнышко на стене, стал сверлить его взглядом.

— Я хочу присутствовать на этой службе, — заявил он. — И я буду там присутствовать.

— Я не могу этого вам позволить, — ответил Стивесант.

Армстронг промолчал.

— То есть я не советовал бы вам лететь туда, — поправил он сам себя.

— Ее убили из-за меня. И я хочу присутствовать на службе. Это самое меньшее, что я могу для нее сделать. И я хочу там произнести речь. Мне кажется, я должен еще раз переговорить с ее родителями.

— Я уверен, что это делает им честь, но существуют некоторые проблемы, связанные с вашей безопасностью...

— Я высоко ценю ваше мнение, — перебил его Армстронг, — но данный вопрос не может служить предметом обсуждения. Если понадобится, я поеду один, неофициально. Может быть, так даже будет лучше.

— Но это невозможно, — настаивал Стивесант.

Армстронг кивнул.

— Тогда найдите троих агентов, которые согласятся ехать туда вместе со мной. Только троих, не больше. Я не могу допустить, чтобы все это превратилось в балаган. Мы приедем туда, побываем на службе и сразу назад. Не стоит нигде об этом упоминать.

— Но вы сами объявили об этом по национальному телевидению на всю страну.

— Это тоже не является предметом обсуждения, — повторил Армстронг. — Надеюсь, никому не придет в голову устраивать из этого представление. Это было бы несправедливо. Поэтому никаких газетчиков, никакого телевидения. Только я и агенты.

Стивесант ничего ему не ответил.

— Я поеду туда, — упрямо повторил Армстронг. — Ее убили из-за меня.

— Она знала, чем рискует, — ответил Стивесант. — Мы все знаем, чем рискуем. Но мы продолжаем работать, потому что любим свою работу.

Армстронг кивнул.

— Я разговаривал с директором ФБР. Он сказал мне, что злоумышленникам удалось скрыться.

— Их поймают. Это только вопрос времени, — уверил его Стивесант.

— Моя дочь сейчас находится в Антарктиде, — начал Армстронг. — Там разгар лета. Температура примерно минус двадцать градусов. Может быть, на неделю или две установится даже минус восемнадцать. Мы с ней совсем недавно переговаривались по спутниковой связи. Дочь говорит, что сейчас у них там очень тепло. Последние два года у нас происходят примерно одни и те же разговоры. И вы знаете, я привык воспринимать ее утверждение как сравнение. Понимаете, все в нашей жизни относительно, и нет ничего очень уж плохого. Привыкнуть можно ко всему. Но вот только теперь я больше в этом не уверен. Я не знаю, сумею ли я привыкнуть к тому, что произошло сегодня. Я остался жить благодаря тому, что погиб другой человек.

В комнате повисла тишина.

— Она знала, что делает, — негромко произнес Стивесант. — Мы все работаем добровольно.

— Она была замечательным человеком.

— Дайте мне знать, когда захотите познакомиться с тем, кто будет заменять ее.

— Только не теперь, — попросил Армстронг. — Может быть, завтра. И найдите мне троих добровольцев. Может быть, ее друзей или просто тех, кто захочет поехать на службу вместе со мной.

Стивесант немного помолчал, потом пожал плечами.

— Хорошо.

Армстронг кивнул.

— Спасибо вам и за это. И еще раз спасибо за сегодняшний день. Спасибо вам всем от нас обоих. Пожалуй, я пришел сюда для того, чтобы поблагодарить вас.

Его телохранители сразу уловили намек и повели его к двери. Невидимая сфера безопасности перемещалась вместе с ним. Через три минуты охрана доложила о том, что вице-президент находится в своем автомобиле, в безопасности, и направляется на северо-запад, в Джорджтаун.

— Черт! — выругался Стивесант. — Теперь еще и воскресенье превратится для нас в сущий ад.

О Ричере все позабыли, и только Нигли смотрела в его сторону. Они вышли из конференц-зала вместе и обнаружили в приемной Суэйна, стоявшего уже в пальто.

— Я отправляюсь домой, — сообщил он.

— Через час, — добавил за него Ричер. — Потому что сначала вы покажете нам материалы об Армстронге.

Глава 16

Материалы оказались чисто биографическими, собранные в двенадцать томов. Одиннадцать их них представляли собой необработанные сведения, вроде вырезок из газет, интервью и прочей печатной информации об Армстронге. Двенадцатый являлся сложным обобщением первых одиннадцати. Он был толстым, как средневековая Библия, и читался как роман. В нем полностью описывалась жизнь Брука Армстронга, и после каждого существенного факта в скобках

стояла цифра. Она обозначала степень достоверности того или иного факта по десятибалльной шкале. Большинство цифр были десятками.

История жизни вице-президента начиналась рассказом о его родителях. Его мать выросла в Орегоне, затем уехала в штат Вашингтон, чтобы учиться в колледже, и вернулась в Орегон, где работала фармацевтом. Здесь же вкратце описывалась жизнь ее родителей, братьев и сестер, а также приводилась хронология ее образования, начиная с детского сада и заканчивая аспирантурой. Последовательно перечислены все места работы и отмечена дата открытия собственного аптечного дела, которому посвящены три страницы фолианта. Мать Армстронга до сих пор владела аптекой и получала от нее доходы, но сейчас находилась на пенсии и страдала какой-то болезнью, которую, по мнению некоторых врачей, можно считать неизлечимой.

Аналогичным образом описывалось и образование, полученное отцом Армстронга. Было отмечено, что родитель вице-президента начал карьеру как военнослужащий, но вскоре был уволен из армии по результатам медицинского освидетельствования, подробности которого не указывались. Сам он родился в Орегоне и женился на фармацевте, когда вернулся к гражданской жизни. Супруги переехали в небольшую деревню на юго-западе штата, и отец Армстронга, используя семейные деньги, открыл лесозаготовительный бизнес. У молодоженов вскоре родилась дочь, а через два года появился на свет Брук Армстронг. Семейный бизнес процветал и ширился. Описанию его прогресса также посвящалось несколько страниц. Супруги наслаждались провинциальной жизнью.

Биография сестры Брука была толщиной в полдюйма, поэтому Ричер не стал на ней задерживаться, а сразу перешел к тому месту, где рассказывалось об образовании ее брата. Начиналась эта история, как и во всех предыдущих случаях, с детского сада и изобиловала подробностями. Их было такое множество, что Ричер, не желая терять времени, стал попросту пролистывать страницы и очень быстро дошел до того места, где описывалась жизнь Брука во время его учебы в местной школе. Особенных успехов юный Армстронг добился в спорте, да и по остальным дисциплинам неизменно получал отличные оценки. Вскоре после того, как он уехал из дома, чтобы продолжать образование в колледже, с отцом случился удар, и он умер. Его контору пришлось продать, но аптечное дело матери процветало. Сам Армстронг учился семь лет в двух различных университетах: сначала в Корнеле, штат Нью-Йорк, затем в Стэнфорде, штат Калифорния. В то время Брук, отдавая дань тогдашней моде, носил длинные волосы, но наркотиков не употреблял. В Стэнфорде он познакомился с девушкой из Бисмарка. Молодые люди вместе поступили в аспирантуру, чтобы изучать политологию. Они поселились в Северной Дакоте, и Брук начал

политическую карьеру, когда выдвинул свою кандидатуру на один из постов в местном законодательном органе.

— Мне очень нужно уйти домой, — пожаловался Суэйн. — Сегодня праздник, и жена с детьми просто разорвут меня на части.

Ричер быстро пролистал несколько страниц. Он дошел до того места, где Армстронг впервые победил на выборах. Но впереди оставалось целых шесть дюймов непрочитанных материалов. Джек аккуратно прошелся по обрезу большим пальцем.

— И здесь нет ничего такого, что могло бы насторожить нас? — поинтересовался он у Суэйна.

— Абсолютно ничего, — подтвердил эксперт.

— Скажите, все остальное описано также подробно?

— Кое-где еще хуже.

— Допустим, я просижу за изучением этих документов всю ночь. Смогу ли я найти здесь хоть что-то, достойное внимания?

— Нет.

— И летняя предвыборная кампания описана здесь так же детально? И там тоже нет никаких намеков?

— Конечно. У Армстронга замечательная биография. За это его и выбирали. Дело в том, что много подробностей о предвыборной кампании мы получили именно от ее участников.

— И вы по-прежнему уверены в том, что за это время не произошло ничего такого, что могло бы серьезно кого-то возмутить?

— Уверен.

— А почему? Откуда исходит такая уверенность? И кто, в таком случае, может испытывать к Армстронгу столь сильную ненависть?

— Я точно не знаю, — смутился Суэйн. — Просто у меня такое чувство.

Ричер понимающе кивнул.

— Ну хорошо. Идите домой.

Суэйн поспешно подхватил пальто и быстро удалился, а Ричер продолжил изучение биографии Армстронга. Нигли в это время просматривала другие документы, но уже через час они оба отчаялись найти что-нибудь полезное для себя.

— И какие же выводы ты можешь сделать? — поинтересовалась женщина.

— У Суэйна очень нудная работа, — отозвался Джек.

Нигли улыбнулась.

— Согласна.

— И что-то мне во всем этом не нравится, — продолжал Ричер. — Что-то здесь не так. Вернее, меня беспокоит как раз то, чего здесь не хватает. Во время предвыборной кампании политики становятся весьма циничными. Они готовы вспомнить любой давнишний факт из своей биографии, чтобы выставить себя в выгодном свете. Вот, к примеру, возьмем мать Армстронга. Нам приводят множество подробностей о ее успехах в колледже. А потом еще без конца расхваливают открытую ею аптеку. Почему?

— Чтобы понравиться независимым женщинам и всем тем, кто занимается мелким бизнесом.

— Ладно. Дальше мы читаем о том, что она заболела. Это еще зачем?

— Чтобы Армстронг казался заботливым, свято исполняющим сыновний долг, а также ценящим семейные традиции. Это делает его человечней, а также доказывает, что его забота о здоровье нации искренняя.

— Ну и что же? Кроме этого, мы имеем подробное описание лесного хозяйства его отца.

— Опять же для всех тех, кто занимается чем-то подобным, а также для сторонников сохранения чистоты окружающей среды. Имеется в виду аккуратная, планированная вырубка леса и так далее. Армстронг при случае может заявить о том, что знаком с проблемами этой отрасли. В общем, все это ему только на руку.

— Вот именно, — кивнул Ричер. — Что бы мы ни прочитали в этом труде, все это предназначено для того, чтобы швырнуть очередную кость самым разным избирателям.

— И что же?

— Но у биографов имеется пробел в том, что касается военной службы. А ведь, как правило, они любят поднимать именно эту тему во время предвыборных кампаний. Обычно, если твой отец служил в армии, ты будешь кричать об этом на всю округу, таким образом, получая возможность умолчать о чем-то другом. Но в данном случае мы не видим таких подробностей, какие наблюдаем, например, при описании жизни матери Армстронга. Вот он поступил в армию и вот запись о том, что был демобилизован по медицинским показаниям. Вот и все, что нам

известно об этом периоде его жизни. Понимаешь, к чему я клоню? Этот момент как-то выбивается из всей биографии Брука. Повсюду мы тонем в подробностях, которыми она изобилует, и только здесь не имеем ровным счетом ничего. Странно, по-моему.

— Но ведь его отец давным-давно умер.

— Это не имеет значения. Все равно, если биографы могли бы выгодно использовать эти факты его жизни, они ни за что бы не упустили такой шанс. И что это за таинственное медицинское освидетельствование? В чем оно заключалось и чего касалось? Если ранение, они наверняка бы раструбили о нем. Даже травма во время учений является в каком-то смысле важной для бойца и может превратить его в героя. И знаешь что? Мне не нравится, что в биографии ничего не говорится об этом медицинском освидетельствовании. Понимаешь, при этом мне самому хочется догадаться, что же это такое. И я начинаю фантазировать.

— Наверное, ты прав. Но это тоже не важно, поскольку отец Армстронга служил в армии еще до того, как родился Брук, а умер почти тридцать лет назад. Кроме того, ты же сам говорил, что нам надо искать нечто такое, что натворил сам Армстронг во время предвыборной кампании.

Ричер кивнул:

— И все же мне хотелось бы прояснить этот вопрос. Впрочем, мы могли бы узнать об этом у самого Армстронга, верно?

— Не стоит. Я могу все выяснить, если тебе это так важно. Я сделаю несколько звонков и все разузнаю. У меня есть нужные люди.

Ричер зевнул.

— Хорошо, завтра же займись этим.

— Я могу успеть все сделать и за сегодняшнюю ночь. Кстати, военные по-прежнему работают по двадцать четыре часа семь дней в неделю. С тех пор, как мы ушли оттуда, ничего не изменилось.

— Тебе надо выспаться, а наше дело подождет.

— Я больше не сплю по ночам.

Ричер снова зевнул и добавил.

— Что ж, а вот я собираюсь хорошенько отдохнуть.

— Сегодня выдался отвратительный день, — заметила Нигли.

Ричер кивнул.

— Хуже не придумаешь. Но если тебе так не терпится, звони ночью. Только не вздумай меня будить лишь потому, что тебе захочется сообщить о результатах. Расскажешь о них завтра.

* * *

Дежурный офицер, заступивший на пост в ночную смену, договорился с шофером, чтобы Ричера и Нигли отвезли в мотель, где Джек сразу же отправился в свой номер. Здесь было тихо и пусто. Комнату прибрали в отсутствие Ричера, постель оказалась аккуратно заправленной, а коробка с вещами Джо исчезла. Джек опустился в кресло и подумал о том, успел ли Стивесант сообщить администратору мотеля, что номер Фролих больше ей не понадобится. Затем его начала угнетать ночная тишина, и Джек ясно ощутил, что в комнате чего-то не хватает. Чего-то такого, что должно находиться рядом с ним, но отсутствует. Чего именно так недоставало Джеку? Разумеется, присутствия Фролих. Сердце его болело. Она должна была быть здесь, а ее больше нет. Ведь последний раз, когда он находился в этой комнате, Фролих была рядом. Буквально этим утром. Она еще говорила о том, что именно сегодня все должно решиться: либо победа, либо поражение. А он заметил, что никакие поражения в его планы не входят...

А может быть, ему не хватало еще кого-то. Возможно, самого Джо. Может быть, чего-то совершенно другого. Впрочем, многое из его жизни ушло, и теперь этого не вернуть. Многое осталось невыполненным и невысказанным. Что же именно? Вероятно, у него просто не выходила из головы военная карьера отца Армстронга. А может, и что-то гораздо более значительное. Чего же еше ему так не хватает? Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться, но перед его мысленным взором опять возникло облачко кровавых брызг, исчезающее в солнечном свете. Джек открыл глаза, разделся и принял душ — в третий раз за сегодняшний день. Стоя под струями воды, он поймал себя на том, что упорно смотрит себе под ноги, словно ожидая увидеть, как покраснеет вода. Но она оставалась чистой и прозрачной.

Постель оказалась холодной и неудобной, а накрахмаленные простыни — чересчур жесткими. Он нырнул в кровать и в течение целого часа пялился в потолок, стараясь сконцентрироваться. После этого он резко погасил свет и почти мгновенно отключился. Ему приснился брат. Он прогуливался с Фролих возле Приливного Бассейна, держа женщину за руку и наслаждаясь летним днем. Солнечный свет был мягким и золотистым, и кровь, выливающаяся у Фролих из раны на шее, напоминала трепещущую красную ленту, повисшую в пяти футах над землей. Пара уже совершила полный круг, обходя Бассейн, а лента оставалась на месте и не исчезала. Затем неожиданно Фролих превратилась в Суэйна, а Джо в безымянного полицейского из Бисмарка. Полы его пальто развевались на ветру, а Суэйн повторял

каждому встречному одну и ту же фразу: «По-моему, мы просчитались». Затем Суэйн превратился в Армстронга, широко улыбнулся, как полагается политику, и сказал: «Мне очень жаль», после чего полицейский достал из-под полы пальто ружье с длинным стволом, передернул затвор и выстрелил вице-президенту в голову. Однако звука выстрела не последовало, так как ружье оказалось с глушителем. После этого Армстронг так же беззвучно упал в воду и поплыл по ее поверхности прочь.

* * *

В шесть часов Джека разбудил звонок администратора, а еще через минуту в дверь постучали. Он перекатился на кровати, повязал полотенце вокруг бедер и, прильнув к глазку, увидел Нигли, которая принесла ему кофе. Женщина была уже полностью одета и готова отправиться в путь. Он впустил, ее, сам устроился на кровати и принялся за кофе, а Нигли стала прохаживаться по номеру. Она казалась чем-то взволнованной и выглядела так, будто всю ночь пила кофе и даже не прилегла.

— Ну, как насчет отца Армстронга? — произнесла она, словно задавала Ричеру вопрос. — Его призвали в армию как раз в то время, когда заканчивалась корейская кампания. Он, собственно, так и не успел застать настоящей войны. Но зато прошел офицерскую подготовку, получил звание второго лейтенанта и был приписан к пехотной роте. Он служил в Алабаме, этой базы уже давно не существует. Рота была обязана находиться в боевой готовности, хотя война уже закончилась, и это было всем хорошо известно. Ну, ты, наверное, знаешь, как это все там происходило.

Ричер сонно кивнул, продолжая пить кофе.

— Какой-нибудь идиот-капитан проводит бесконечные соревнования, — начал Джек. — Зарабатываем очки вот за это и за это, а за то снимаем. И в конце месяца рота "Б" получает знамя в казарму, потому что сумела в итоге надавать по заднице роте "А".

— И Армстронг-старший, как правило, выигрывал такие тренировочные бои, — продолжала Нигли. — Но у него были проблемы со здоровьем, а именно: он был подвержен приступам гнева. И его вспыльчивость оказалась непредсказуемой. Если кто-либо из его подчиненных терял набранные очки, это могло спровоцировать Армстронга на очередной приступ ярости. Так случалось пару раз. И это не просто офицерские заморочки: оба происшествия были внесены в журналы и описаны как серьезные нарушения психики. Он заходил так далеко, что не мог контролировать собственные действия.

— И что же?

— Дважды ему это сходило с рук, так как вспышки все же являлись эпизодическими. Однако на третий раз он действительно переборщил, и его уволили. Ну конечно, это происшествие было прикрыто. Армстронга уволили по причине нестабильного психологического состояния, объяснив это официально как стресс в результате нервного перенапряжения во время боя, хотя боевым офицером он никогда не являлся.

Ричер поморщился.

— Наверняка у него было там много друзей. Да и тебе на их отсутствие грех жаловаться, раз ты сумела докопаться до подобной информации.

— Для этого мне пришлось провисеть на телефоне всю ночь. Когда в мотель придет счет за мои переговоры, Стивесанта, наверное, удар хватит.

— Сколько же человек пострадало от Армстронга-старшего?

— Я тоже сразу подумала об этом, но про них можно забыть. Всего пострадало три человека — по одному в каждом эпизоде. Один впоследствии погиб во Вьетнаме, один умер десять лет назад в Палм-Спрингс, а третий живет во Флориде, но ему уже перевалило за семьдесят.

— Глухо, — кивнул Ричер.

— Зато нам стало ясно, почему о военной карьере отца Армстронга так упорно молчали во время предвыборной кампании.

Ричер продолжал пить кофе.

— А не могло получиться так, что Брук унаследовал характер своего отца? Фролих как-то упоминала о том, что ей приходилось видеть его очень злым.

— И об этом я тоже думала, — отозвалась Нигли. — Такой вариант не исключен. Мне показалось, что когда он начал настаивать на своем присутствии на службе в Вайоминге, он уже начинал закипать, хотя внешне казался спокойным. Я угадала? Но, конечно, если произошло бы что-то серьезное, это давно бы выплыло наружу. Этот парень всю жизнь выставляет свою кандидатуру на разные посты и выигрывает. А ведь его проблемы начались только летом, мы ведь это вычислили. Во время предвыборной кампании.

Ричер едва заметно кивнул.

— Предвыборной кампании, — эхом отозвался он, застыв на кровати, все так же держа в руке стаканчик с кофе, и молча смотря в противоположную сторону. Так прошла целая минута, затем еще одна.

— Что с тобой? — заволновалась Нигли.

Ничего не отвечая, Джек прошел к окну, отдернул занавеску и принялся смотреть на город под серым светлеющим небом.

— А чем именно занимался Армстронг во время предвыборной кампании? — спросил он.

— Ну, очень многим.

— Сколько человек от Нью-Мексико заседают в Палате Представителей?

— Понятия не имею, — пожала плечами Нигли.

— Кажется, трое. Ты можешь назвать их по фамилиям?

— Нет.

— А ты узнала бы их в лицо, если бы встретила на улице?

— Нет.

— А кого-нибудь из Оклахомы? И сколько их там заседает?

— Не знаю. Пять?

— По-моему, шесть. Фамилии назовешь?

— Один из них — полный кретин, это мне запомнилось. Правда, фамилию я успела забыть.

— А что ты можешь сказать о сенаторах от Теннеси?

— Чего ты хочешь от меня добиться?

Джек снова принялся смотреть в окно.

— Мы сейчас заразились болезнью Белтуэя, поскольку часто встречаемся с политиками, а потому привыкли к ним. Для обычных людей все они ничего не значат как личности. Ты сама мне говорила, что хотя и интересуешься политикой, но не сможешь назвать всю сотню сенаторов по фамилиям. А большинство людей заинтересованы политикой еще меньше, чем ты. И они ни за что не узнают на улице, скажем, младшего сенатора из соседнего штата, если он даже случайно налетит на них где-нибудь в переулке. Или она, как заметила бы сейчас Фролих. И она полагала, что Армстронга до предвыборной кампании вообще никто не знал.

— И что же?

— А вот что. Во время кампании Армстронг сделал одну вещь, которую мы не учли: он стал публично известным человеком, и теперь его узнает

каждый. Впервые за все время обычные люди за пределами его штата и не входящие в круг его друзей узнали о нем и увидели, как он выглядит. Они услышали его имя. И все это произошло впервые. Вот тут и может таиться отгадка.

— Поясни.

— Представь себе, что его узнал какой-то человек из его давнего прошлого. Вдруг перед ним возникает лицо Армстронга, и этот бедолага испытывает что-то вроде шока.

— Кто же это может быть?

— Ну, представь себе, что ты — простой парень, и когда-то очень давно другой парень вдруг разозлился и хорошенько тебя поколотил. Могла же возникнуть в реальности такая ситуация? Может, это случилось в баре, а может, тут замешана девчонка. Он каким-то образом унизил тебя, а потом ты не видишь его в течение долгих лет, хотя этот неприятный случай все равно живет в твоем подсознании и мучает тебя. Проходят годы, и вдруг твой обидчик возникает на экране телевизора, и о нем начинают писать все газеты. Он не просто политик. Он собирается стать вице-президентом. Ты просто не видела его все это время, потому что не слишком интересуешься политикой и не следишь за всеми выпусками новостей и прочих политических событий, которыми изобилует, к примеру «Си-Эн-Эн». Но вот он появился перед тобой снова. Итак, что ты будешь делать? Если ты соображаешь кое-что в политике, то, конечно, связываешься с его оппонентами и выливаешь перед ними всю грязь. Но тебе не хватает ума поступить именно так, потому что ты пока еще плохо соображаешь, что происходит. Ведь ты увидела его впервые после многих лет забвения. Ну и что ты намерена делать? Ты увидела его, и это разбередило старую рану. Тебя терзают и не дают покоя почти забытые воспоминания о той обиде.

— Наверное, следует подумать о том, как ему отомстить.

Ричер кивнул.

— И это объясняет идею Суэйна о том, что кто-то очень хочет, чтобы Армстронг страдал. Но, возможно, Суэйн просто не там искал, как, впрочем, и все мы. Может быть, речь идет не об Армстронге-политике, а об Армстронге-мужчине. Может быть, это действительно что-то очень личное.

Нигли перестала перемещаться по комнате и села в кресло.

— Слишком притянуто, — покачала она головой. — Люди склонны прощать и забывать со временем очень многие обиды.

— Правда?

— В большинстве случаев.

Ричер смерил ее недоверчивым взглядом.

— Однако в тебе осталось что-то, что заставляет избегать прикосновения посторонних.

В комнате стало тихо.

— Ну хорошо, — согласилась она. — Я не так выразилась. Нормальные люди обычно все прощают или забывают.

— Нормальные люди не похищают женщин, не отрезают пальцы незнакомцам и, тем более, не стреляют в них.

Нигли кивнула.

— Ну хорошо, — повторила она. — Это только теория. Куда мы с ней можем отправиться?

— Наверное, к самому Армстронгу, — предположил Ричер. — Но разговор с вице-президентом получится нелегкий. И помнит ли он о том случае? Если он унаследовал от своего отца такой характер, из-за которого увольняют из армии, скорее всего, он дрался в юности несколько десятков раз. Он крупный парень. Может быть, ему частенько приходилось нагонять страх на окрестности, пока он не научился управлять своими эмоциями.

— А что ты думаешь насчет его жены? Они живут вместе уже долгое время.

Ричер промолчал.

— Нам пора, — напомнила Нигли. — В семь часов мы встречаемся с Бэнноном. Стоит ли сообщать ему о наших планах?

— Нет, — отмахнулся Ричер. — Да он и не станет слушать нас.

— Прими душ, — посоветовала Нигли.

Ричер кивнул.

— Хорошо, но сначала кое-что другое. То, из-за чего я не мог заснуть ночью целый час. Теперь меня это тревожит. Это «что-то» находится не здесь, или мы просто чего-то не успели сделать.

Нигли пожала плечами:

— Ну ладно. Я подумаю, что тебя могло так расстроить. А ты пока что готовься на выход.

* * *

Джек надел последний из костюмов Джо, темно-серый и гладкий, как шелк. Рубашка также оказалась последней, сильно накрахмаленная и белая, словно только что выпавший снег. А на темно-синем галстуке (и опять-таки последнем!) виднелся замысловатый узор, но если приглядеться к нему повнимательней, то можно было определить, что на рисунке изображена повторяющаяся крохотная картинка: рука питчера, схватившая мяч и готовящаяся бросить его.

Ричер встретился с Нигли в вестибюле. Он наскоро съел булочку возле буфета, а стаканчик с кофе забрал собой в «линкольн», принадлежавший Секретной службе. Они чуть опоздали на встречу в конференц-зал: Бэннон и Стивесант уже поджидали их там. Бэннон снова нарядился так, что со стороны весьма напоминал городского полицейского, а босс переоделся в костюм от «Брукс Бразерс». Ричер и Нигли, не сговариваясь, оставили одно пустое место между собой и Стивесантом. Бэннон с удивлением смотрел на него, словно догадался, что оно, наверное, должно было символизировать отсутствие в их рядах Фролих.

— ФБР решило не посылать своих агентов в Грэйс, штат Вайоминг, — сообщил Бэннон. — Об этом просил Армстронг. Он специально звонил нашему директору и пояснил, что не хочет церковную службу превращать в балаган.

— Меня это вполне устраивает, — кивнул Ричер.

— Вы зря потратите время, — фыркнул Бэннон. — Мы идем вам навстречу лишь потому, что можем себе это позволить. Преступники уже поняли ваш замысел: они догадались, что там их ждет ловушка, а потому в Вайоминге даже не покажутся.

Ричер снова кивнул.

— Ничего страшного. Не впервые мне придется прокатиться напрасно.

— Предупреждаю вас, чтобы вы не предпринимали никаких самостоятельных независимых действий.

— Ну, если верить вашим словам, там вообще не предвидится никаких действий.

Бэннон нахмурился.

— Мы получили результаты баллистической экспертизы, — сообщил он. — Винтовка, которую мы нашли на складе, та же самая, из которой стреляли в Миннесоте.

— Каким же образом она смогла попасть на склад? — поинтересовался Стивесант.

— Нам пришлось изрядно потрудиться прошлой ночью, — вздохнул Бэннон. — Но я могу вам объяснить лишь то, как она не могла бы попасть туда. Ее не могли привезти на самолете. Мы проверили все коммерческие рейсы в восьми аэропортах, и ни в одном из них не было заявлено о перевозке оружия. Затем мы перешли к частным самолетам, которые приземлились в тех же восьми аэропортах. И там не было обнаружено ничего даже отдаленно вызывающего подозрение.

— Получается, что преступники ехали на машине?

Бэннон кивнул.

— Но дело в том, что от Бисмарка до Вашингтона более тысячи трехсот миль. Это равняется более чем двадцати часам езды на автомобиле, как минимум, даже если представить себе, что водитель будет гнать машину как ненормальный. Иначе ему не позволят это сделать временные рамки. Итак, у нас получается, что данная винтовка не находилась в Бисмарке. Ее привезли непосредственно из Миннесоты, которая находится от столицы на расстоянии в тысячу сто миль, но у вас есть двое суток, чтобы проехать это расстояние и, как говорится, с этим могла бы справиться и ваша бабушка.

— Моя бабушка не умела водить машину, — отрезал Ричер. — Выходит, вы все еще считаете, что преступников было трое?

Но Бэннон отрицательно покачал головой.

— Нет, если хорошенько подумать, мы все равно придерживаемся теории, что их двое. В этом случае у нас все складывается гораздо лучше. Мы полагаем, что преступная группа разделилась, и во вторник один человек поехал в Миннесоту, а другой — в Колорадо. После этого они соединились не сразу. Там, в Бисмарке, злоумышленник, который выдавал себя за полицейского, был у церкви один. Мы даже подозреваем, что у него при себе имелся только автомат. И в этом есть смысл: ведь он знал, что, как только мы обнаружим винтовку-приманку, Армстронга тут же облепят со всех сторон агенты и телохранители. А всем известно, что против группы людей лучше использовать автомат, нежели обычную винтовку. Особенно, когда речь идет о «Хеклер и Кох MP5». Наши специалисты утверждают, что это оружие столь же меткое, как винтовка, если стрелять с расстояния в сотню ярдов, но только гораздо мощней. Если учесть, что при нем был еще и рожок на тридцать патронов, то можно предположить, что преступник прострелил бы всех шестерых агентов и в любом случае попал бы в Армстронга.

— Тогда зачем же второму понадобилось ехать в Бисмарк, если бы он знал, что его приятель справится и в одиночку? — поинтересовался Стивесант.

— Да все потому, что это ваши люди, — усталым голосом сообщил Бэннон. — Они профессионалы и рассуждают реалистически. Им известны все подводные камни. Они понимали, что не могут гарантировать стопроцентный успех в любом из тех мест, где должен появиться Армстронг. Поэтому, хорошенько изучив расписание встреч вице-президента, они торопились в каждом отдельном случае подстраховать друг друга.

Стивесант промолчал.

— Но вчера они были вместе, — заметил Ричер. — Вы утверждаете, что первый преступник привез сюда «вайме», а я сам видел того парня из Бисмарка на крыше склада.

Бэннон кивнул.

— Им больше не нужно было спешить и страховать друг друга. Они прекрасно понимали, что вчера у них оставался единственный реальный шанс убить Армстронга. Скорее всего, тот парень из Бисмарка прилетел к нам коммерческим рейсом сразу после того, как вы сами вернулись сюда на самолете военно-воздушных сил Америки.

— Но где же тогда «Хеклер и Кох»? Судя по вашим словам, преступник должен был оставить оружие в Бисмарке, где-то между церковью и аэропортом. Вы его уже нашли?

— Нет, — нахмурился Бэннон. — Ищем до сих пор.

— А что это за подозрительный парень, о котором нам сообщили полицейские в Бисмарке?

— Мы не принимаем его в расчет. Скорее всего, это просто какое-то гражданское лицо.

Но Ричер недовольно покачал головой.

— Тогда получается, что преступник в одиночку сначала припрятал фальшивую винтовку, а потом сам вместе со своим автоматом добрался до церкви?

— А почему бы и нет?

— Вам лично никогда не приходилось маскироваться с тем, чтобы выжидать жертву?

— Нет, — признался Бэннон.

— А мне случалось. И это дело серьезное. Вам при этом нужно чувствовать себя удобно и расслабленно, но постоянно быть начеку. Вы приезжаете на место заранее, не спеша устраиваетесь, еще раз

проверяете скорость и направление ветра, расстояние до потенциальной цели, угол подъема или наклона, рассчитываете примерную траекторию движения пули. Ваше дыхание замедляется, сердцебиение — тоже. И знаете, о чем вы мечтаете в этот момент? Что становится для вас самым главным?

— Что же?

— Чтобы тот, кому вы доверяете, приглядывал за вашим тылом. Вы концентрируете внимание на том, что находится впереди вас, а потому через некоторое время начинаете ощущать неприятное чувство позади себя. Так вот, если эти ребята настоящие профессионалы, как вы утверждаете, ни за что на свете никто из них не стал бы действовать у церкви в одиночку.

Бэннон промолчал.

— А ведь он прав, — согласилась Нигли. — Мне кажется, что тот парень, который шатался по округе, и был товарищем преступника, прогуливавшимся после того, как подбросил фальшивую винтовку. Он как раз успел отойти от забора, но все равно привлек внимание полицейских. А стрелок уже находился в церкви и ждал, когда появится его напарник.

— И тут появляется еще один вопрос, — вставил Ричер. — Кто же именно в это время мчался из Миннесоты сюда?

Бэннон пожал плечами.

— Хорошо, — согласился он. — Значит, преступников все же трое.

— И все они — наши люди? — уже почти с полным безразличием поинтересовался Стивесант.

— А почему бы и нет? — отозвался Бэннон.

Но Ричер только печально покачал головой.

— Да вы, кажется, просто одержимы этой идеей. В таком случае, почему вам не арестовать всех тех, кто когда-то работал в Секретной службе? Среди них наверняка окажутся еще и те столетние старики, которые трудились здесь при Рузвельте, во время его первого президентского срока.

— И все же мы придерживаемся своей теории, — упорствовал Бэннон.

— Прекрасно, — подытожил Ричер. — Значит, свою я могу развивать отдельно.

— Я предупреждал вас относительно линчевания, причем уже дважды.

— Я все это слышал и хорошо запомнил.

В комнате стало тихо. Затем выражение лица Бэннона чуть смягчилось: он посмотрел на пустующее кресло, предназначавшееся для Фролих.

— Даже если бы я полностью понимал ваши мотивы и встал на вашу сторону, — добавил он.

Ричер упрямо смотрел перед собой.

— Работают два преступника, а не три, — твердо заявил он. — Я согласен с вами, что так даже легче рассуждать. А еще легче было бы, если бы этот негодяй действовал в одиночку. Только на практике происходит все по-другому, поэтому мы будем считать, что преступников двое. Но только не трое. Наличие третьего участника преступной группы в тысячу раз увеличило бы риск.

— Так что же случилось с винтовкой?

— Скорее всего, они отправили ее посылкой, — ответил Ричер. — Через «Фед-Экс» или Единую посылочную службу, а может быть, просто курьером. Не исключено, что и почтовой службой США. Наверное, они упаковали ее вместе с пилами, молотками и прочими инструментами, заявив в конторе, что отправляют образцы своей продукции какой-нибудь строительной фирме. Ну, такую сказку они могли легко сочинить. И поставить адрес мотеля, где посылку якобы будет ожидать представитель фирмы. Во всяком случае, я поступил бы именно так.

Бэннон смутился и ничего ему не ответил. Он просто поднялся со своего места и молча вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком. Наступила долгая пауза. Стивесант продолжал сидеть на своем стуле, но было заметно, что он нервничает.

— Нам нужно поговорить, — наконец начал он.

— Вы нас увольняете, — помогла ему Нигли.

Босс кивнул и, сунув руку во внутренний карман пиджака, достал оттуда два тонких белых конверта.

— Это дело перестало быть внутренним и теперь касается не только Секретной службы, — пояснил он. — Вы сами отлично понимаете это.

— Но и вы сознаете, что Бэннон ищет преступников совсем не в том месте, где следовало бы.

— Надеюсь, что он сам поймет свою ошибку, — вздохнул Стивесант. — И тогда, возможно, станет искать там, где нужно. А пока что мы сосредоточим усилия на задаче, как лучше защитить Армстронга, начиная с того безумия, на которое он отправляется в Вайоминг. Вот

этим мы и займемся. Впрочем, больше мы все равно ничего не сможем сделать. Мы выбираем оборонительную позицию. И у нас нет законного основания, чтобы нанимать посторонних людей для проведения профилактических действий.

Он подтолкнул первый конверт по скользкой поверхности стола, и белый прямоугольник, проехав шесть футов, остановился как раз напротив Ричера. Второй конверт был отправлен более осторожным движением, и он так же застыл около Нигли.

— Позже, — начал Джек. — Вы уволите нас чуть позже. Оставьте за нами хотя бы остаток сегодняшних суток.

— Для чего?

— Нам необходимо переговорить с Армстронгом. Я имею в виду только себя и Нигли.

— О чем же?

— Об очень важном деле, — уклончиво ответил Ричер и замолчал.

— О том, о чем мы с тобой беседовали утром? — спросила его Нигли.

— Нет, о том, о чем я так долго думал вчера ночью.

— О чем-то отсутствующем и не доведенном до конца?

— О чем-то недосказанном.

— А что же было недосказано?

Но Джек ей ничего не ответил. Он взял оба конверта и таким же аккуратным движением, которое использовал босс, отправил их в путешествие назад по столу. Стивесант остановил их ребром ладони, затем в нерешительности взял в руку.

— Но я не могу позволить вам разговаривать с Армстронгом в мое отсутствие, — начал он.

— Вам придется уступить, — покачал головой Ричер. — Иначе мы вообще не сможем поговорить с ним.

Стивесант ничего ему не ответил. Ричер внимательно посмотрел на босса:

— Расскажите мне о том, как работает ваша почта. Сколько времени вы проверяете письма и посылки, которые приходят на имя Армстронга?

— С самого начала, как только утвердили его кандидатуру. Впрочем, это стандартная процедура.

— И как проходит проверка?

Стивесант пожал плечами.

— Все достаточно просто. Агенты вскрывают все письма и посылки, которые приходят на домашний адрес. В Сенате есть специальный человек, который обрабатывает его почту, ну, и один сотрудник, который занимается тем же самым в Бисмарке. Правда, после того как мы получили две первые угрозы, мы стали всю его почту привозить сюда и здесь проверять. Это было сделано для удобства.

— Но кроме писем с угрозами все остальное доходит до адресата?

— Очевидно, да.

— Вы знакомы с Суэйном?

— С ученым? Да, я его немного знаю.

— Вы должны повысить его или выписать ему премию. Или хотя бы одарить поцелуем в лоб, поскольку этот человек — единственный во всем здании, который имеет какие-то стоящие мысли в голове. Ну, кроме нас, конечно.

— Что же такого полезного он вам сообщил?

— Нам нужно обязательно встретиться с Армстронгом. И чем быстрей, тем лучше. На этой встрече будем присутствовать только я и Нигли. После этого мы будем считать себя уволенными, и вы никогда нас больше не увидите. Как, впрочем, и Бэннона, потому что уже через пару дней ваши проблемы будут решены.

Стивесант спрятал оба конверта во внутренний карман пиджака.

* * *

На следующий день после праздника Армстронг находился в добровольном заточении у себя дома, отказавшись от всех публичных встреч. Однако договориться о свидании с ним оказалось отнюдь не просто. После утреннего совещания Стивесант назначил на место Фролих одного из шести ее конкурентов. Этот тип с поведением дешевого мачо немедленно дал понять всем, что, по его выражению, «теперь-то все будет как надо». Он не уставал повторять эту фразу, но держался с Стивесантом подчеркнуто уважительно, хотя напрочь отвергал наличие каких-либо препятствий для своей деятельности. Главным камнем преткновения являлось то, что на протяжении десятилетий ни один вице-президент не вел частных бесед с посторонними лицами без присутствия хотя бы одного представителя Секретной службы. Ричер понимал логику этого правила: ведь даже если бы их с Нигли тщательно обыскали на предмет наличия оружия,

они вдвоем голыми руками расчленили бы Армстронга за полторы секунды. Но им нужно было встретиться с ним наедине. В этом заключалась жизненная необходимость. Стивесанту не хотелось в первый же день отодвигать в сторону преемника Фролих, но, покопавшись в правилах, принятых Пентагоном, обнаружил, что в некоторых случаях допускаются приватные беседы, когда двое охранников занимают посты непосредственно по другую сторону двери. Затем он позвонил Армстронгу домой, чтобы провентилировать с ним этот вопрос лично. Закончив короткий разговор, босс сообщил Ричеру, что вице-президент показался ему несколько взволнованным и пообещал перезвонить сам.

Они принялись ждать, и через двадцать минут Армстронг связался со Стивесантом и сообщил ему три вещи.

Во-первых, здоровье его матери резко ухудшилось, из чего вытекало «во-вторых»: ему необходимо срочно вылететь в Орегон и, соответственно, «в-третьих»: его встреча с Ричером и Нигли будет короткой и состоится через два часа, так как ему требуется собрать вещи и подготовиться к отлету.

Ричер и Нигли отправились в бывший офис Фролих, чтобы подождать там, но его уже обживал новый хозяин. Маленькое хилое растение в горшке исчезло. Мебель переставили, да и вообще многое тут изменилось. Единственное, что напоминало о Фролих — лишь еле уловимый запах ее парфюмерии. Поэтому они вернулись в приемную и развалились в кожаных креслах, наблюдая за тем, что происходило на экране телевизора с выключенным, как всегда, звуком. Телевизор был настроен на канал новостей, и они снова и снова смотрели, как перед ними медленно и беззвучно умирает Фролих. Затем Армстронг делал свое заявление у Белого Дома, а после него кто-то брал интервью у Бэннона возле здания Гувера. Джек и Нигли не стали просить дежурного включить звук: им и так было понятно, что может сказать Бэннон. В спортивных новостях показывали отрывки из футбольных матчей, состоявшихся в День Благодарения. Через несколько минут Стивесант пригласил Джека и Нигли к себе в офис.

Секретаря на месте не оказалось. Очевидно, она наслаждалась выходными дома. Джек и Нигли прошли секретарский закуток и, очутившись в кабинете босса, устроились перед его безупречным столом. Стивесант тем временем рассказывал им о правилах, которые они обязаны соблюдать во время частной беседы с вице-президентом.

— Никаких физических контактов, — начал он.

Ричер улыбнулся.

— Ему нельзя даже будет пожать руку?

— Ну, я думаю, в рукопожатии ничего предосудительного нет, — задумчиво произнес Стивесант, — но более ничего такого позволять себе не стоит. Вы обязуетесь ничего не рассказывать ему о сложившейся ситуации. Он остается в неведении, и я не хочу, чтобы он узнал обо всем, что происходит, именно от вас. Надеюсь, это понятно?

Ричер кивнул.

— Понятно, — подтвердила Нигли.

— Ничем его не огорчайте и не тревожьте. Помните, что сейчас все его мысли уже далеко, в Орегоне, возле больной матери.

— Ладно, — кивнул Ричер.

Стивесант отвернулся.

— Я решил для себя, что мне не стоит даже интересоваться тем, о чем вы собираетесь с ним разговаривать. И я не хочу знать, что случится потом, после вашей беседы. Если, конечно, какие-то последствия все же будут иметь место. Но я хочу сказать вам большое спасибо за все то, что вы уже успели для нас сделать. Ваша проверка-аудит очень поможет нам в дальнейшем и, кроме того, я считаю, что вы спасли нас в Бисмарке, а ваши сердца находились вместе с нашими во все решающие моменты, и за все я вам весьма благодарен.

Никто ему не ответил.

— Я в ближайшем будущем выйду на пенсию, — сообщил Стивесант, — и вот именно теперь мне нужно следить за своей карьерой, хотя именно сейчас я и хочу сказать вам, что мне она не настолько нравится, чтобы я смог сражаться за нее до последнего.

— Эти негодяи никогда не работали у вас, — попытался успокоить старика Ричер.

— Я знаю, — кивнул тот. — Но я потерял двоих сотрудников. Тем не менее, это мое решение и мои проблемы. Я только хочу еще сказать, что мне было очень приятно познакомиться с братом Джо, а работа с вами обоими доставила настоящее удовольствие.

В кабинете воцарилась тишина.

— И конечно, хорошо, что во время гибели Эм-И именно вы оба находились рядом с ней.

Ричер отвернулся. Стивесант снова достал из кармана два конверта.

— Я даже не знаю, правы вы или нет, — продолжал босс, — я имею в виду насчет Вайоминга. Мы со своей стороны пошлем туда троих

телохранителей, а также будем рассчитывать на поддержку местной полиции. Это не слишком надежная охрана, если там действительно случится нечто серьезное.

Он передал им конверты через стол.

— Внизу вас ждет машина. Вас довезут до Джорджтауна, и после этого вы можете считать себя полностью свободными.

Ричер и Нигли спустились вниз на лифте, и Джек, очутившись на первом этаже, сразу же свернул в главный вестибюль. Здесь было тихо и пустынно, а от шагов по холодному мрамору разносилось эхо. Джек остановился возле выступающих из стены панелей, выполненных в виде свитков с именами погибших сотрудников Министерства, и еще раз взглянул туда, где были выбиты имя и фамилия его брата. Затем скользнул взглядом на то место, где пока что оставалось пустое пространство, но где очень скоро должно было появиться имя Фролих. После этого от отвернулся и зашагал к Нигли. Они прошли через маленькую дверь с окошечком из армированного стекла и, очутившись в гараже, сразу же обнаружили свою машину.

* * *

Белый тент-переход все еще стоял на тротуаре перед домом Армстронга. Водитель остановил машину так, что вход в тент очутился как раз напротив задней дверцы автомобиля, и что-то проговорил в микрофон, прикрепленный к запястью. Через мгновение дверь в доме вице-президента раскрылась и оттуда вышли трое агентов. Один из них пробрался через холщовый тент и открыл дверцу машины. Первым оттуда вышел Ричер, за ним выскользнула Нигли. Агент закрыл за ними дверцу и остался на тротуаре. Машина уехала. Второй агент жестом дал понять, что Джек и Нигли должны еще некоторое время оставаться на месте, поскольку телохранители обязаны их обыскать. Джек и Нигли повиновались, застыв внутри холщового полумрака перехода. Нигли напряглась, пока руки незнакомого мужчины легкими движениями обыскивали ее. Однако агенту нужно отдать должное. Как истинный профессионал, он почти не притрагивался к ее телу. И, кстати, керамический нож Ричера, спрятанный в носке, остался незамеченным.

После этого агенты провели гостей в прихожую в доме Армстронга и закрыли за ними дверь. Изнутри жилище вице-президента оказалось просторней, чем выглядело снаружи. Это было довольно внушительное здание. Создавалось впечатление, что оно простояло здесь сотню лет и могло служить людям, по крайней мере, еще столько же.

В коридоре, оклеенном полосатыми обоями, повсюду стояли антикварные статуэтки, а на стенах висели такие же древние картины в деревянных рамах. На полах от стены до стены лежали толстые ковры. В

углу коридора уже стоял собранный и готовый в дорогу саквояж. Видимо, с ним и собирался лететь в Орегон Армстронг.

— Прошу сюда, — пригласил пройти гостей один из телохранителей.

Они двинулись вперед, поднялись по короткой лесенке и очутились в кухне, одновременно выполнявшей функции столовой. Это помещение могло бы прекрасно смотреться и в загородном доме: сплошь обитое сосновыми досками, с большим столом в одном конце и кухонной утварью — в противоположном. Здесь пахло свежесваренным кофе. Супруги Армстронг сидели за столом с большими чашками ароматного напитка. Перед ними лежали четыре разных газеты. Миссис Армстронг была одета в спортивный костюм. При этом лицо ее так вспотело, словно она только что вышла из тренажерного зала, возможно, расположенного в подвале дома. Похоже, она не собиралась лететь в Орегон вместе с мужем. На ней не было никакого макияжа, а сама женщина выглядела уставшей и чем-то расстроенной, словно события Дня Благодарения коренным образом изменили ее мировоззрение. Сам Армстронг выглядел спокойным, был одет по-домашнему: без галстука, в свежей рубашке и куртке с закатанными по локоть рукавами. Вице-президент изучал передовицы свежих газет — «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост».

— Кофе? — предложила миссис Армстронг.

Ричер кивнул. Женщина встала, прошла к тому месту, где находилась посуда и, сняв с крючков две чашки, наполнила их горячим напитком, после чего вернулась к гостям, неся по кружке кофе в каждой руке. Ричер не смог определить, можно ли было бы назвать миссис Армстронг высокой или нет. Она была одной из тех женщин, которые казались высокими на каблуках и низкими — в домашних тапочках. Она передала чашки гостям без излишних церемоний, а в это время Армстронг наконец оторвался от газет.

— Мы узнали о несчастье, которое случилось с вашей матерью, — произнесла Нигли. — Поверьте, нам было очень жаль слышать об этом.

Армстронг понимающе кивнул.

— Мистер Стивесант предупредил меня, что у вас имеется ко мне приватная беседа.

— Именно так, — подтвердил Ричер.

— Может ли при этом присутствовать моя супруга?

— Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в понятие «приватная беседа».

Миссис Армстронг взглянула на мужа.

— Ну, ты сможешь рассказать мне о вашем разговоре позже, перед тем как уедешь. Если, конечно, посчитаешь это необходимым.

Армстронг снова кивнул и начал демонстративно складывать газеты. Потом он поднялся, подошел к кофеварке и еще раз наполнил чашку.

— Пойдемте, — предложил вице-президент.

Они вернулись в коридор с лесенкой, свернули и очутились в боковой комнате. Два телохранителя остались снаружи по обеим сторонам двери. Армстронг окинул их извиняющимся взглядом и закрыл дверь. Комната служила кабинетом, хотя больше напоминала помещение для отдыха. В центре стоял огромный старинный письменный стол, на котором, правда, не обнаружилось даже компьютера. Массивные кресла, обитые кожей, красивые книги на полках, предназначенные, видимо, для того, чтобы любоваться их богатыми переплетами. На полу раскинулся персидский ковер ручной работы, стены обиты деревянными панелями. В комнате приятно пахло свежестью, исходящей из невидимого устройства, дезодорирующего воздух. В глаза бросалась большая фотография на стене, изображавшая существо неопределенного пола, стоящее на громадной льдине. Человек на снимке был одет в длинный пуховик с капюшоном и толстые варежки, доходящие ему до локтей. Меховая опушка капюшона наполовину скрывала лицо неизвестного и, кроме того, оно все равно пряталось за лыжную маску и большие солнцезащитные очки. Одна рука этого непонятного существа была поднята в приветствии.

— Это наша дочь, — пояснил Армстронг. — Мы с женой попросили ее прислать нам фотографию, потому что очень скучаем без нее, и вот что дочура нам передала. Ей не откажешь в чувстве юмора.

Он уселся за письменный стол, а Ричер и Нигли устроились рядом в креслах.

— Мне кажется, что разговор действительно предстоит весьма конфиденциальный, — насторожился Армстронг.

Ричер кивнул:

— И в конце нашей беседы, я чувствую, мы все сойдемся на том, что она и должна будет остаться строго конфиденциальной.

— Что же вы такое задумали рассказать мне?

— Мистер Стивесант сообщил нам о неких незыблемых правилах, перед тем как допустил сюда, — заговорил Джек.

— Я начну с того, что сразу же нарушу хотя бы одно из них. Дело в том, что Секретная служба перехватила шесть угрожающих посланий против вас. Первое письмо пришло с почтой восемнадцать дней назад. Еще два аналогичных также были доставлены с почтой, а три поступили через курьеров.

Армстронг молчал.

— Похоже, вас это не удивляет, — заметил Джек.

Армстронг неопределенно пожал плечами.

— Политика — дело настолько сложное, что приходится переставать удивляться чему бы то ни было.

— Наверное, вы правы, — тактично согласился Ричер. — И в конце всех шести посланий вместо подписи стоял отпечаток большого пальца. Мы выяснили, кому он принадлежит. Его владельцем оказался старик из Калифорнии. Преступники отрезали ему палец, забрали с собой и использовали в качестве своеобразного штампа.

Армстронг снова ничего ему не ответил.

— Второе письмо нашли на письменном столе в кабинете Стивесанта. Через некоторое время нам удалось выяснить, что туда его подбросил один из служащих Секретной службы — некий сотрудник из технического персонала по фамилии Нендик. Неизвестные похитили у него жену, чем вынудили Нендика совершить данный проступок. Он был настолько перепуган, что сболтнет лишнее на допросе и его жену убьют, что перестал реагировать на действительность адекватно и впал в кому. Правда, как мы полагаем, его супруга была мертва уже задолго до этого эпизода.

Армстронг продолжал молчать.

— Среди сотрудников Секретной службы есть один ученый-исследователь по фамилии Суэйн. Именно он и сумел сделать важное ментальное заключение. Он высказал предположение, что мы где-то просчитались, и что будто бы сам Нендик является своеобразным посланием. Таким образом, получалось, что до нас дошло семь посланий, а не шесть. Потом мы добавили того парня с отрубленным пальцем из Калифорнии, и у нас получилось восемь посланий. Но это еще не все. Во вторник было совершено два убийства, что означает лишь следующее: нам следует прибавить еще девятое и десятое послания. Были убиты два совершенно не знакомых друг с другом человека, один в Колорадо, другой — в Миннесоте. Но они оба носили фамилию Армстронг, а их убийство должно было служить чем-то вроде «демонстрации вашей уязвимости», как выразились в письме преступники.

— О нет, только не это, — почти простонал Армстронг.

— Итого, всего получается, что до нас дошло десять посланий, — подытожил Ричер. — И все они имели целью мучить вас, заставить нервничать, ввести в состояние страха. Правда, вы о них ничего не знали. И вот тогда я подумал, а что если мы до сих пор чего-то не учли, и чего-то недосчитываемся. И знаете что? Мне кажется, я прав. Я даже уверен в том, что посланий должно быть одиннадцать.

В маленьком кабинете снова воцарилась тишина.

— И что же должно стать одиннадцатым посланием? — в нерешительности произнес Армстронг.

— Это нечто такое, что мы упустили их виду, — пояснил Ричер. — Это то, что пришло почтой, адресованной вам, но показалось настолько безобидным для сотрудников Секретной службы, что они не посчитали его угрозой. Видимо, это нечто такое, что для агентов представляло собой что-то нейтральное, а для вас значило гораздо большее.

Армстронг продолжал хранить молчание.

— И я думаю, что это послание пришло первым, — не отступал Ричер. — В самом начале, даже перед тем, как встревожились агенты Секретной службы. Мне кажется, это было какое-то напоминание о себе, понятное только вам одному. И поэтому я полагаю, что вы знали о нем все это время. Мне кажется, вы и сейчас знаете, кто за вами охотится и почему.

— Но ведь получается, что из-за меня погибли совершенно невинные люди, — наконец заговорил Армстронг. — И вы предъявляете мне достаточно серьезное обвинение.

— Вы хотите сказать, что так ничего и не поняли?

Вице-президент не отвечал.

Ричер подался вперед.

— Самые главные слова вами так и не были произнесены, — стараясь сохранять спокойствие, заговорил он. — То есть, я хочу сказать вам сейчас вот что. Если бы я стоял и раздавал бездомным индейку, и друг кто-то начал стрелять в меня, да так, что кто-то другой погиб, практически бросившись на меня, закрывая меня своим телом и истекая кровью на моих глазах, я бы рано или поздно задался вопросом: а кто они такие, черт возьми?! Какого дьявола им от меня нужно? С какой стати они выбрали меня? Вот какие вопросы должны были прийти в голову любого нормального человека. И я бы задавал их громко и отчетливо, уж поверьте мне. Но вы не стали спрашивать ничего подобного. Мы ведь уже дважды виделись с вами с тех пор. Сначала в

подвале Белого Дома, потом, чуть позже, в офисе Секретной службы. Вы много чего нам рассказали. Вы интересовались, пойманы ли преступники или еще нет? Вот о чем вы беспокоились в первую очередь. Но вы не спрашивали, кто они такие, и не интересовались их мотивами. А почему так? Здесь существует только одно логичное объяснение: вы уже все знали сами.

Армстронг не ответил ему.

— И мне кажется, что ваша жена тоже знает кое-что, — добавил Ричер. — Вы передали нам, как она сердится на вас за то, что вы подвергаете людей риску. Я не думаю, чтобы она говорила это абстрактно, в общем смысле. Мне кажется, она тоже все знает, а потому считает, что вы должны были рассказать об этому тем, кому полагается.

Армстронг молчал.

— Поэтому мне кажется, что сейчас вы чувствуете себя немного виноватым, — продолжал Ричер. — Наверное, именно из-за этого вы сначала согласились сделать заявление по телевидению, а потом неожиданно решили действительно посетить церковную службу. Ну, здесь, видимо, в вас заговорила совесть. А все потому, что вы знали, но никому ничего не рассказали.

— Но я ведь политик, — начал Армстронг, — а у каждого политика имеется по сотне недоброжелателей, если не больше. И мне было бы и глупо и бессмысленно строить догадки.

— Чушь! — усмехнулся Ричер. — Никакая политика тут не замешана. Это чисто личное дело. Ваш так называемый политический противник — не более чем местный фермер из Северной Дакоты, культивирующий соевые бобы, которого вы сделали беднее на десять центов в неделю тем, что изменили размеры субсидий. Либо старый чопорный сенатор, за которого вы в свое время отказались голосовать. Любитель соевых бобов мог бы предпринять какие-то сомнительные действия против вас во время предвыборной кампании, а сенатор, скорее всего, дождался бы своего часа и выступил против вас на местном собрании, но не более того. Никто из них не дерзнул бы пойти на то, на что осмелились эти парни.

Вице-президент молчал.

— И я вовсе не глупец, — заявил Ричер. — Я серьезно разозлившийся мужчина, на руках у которого умерла женщина, которая была мне очень близка и дорога.

— Но и я не глупец, — отозвался Армстронг.

— А мне кажется иначе. Что-то очень неприятное надвинулось на вас из прошлого, но вы почему-то считаете, что имеете право проигнорировать все это и понадеяться на то, что все обойдется само собой. Неужели вы не сознавали, что это все равно случится? Создается такое впечатление, что вы, ребята, просто не смотрите в будущее. Вы посчитали, что стали достаточно известной личностью только потому, что вас избрали сначала в Палату представителей, а потом и в Сенат? Нет, вы ошибались. Простые люди ничего о вас и не знали вплоть до предвыборной кампании, которая прошла этим летом. А вы-то посчитали, что ваши маленькие секреты уже давным-давно стерлись из памяти? Ничего подобного.

Армстронг молчал.

— Кто это люди? — потребовал ответа Ричер.

Армстронг лишь неопределенно пожал плечами.

— А вы сами как думаете?

Теперь настала очередь Джека выдержать паузу.

— Я полагаю, что у вас имеется некая проблема в поведении, — начал он. — Вы достаточно вспыльчивы. Ну, примерно такой же, каким был ваш отец. Мне кажется, что очень давно, еще до того, как вы научились управлять своими эмоциями, случилось так, что от вас пострадали некоторые люди. Только кое-кто из них успел позабыть об этом, а кое-кто — нет. И потому я считаю, что тут все дело заключается в эпизоде из жизни одного человека, когда кто-то поступил по отношению к нему достаточно жестоко. Ну, может быть, при этом были задеты его чувства или самооценка, или произошло нечто такое, что его здорово унизило. И вот эта обида затаилась в человеке очень глубоко. Однако как-то раз он включил телевизор, увидел вас на экране спустя тридцать лет, и давнишняя обида всколыхнула его сердце.

Долгое время Армстронг сидел молча, не в силах произнести ни слова.

— Как далеко зашло ФБР в своем расследовании? — наконец спросил он.

— Они ничего до сих пор не выяснили. Ходят вокруг да около, ищут каких-то несуществующих людей. Мы подобрались к преступникам гораздо ближе.

— И что же вы намереваетесь предпринять?

— Я собираюсь помочь вам, — заявил Джек. — Но не потому, что вы заслужили это. Я хочу отомстить за Нендика и его жену, за старика Андретти, двоих невинных людей по фамилии Армстронг, снайпера Крозетти и, в основном, за Фролих, которая была очень близка моему

брату. Вы же в данном случае выиграете лишь потому, что будете являться в моем плане чем-то вроде подобного продукта.

На этот раз тишина длилась особенно долго.

— И наша беседа останется конфиденциальной? — наконец спросил Армстронг.

Ричер кивнул.

— По-другому нельзя. Хотя бы ради меня.

— Мне кажется, вы замыслили слишком опасный план действий.

— Что ж, те люди, которые играют с огнем, частенько обжигаются.

— Но это же закон джунглей.

— А где, по-вашему, черт возьми, вы живете?!

Армстронг снова надолго замолчал.

— Итак, вы сейчас узнаете мою тайну, а я — вашу, — наконец произнес он.

Ричер кивнул.

— И после этого мы оба будем жить счастливо.

И снова тишина. На этот раз пауза длилась целую минуту. Ричер увидел, как на его глазах вдруг исчез Армстронг-политик, а на его месте возник Армстронг-мужчина.

— Вы во многом заблуждаетесь, — начал он, — но не во всем.

Затем он нагнулся, отодвинул ящик стола, достал из него мягкий конверт-бандероль и бросил его на стол. Конверт скользнул по гладкой деревянной поверхности и остановился в дюйме от края.

— Наверное, вот это и должно было быть посланием номер один, — заговорил вице-президент. — Бандероль пришла как раз в день выборов. Наверное, агенты Секретной службы были несколько озадачены, взглянув на ее содержимое, но посчитали, что ничего опасного тут не содержится, а потому передали бандероль мне.

Конверт оказался ничем не примечательным: таким, в которых люди посылают друг другу почтой маленькие вещички. Адрес тоже был предельно прост: «Бруку Армстронгу, сенатору США, Вашингтон, округ Колумбия», напечатанный на знакомой самоклеющейся этикетке все тем же полужирным шрифтом «Таймс Нью Роман», размер букв — четырнадцать. Бандероль была отправлена из какого-то городка штата Юты 28 октября. По металлическому зажиму-бабочке можно было

определить, что конверт открывали и закрывали не менее двух раз. Ричер отодвинул зажим и заглянул внутрь конверта, держа его так, чтобы Нигли тоже смогла увидеть его содержимое.

В конверте лежала миниатюрная копия бейсбольной биты. Такие мелочи обычно продаются в сувенирных лавках и дарятся на память. Бита была выточена из мягкой породы дерева желтого цвета, отлакирована и имела диаметр ручки примерно в один дюйм. Целиком вся бита должна была бы иметь в длину дюймов пятнадцать, но сувенир кто-то нарочно испортил. Сначала подпилил дерево, а потом просто переломил его, после чего немного нарочно обработал так, чтобы было похоже, будто бита сломалась сама по себе.

— У меня нет проблем со здоровьем, и я не вспыльчив. А вот мой отец, как вы правильно заметили, этим страдал. Мы тогда жили в маленьком городке в штате Орегон, заброшенном и немноголюдном. В основном люди здесь работали на лесопильных заводах, а жили по-разному. Владельцам лесопилок принадлежали большие дома, бригадиры довольствовались средними, а простые рабочие ютились в хибарах или снимали комнаты. В городке имелась своя школа. Моя мать держала собственную аптеку. На юг по шоссе от нашего городка шли другие, такие же, а к северу тянулись девственные леса. Поэтому мы чувствовали себя так, словно живем на границе цивилизации. В городке изредка совершались преступления, но, в общем, все было не так-то плохо. Иногда кое-кто начинал заниматься проституцией, другие пьянствовали, а в целом это был стандартный провинциальный американский городишко.

Армстронг немного помолчал, положил руки на стол и некоторое время просто смотрел на них.

— Мы тогда было восемнадцать, — продолжал он. — Я закончил среднюю школу и собирался отправиться на учебу в колледж. Оставались последние дни перед отъездом. В то время сестра уже жила где-то в другом месте. У ворот у нас был оригинальный почтовый ящик — отец сам смастерил его в форме миниатюрной лесопилки, из тоненьких кедровых дощечек. Как раз, за год до того случая, во время празднования Хэлоуина, кто-то из местных мальчишек разбил этот ящик бейсбольной битой. Ну, вы, наверное, сами знаете, как хулиганы любят покуражиться в праздники, и чем это все, как правило, заканчивается. Мы очень переживали тот случай: все семейство любило этот ящик. Он и в самом деле получился у отца достаточно оригинальным. Однако отец собрался с силами и сделал еще один такой же ящик. Однако теперь он стал одержим идеей постоянно охранять свое творение, и даже оставался несколько раз ночевать возле него.

— Но дети все равно вернулись, — догадалась Нигли.

Армстронг кивнул.

— В конце лета, — подтвердил он. — Они явились на грузовичке и прихватили с собой биту. Это были здоровенные парни. Я не был с ними знаком, хотя видел их в нашей местности пару раз. По-моему, они братья. Ну, такие классические хулиганы и задиры с окраины соседнего города, от которых всегда лучше держаться подальше. Одним ударом они снесли ящик, и тогда отец, увидев такое безобразие, выбежал из дома и началась ссора. Хулиганы стали посмеиваться над отцом, говорить ему разные обидные вещи, оскорблять маму. Ну, например, велели ему позвать ее, мол, мы ей покажем при помощи вот этой биты, как можно хорошенько поразвлечься... Можете себе представить, какими отвратительными жестами они сопровождали свои угрозы и насмешки. Ссора постепенно перешла в драку. Отцу повезло: он удачно нанес обидчикам два удара и победил их. А может быть, его выручила военная сноровка и постоянные тренировки на свежем воздухе. Так или иначе, биту он сломал, скорее всего, о шест, к которому был прикреплен наш почтовый ящик. Я подумал, что на этом инцидент и закончится. Как же я ошибался! Отец приволок откуда-то цепи с замками и приковал мальчишек к дереву так, что они оказались на четвереньках, лицом друг напротив друга. К этому времени отец разъярился до такой степени, что почти не соображал, что происходит вокруг. Подобрав сломанную биту, он начал колотить мальчишек ее обрубком. Я пытался остановить его, но все бесполезно. Потом отец сказал, что сейчас сам покажет этим негодяям, как можно развлечься с ручкой от биты, и они принялись молить его о пощаде. Они плакали и завывали достаточно громко и долго...

Он снова замолчал.

— Все это время я находился во дворе, — продолжал Армстронг. — Я просто пытался каким-то образом успокоить отца. Но эти хулиганы смотрели на меня так, будто это не отец, а лично я истязал их! Словно я непосредственно участвовал в пытке, а ведь я лишь невольно стал свидетелем того, как они были опозорены. Да, я действительно все это наблюдал. Ну а что может быть хуже для задиры и забияки, чем оказаться в таком беспомощном положении, да еще знать, что это видит кто-то другой. В глазах мальчишек я замечал только ненависть. Они ненавидели меня, именно меня! Мне даже казалось, что они хотели мне сказать что-то вроде: «Теперь ты видел, как мы были унижены, а потому обязательно умрешь». Да-да, именно так, не меньше.

— И что же произошло потом? — поинтересовалась Нигли.

— Мой отец не торопился освобождать их. Он решил оставить их у дерева на ночь, пообещав вернуться утром и продолжить наказание. Мы с ним пошли домой и легли спать, но через час я осторожно прокрался

во двор с тем, чтобы отпустить пленников. Однако их там уже не оказалось. Каким-то образом они все же избавились от оков и убежали. Больше я их не видел. Вскоре я уехал учиться в колледж, а по окончании учебы очень редко навещал этот городок.

— А ваш отец умер.

Армстронг кивнул.

— У него были проблемы с давлением, что, в общем, и не удивительно, если учитывать его вспыльчивый характер. Мне бы надо было позабыть об этом эпизоде, но я никак не мог справиться с воспоминаниями. Этот ненавидящий взгляд преследовал меня еще очень долго. Да я до сих пор вижу их глаза, переполненные ледяной ненавистью. Ну, вы, наверное, можете себе представить состояние двух головорезов, которым пришлось пережить подобное унижение. Они, наверное, посчитали, что я совершил какой-то смертный грех лишь потому, что видел, что с ними произошло. Как будто это не отец, а я избивал их. Они продолжали смотреть на меня, а я, не будучи психологом, так и не сумел ничего понять. Однако этот взгляд я не забыл. И когда мне пришла та самая бандероль, я ни на секунду не сомневался в том, кто бы мог мне прислать подобный подарочек. И это несмотря на то, что с тех пор прошло почти тридцать лет.

— Вам известны их имена? — поинтересовался Ричер.

Но Армстронг только покачал головой.

— Нет, мне о них вообще ничего не известно кроме, разве, того, что они жили, скорее всего, в соседнем городке… Ну и что же вы теперь намерены делать?

— Я знаю лишь то, что мне хотелось бы сделать.

— Что же это?

— Я бы с огромным удовольствием сломал вам обе руки и ушел отсюда, чтобы больше никогда с вами не встречаться. Потому что если бы вы рассказали все это еще в день выборов, Фролих сейчас осталась бы жива.

— Почему же вы промолчали, черт побери? — возмутилась Нигли.

Армстронг грустно мотнул головой. В его глазах заблестели слезы.

— Да потому, что я и представить себе не мог, насколько все это серьезно. В самом деле, я говорю вполне искреннее. Клянусь вам здоровьем собственной дочери. Неужели вы сами не понимаете этого? Я только подумал, что они хотели напомнить мне о неприятном эпизоде из моей жизни, не более того. Я посчитал, что они могли как-то отомстить мне и в чем-то скомпрометировать в отношении моей

политической карьеры. Но при этом я ни о чем не волновался, потому что не чувствовал себя виноватым перед ними. По-моему, это понятно. Ну зачем бы еще им понадобилось посылать мне эту сломанную игрушечную биту? С той поры прошло целых тридцать лет. Я вырос, и они тоже стали взрослыми мужчинами. Я научился разумно рассуждать, а потому посчитал, что они тоже — люди разумные. Вот почему мне эта выходка показалась просто неуместной и глупой шуткой. И я не сумел разглядеть в ней опасности. Я говорю это вполне серьезно. Конечно, мне было неприятно видеть эту биту, но я огорчался не более часа, а потом почти забыл о ней. Еще некоторое время мне казалось, что они должны были прислать мне еще какое-нибудь не менее глупое послание, как бы в продолжение и развитие данной темы, но ничего похожего не последовало. По крайней мере, я-то сам ничего об этом не знал. А все потому, что никто ничего мне не рассказывал! И я узнаю обо всем только сейчас! Да и то вы успели сказать, что Стивесант запретил вам говорить об этом. А ведь столько людей пострадало, и кто-то даже погиб! Господи, ну почему же никто не счел нужным ввести меня в курс дела? Я бы ничего не стал скрывать, если бы меня просто попросили обо всем подробно рассказать!

В комнате стало тихо.

— Выходит, что в чем-то вы правы, а в чем-то — нет, — медленно заговорил вице-президент. — Я знал, кто это и за что они меня преследуют, но только я не знал, что они продолжают свою войну против меня. Я знал только самое начало этой истории, потом мне стал известен и ее конец. Что же касается середины, то я оставался в полном неведении. Но как только у приюта началась стрельба, я сразу все понял. Поверьте мне, я тут же догадался, в чем дело. И все равно испытал невероятный шок. Как будто меня громом сразило. Неужели такого продолжения я мог ожидать? Это же просто безумие. Ну, это все равно, как ты ожидаешь получить гнилым помидором в лицо, а в результате получается так, что на тебя летит ядерная ракета. Мне почудилось, что весь мир в эту минуту словно сошел с ума. Вы хотите обвинить меня в том, что все это время я молчал. Хорошо, я принимаю ваши обвинения, но откуда мне было знать, что эти типы пошли дальше со своими угрозами и даже успели перейти к действиям? Как я мог предвидеть подобное безумие?

В комнате снова стало тихо.

— Вот в этом и заключается моя тайна, — кивнул Армстронг. — И я виноват. Но не в том, что совершил какой-то проступок тридцать лет назад, а в том, что не смог предвидеть всех последствий и не предугадал ход развития событий, которые начали очень быстро разворачиваться три недели назад.

Никто ему ничего не ответил.

— Как вы считаете, стоит ли мне теперь рассказать все Стивесанту? — спросил вице-президент Джека.

— Поступайте по своему усмотрению, — пожал плечами Ричер.

Наступила долгая пауза, в течение которой Армстронг-мужчина постепенно исчез, и его место снова занял Армстронг-политик.

— Мне не хочется ему ничего рассказывать, — ему будет неприятно услышать эту историю, да и ничего хорошего мой рассказ уже не принесет. Ведь из-за недопонимания погибли люди, и все из-за того, что мы не обменивались информацией, скрывая ее друг от друга. Ему нужно было просто спросить меня обо всем, и я бы не стал ничего утаивать, — повторил вице-президент.

Ричер понимающе кивнул.

— Оставьте эту проблему нам. Итак, вы знаете нашу тайну, а мы — вашу.

— И теперь мы будем жить счастливо?

— Ну, в любом случае, теперь мы все останемся живы.

— Вы смогли бы описать этих людей? — поинтересовалась Нигли.

— Я их помню, когда они были еще детьми. Самые заурядные мальчишки. Кажется, мои ровесники. Но я хорошо помню только их глаза, полные ненависти.

— Как назывался город?

— Андервуд, штат Орегон, — заговорил Армстронг. — Там до сих пор живет моя мать. Кстати, именно туда я и отправляюсь ровно через час.

— И эти дети родились и жили в тех местах?

Армстронг тревожно взглянул на Ричера.

— Вы ведь говорили, что они вернутся домой и станут выжидать удобного момента.

— Совершенно верно, — кивнул Джек.

— Так вот я теперь и лечу туда.

— Можете пока что ни о чем не волноваться, — успокоил его Ричер. — Эта теория уже не актуальна. Я полагаю, ваши враги знают о том, что вы их прекрасно помните, и если они не учли недостатка в обмене информации между вами и сотрудниками Секретной службы, я полагаю, они постараются сделать все, чтобы вы все же не смогли их выследить.

Вот поэтому, скорее всего, они уже давно успели поменять адрес. Они теперь не обитают, как прежде, в Орегоне. В этом можете не сомневаться.

— Каким же образом вы собираетесь искать их?

Ричер печально покачал головой.

— Мы не сможем их найти. Ни сейчас, ни потом. Они сами должны выйти на нас. Мы будем ждать их в Вайоминге, на службе в церкви.

— Я тоже поеду туда, и у меня будет минимальная охрана.

— Давайте в таком случае надеяться на то, что к тому времени, как вы прилетите туда, все уже закончится.

— Стоит ли мне рассказать о нашей беседе Стивесанту? — снова спросил Армстронг.

— Поступайте по своему усмотрению, — так же повторил Ричер.

— Но я не могу отметить свою поездку, это было бы неправильно.

— Наверное, так, — согласился Ричер.

— Но я не могу и не хочу пока что ничего рассказывать Стивесанту, — пожал плечами вице-президент.

— И снова вы, наверное, правы, — отозвался Ричер.

Армстронг промолчал. Ричер поднялся со своего кресла, и Нигли последовала его примеру.

— И вот еще что, — вспомнил Джек. — Мы полагаем, что эти ребята стали полицейскими.

Армстронг молчал. Он покачал головой, затем уставился в пол. Лицо его омрачилось, словно он только что понял, что его настигло эхо тридцатилетней давности.

— Я тоже хочу кое-что сказать, — тихо заговорил вице-президент. — Мне помнится, что тогда, когда отец избивал их, один из мальчишек пригрозил ему, что их отец — полицейский, а потому у нашей семьи могут быть крупные неприятности. Но тогда я не придал его словам большого значения.

Джек ничего не стал ему отвечать.

* * *

Охранники проводили гостей из дома, после чего Нигли и Джек совершили еще одно путешествие внутри холщового тента-перехода и очутились на улице. Здесь они выбрали дорогу до ближайшей станции

подземки. Утренний воздух оказался прохладным и чистым. Город еще не проснулся, и пешеходов здесь почти не было видно. Нигли открыла конверт, который ей передал Стивесант, и обнаружила в нем чек на пять тысяч долларов с короткой припиской: «За профессиональную консультацию». В конверте Ричера оказалось два чека: один также на сумму в пять тысяч долларов, другой полностью покрывал те расходы, на которые Ричеру пришлось пойти, чтобы осуществить аудиторскую проверку.

— Нам стоит отправиться в магазин и приодеться, — предложила Нигли. — Мы не сможем лететь в Вайоминг в наших нынешних нарядах.

— Я не хочу, чтобы ты ехала туда со мной, — неожиданно запротестовал Ричер.

Глава 17

Они начали жаркий спор прямо на улицах Джорджтауна.

— Так ты волнуешься за мою безопасность? — удивилась Нигли. — Не стоит. Ничего со мной не случится. Я смогу за себя постоять, да и привыкла самостоятельно принимать решения.

— Я волнуюсь вовсе не за твою безопасность, — поправил ее Ричер.

— А тогда за что же? Боишься, что я не справлюсь с заданием? Но я кое в чем даже лучше тебя.

— Я это знаю.

— Тогда в чем проблема?

— В твоей лицензии. Тебе есть что терять.

Нигли промолчала.

— У тебя имеется лицензия, верно? — продолжал Ричер. — И поэтому ты имеешь право работать на своем месте. У тебя есть свой офис, кабинет, должность, квартира и постоянный адрес. Я-то после всего этого могу спокойно скрыться, а ты себе этого не имеешь права позволить.

— Ты полагаешь, что нас смогут схватить?

— Я могу пойти на любой риск, а ты — нет.

— Но я не вижу здесь никакого риска. Нас не поймают.

На этот раз молчать пришлось Ричеру.

— Ну, ты только вспомни, что ты сам говорил Бэннону, — продолжала женщина. — Представь себе, что я затаюсь там и буду ждать этих парней. И мне обязательно захочется, чтобы ты приглядывал за моей спиной.

— Это не твое дело.

— Почему ты считаешь его только своим? Только потому, что бывшая любовница твоего брата по своей же вине погибла, выполняя свои обязанности? Слишком натянуто.

Ричер ничего ей не ответил.

— Ну, хорошо, это твое дело, — уступила Нигли. — Я согласна. Но то, что, как ты считаешь, делает это дело твоим, оно делает его и моим тоже. Потому что я думаю о том же, о чем и ты. Но даже если бы мы думали по-другому, ты ведь обязательно бы помог мне в том случае, если бы у меня возникли проблемы, верно?

— Если бы ты меня об этом попросила.

— Значит, мы находимся в равных условиях.

— Но только я тебя ни о чем не прошу, — напомнил Джек.

— Сейчас нет. Ты попросишь меня позже. Ты находишься в двух тысячах милях от Вайоминга, и у тебя нет кредитной карты, чтобы купить билет на самолет, а у меня она есть. Из оружия у тебя имеется только складной нож с лезвием в три дюйма, а я знаю одного парня в Денвере, который предложит нам любое оружие, которое мы попросим. И не задаст при этом ни единого вопроса. У тебя такого знакомого нет. К тому же, в Денвере я смогу взять напрокат автомобиль, на котором мы проедем остаток пути, а ты — опять же — этого сделать не сможешь.

Они прошли еще двадцать ярдов, тридцать...

— Ну, хорошо, — наконец, сдался Ричер. — Я прошу тебя о помощи.

— Мы купим себе одежду в Денвере, — предложила Нигли. — Я знаю там неплохой магазин.

* * *

Около трех часов дня по местному времени Джек и Нигли уже приземлились в Денвере. Со всех сторон аэропорт обступали обширные высокогорья, золотистые и спокойные, словно спящие. Воздух здесь оказался прозрачным и особенно холодным. По мрачному небу становилось ясно, что очень скоро пойдет снег. Возле взлетной полосы уже выстроились, приготовившись к работе, снегоочистители, а рядом с аэродромом ставили снегозадерживающие ограды.

Компании по аренде автомобилей привезли с юга страны много новых моделей седанов. Нигли расписалась за «юкон» у специального окошка и, прогулявшись до парковки, они с Джеком выбрали себе черную блестящую машину, весьма напоминавшую «сабербен», принадлежавший Фролих, только их «юкон» был фута на два покороче.

После этого Джек и Нигли поехали в город. Дорога оказалась удивительно долгой и чрезвычайно пустынной даже после Вашингтона, который и без того не считался одним из густонаселенных городов мира. Оставив машину в платном гараже, они прошлись пешком пару кварталов к тому самому магазину, который рекламировала Нигли Ричеру еще в столице. Здесь предлагалась одежда всех сортов для работы на свежем воздухе, походов и вылазок на природу. Вам могли посоветовать приобрести буквально все — от болотных сапог, компасов и до специальной цинковой мази, предохраняющей ваш нос от обгорания на солнце. Ричер приобрел хорошую подзорную трубу для наблюдения за птицами и крупномасштабную туристическую карту центрального Вайоминга, после чего они с Нигли переместились в отдел, где продавалась одежда. Здесь можно подобрать такой наряд, в котором было бы приятно ходить по горам и не стыдно показаться в городе. Нигли остановилась на костюме в зелено-коричневых тонах, напоминающем рабочую одежду фермера. Ричер выбрал примерно все то же, что уже один раз покупал в Атлантик-Сити, но только теперь качество одежды оказалось в два раза лучше, да и цена увеличилась вдвое. Правда, на этот раз он к своему комплекту добавил еще шляпу и перчатки. Джек переоделся во все новое прямо в магазине, в примерочной кабинке, оставив последний костюм, рубашку и нижнее белье, когда-то принадлежавшие Джо, здесь же, в мусорном баке.

Нигли отыскала на улице телефон-автомат и надолго застряла в нем, чтобы договориться о встрече с кем-то из знакомых. Затем они с Джеком вернулись в гараж, забрали свой фургон и, проехав через центр города, оказались в его бедной части, где в воздухе сильно пахло дешевым собачьим кормом.

— Тут поблизости расположена фабрика, — пояснила Нигли.

Ричер кивнул.

— Я так и понял.

Нигли повезла Джека по переулкам к промышленному парку, где пришлось лавировать между многочисленными металлоконструкциями. Здесь можно было приобрести тормозные колодки, коврики, зимние покрышки для всех четырех колес за сто долларов и починить рулевое управление всего за двадцать. Чуть в стороне, на площадке, покрытой потрескавшимся асфальтом размером в четверть акра, располагалось длинное невысокое помещение. На опущенной металлической шторе красовалась надпись: «Эдди Браун. Механическая мастерская».

— Тут и обитает твой приятель? — поинтересовался Ричер.

Нигли кивнула.

— Что из оружия нам потребуется?

Джек неопределенно пожал плечами.

— Не будем увлекаться. Что-нибудь длинноствольное и короткоствольное, по штуке каждому, плюс боеприпасы. Надеюсь, этого хватит.

Нигли притормозила возле ворот и нажала на клаксон. Из маленькой металлической дверцы показался парень, направившийся к машине. Высокий, широкоплечий, с мощной шеей, короткой стрижкой светлых волос и добродушным лицом. Ричер успел отметить толщину его запястий и могучие ладони: с такими типами лучше не связываться. Очевидно, увидев Нигли, парень призывно махнул рукой и скрылся внутри мастерских. Через секунду металлическая преграда поползла вверх. Нигли въехала внутрь, и ворота за ними опустились.

Изнутри здание выглядело намного меньше, чем можно было предполагать по его наружному облику. Ничего особо подозрительно: залитый маслом пол, всевозможные станки, листы металла и арматура. Однако задняя стена мастерской оказалась футов на десять ближе, чем положено. Очевидно, за ней пряталась приличных размеров потайная комната.

— Эти Эдди Браун, — представила Нигли хозяина мастерской.

— Имя, конечно, вымышленное, — буркнул тот.

Затем хозяин обеспечил доступ в потайное помещение, потянув за какую-то железку, приваренную к куче металлических обрезков. Та, в свою очередь, была установлена на полозьях и катках, поэтому мягко сдвинулась в сторону, словно некая трехмерная дверь. Назвавшийся Эдди Брауном ввел гостей в комнату, разительно отличавшуюся от обстановки мастерской.

Внутри оказалось чисто, как в операционной: стены выкрашены в белый цвет и усеяны многочисленными крюками и полками. Три стены занимало всевозможное стрелковое оружие, некоторое даже в заводских упаковках. На крюках развешаны винтовки, автоматы, карабины — целые ярды любовно размещенных стволов. В воздухе стоял запах ружейного масла. Четвертая стена выглядела как библиотечный стеллаж, уставленная коробками с боеприпасами. В ноздри Ричеру ударил запах типографской краски, меди и пороха.

— Впечатляет, — только и смог вымолвить он.

— Берите все, что вам требуется, — предложил хозяин.

— Куда приведут серийные номера?

— В австрийскую армию, — небрежно хмыкнул Эдди. — А там они считаются списанными.

Через десять минут Ричер и Нигли уже ехали на машине обратно. Новая куртка Джека лежала в багажнике, скрывая под собой два девятимиллиметровых «стейера GB», автомат "Хеклер и Кох MP5 " без глушителя, винтовку М16 и упаковки патронов — по двести штук к каждому виду оружия.

* * *

В Вайоминг они въехали уже с наступлением темноты, направляясь на север по трассе I-25. У Шейенн свернули налево и помчались по 1-80. Затем на запад от Ларами и снова на север. До городка Грэйс все еще оставалось пять часов езды. Он находился за Каспером, а судя по карте, гнездился в самом центре глуши где не было ничего, кроме бесконечных горных хребтов с одной стороны и лугов — с другой.

— Мы остановимся в городке Медисин-Боу, — предложил Ричер. — Мне нравится его название, а до Грэйс доберемся завтра на рассвете.

* * *

В темноте городишко Медисин-Боу выглядел отнюдь не привлекательно, но зато на его окраине путешественники сразу же обнаружили мотель и вывеску, говорящую о том, что в гостинице имеются свободные номера. Нигли оплатила их стоимость, а еще в миле от мотеля они нашли симпатичный ресторанчик, где заказали себе по огромному филейному куску жареного мяса. Угощение здесь обошлось им дешевле, чем бутылка газировки в столице. Однако ресторан уже закрывался, и Джек с Нигли были вынуждены вернуться в мотель. Ричер оставил куртку в машине, чтобы закрыть оружие от посторонних любопытных глаз. Друзья пожелали друг другу спокойной ночи на парковочной стоянке, и Ричер сразу же отправился спать. Ему было слышно через стену, как Нигли, принимая душ, что-то мурлыкала себе под нос.

* * *

Джек проснулся в четыре часа утра. Наступила суббота. Нигли опять мылась под душем и снова напевала какую-то песенку. «Когда же она умудряется спать, черт возьми?» — удивился Ричер. Перекатившись на кровати, он сам направился в ванную комнату, включил горячую воду, отчего в номере Нигли, очевидно, сразу пошла прохладная, судя по ее сдавленному крику, ясно слышимому через стенку. Поэтому Джек совсем выключил душ и дождался, пока Нигли закончит водные процедуры и выйдет из ванной. Только после этого он сам принял душ, оделся и встретил Нигли уже возле автомобиля. Было еще темно и очень холодно. Западный ветер принес с собой снег, который сыпал крупными хлопьями в свете фонарей на парковочной стоянке.

— Не смогла найти, где тут продается кофе, — призналась Нигли.

Только через час езды на север они обнаружили придорожное кафе, которое как раз открывалось. Его рекламные огни были видны за милю. Рядом с кафетерием начиналась дорога, ведущая в темноту, в Национальный парк Медисин-Боу. Само кафе внешне напоминало сарай — такое же низкое и длинное здание из рыжих досок. Внутри оказалось достаточно тепло. Джек и Нигли выбрали столик возле зашторенного окошка, заказали себе по яичнице с беконом и тостами и запили все это крепким горьковатым кофе.

— Ну что, будем называть их «первый» и «второй», — предложила Нигли. — Первый — тот самый парень из Бисмарка, ты должен его узнать. Второго мы наблюдали на видеопленке, когда он прохаживался возле гаража, и его мы, скорее всего, определим по телосложению, хотя точно и не знаем, как он выглядит.

Ричер кивнул.

— Значит, надо искать парня из Бисмарка, рядом с которым будет околачиваться еще один тип. А впрочем, не стоит ничего загадывать и увлекаться планированием.

— Похоже, оптимизм тебя покинул.

— Тебе все же следовало отправиться домой.

— Именно теперь, когда я потратила столько времени, чтобы доставить тебя сюда?

— Меня терзают нехорошие предчувствия.

— Тебя не отпускает тревога с тех пор, как убили Фролих, вот почему ты так напряжен, и не более. И твое состояние никоим образом не означает, что со мной должно случиться что-то неприятное.

Джек промолчал.

— Нас двое против их двоих, — продолжала Нигли. — Ты и я против двоих сомнительных головорезов, и ты еще о чем-то беспокоишься?

— Не слишком, — признался Ричер.

— Возможно, они здесь даже не покажутся. Бэннон ведь говорил, что они почувствуют ловушку и не приедут в Вайоминг.

— Они обязательно покажутся, — кивнул Ричер. — Им бросили вызов. Они теперь обязаны доказать, что являются настоящими мужиками. Слишком много у них накопилось злости, чтобы они могли позволить себе упустить такой шанс.

— И все равно со мной ничего плохого не случится, — упрямо повторила Нигли.

— В противном случае я чувствовал бы себя последним негодяем.

— Ничего не произойдет.

— Только скажи, что я не заставляю тебя насильно помогать мне.

— Я действую исключительно по доброй воле, — улыбнулась Нигли.

Джек кивнул.

— Тогда поехали.

Через минуту они снова мчались вперед. Снежные хлопья, гонимые сюда с запада, большие и пушистые, висевшие в свете фонарей, закружились от потоков воздуха, как только машина Нигли отъехала от стоянки. К счастью, снегопад был не сильным. Дорога оказалась узкой и извилистой. То и дело на пути попадались ухабы. Они ехали по узкому тоннелю света в полной тишине, а направо и налево простиралась бесконечность, уносящая с собой в никуда шум мотора. Вскоре снегопад прошел, и теперь автомобиль, подпрыгивающий на кочках, словно совершал мини-путешествия от одной крупной снежинки до другой.

— Я полагаю, что в Каспере есть собственное отделение полиции, — сказал Ричер.

Нигли кивнула, не сводя глаз с дороги.

— И там должно быть около сотни бойцов. Каспер — достаточно большой городок, как и Шейенн. И, раз уж мы начали сравнивать их, он по размерам приближается к Бисмарку.

— И они должны отвечать также за порядок в Грэйс, — добавил Джек.

— Скорее всего.

— Значит, если мы там встретим посторонних полицейских, это и будут наши преступники.

— Ты до сих пор считаешь, что они — полицейские?

Джек кивнул.

— Именно в этом случае вся история начинает иметь смысл. Впервые они познакомились с Нендиком в баре для полицейских, да и Андретти нашли в таком же заведении, только в другом городе. Они знают об Информационном центре по преступлениям, а также о том, какое оружие приобретает Секретная служба и другие правительственные учреждения. К тому же, как еще им удавалось бы попадать в любые

места и так же беспрепятственно скрываться? Представь себе паникующую толпу: что лучше золотистого значка полицейского выведет тебя из толчеи? Ну а если Армстронг не ошибается, и их отец действительно был полицейским, то это тоже говорит об очень многом. Это же семейная традиция, вроде военной карьеры.

— Но мой отец не был военным, — попыталась возразить Нигли.

— А мой был, и пятьдесят процентов сыновей военных следуют за своими отцами. Эта наследственность более характерна именно для военных и полицейских, если сравнивать преемственность в других профессиях. А ты знаешь, что меня больше всего убедило в правильности моей теории?

— Что же?

— То, о чем мы должны были догадаться чуть ли не с самого начала. Но мы почему-то не учли этого. Вернее, даже не вспомнили. Итак, у нас имеется два трупа — двое убитых по фамилии Армстронг. Ну как бы лично ты смогла в короткий срок отыскать двоих одинаковых светловолосых и голубоглазых мужчин-ровесников, да еще с такими именами и фамилиями? Слишком затруднительно. А вот наши парни смогли это сделать. Есть только один легкий способ найти таких людей — это войти в базу данных Управления автомобильным транспортом. Там отыщется все — информация о водительских правах любого человека, его имя, фамилия, число, месяц и год рождения, домашний адрес и даже фотография. Там есть все, что может понадобиться преступнику. Но никто не может попасть туда, кроме, разумеется, полицейских, которым эта база всегда открыта.

Нигли некоторое время молчала.

— Хорошо, я согласна с тобой, — наконец кивнула она. — Эти негодяи действительно полицейские.

— Разумеется. А мы с тобой — глупцы, потому что не догадались об этом еще во вторник.

— Но полицейские могли бы узнать о существовании и карьерном взлете Армстронга гораздо раньше, разве не так?

— Откуда? Полицейские живут в своем крошечном мире, впрочем, как и все остальные обычные люди. Представь себе, если бы ты, например, работала в каком-нибудь захолустном сельском отделении, например, в Мэне, или во Флорид, или на окраине Сан-Диего, ты, конечно, слышала бы о нападающих «Нью-Йорк Джайнтс» или защитниках «Чикаго Уайт Сокс», но с какой стати ты должна была помнить имя младшего сенатора штата Северная Дакота? Ну, если бы ты, конечно, при этом еще

не являлась фанатом в области политики, а таких людей единицы, если они вообще существуют.

Нигли продолжала смотреть на дорогу, а справа, на востоке, уже светлела полоска неба. Сначала она стала темно-серой на общем черном фоне, потом еще больше побледнела. Снегопад не проходил, но и не становился сильней. Ленивые хлопья словно нехотя слетали с гор и просто кружились в воздухе, изредка опускаясь на землю.

— Так что за штат ты имеешь в виду? — спросила Нигли. — Где же они обитают: в Мэне или во Флориде? Или на окраине Сан-Диего? Нам это очень важно знать, потому что если они летят самолетом, они не станут брать с собой то оружие, которое сумеют приобрести здесь.

— Калифорния не исключается, — начал рассуждать Ричер. — Орегон можно вычеркнуть сразу: они не стали бы намекать Армстронгу о том, кто они такие, если бы до сих пор жили в Орегоне. Скорее всего, это Невада. Или Юта, или Айдахо. Другие штаты расположены слишком далеко.

— От чего?

— От Сакраменто. Как ты думаешь, сколько времени могла у них в машине работать украденная морозильная камера?

Нигли промолчала.

— Значит, это Невада, Юта или Айдахо, — продолжал Ричер. — Так, по крайней мере, считаю я. Но только не Калифорния. Мне кажется, они должны были уехать за пальцем хотя бы в соседний штат. Психологически они должны были ощущать себя там спокойней. Более того, мне думается, от Сакраменто им пришлось ехать достаточно долго. Отсюда следует, что и до этих мест им предстоит совершить далекое путешествие, правда, уже в другом направлении. Поэтому я полагаю, что они приедут сюда на машине, вооруженные до зубов.

— Когда?

— Сегодня, если они хоть что-то соображают.

— Но бандероль с битой была прислана из Юты, — напомнила Нигли.

Ричер кивнул.

— Тогда вычеркиваем и Юту. Не думаю, что они стали бы присылать что-то из штата, где живут сейчас.

— Остается Айдахо и Невада, — рассуждала Нигли. — Значит, надо обращать внимание на номера машин.

— Не забывай, что сюда приезжает множество туристов, и нам предстоит увидеть немало номеров из других штатов. Кстати, у нас самих номера из Колорадо.

— А как они собираются привести в исполнение свой план?

— Я думаю, они выберут вариант Эдварда Фокса. Преступники постараются выжить, поэтому и остановились на винтовке. Сто двадцать ярдов в Миннесоте, девяносто в Вашингтоне. Они, скорее всего, попробуют попасть в него, когда он будет в дверях церкви. Или на кладбище, чтобы уронить его на одну из могил.

Нигли снизила скорость и свернула на шоссе 220. Эта дорога оказалась лучше: шире и с новым асфальтовым покрытием. Параллельно дороге протекала река. Небо на востоке постепенно светлело. В двадцати милях к северу замерцали огни Каспера. С запада все еще продолжали лететь снежинки, ленивые и пушистые.

— Так каков наш план? — поинтересовалась Нигли.

— Сначала надо осмотреть местность.

Джек вгляделся вперед и понял, что со времени отъезда из Денвера не видел ничего, кроме темноты.

* * *

Они остановились на окраине Каспера, чтобы заправить машину, выпить по чашечке кофе и посетить туалет. Затем место за рулем занял Ричер. Чтобы ехать на север, он выбрал шоссе 87, которое через тридцать миль вновь превращалось в трассу I-25, прямую и широкую. А еще ему пришлось прибавить скорость, так как они опаздывали. На востоке уже совсем рассвело, а они пока не достигли Грэйс. Небо расцветилось всеми оттенками розового, и солнечные лучи озарили жемчужным светом отроги гор на западе. Направо, на восток, пейзаж до самого Чикаго представлял собой плоскую равнину, а слева, далеко на западе, к небу вздымались на две мили заснеженные пики Скалистых гор. Предгорья поросли сосняком, над которым торчали серые скалы. По обеим сторонам дороги равнина поросла полынью и кустиками бурой травы, казавшейся пурпурной в лучах восходящего солнца.

— Ты бывал здесь раньше? — спросила Нигли.

— Нет.

— Вскоре нам придется свернуть на восток к Тандер-Бейзин.

Джек мысленно повторил название. Ему понравилось созвучие: Тандер-Бейзин.

* * *

Джек свернул с шоссе направо на узкую сельскую дорогу. На ней имелись указатели «Средний Запад» и «Эджертон».

Равнина плавно понижалась к востоку. Стофутовые сосны отбрасывали на много ярдов длинные утренние тени. Среди лугов и пастбищ попадались развалины заброшенных предприятий: каменные фундаменты в фут высотой, над которыми переплеталась ржавая арматура.

— Нефтяные прииски и угольные шахты, — пояснила Нигли. — Все это закрыли восемьдесят лет назад.

— Земля здесь совершенно плоская, — заметил Ричер.

Однако он понимал, что это ощущение обманчиво. Конечно, овраги и насыпи не шли ни в какое сравнение с горами слева от путешественников, но все же «плоской» эту землю назвать было нельзя. Сейчас они ехали по границе между горами и равнинами. Тектонические процессы миллионы лет назад изуродовали ландшафт до самой Небраски так, что здесь хватало укромных местечек, где мог бы укрыться человек.

— А хотелось бы, чтобы вокруг было плоско, — вздохнула Нигли.

Ричер, соглашаясь, кивнул.

— А еще лучше, если бы ярдах в ста друг от друга находились два холма: на одном бы расположился Армстронг, а с другого мы могли бы наблюдать за ним.

— Нашу задачу никто не упростит.

— Как всегда.

Они ехали еще целый час на северо-восток по равнине, тянущейся в никуда. Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, окрасив небосклон полосами розового и пурпурного. Заснеженные вершины Скалистых гор отражали ослепительный свет, а вокруг штормовым океаном расстилались луга и пастбища.

Снег к тому времени прекратился.

— Поверни здесь, — скомандовала Нигли.

— Вот тут? — Джек затормозил и с сомнением взглянул на грязную дорогу, ведущую в самый центр никуда. — Там, дальше, есть какой-то городок?

— Судя по карте — да.

Грязная дорога какое-то время петляла между сосен и через милю внезапно закончилась, не приведя путников никуда.

— Двигай дальше, — велела Нигли.

Это «дальше» тянулось двадцать миль, тридцать миль: дорога то появлялась, то исчезала. Потом начался затяжной подъем, с верхней точки которого открывался вид на котловину диаметром в пятьдесят миль, сплошь заросшую травой. Дорога рассекала котловину в направлении на юг, словно кто-то провел по линейке тонкую линию до самого горизонта, и в конце упиралась в блестящую ленту реки. Еще откуда-то с равнины к мосту через реку подходили две других дороги. Тут и там, крошечные с такого расстояния, были беспорядочно разбросаны домишки. Вся картина в целом напоминала огромную литеру "К", где большинство строений располагалось в месте пересечения трех линий буквы.

— Это и есть город Грэйс, штат Вайоминг, — констатировала Нигли. — Он расположен там, где дорога пересекает южное русло реки Шейены.

Джек затормозил и остановил «юкон». Скрестив на руле руки, Ричер положил на них подбородок и задумчиво уставился вдаль.

— Надо было явиться сюда на лошадях, — произнес он.

— В белых ковбойских шляпах и с «кольтами» сорок пятого калибра, — добавила Нигли.

— Я бы выбрал «стейер», — вздохнул Джек. — Сколько дорог ведет в этот городок?

Нигли провела пальцем по карте:

— Сюда можно попасть с севера или с юга по этой дороге. Две другие никуда не ведут, а просто теряются в кустарнике. Может быть, раньше они шли к старым скотоводческим фермам.

— И каким же путем сюда приедут преступники?

— Если они путешествуют из Невады, значит, прибудут с юга, а если из Айдахо — следовательно, с севера.

— Получается, что мы не можем просто остаться здесь и устроить засаду на дороге.

— Кстати, они могли опередить нас. Что если они уже прохаживаются там, внизу?

Одним из строений оказалась белая церковь со шпилем, расположившаяся на зеленом квадратике. «Здесь и будет проходить

служба в память о Фролих», — подумал Ричер. Он открыл дверцу и вышел из машины, взял из багажника подзорную трубу, напоминавшую половинку гигантского бинокля, пристроил ее на дверце машины и прильнул глазом к окуляру.

Картинка стала плоской, зернистой и запрыгала в такт биению его сердца. Джек неторопливо настроил трубу так, что теперь она была направлена чуть вниз и показывала весь городок, находившийся от них на расстоянии в полмили. Речка оказалась неширокой, через нее был перекинут каменный мост. Все дороги здесь были грязными и неухоженными, а вот домов насчитывалось больше, чем Джек мог прикинуть с первого взгляда. Церковь стояла немного в стороне от них, внутри нижнего угла буквы К на зеленой лужайке. Она имела каменный фундамент, все остальное было выстроено из дерева, обшито досками и выкрашено в белый цвет. Такие церкви характерны для Массачусетса. К югу церковная территория расширялась, и здесь, среди скошенной травы, расположилось местное кладбище, сплошь усеянное надгробными плитами.

К югу от кладбища, за оградой, ютились двухэтажные домики, построенные из старого кедра и стоявшие как попало относительно друг друга. К северу от церкви наблюдалась примерно та же картина: дома, магазины, сараи. Вдоль коротких «ножек» буквы К стояло еще несколько зданий, некоторые из них были также выкрашены в белый цвет. В центре города домики стояли тесней друг к другу, ближе к окраине их разделяло большее пространство. Голубая чистая река, извиваясь, пряталась в море травы. Кое-где Джек заметил припаркованные автомобили и грузовички. На улицах городка появились первые пешеходы. Похоже, население Грэйс составляло не более двухсот человек.

— Наверное, раньше здесь занимались исключительно скотоводством, — заговорила Нигли. — Сюда даже проложена железная дорога через Дуглас и доходит до Каспера. А за скотом приходилось ездить за шестьдесят, а то и за семьдесят миль к югу, чтобы продавать и покупать племенных животных.

— И чем же они занимаются теперь?

Когда Джек заговорил, картинка в окуляре задрожала.

— Понятия не имею, — пожала плечами Нигли. — Наверное, нашли другое применение инвестициям.

Ричер передал ей подзорную трубу, и женщина, быстро настроив ее для своих глаз, принялась рассматривать городок.

— Преступники, судя по всему, обоснуются на юге, — начала рассуждать Нигли. — Все приготовления к службе будут проводиться к югу от церкви. Здесь я вижу пару старых сараев на расстоянии в сотню ярдов и кое-какие естественные укрытия.

— И как же они собираются уйти незамеченными?

Подзорная труба на одну восьмую дюйма сдвинулась вправо.

— Они, вероятно, ожидают, что с севера и юга дороги будут перекрыты местной полицией. Об этом нетрудно догадаться. Возможно, они рассчитывают на то, что их значки помогут им благополучно пройти посты, но я на их месте не стала бы особенно надеяться только на это. Здесь ситуация меняется: даже в том случае, если начнется смятение, то народа будет немного, так что о толпах говорить не придется.

— Тогда что они придумают?

— Я знаю только то, как поступила бы я сама, окажись я в их положении, — продолжала Нигли. — Я не стала бы ориентироваться на дороги, а поехала бы прямо через луга на запад. Миль сорок на хорошем внедорожнике по таким пастбищам — дело нехитрое. Но зато потом я оказалась бы на настоящем шоссе. Сомневаюсь, что у полиции Каспера имеется собственный вертолет, равно как и у местной дорожной патрульной службы. Тут вообще во всем штате проходят только две более или менее значимых трассы.

— Армстронг прибудет сюда на вертолете, — заметил Ричер. — Наверное, с какой-нибудь военной базы в Небраске.

— Но полиция не сможет использовать этот вертолет для поиска преступников. Они в момент опасности в первую очередь постараются увезти вице-президента отсюда на базу, либо в больницу, если преступникам удастся его ранить. Мне кажется, что по этому поводу даже существует специальный протокол, нарушать который нельзя.

— Дорожный патруль выставит свои посты на севере и юге вдоль шоссе. У них будет целый час времени на это.

— Я бы предусмотрела и такой ход развития событий тоже, — не смутилась Нигли. — Поэтому я бы просто пересекла шоссе и махнула дальше по бездорожью. К западу от шоссе простираются тысячи миль пустоши вплоть до резервации Уинд-ривер. А там только одна крупная трасса, и я полагаю, что преступникам все же удастся скрыться еще до того, как кому-нибудь придет в голову вызвать вертолет и начать поиск с воздуха.

— Что ж, они смельчаки, если задумали такой план отхода.

— Я бы пошла на это, — согласилась Нигли.

Ричер не смог сдержать улыбки.

— В тебе-то я не сомневаюсь. Вопрос в том, осмелятся ли принять такое решение наши парни? Боюсь, что они, приехав сюда, бросят на местность лишь один взгляд и тут же повернут назад.

— Это не имеет значения. Мы успеем справиться с ними даже тогда, когда они будут осматриваться. Нам совсем не обязательно хватать их в тот момент, когда дело дойдет до стрельбы.

Ричер снова сел в машину на водительское место.

— Что ж, нам пора поработать.

Котловина оказалась совсем неглубокой. Они проехали двадцать миль до города, и за это время опустились, в лучшем случае, только на сто футов. Грунтовая дорога, плотно утрамбованная и похожая на стекло, несла на себе изящный рисунок царапин. «Такая искусная обработка происходит каждый год, — подумал Ричер, — после таяния снега и первых дождей». Такие безупречные трассы показывают в документальных фильмах про обкатку новых моделей «форда». Дорога у реки изгибалась настолько правильно, что въезд на мост представлял собой идеальную дугу.

Сам мост являлся как бы географическим центром городка. Здесь находился большой универмаг, предлагавший даже почтовые услуги, и при нем маленькое кафе. Сзади имелась кузница, где в былые времена, очевидно, ремонтировался фермерский инструмент. Здесь же была контора по закупке и продаже фуража, а также лавка скобяных изделий. Неподалеку торчала одинокая колонка автозаправки, рядом с которой висело объявление: «Починка рессор». Перед зданиями тянулись деревянные тротуары, больше напоминающие боны для лодок, внезапно оказавшиеся на суше. Жилистый мужчина неторопливо загружал грузовичок бакалейными товарами.

— Сюда они не сунутся, — мотнул головой Ричер. — Это самая открытая местность, которую мне только приходилось наблюдать.

Но Нигли задумчиво покачала головой.

— Они не смогут узнать об этом, пока не увидят все собственными глазами. Им может хватить для разведки и десяти минут, но и нам большего не потребуется.

— В таком случае, где же остановимся мы сами?

Нигли указала в сторону:

— Вон там.

Ричер увидел простоватое строение из красного кедра с маленькими окошками и вывеской: «Чистые комнаты».

— Потрясающе! — не смог сдержать своего восхищения Джек.

— Теперь нам нужно поколесить по городку, чтобы проникнуться атмосферой данной местности.

Городок в форме буквы К представлял им четыре направления для исследования, причем одну из «ножек» они уже проехали. Машина, управляемая Ричером, вновь пересекла мост и направилась вдоль реки — на северо-восток. Дорога, по обеим сторонам которой выстроилось по четыре дома, через полмили сузилась и превратилась в подобие каменистой тропы. Среди высокой травы по обеим сторонам дороги виднелись заборы, увитые сверху колючей проволокой.

— Фермерские угодья, — пояснила Нигли.

Сами фермы находились за мили отсюда, и на холмах вдали то появлялась, то вновь исчезала старая дорога. Ричер развернул машину и направился к короткой юго-восточной «ножке». Здесь стояли точно такие же дома, как и везде, только более кучно. В остальном дорога ничем не отличалась: она также сузилась через полмили и исчезла в траве перед очередным забором с колючей проволокой и немыслимым сараем без ворот. Внутри одиноко стоял ржавеющий пикапчик, полускрытый бледной порослью сорной травы. Казалось, машину бросили еще в те времена, когда вице-президентом был Ричард Никсон.

— Ладно, теперь едем на юг, — объявила Нигли. — Следует осмотреть церковь.

До Дугласа, куда вела южная «ножка» буквы К, оставалось семьдесят миль. Они же проехали три. Оттуда, куда они направлялись, вдоль дороги стояли просмоленные столбы, обеспечивающие городок электричеством и телефонной связью. Джек и Нигли миновали церковь с кладбищем, группу деревянных домов, затем пару заброшенных хлевов для скота, еще два-три десятка домиков, и город кончился. Дальше простирались бескрайние пастбища. Здесь местность была не такой гладкой, как в начале: за десятки тысяч лет ветра и дожди изрубили ландшафт многочисленными оврагами и трещинами глубиной в десять-двенадцать футов и, поросшие травой, те напоминали морские волны. Овраги все соединялись между собой в причудливую паутину. Непрекращающийся ветерок раскачивал высокую, в ярд, траву, бурую и жесткую даже на вид.

— Здесь можно замаскировать роту пехотинцев, — заметила Нигли.

Ричер развернул машину, и они направились к церкви. Джек остановил автомобиль возле кладбища. Сама церковь очень походила на такое же сооружение в Бисмарке: такая же крутая крыша над нефом и такая же квадратная колокольня. Однако помимо флага, громоотвода и флюгера башню украшали еще и часы. Сама церковь была белой, но не очень яркой. Обернувшись на запад, Ричер увидел собирающиеся над дальними горами серые тучи.

— Наверное, снова пойдет снег, — сказал он.

— Отсюда мы ничего не увидим, — констатировала Нигли.

Она была права. Церковь выстроили в пойме реки. Фундамент здания заложили, пожалуй, в самой низкой точке городка. Отсюда дороги, ведущие на юг и на север, просматривались не более чем на сотню ярдов, исчезая за небольшими возвышенностями.

— Они могут обнаружить нас с возвышенности прежде, чем мы догадаемся об их присутствии, — нахмурилась Нигли. — Мы должны сами увидеть их еще на подъезде.

Ричер кивнул. Открыв дверцу, он вышел из машины, и с присоединившейся к нему Нигли зашагал к церкви. Воздух был сухим и холодным. Под их ногами похрустывал мертвый газон кладбища. Чувствовалось приближение зимы. К западу от церкви они увидели огороженный натянутой ленточкой участок, расположившийся в самом конце длинного ряда старых надгробий. Ричер направился к ним, чтобы осмотреть. Четыре из них принадлежали семейству Фролих, и вскоре к ним должно было добавиться пятое. Ричер представил себе, как вместо огороженного лентой прямоугольника в земле возникнет глубокая яма.

Отойдя в сторону, Джек огляделся. С восточной стороны от дороги, напротив церкви, лежала ровная площадка, достаточно просторная для посадки вертолета. Ричер представил, как тот снижается, грохоча лопастями, как разворачивается, чтобы пассажирская дверь оказалась напротив входа в церковь, и как из вертолета появляется Армстронг. Вот он переходит дорогу. Вот он приближается к церкви. Викарий, скорее всего, будет встречать вице-президента у дверей. Ричер подошел к тому месту, где, по его расчетам, окажется Армстронг, и принялся изучать окрестности к западу и к югу. Плохие новости! Сам он находился на возвышенности, а дальше, начиная с расстояния в сто пятьдесят ярдов и насколько хватало глаз, среди волн колышущейся травы угадывались овражки и промоины.

— Насколько хороши наши противники в роли стрелков? — спросил Джек.

Нигли пожала плечами.

— Всегда получается так, что они либо лучше, либо хуже того, что ты лично предполагаешь. Но до сих пор они смогли доказать свою сноровку и опыт. Им приходилось стрелять и с холма, и лежа на лугу, сквозь густую траву. Я опасаюсь за расстояние в радиусе пятисот ярдов.

— А если они промахнутся, стреляя в Армстронга, то смогут ранить или даже убить кого-то другого.

— Стивесанту стоило бы подключить для безопасности хотя бы один вертолет для наблюдения с воздуха. Конечно, стрелять с него бесполезно, но зато все хорошо видно.

— Армстронг этого не допустит, — возразил Ричер. — Но вид сверху будет нам доступен: у нас же остается церковная колокольня.

Он повернулся и зашагал к церкви.

— Забудь о тех меблированных комнатах, — махнул рукой Джек. — Вот где мы должны оставаться. Сверху мы увидим их сразу, откуда бы они ни заявились — хоть с севера, хоть с юга, ночью или днем. И я думаю, что мы решим эту проблему даже до того, как здесь объявятся Стивесант или Армстронг.

Они находились уже в десяти футах от церкви, и в этот момент ее дверь открылась, и из нее вышел священник, а вслед за ним пожилая пара — старики лет по шестьдесят. Священник оказался мужчиной средних лет с очень серьезным выражением лица. Старик, который следовал за ним, был высок, худощав и сутулился. Женщину можно было все еще назвать красивой — чуть выше среднего роста, аккуратно одетая и причесанная, она создавала приятное впечатление. Ее короткие светлые волосы начинали седеть. Ричер сразу определил, кто она такая. Видимо, женщине тоже показалось, что она узнала его. Она остановилась, замолчала и уставилась на Джека так, как смотрела на него ее собственная дочь. Она смущенно вглядывалась в его лицо, видимо, сравнивая чей-то ментальный образ и выискивая схожие черты и различия.

— Это вы? — спросила она. — Или я ошибаюсь?

Лицо женщины было напряженным и усталым одновременно. Она вышла на улицу без макияжа, и хотя глаза ее были сухи, становилось ясно, что она долго плакала перед этим. Веки покраснели, под глазами образовались мешки.

— Я его брат, — заговорил Ричер. — Я знаю о вашей по тере и весьма вам соболезную.

— Еще бы, — вздохнула женщина. — Ведь в этом полностью виноват Джо.

— Разве?

— Это он заставил ее поменять работу, потому что не хотел встречаться с коллегой. Почему-то сам он не стал ничего менять в своей жизни, а вот ей пришлось уступить ему. Она стала выполнять опасные задания, а он оставался в стороне, где всегда было тихо. И вот теперь посмотрите, что из этого получилось!

Ричер промолчал.

— Мне кажется, ей нравилась ее работа, — наконец, заговорил он. — Она всегда могла вернуться на прежнее место, между прочим, если бы захотела. Но она не стала этого делать. Поэтому, как мне кажется, она была счастлива на своем месте. Она была прекрасным агентом и выполняла очень важную работу.

— Но как бы она смогла вернуться на старую работу? Тогда бы ей пришлось встречаться с Джо каждый день и при этом делать вид, будто ничего не случилось.

— Я хотел сказать, что она могла бы спокойно выждать год и вернуться на прежнюю службу, — поправил сам себя Джек.

— А что бы изменил этот год? Джо разбил ей сердце. Как бы она смогла снова работать вместе с ним?

Ричер не стал отвечать ей.

— Он приедет сюда? — поинтересовалась мать Фролих.

— Нет, — покачал головой Ричер. — Не приедет.

— Вот и хорошо, — вздохнула женщина. — Потому что здесь ему никто не был бы рад.

— Наверное, вы правы.

— Я полагаю, он чересчур занят своими делами, — закончила миссис Фролих и направилась вперед по грязной дороге. За ней последовал священник, а отец Фролих, сделав пару шагов, помедлил и повернулся к Джеку:

— Она, конечно, понимает, что Джо в этом не виноват, — начал мистер Фролих. — Мы всегда знали, что Мэри Эллен будет делать только то, что ей хочется.

Ричер кивнул.

— Она была исключительным сотрудником.

— Правда?

— Самым лучшим из тех, кто у них когда-либо работал.

Старик кивнул, давая понять, что такой ответ его вполне удовлетворил.

— А как поживает Джо? — поинтересовался он. — Я встречался с ним пару раз.

— Он погиб, — ответил Джек. — Пять лет назад, во время выполнения одного ответственного и опасного задания.

Некоторое время они оба молчали.

— Мне очень жаль, — наконец, проговорил старик.

— Только не говорите об этом миссис Фролих, — попросил Джек. — Если ей так будет легче.

Старик снова кивнул, повернулся и принялся догонять жену и священника нелепым размашистым шагом, иногда чуть ли не подпрыгивая.

— Вот видишь, — негромко произнесла Нигли. — Не всегда виноват только ты один.

Возле церковных дверей находилась доска объявлений. Она выглядела как тоненький шкафчик со стеклянными дверцами, установленный на толстых деревянных ножках. За дверцами, на задней стенке шкафчика было приклеено зеленое фетровое полотно, а на нем кнопками закреплены матерчатые ленточки, за которые закладывались объявления, напечатанные на простой пишущей машинке. Наверху имелся список всех обычных воскресных служб. Первая служба проходила в восемь часов утра, что требовало от местных прихожан большой сознательности. Рядом с этим списком виднелось еще одно объявление, напечатанное наспех и сообщающее о том, что в это воскресенье служба, проходящая в восемь утра, будет посвящена памяти Мэри Эллен Фролих. Ричер посмотрел на часы и поежился от холода.

— Еще двадцать два часа, — пробормотал он. — Пора запираться и готовиться.

Они подъехали на «юконе» поближе к церкви и открыли багажник. Склонившись над ним вдвоем и вынув все оружие, они поделили его так: каждый взял по «стейеру», Нигли прихватила «Хеклер и Кох», а Ричеру досталась «Ml6». После этого они распределили между собой патроны и заперли машину.

— А хорошо ли это — приносить с собой в церковь оружие? — засомневалась Нигли.

— В Техасе именно так и поступают почти все время, — успокоил ее Ричер. — А в наших обстоятельствах это обязательное условие.

Они открыли дубовую дверь и вошли внутрь. Церковь очень напоминала ту, в которой Ричеру пришлось побывать в Бисмарке. Джеку даже пришла на ум шутка: а не выписывают ли эти сельские церкви по почтовой рассылке — уж очень все они похожи друг на друга?.. Та же белоснежная краска, те же лоснящиеся скамейки, та же кафедра проповедника. Такие же веревки, свисающие с колокольни. И точно такая же лестница. Джек и Нигли поднялись по ней до конца, туда, где к стене была прикручена приставная лестница, ведущая к откидному люку.

— Вот я и снова дома, — улыбнулся Ричер.

Он первым начал подниматься по приставной лестнице, через люк на площадку для колоколов. Помещение несколько отличалось от того, что было в Бисмарке, так как здесь располагался механизм часов. Четырехфутовый куб латунных шестеренок, взгроможденный на железные фермы над колоколами. У часов имелось два циферблата, стрелки которых приводились в движением одной и той же парой шестеренок. Длинная металлическая ось проходила сквозь весь механизм и крепилась в центре каждого из циферблатов. Сами циферблаты были установлены на восточной и западной сторонах башни. Механизм громко тикал, и клацанье шестеренок порождало звучный резонанс в зевах колоколов.

— У нас нет обзора восточной и западной сторон, — вынужден был признать Ричер.

Нигли безразлично пожала плечами.

— А это нам и не понадобится. Для нас важен север и юг, где проходит дорога.

— Наверное, ты права, — кивнул Джек. — Ты будешь наблюдать за югом.

Согнувшись, он пробрался под механизмом и осью и направился к слуховому окну, выходящему на север. Встав на колени, Джек огляделся. Отсюда открывался прекрасный вид: весь город лежал как на ладони. Грязная дорога, уходящая на север, просматривалась миль на десять и была совершенно пуста.

— У тебя там все в порядке? — окликнул он Нигли.

— Отлично! — отозвалась женщина. — Я вижу все вплоть до самого Колорадо.

— Крикни мне, как только заметишь что-нибудь подозрительное.

— И ты тоже.

Часы безостановочно и громко тикали. Джек окинул взглядом механизм, прикидывая, сведет ли тот его с ума или все же даст немного поспать. Он услышал металлический лязг, когда Нигли положила свой автомат на пол. Сам он пристроил M16 возле коленей. Ричер поворочался, выискивая положение поудобней, и приготовился ждать.

Глава 18

Воздух оставался холодным, а на высоте в семьдесят футов легкий бриз превращался во вполне ощутимый ветер. Он врывался сюда сквозь слуховые окна, заставляя глаза слезиться. Так минуло два часа, в течение которых ничего не происходило. Ричер и Нигли ничего не видели и ничего не слышали, если не считать хода часового механизма. Они уже изучили этот звук. Каждый такт распадался на несколько металлических частот: сначала низкая, затем смесь басов и сопрано проворачивающихся шестеренок и, наконец, тоненький звон маленького колокола, способный свести с ума кого угодно.

— Я кое-что вижу, — крикнула Нигли. — С юга приближается неопознанное транспортное средство. Похоже на внедорожник.

Ричер еще раз быстро осмотрел северную дорогу и поднялся с колен. Он замерз, конечности у него затекли и чувствовал он себя крайне неуютно. Ричер взял подзорную трубу в руку и перекинул через часовой механизм Нигли:

— Лови!

Она извернулась и одной рукой поймала трубу, затем вернулась к своему месту и прильнула глазом к окуляру.

— Похоже, это новая модель «шевроле Тахое», — крикнула она Джеку. — Золотистого цвета. Солнце светит прямо в лобовое стекло, поэтому пассажиров не видно.

Ричер снова взглянул на северную дорогу: она была по-прежнему пуста, по крайней мере, на расстоянии в десять миль, а чтобы его преодолеть даже на большой скорости, потребовалось бы не менее десяти минут. Джек выпрямился и потянулся. Затем нырнул под часовой механизм и переполз к Нигли. Она подвинулась вправо, а он протер глаза и вгляделся вдаль. На дороге, милях в пяти от церкви виднелась од-на-единственная блестящая точка.

— По-моему, эта машина не слишком сюда торопится, — заметила Нигли. — А ты как считаешь?

Она передала ему подзорную трубу, и Джек, быстро перенастроив ее под свои глаза, положил прибор на срез слухового окна и прищурился. Хорошая оптика создавала впечатление, что машина стоит на месте, при этом подпрыгивая и раскачиваясь. Автомобиль был грязным: хромированная решетка радиатора в разводах и заляпана комками земли. Солнечный свет, отражающийся в стеклах, не давал возможности рассмотреть пассажиров.

— Почему же до сих пор светит солнце? — возмутился Джек. — Я рассчитывал, что пойдет снег.

— А ты посмотри на запад, — посоветовала Нигли.

Отложив трубу, Ричер придвинулся к слуховому окну и, прижавшись к нему левой щекой, скосил глаза в сторону. Небо словно расщепилось надвое. На западе громоздилась черная масса грозовых туч, а на востоке небо оставалось бледно-голубым, чуть затянутым дымкой. На границе солнечные лучи падали на землю гигантскими сияющими столбами.

— Невероятно, — пробормотал Джек.

— Это что-то вроде инверсии, — пояснила Нигли. — Надеюсь, что так все и останется, иначе мы рискуем отморозить здесь задницы.

— До этого фронта еще миль пятьдесят.

— Но ветер как раз дует с запада.

— Великолепно.

Он снова взял в руки подзорную трубу и направил ее на золотистый фургон. Тот приблизился к церкви, наверное, на милю. Он раскачивался из стороны в сторону и подпрыгивал на колдобинах. Судя по всему, его скорость не превышала шестидесяти миль в час.

— И что ты обо всем этом думаешь? — поинтересовалась Нигли.

— Симпатичная тачка, — ответил Джек. — Роскошный цвет.

Он молча наблюдал, как машина одолеет еще одну милю, после чего вернул подзорную трубу Нигли.

— Мне пора проверить северную дорогу, — заявил он.

Ричер вернулся на прежнее место, к своему слуховому окну. На севере дорога была по-прежнему пуста. Джек повторил тот же маневр, но теперь прижался правой щекой к деревянной раме и скосил глаза к западу. Снеговые тучи нависли над горами, и казалось, что там царит скорее ночь, чем день. Над холмами было еще совсем светло.

— Теперь я точно вижу, что это «шевроле Тахое», — крикнула Нигли. — Кстати, машина заметно сбавила скорость.

— Номерные знаки можешь различить?

— Пока нет. Ей добираться до церкви целую милю, не меньше, но она передвигается крайне медленно.

— Ты можешь определить, кто там внутри?

— Мешает солнце, и к тому же, у «шевроле» тонированные стекла. Теперь им осталось проехать до нас с полмили.

Ричер внимательно оглядел северную дорогу. Пусто. Ни единой машины.

— По-моему, у них номерные знаки Невады, — продолжала Нигли. — Но только цифры разглядеть невозможно, все заляпано грязью. Машина подъехала к окраине городка. Теперь водитель здорово снизил скорость. Похоже, они производят разведку: едут очень медленно, но нигде не останавливаются. До сих пор не могу определить, сколько их там в салоне. Они уже совсем близко. В данный момент я смотрю на крышу автомобиля. Боковые стекла темные, и сейчас фургон скроется у меня из виду. Все, теперь они где-то под нами.

Ричер прижался к стене и пытался, как мог, разглядеть хоть что-то непосредственно внизу у церкви, однако слуховые окна были прорублены так, что оставляли мертвую зону в радиусе, может быть, футов сорока.

— Где они? — крикнул он.

— Понятия не имею.

До слуха Ричера донесся звук работающего мотора мощного автомобиля. Почти одновременно с этим он заметил блестящий золотистый капот, вынырнувший внизу у самой церкви, затем мелькнуло заднее стекло машины. Автомобиль поехал дальше, в город, и пересек мост на скорости, может быть, миль двадцать, не более. «Шевроле» протащился так же медленно еще, наверное, ярдов сто, затем неожиданно разогнался.

— Трубу! — попросил Ричер.

Нигли перебросила ее Джеку, и он, пристроив подзорную трубу в слуховом окне, увидел, как фургон постепенно удаляется на север. Заднее стекло оказалось также тонированным, да еще и забрызганным грязью и солью. Чистой оставалась лишь дуга, образованная щеткой стеклоочистителя. Джек разглядел хромированный бампер и выпуклые блестящие буквы «шевроле Тахое». Номер определить не удалось: он

был покрыт сплошной спекшейся коркой, зато Ричер ясно увидел следы ладоней на дверце багажника. Создавалось впечатление, что за последний день или два фургончик преодолел изрядное расстояние.

— Они продолжают двигаться все дальше на север, — сообщил Джек.

Он наблюдал в окуляр, как автомобиль раскачивается и подпрыгивает на неровной дороге, удаляясь прочь и постепенно уменьшаясь в размерах. Через десять минут он совсем исчез из виду, в последний раз показавшись на небольшой возвышенности и как бы на прощанье сверкнув золотой искрой в солнечном свете.

— Что-нибудь еще любопытного с твоей стороны есть? — поинтересовался Джек.

— С юга к нам больше никто пока не едет, — отозвалась Нигли. — Дорога пуста.

— Мне нужно спуститься к машине за картой, — заявил Ричер. — Пока меня не будет, ты сможешь наблюдать поочередно за обоими направлениями. Правда, тебе придется постоянно нагибаться, пробираясь под часовым механизмом, но ты представь себе, что танцуешь «лимбо».

Он подполз к люку, нащупал ногами ступеньки приставной лестницы и спустился по ней, затем добрался до винтовой лестницы, одолел ее и очень скоро выбрался из церкви на свежий воздух, после чего сразу же, прихрамывая, направился через кладбище к «юкону». Неподалеку Джек заметил отца Фролих. У старика было такое выражение лица, словно он постиг что-то важное и имел ответы на многие вопросы. Джек увидел в стекле машины, что мистер Фролих приближается к нему, и повернулся к старику.

— Вам звонит мистер Стивесант, — сообщил тот. — Из конторы Секретной службы в Вашингтоне.

— Сейчас?

— Он ждет на проводе уже двадцать минут, а я все это время пытаюсь разыскать вас.

— А где телефон?

— В доме.

Дом семьи Фролих оказался одним из белых строений, расположенных на короткой юго-западной «ножке» буквы "К". Старик быстро зашагал вперед все той же смешной подпрыгивающей походкой, и Ричеру пришлось поторопиться, чтобы поспевать за ним. Домик с садом огораживал такой же выбеленный забор. Здесь было много лечебных

трав и других полезных растений, которые уже погибли от холода. Внутри дома царил полумрак и приятно пахло свежестью. Деревянный пол устилали ковры. Старик сразу повел Ричера в гостиную, где на антикварном журнальном столике и находился телефон, соседствующий с фотографией в изящной рамке. Телефон тоже оказался старинным, с тяжелой трубкой и проводом в коричневой тряпичной обмотке. С фотографии на Ричера смотрела Фролих, еще молоденькая, лет восемнадцати. На снимке волосы у нее были длинней и светлей, открытое лицо, невинная искренняя улыбка. В темно-голубых глазах словно светилась надежда на будущее.

Возле столика не оказалось ни стула, ни кресла: очевидно, семейство Фролих было из тех ветеранов старой закалки, которые предпочитали стоять во время телефонных разговоров. Ричер размотал провод и поднес трубку к уху.

— Стивесант, это вы? — сразу же начал он.

— Да. Ричер, у вас есть для меня какие-нибудь приятные новости?

— Пока нет.

— Опишите ситуацию.

— Служба назначена на восемь утра. Но, мне кажется, вы и сами все это уже знаете.

— Что еще мне следовало бы узнать?

— Вы прилетите люда на вертолете?

— Предполагается, что так, но Армстронг пока еще находится в Орегоне. Мы намереваемся самолетом доставить его на военную базу в Южной Дакоте, а затем уже лететь вертолетом. Всего нас будет восемь человек, включая и меня.

— Но он просил троих агентов.

— Он не смог ничего возразить, потому что мы все — ее хорошие друзья.

— А не могло бы у вас возникнуть какой-нибудь технической неполадки, чтобы попросту остаться в Южной Дакоте?

— Нет, он сразу обо всем догадается, да и военно-воздушные силы не пойдут на такой подлог. Им, я полагаю, не захочется войти в историю, как неудачникам, из-за которых вице-президент так и не смог присутствовать на службе, проводимой в память одного из лучших агентов Секретной службы.

Ричер выглянул в окно.

— Ладно. Церковь вы увидите сразу же, и приземлитесь на лужайку с восточной стороны, там для вертолета вполне хватит места. Затем Армстронгу придется пройти пятьдесят ярдов до самой церкви. Я могу дать гарантию только относительно безопасности ближайшей к церкви территории, так как сами мы будем находиться внутри нее всю ночь. Но та земля, которая лежит дальше от церкви, вам совершенно не понравится. К югу и западу тянется абсолютно открытая местность, с которой можно беспрепятственно вести огонь в радиусе ста пятидесяти ярдов. К тому же, рельеф этой местности таков, что тут имеется масса мелких оврагов, расселин и возвышенностей, где можно надежно укрыться от посторонних глаз.

Стивесант молчал.

— Я не могу допустить того, чтобы Армстронг появился там, — наконец заговорил босс. — Ни он, ни кто другой из моих сотрудников. Я не допущу, чтобы погиб еще кто-нибудь.

— Тогда вам остается лишь надеяться на лучшее, — сообщил Ричер.

— Я к этому не привык. Вам придется действовать самостоятельно.

— Мы так и поступим, если у нас появится такая возможность.

— Но как вы дадите мне знать? У вас нет с собой даже раций, а мобильные телефоны там не будут действовать. Ну а телефон в доме Фролих использовать совсем уж неудобно.

Ричер задумался лишь на одну секунду.

— У нас черный «юкон», — заговорил он. — Сейчас он припаркован прямо на дороге, рядом с церковью, к востоку от нее. Если он будет стоять на прежнем месте, когда вы появитесь здесь, то сразу разворачивайте вертолет и отправляйтесь домой. Армстронгу придется пережить все это, ничего страшного. А если «юкона» не будет, значит, нас в городке тоже нет, а мы уедем отсюда только в том случае, если выполним свою миссию.

— Ладно, — согласился Стивесант. — Если черный «юкон» будет стоять к востоку от церкви, мы даже приземляться не станем. Если машины нет, значит, нет и опасности. Вы успели пройтись по городу?

— У нас не было возможности осмотреть каждый дом в отдельности. Но городишко крохотный, и каждый приезжий человек здесь — целое событие, поверьте мне.

— Нендик пришел в себя. Но он почти ничего не рассказывает, не более того, что нам поведал Андретти. К нему якобы подошли познакомиться двое парней, которых он принял за полицейских.

— Они и есть полицейские, в этом мы уже не сомневаемся. Вам удалось добыть описание их внешности?

— Нет. Нендик все еще опасается за свою супругу. Нам показалось, что не стоит пока что огорчать его и рассказывать о том, что его опасения уже бессмысленны.

— Несчастный парень.

— Мне хочется, чтобы его дело тоже было доведено до конца. Ну, мы должны хотя бы отыскать ее тело, что ли.

— Но я не планирую арестовывать их здесь.

Стивесант ничего не ответил Джеку.

— Ну хорошо, — наконец согласился он. — Как бы там ни было, мы вряд ли еще когда-нибудь увидимся, а потому позвольте пожелать вам удачи.

— И вам также, — отозвался Ричер.

Он положил трубку на рычаг и аккуратно свернул провод в кольцо на столе, после чего снова посмотрел в окно. Оно выходило на северо-восток в бескрайние просторы пастбищ. Затем Джек отвернулся и увидел, что мистер Фролих внимательно наблюдает за ним от двери.

— Они приедут к нам, верно? — заговорил старик. — Те люди, которые убили мою дочь? Ведь неспроста сюда хочет прилететь Армстронг.

— Возможно, они уже находятся в городе, — подтвердил Ричер.

Но мистер Фролих отрицательно мотнул головой.

— Нет, тогда об этом уже заговорили бы все в округе.

— Вы видели золотистый фургон сегодня утром?

Старик кивнул:

— Они проехал как раз мимо нашего дома на очень небольшой скорости.

— Кто там был за рулем?

— Я не заметил. Окна оказались затемненным, а пялиться на чужих я не привык.

— Ну хорошо, — вздохнул Ричер. — Только если вы узнаете о том, что в городе появились чужаки, пожалуйста, немедленно сообщите об этом мне.

Старик снова кивнул:

— Конечно, но только вы узнаете об этом одновременно со мной. И если кто-то появится здесь на машине с вашей стороны, меня тоже сразу же поставят в известность. Новости распространяются здесь моментально.

— Мы будем прятаться на церковной колокольне.

— Вы приехали сюда по просьбе Армстронга? — поинтересовался мистер Фролих.

Ричер не стал отвечать ему.

— Нет, — догадался старик. — Вы явились сюда, чтобы отомстить. Око за око.

— И зуб за зуб.

— И жизнь за жизнь.

— Ну, если быть точным, две жизни за пять, — поправил Фролиха Ричер. — Они все равно успели очень многое.

— И как вы к этому относитесь?

— А вы?

Глаза старика заблестели от слез в полумраке комнаты и остановились на фотографии его тогда еще восемнадцатилетней дочери.

— У вас есть дети? — поинтересовался он.

— Нет, — покачал головой Ричер.

— И у меня тоже, — вздохнул старик. — У меня больше нет детей, и потому я отношусь к такой мести весьма одобрительно.

* * *

Ричер вернулся к машине и забрал с заднего сиденья туристическую карту. Затем взобрался на колокольню церкви и увидел, как Нигли методично перемещается с южной стороны на северную и обратно.

— Все чисто, — сообщила она, голосом заглушая тиканье часового механизма.

— Сюда, в Грэйс, звонил Стивесант, — сказал Джек. — В доме Фролих есть телефон. Босс начал паниковать. Нендик вышел из коматозного состояния, но почти ничего не рассказывает. Совсем как в случае с Андретти.

Ричер развернул карту прямо на полу колокольни и указал пальцем на Грэйс. Городок находился в самом центре квадрата, образованного четырьмя трассами. Каждая сторона квадрата равнялась примерно восьмидесяти милям. С правой стороны проходило шоссе 59 от Дугласа

на юге, через город Билл к населенному пункту Райт на севере. Верхней стороной квадрата являлась дорога 387, пробегающая на запад от Райта до Эджертона. Оба шоссе на карте были обозначены, как второстепенные. Ричер и Нигли уже путешествовали по шоссе 387 и по опыту знали, что эту трассу можно было назвать вполне приличной. Левая сторона квадрата представляла собой часть шоссе I-25, идущего от Монтаны на севере, минующего Эджертон и далее до Каспера. Нижнюю часть квадрата также составлял кусок I-25, на участке между Кас-пером и левым отростком дороги до того места, где она сворачивала на юг в сторону Шейенна. Этот квадрат со стороной в восемьдесят миль разделялся на два более или менее равных прямоугольника вертикалью грунтовой дороги, проходящей через Грэйс с севера на юг. Дорога указывалась на карте тоненькой серой пунктирной линией. В легенде карты говорилось, что это — немощеная проселочная дорога местного значения.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — поинтересовалась Нигли.

Ричер провел пальцем по периметру квадрата, затем расширил область исследований, продлив каждую сторону квадрата миль на сто во всех направлениях.

— Я полагаю, что за всю историю западной части Соединенных Штатов ни один человек еще просто так не проезжал через городок Грэйс, поскольку это было бы невозможно. Да и зачем? Любое серьезное путешествие с севера на юг или с востока на запад оставляет этот городишко в стороне. Даже если вам понадобится, скажем, проехать от Каспера до Райта, до есть с нижнего левого угла нашего квадрата до верхнего правого, вы сначала направитесь по I-25 на восток до Дугласа, а потом по трассе 59 на север — из Дугласа до Райта. И вам незачем проезжать при этом через Грэйс. Ведь в данном случае, если вы попытаетесь немного сократить путь, то здорово снизите скорость, тем самым теряя время, поскольку путешествовать придется по грунтовой дороге. Тут, кстати, встает еще один вопрос: вы вообще-то заметите поворот на эту грунтовую дорогу? Лично мне показалось, что она затеряется в траве уже через первые сто ярдов.

— Учти еще, что мы взяли карту для туристов и любителей пеших походов, — заметила Нигли. — На обычной карте для автомобилиста этот городок вообще вряд ли отмечен.

— Значит, тот самый золотистый фургон явился сюда вовсе не случайно, — задумчиво произнес Ричер. — У пассажиров имеется для этого своя причина. И явились они сюда не для развлечений.

— Это и есть преступники, — кивнула Нигли.

— Они производили разведку местности, — согласился Ричер.

— Безусловно. Но вот только понравилось ли им то, что они увидели?

Ричер закрыл глаза. А что они могли увидеть? Крошечный городишко. Тут и спрятаться как следует будет невозможно. Место, где может приземлиться вертолет, которое находится в пятидесяти ярдах от церкви. Да еще и внушительный черный внедорожник, припаркованный рядом с церковью, который наверняка принадлежит Секретной службе и прислан сюда для предварительной проверки обстановки в городе. К тому же они наверняка обратили внимание на номерные знаки Колорадо, а ближайший филиал Секретной службы должен был находиться в Денвере.

— Я полагаю, что они не просто прогуливались, а потому учли все, что увидели по дороге.

— Так они вернутся или нет? — не отступала Нигли.

— У нас есть только один способ выяснить это, — вздохнул Джек. — Будем ждать.

* * *

И они принялись выжидать. Наступила вторая половина дня, и температура воздуха резко понизилась. Часы продолжали тикать, издавая три тысячи шестьсот аккордов каждый час. Нигли вышла прогуляться и вернулась назад с полным пакетом продуктов, после чего они с Джеком устроили импровизированный ланч на колокольне. Затем они разработали новую схему наблюдения. Так как было выяснено, что ни одна машина не сможет появиться и остаться незамеченной менее чем за период в восемь минут, Ричер и Нигли могли позволить себе присесть на пол и немного передохнуть. Но через каждые пять минут (время проверялось по ручным часам Нигли) они с Джеком поднимались и уходили каждый к своему посту, где тщательно просматривали участки дороги, всякий раз при этом испытывая волнение. Но каждый раз после этого они возвращались разочарованными. Правда, такие постоянные физические упражнения шли им на пользу и не позволяли замерзнуть окончательно. Кроме того, друзья регулярно потягивались, разминали конечности, выполняя нехитрые упражнения. Когда начинались прыжки, в карманах Джека и Нигли весело позвякивали запасные патроны. «Боевые погремушки», — как шутливо называла их Нигли. Изредка Ричер прижимался лицом к раме слухового окна и вглядывался в снегопад на западе. Тучи продолжали оставаться черными и мрачными, но их словно удерживала некая невидимая стена на расстоянии в пятьдесят миль от Грэйс.

— Они не вернутся, — наконец махнула рукой Нигли. — Надо быть сумасшедшим, чтобы осмелиться на отчаянный поступок в таких местах.

— А мне почему-то кажется, что они и есть ненормальные, — отозвался Ричер.

Он продолжал внимательно следить за дорогой, ждал и прислушивался к звуку работающего часового механизма. Однако к четырем часам дня Джек понял, что терпение его иссякло. Просунув лезвие ножа под старый слой белой краски, он аккуратно приподнял и вынул из рамы перегородку слухового окна. Она представляла собой простую деревяшку длиной в три фута, шириной в четыре дюйма, дюйм в толщину. Держа ее перед собой как копье, Джек пополз вперед и засунул перегородку в часовой механизм. Шестерни заело, и часы остановились. Так же осторожно Джек вынул деревяшку, отполз назад и аккуратно вставил ее на прежнее место. Неожиданно наступившая тишина показалась ему оглушающей.

Джек и Нигли продолжали ждать и наблюдать. В колокольне становилось все холодней, и они оба начали дрожать. Однако тишина помогала переносить им все эти лишения. Она давала возможность сосредоточиться и все еще раз хорошенько обдумать. Через некоторое время Ричер снова посмотрел, как мог, на запад, прижимаясь щекой к раме, затем еще раз развернул туристическую карту и пристально вгляделся в нее. Используя большой и указательный пальцы в качестве одновременно и компаса, и циркуля, он принялся измерять на карте какие-то расстояния. Сорок, восемьдесят, сто двадцать, сто шестьдесят миль. Медленно, быстрей, быстро, медленно. Общая средняя скорость составляет сорок миль. А это четыре часа времени.

— Солнце опускается на западе, — многозначительно произнес он. — А поднимается на востоке.

— На нашей планете, — добавила Нигли.

В этот момент они оба услышали, как внизу, под ними, заскрипели ступеньки лестницы. Люк сначала приоткрылся на дюйм, потом захлопнулся снова и через несколько секунд уже распахнулся полностью. В проеме появилась голова викария. Его глаза удивленно вытаращились на наставленные на него с одной стороны автомат, а с другой — винтовку М16.

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить, — начал священник. — Вы, я полагаю, не считаете, что я должен чувствовать себя счастливым оттого, что вы принесли вот эти вещи с собой в мою церковь.

Он стоял на лестнице, но со стороны казалось, что говорит только голова, отделенная от туловища. Ричер положил винтовку на пол. Только после этого викарий поднялся на следующую ступеньку.

— Я понимаю, что вы должны обеспечивать безопасность, — продолжал он, — и для нас визит вице-президента также является большой честью, но я не могу позволить держать машины разрушения в святом месте. Мне почему-то казалось, что подобные вещи можно было бы сначала, по крайней мере, обсудить со мной.

— Машины разрушения? — удивилась Нигли.

— Во сколько садится солнце? — спросил Ричер.

Викария, казалось, поразила такая смена темы разговора. Однако он сразу же ответил Джеку.

— В наших местах это происходит довольно рано. Скоро оно скроется за горами, хотя сегодня вы даже этого не увидите, потому что в той стороне все небо затянуто тучами. К тому же, с запада к нам идет снегопад.

— А когда оно восходит?

— В это время года? Мне кажется, в семь без нескольких минут.

— Вы случайно не знаете завтрашний прогноз погоды?

— Говорят, будет то же самое, что и сегодня.

— Хорошо, — кивнул Ричер. — Благодарю вас.

— Это вы остановили часы?

— Они чуть не свели меня с ума.

— Я из-за них и поднялся сюда. Вы не возражаете, если я снова запущу их?

Ричер только пожал плечами:

— Ну, это, в конце концов, ваши часы.

— Я понимаю, что шум может вам мешать, но...

— Неважно, — отмахнулся Ричер. — После захода солнца мы все равно собирались уходить отсюда. И, разумеется, оружие мы тоже заберем с собой.

Викарий подтянулся и через пару секунд очутился рядом с Джеком. Затем он согнулся перед часовым механизмом и принялся колдовать над ним. Только теперь Джек заметил, что там, среди колесиков и шестеренок, находится миниатюрная копия больших часов, при помощи которых и настраивается гигантский механизм. Викарий посмотрел на свои наручные часы и при помощи специального рычага изменил положение больших стрелок. Миниатюрные стрелки тоже встали на свои места. После этого викарий рукой провернул зубчатое колесо, и

оно, подхватив импульс, привело в движение весь механизм. Вместе с этим вернулись все знакомые звуки. Самый маленький колокол принялся каждую секунду так же звучно отзываться на тиканье часов.

— Благодарю вас, — улыбнулся викарий.

— Самое большее — еще час, — пообещал Ричер. — После этого мы отсюда уйдем.

Викарий кивнул с видом человека, исполнившего свой долг, и исчез в люке, аккуратно опустив за собой его крышку.

— Но мы не можем уйти отсюда, — тут же напустилась Нигли на Джека. — Ты что, с ума сошел?! Они могут заявиться сюда и среди ночи. Не исключено, что как раз в этом и заключается их план. А вернуться они сумеют и не включая фар.

Ричер посмотрел на свои часы.

— А они уже здесь, — спокойно сообщил он. — Или где-то поблизости.

— Но где именно?

— Я могу показать тебе, где.

Он снова извлек перегородку из рамы слухового окна и передал ее женщине. После этого прополз под часовым механизмом ко второй приставной лестнице, которая вела непосредственно на крышу церкви, поднялся по ней и открыл второй люк.

— Пригнись, — посоветовал он.

Джек буквально выполз на животе наружу. Крыша очень напоминала ту, на которой он уже успел побывать в Бисмарке. Так же, как и там, свинцовая обшивка кровли была заключена в деревянную раму и имела на торцах водосливы. Массивное основание обеспечивало надежную установку флагштока, громоотвода и флюгера. По периметру надстройку окружала трехфутовая стена. Ползком обогнув основание, Ричер нагнулся к Нигли, взял у нее из рук перегородку и посторонился, давая ей выбраться к нему. На крыше бушевал ветер, отчего становилось особенно холодно.

— Теперь надо встать на четвереньки, — пояснил Джек, — и, повернувшись лицом на запад, прижавшись друг другу, перемещаться вперед.

Они так и поступили. Джек оказался слева, Нигли — справа. Ричер до сих пор слышал тиканье громадных часов. Он чувствовал его даже через свинец и толстые доски.

— Хорошо, а теперь делаем вот так. — Ухватившись за концы деревяшки, Джек и Нигли на четвереньках двинулись вперед, пока не уперлись в невысокую стену. Затем, по команде Ричера, они подняли доску и поставили ее на верхнюю часть стены.

— Чуть повыше, чтобы образовалась щель, через которую можно будет смотреть, — скомандовал Джек.

Синхронным движением они еще чуть приподняли доску и приникли к образовавшейся дюймовой щели. Если кто-то задался бы целью внимательно разглядывать колокольню, их бы, скорее всего, заметили. А так импровизация Джека оказалась к месту.

— Смотри на запад, — велел Джек. — Или даже на юго-запад.

Прищурившись на закатное солнце, они принялись наблюдать. Перед ними, словно волнующийся океан, расстилались сорок миль колышущейся золотистой травы. А там, еще дальше, воздвигалась темная стена снеговых туч. Пробивающиеся полотна солнечного света придавали всей картине вид театральной декорации: игра света и теней, начинавшаяся ниоткуда и непонятно где заканчивающаяся.

— Внимательно смотри на пастбище, — посоветовал он.

— А что я должна там обнаружить?

— Сейчас все увидишь сама.

Они стояли на коленях уже несколько минут, а солнце постепенно опускалось к горизонту. Последние лучи слепили им глаза. И тут наконец они одновременно увидели то, чего ожидали. Примерно в миле от них солнце вспыхнуло огнем на золотистой крыше «шевроле», ползущего по траве. Машина двигалась по пастбищу очень медленно, но неотвратимо приближалась к ним, мягко покачиваясь на неровностях почвы.

— Они оказались достаточно умны, — кивнул Ричер. — Они хорошо изучили карту и решили поступить так же, как хотела ты сама, если бы оказалась на их месте, то есть после окончания операции ретироваться на запад, не пользуясь дорогой, а прямо по траве. Но затем они провели разведку в городе и поняли, что и добираться к месту проведения акции следует тем же путем.

Далеко на западе солнце провалилось в низкие облака, и на восток по пастбищу побежала полоса тени. Золотой отблеск померк. Сумерки наступили стремительно, словно кто-то выключил электричество. Ричер и Нигли, выпустив из рук доску, поползли по свинцовой кровле обратно к люку. Оказавшись внутри, Нигли проползла под механизмов часов и взяла свой "Хеклер и Кох ".

— Еще не время, — покачал головой Ричер.

— Когда же?

— А что сейчас будут делать они?

— По-моему, постараются подобраться по возможности ближе, а потом примутся выжидать.

Ричер кивнул.

— Они развернут свой фургон к западу в какой-нибудь низине на расстоянии в сто или сто пятьдесят ярдов отсюда. Затем проверят положение машины, чтобы убедиться в одном: они видят все, но их не видит никто. Вот только тогда они оборудуют позицию и станут ждать появления Армстронга.

— Но до этого момента остается еще четырнадцать часов.

— Именно, — кивнул Джек. — И мы оставим их здесь на всю ночь. Пусть хорошенько замерзнут, устанут и вымотают себе нервы. А потом солнце ударит им прямо в глаза. Мы явимся за ними вместе с восходом. Они даже не заметят нашего появления.

* * *

Они спрятали длинноствольное оружие под церковной скамейкой, ближайшей к дверям, и оставили «юкон» там, где он был припаркован. Затем пешком прошлись до моста и сняли две комнаты в местном пансионе, после чего направились в продуктовый магазин за едой. Солнце уже скрылось за горами, и стало совсем холодно. В воздухе порхали снежинки: большие и пушистые, они словно гонялись друг за дружкой и не желали опускаться на землю, а если все же это происходило, то тут же снова взмывали вверх, словно крохотные птички.

Прилавки с продуктами уже были пусты, но женщина в магазине предложила разогреть им в микроволновке что-нибудь из холодильника. Похоже, она посчитала Ричера и Нигли передовым отрядом Секретной службы. Казалось, весь городок уже в курсе, что церковь посетит Армстронг. Женщина разогрела пирожки с мясом и какое-то овощное месиво. Расположившись за темным прилавком, Ричер и Нигли быстро покончили с едой, посчитав ее не хуже, чем стандартный полевой рацион. Деньги за угощение с них брать отказались.

Комнаты в пансионе оказались чистыми, о чем и уведомляла вывеска. Стены обиты сосновыми досками, на полах — мягкие ковры. В каждой комнате стояло по кровати с цветастыми покрывалами, столько раз стиранными, что они казались прозрачными на вид. Ванная комната располагалась в конце коридора, и Ричер уступил Нигли комнату

поближе к ней. Однако женщина не торопилась уединяться в своем номере, так как нервное напряжение требовало общения. Они устроились в комнате у Джека, сев рядом на кровати, поскольку другой мебели здесь не оказалось.

— Нам придется противостоять заранее подготовленной позиции, — заметила Нигли.

— Двое нас против двоих головорезов, — ответил Ричер. — И ты теперь начала волноваться?

— Обстоятельства усложнились.

— Тогда повтори для меня, что это не я заставляю тебя делать все это?

— Тебе одному не справиться.

Джек покачал головой.

— Я мог бы сделать все это в одиночку, одной рукой и даже при условии, что у меня голова будет закрыта мешком.

— Но нам ничего о них не известно.

— Тем не менее, мы можем оценить их возможности. Тот высокий парень, которого я видел в Бисмарке, является у них стрелком, а второй прикрывает его и водит машину. Старший брат и младший брат. Они будут поддерживать друг друга до конца — ведь их связывают кровные узы и братская солидарность. Да все в этом деле касается их обоих. И объяснить это тому, кто никогда не имел брата, было бы слишком сложно. Ты же никогда не смогла бы подойти к первому встречному и сказать: «Послушай, старина, я хочу пристрелить одного типа, потому что как-то раз он грозился засунуть мне в задницу обломок бейсбольной биты, а я был вынужден умолять его о пощаде».

Нигли промолчала.

— И я не прошу тебя принимать участия в этом деле.

Нигли улыбнулась.

— Да ты законченный идиот. Я же беспокоюсь за тебя, а не за себя.

— Ну, со мной-то уж точно ничего не случится, — заявил Ричер. — Я умру глубоким стариком на какой-нибудь койке в одноместном номере далекого мотеля.

— Значит, для тебя это дело тоже означает братскую солидарность. Я угадала?

Джек кивнул.

— Наверное. Мне абсолютно наплевать на Армстронга. Мне нравилась Фролих, а если бы не мой брат, я бы с ней никогда не познакомился.

— Так, значит, ты все же испытываешь одиночество?

— Иногда. Крайне редко.

Нигли очень медленно протянула руку, и ее пальцы застыли в дюйме от ладони Ричера. Этот последний дюйм дался ей, словно тысяча миль. Ее пальцы непостижимо незаметно двигались по выцветшему покрывалу, пока не замерли в миллиметре от пальцев Джека. Еще одно долгое и плавное движение: ее ладонь приподнялась и застыла над рукой Ричера. Казалось, их разделял слой воздуха, вдруг ставшего горячим и жидким. Наконец Нигли смогла преодолеть это расстояние, и ее ладонь легко опустилась на тыльную сторону кисти Ричера. Она развернула локоть так, что ее пальцы совпали с пальцами Джека, и надавила. Ее ладонь оказалась теплой, а длинные пальцы — прохладными. Их кончики улеглись на средние фаланги пальцев Ричера. Мягкие подушечки пальцев женщины скользили по рубцам и шрамам, покрывавшим кожу его руки. Джек перевернул ладонь, и их пальцы переплелись в дружеском пожатии.

Он держал ее ладонь долгие пять минут. Затем она аккуратно и очень медленно убрала руку, поднялась и, улыбнувшись, направилась к двери.

— Увидимся утром, — произнесла Нигли.

* * *

Он спал плохо и проснулся около пяти, взбудораженный тем, что игра близится к завершению. Его тревожили не решенные пока проблемы. Откинув покрывало, Джек выбрался из постели. Оделся, не зажигая света, и вышел в темноту. На улице было жутко холодно, и в воздухе крутились снежинки. Теперь хлопья снега выглядели мокрыми и тяжелыми. Непогода продвигалась на восток, что было на руку ему и Нигли.

Вокруг не было видно ни единого огонька. Все окна в городке оказались темны, уличных фонарей здесь никогда и не было, и даже луна и звезды словно отказывались появляться на небе в эту ночь. Церковная колокольня призрачно возвышалась где-то не слишком далеко. Джек зашагал по грунтовой дороге, прошел через кладбище, отыскал церковную дверь и пробрался внутрь. По лестнице он поднимался на ощупь. Ночью гигантский часовой механизм звучал куда громче, чем днем. Сейчас Джеку даже показалось, что это какой-то безумный кузнец бьет молотом по своей наковальне с завидной регулярностью — по одному удару в секунду.

Поднырнув под часовой механизм, Джек очутился у второй приставной лестницы, взобрался по ней и вскоре очутился на крыше церкви, прополз к западной стене и чуть высунул голову. Дальние горы оказались скрытыми темнотой. Сейчас Джек ничего не видел и ничего не слышал в морозном воздухе. Ричер замер и принялся ждать.

Так прошло с полчаса. В конце концов у Ричера заслезились глаза и он принялся шмыгать носом. Кроме того, его охватила сильная дрожь. «Ну, если я тут успел так замерзнуть за какие-то тридцать минут, то они, наверное, уже умерли от холода», — подумал он. И тут он услышал именно тот звук, которого так долго ждал. Где-то далеко завелся мотор «шевроле». В тишине его было отчетливо слышно. Машина находилась где-то на западе, может быть, на расстоянии в двести ярдов от церкви. Мотор работал целых десять минут, давая возможность пассажирам хоть немного согреться. Джеку не удалось определить точного местонахождения фургона по одному только звуку мотора, но вскоре преступники совершили очередную ошибку. На этот раз роковую. Они на секунду включили в салоне свет, и этого Джеку было достаточно. Он успел отметить, что машина находилась в небольшом углублении, полностью скрытая от глаз, на юго-западе, в ста пятидесяти ярдах от церкви. Расположение преступники выбрали великолепное, наверное, они планировали стрелять прямо из машины. Чего проще: устроиться на крыше, прицелиться, выстрелить, спрыгнуть, забраться в салон и быстро ретироваться.

Джек уперся ладонями в стену и запомнил то место, где недавно вспыхнул свет лампы, относительно расположения церковной колокольни. Сто пятьдесят ярдов по прямой на запад, затем еще тридцать на юг по перпендикуляру. После этого он вернулся внутрь колокольни, прополз под часовым механизмом, спустился вниз, достал из-под скамейки длинноствольное оружие и перепрятал его под стоящим неподалеку «юконом». Ему не хотелось укладывать винтовку и автомат в салон машины: не стоило отвечать на вспышку света, поданную преступниками по ошибке, своей собственной промашкой.

После этого он вернулся в пансион и увидел, как Нигли выходит из своей комнаты. Часы показывали почти шесть. Нигли успела принять душ и одеться. Они зашли в номер Джека, чтобы еще раз поговорить.

— Ты так и не смогла заснуть? — поинтересовался Ричер.

— Я давно не сплю, — подтвердила она. — Они все еще там?

Джек кивнул.

— Только у нас возникла проблема. Мы не сможем взять их на том месте. Нужно, чтобы они передвинулись.

— Почему?

— Они расположились слишком близко к домам. Мы не имеем права начинать Третью мировую войну за час до появления здесь Армстронга. И мы не можем оставить два трупа лежать в ста пятидесяти ярдах от города. Люди нас уже видели. Очень скоро здесь появятся полицейские из Каспера, а может быть, и патрульные штата. Тебе следует подумать о своей лицензии. Вот поэтому мы должны заставить их отъехать куда-нибудь подальше, и там расправиться с ними. Лучше всего на запад, туда, где идет снег. Этот снегопад не прекратится, наверное, до самого апреля. А это именно то, что нам требуется. Я хочу, чтобы все свершилось подальше от города и так, чтобы до апреля никому из местных жителей и в голову не пришло, что здесь вообще что-то происходило.

— Хорошо, но как нам это сделать?

— Они пошли по пути Эдварда Фокса. Они не собираются принять жребий Джона Малковича. Они надеются прожить еще очень долго. И если мы все сделаем правильно, то сумеем заставить их уехать на достаточно большое расстояние.

* * *

Они вернулись к «юкону» в половине седьмого. Снежинки продолжали кружиться в воздухе, но небо на востоке уже понемногу начинало светлеть. У самого горизонта появилась темно-пурпурная полоса, над ней — антрацитово-серая, а весь остальной небосклон пока что заливала густая черная краска. Джек и Нигли тщательно проверили оружие, убедились в том, что шнурки ботинок завязаны, «молнии» застегнуты и одежда не мешает движениям. Ричер надел шляпу и перчатку на левую руку. Нигли сунула «Стейер» во внутренний карман, а автомат повесила за спину.

— Увидимся позже, — шепнула она и решительно направилась на запад, в сторону кладбища. Джек увидел, как она перешагнула через невысокую ограду, затем свернула на юго-запад и вскоре исчезла в темноте. Сам Ричер вернулся к основанию колокольни, прижался к ее западной стене и еще раз мысленно восстановил положение «шевроле». Затем вытянул руку в нужном направлении и немного отошел назад, продолжая держать цель «в вилке». Затем положил M16 на землю, дулом на юго-запад. После этого отошел к «юкону» и, облокотившись о багажную дверь, принялся ждать рассвета.

Он наступил во всем своем великолепии и красоте. Пурпурная полоса стала светлеть и краснеть, а ее нижняя часть изогнулась вверх, и вдруг все небо осветилось полосами света. Затем, где-то у Южной Дакоты, за много миль, на небе возникло оранжевое гало, и земля словно преклонилась перед ним, и вот самый первый солнечный сегмент будто

взорвался над горизонтом. Небо озарилось розовым светом, а длинные высокие облака загорелись ярко-красным. Ричер наблюдал за солнцем, пока оно не поднялось настолько, что стало слепить глаза, и лишь затем отпер «юкон», устроился на водительском сиденье и включил зажигание. Взревел мотор, и Джек вывернул громкость радиоприемника на полную мощность. Затем он принялся подыскивать подходящую мелодию, пока не наткнулся на популярный рок-н-ролл. Оставив дверцу машины открытой, Джек позволил музыке врываться в утреннюю тишину, нарушая покой мирно спящего городка. Затем он вскинул винтовку, предварительно сняв ее с предохранителя, и пальнул очередью из трех выстрелов наугад, в том направлении, где в густой траве прятался «шевроле». Почти в ту же секунду ему ответила Нигли такими же тремя выстрелами. Ее автомат имел большую скорострельность и более отчетливый звук. Нигли обошла «шевроле» сзади и, находясь сейчас в сотне ярдов к югу от него, приближалась к машине. Ричер снова выстрелил с востока, Нигли послушно ответила ему с юга. Четыре залпа эхом прокатились по бескрайним пастбищам, словно желали донести до преступников ценную информацию: Мы… знаем… что вы… здесь!..

Джек выждал ровно тридцать секунд, как и было запланировано. Оттуда, где должны были находиться преступники, не последовало никакой ответной реакции. Ни света фар, ни движения, ни стрельбы. Джек снова поднял винтовку, хорошенько прицелился и выстрелил: «Мы!». Слева от него где-то вдали загрохотал «Хеклер и Кох»: «Знаем!». Он выстрелил еще раз: «Что вы!». Нигли не заставила себя ждать: «Здесь!».

И снова тишина. Джек на секунду задумался: а не успели ли преступники скрыться за последний час? Или у них хватило ума, чтобы потихоньку уехать в город? Было бы большой глупостью с их стороны атаковать сотрудников Секретной службы, за которых они приняли Ричера и Нигли, на восходе солнца. Ричер огляделся, но не увидел ничего, кроме зажигающихся огоньков в окнах ближайших домов, и не услышал ничего интересного, кроме шума в собственных ушах да оглушительного ритма рок-н-ролла. Он повернулся, готовый снова выстрелить, и в эту секунду «шевроле» рвануло из травы вперед, где-то в ста пятидесяти ярдах от него. Утреннее солнце блеснуло золотом на багажной дверце автомобиля. Машина подпрыгнула в воздухе, оторвав от земли все четыре колеса, затем с невероятным грохотом опустилась и помчалась прочь от Джека в направлении на запад.

Ричер швырнул винтовку на заднее сиденье «юкона», захлопнул дверцу. Выключил радио и погнал машину вперед прямо через кладбище. С легкостью пробив деревянную ограду, он вскоре очутился на пастбище и, описав дугу, направился на юг. Почва оказалась ужасной. Машину

заносило из стороны в сторону, она то и дело подпрыгивала на кочках и проваливалась в небольшие промоины. Одной рукой вцепившись в руль, Джек изловчился и другой рукой пристегнул ремень безопасности, причем затянул его как можно туже, чтобы оставаться на месте, а не болтаться по всему сиденью. Вскоре слева от машины он увидел Нигли, несущуюся ему навстречу. Джек нажал на тормоза, и женщина, извернувшись, сумела открыть заднюю дверцу автомобиля и прыгнуть на сиденье позади Джека. Он нажал на педаль газа, а Нигли, захлопнув дверцу, умудрилась перебраться вперед и устроиться рядом с Ричером. Пристегнувшись ремнем, Нигли зажала автомат между колен и ухватилась за приборную доску так, словно каталась на экстремальном аттракционе в парке развлечений.

— Великолепно, — тяжело дыша, вымолвила она. Джек продолжал гнать машину вперед. Повернул на север и обнаружил там смятую колесами «шевроле» полосу травы. Устроившись посреди этой «тропы», он прибавил газу. Поездка оказалась страшней «русских горок». Машина то взлетала вверх, становясь невесомой, то с грохотом опускалась на землю, грозя развалиться на части, но тут же снова взмывала ввысь. Мотор ревел, а руль будто ожил и пытался то и дело переломать Джеку пальцы. Ричер вытянул их вперед, стараясь управлять при помощи одних только ладоней. Теперь он боялся за то, что расшатается рулевая колонка.

— Ты их видела?! — прокричал Джек.

— Еще нет! Они могут быть уже на триста ярдов впереди нас!

— Я боюсь, что у нас машина рассыплется!

И он еще сильней нажал на педаль газа. Скорость «юкона» составляла пятьдесят миль в час, затем возросла до шестидесяти. И чем быстрее ехала машина, тем меньше ее трясло и подбрасывало, потому что она все меньше времени проводила на земле.

— Я вижу их! — внезапно закричала Нигли.

Преступники находились в двухстах ярдах впереди. Их машина то показывалась, когда взлетала над травой, то исчезала, попадая в очередную низину: словно бешеный золотистый дельфин, резвящийся в бушующем океане. Ричер продолжал давить на газ, и ему удалось немного приблизиться к «шевроле». Джек имел то преимущество, что преступники прокладывали ему дорогу в густой траве. Еще через сто ярдов он приноровился к гонке. Мотор ревел, бренчала подвеска.

— Они смогут оторваться от нас! — прокричал Джек.

— Но спрятаться не сумеют! — отозвалась Нигли.

Через десять минут гонки они уже находились в десяти милях к западу от Грэйс и чувствовали себя так, словно их здорово помяли в драке. Руки Ричера ныли от напряжения, плечи сводило, а голову, которой он постоянно бился о крышу, мучила боль. Мотор пока продолжал уверенно тянуть машину вперед, но для этого приходилось прилагать все силы, чтобы удерживать педаль акселератора выжатой. Нигли, пристегнутую ремнем, болтало во все стороны, и она оставила попытки удержать автомат в руках, чтобы не отбить локти.

Еще через десять миль местность изменилась, и они оказались в центре того самого «ничто». Городок Грэйс остался в двадцати милях позади, а впереди, также в двадцати милях, тянулось шоссе. Равнина постепенно повышалась, и оказывалась все больше изрезана оврагами. Кое-где начали попадаться выходы скальных пород, а трава, утратив густоту, стала более тонкой, так как корни уходили в почву неглубоко. Земля была покрыта шестидюймовым слоем снега, из-под которого, словно щетина, торчали кончики обледеневшей травы. Обе машины, разделенные сотней ярдов, заметно снизили скорость. Через некоторое время погоня вообще замедлилась до смехотворных двадцати миль в час. Машины то сползали вниз по склонам под углом в сорок пять градусов, зарываясь радиаторами в наметенный снег, то вновь, включив полный привод, карабкались вверх из оврагов, глубиной в десять, а то и пятнадцать футов. Западный ветер продолжал гнать снежные заряды. Хлопья почти горизонтально летели навстречу машинам. В некоторых местах, с наветренной стороны, образовывались целые сугробы.

— Мы можем завязнуть в снегу, — забеспокоилась Нигли.

— Раз они бросились в эту сторону, — отозвался Ричер, — значит, рассчитывают выбраться.

Каждый раз, когда «шевроле» нырял в овраг, преследователи теряли его из виду, пока он не начинал карабкаться на противоположную сторону. Погоня утратила свой первоначальный ритм и скоординированность: теперь оба фургона бестолково ныряли по бесконечным оврагам. Скорость стала совсем уж черепашьей. Ричер вел машину на пониженной передаче. Далеко на западе, неуклонно надвигаясь на них, бушевала снежная буря.

— Пора, пожалуй, — решил Джек. — Как только они окажутся на дне очередного оврага, можно начинать. Их не найдут до самой весны.

— Хорошо. Действуем, — кивнула Нигли.

Она открыла окно, и в машину ворвался снежный вихрь. Вскинув «Хеклер и Кох», Нигли переключила его на полный автоматический огонь. Ричер увеличил скорость и преодолел два следующих оврага так быстро, как только был способен. Затем он нажал на тормоза и вывернул

руль влево. Машину занесло, и она оказалась стоящей пассажирской дверцей к оврагу. Нигли высунулась из окна и, как только золотистый «шевроле» начал подниматься по склону, выпустила длинную очередь, целясь по задним колесам и бензобаку. Машина преступников на какое-то время замерла в высшей точке подъема, потом перевалила через гребень и скрылась из виду.

Ричер вывернул колеса и, нажав на газ, пустился вдогонку. Эта остановка стоила им проигрыша ярдов в сто. Преодолев три следующих один за другим оврага, «юкон» выехал на край четвертого и остановился. Они выждали десять секунд, пятнадцать, «шевроле» не появлялся. Двадцать секунд. Тридцать.

— Что за черт?! — не выдержал Ричер.

Вновь «юкон» преодолевал овраг за оврагом, то скатываясь по гладкому склону, то карабкаясь и увязая в глубоком снегу, пока не выбрался на край глубокого ущелья. Ричер обратил внимание на то, что впереди, на другой стороне, следы «шевроле» оказались занесенными и сглаженными поземкой. Этим путем преступники следовали в городок. Свежие же следы колес сворачивали направо по дну ущелья и терялись за поворотом, скрытым выходами скальных пород. Ветер из ущелья нес снег снизу вверх, прямо в лобовое стекло «юкона».

«Время и пространство», — подумал Ричер. Четыре измерения. Классическая проблема тактики. «Шевроле» мог описать по оврагу дугу, выбраться наверх и вернуться по своим же следам, чтобы оказаться возле церкви в нужное время, как раз перед приземлением вертолета с Армстронгом. Но преследовать преступников вслепую было бы равносильно самоубийству: возможно, они никуда и не возвращаются, а просто поджидают «юкон» за ближайшим поворотом. Ричер взглянул на часы. Время принятия решения. Гонка продолжалась минут тридцать, значит, возвращение займет также полчаса, а Армстронг прилетит через час.

— Не боишься замерзнуть? — спросил он Нигли.

— Альтернативы все равно нет, — отозвалась женщина, открыла дверцу и выскользнула наружу, в снег. Неуклюже, проваливаясь в снег, она побежала направо через скалы, к месту предполагаемого разворота «шевроле». Джек снял ногу с педали тормоза и поехал вниз по склону. Резко вывернув руль вправо, он двинулся по следам, оставленным «шевроле» — это было наилучшим решением. Если преступники возвращаются назад к церкви, он не может ждать их вечно. Но и нет смысла осторожничать, неторопливо двигаясь к городку, ведь к тому времени, когда он туда доберется, Армстронга уже прикончат. Если же впереди его ждет засада, он не против вступить в бой, тем более, что

Нигли с автоматом в руках окажется за спиной его противников — а это почти гарантия успеха.

Но никакой засады впереди не оказалось. Достигнув поворота, Ричер увидел лишь колеи от «шевроле» на заснеженной равнине да стоящую в пятидесяти ярдах от него Нигли, вскинувшую автомат над головой, что должно было означать «вокруг все чисто». Машина подпрыгивала на скрытых под снегом камнях. Ричер затормозил. Фургон накренился, его занесло, и он встал, попав передними колесами в засыпанную снегом яму. Нигли потянула дверцу на себя, и вслед за женщиной в машину ворвался ледяной воздух.

— Гони! — скомандовала она, задыхаясь. — Сейчас они опережают нас как минимум на пять минут.

Джек нажал на газ, но колеса забуксовали: задние визжали, а передние все глубже зарывались в снег.

— Вот дерьмо! — выругался Ричер.

Он попробовал еще раз, и с тем же результатом. Фургон трясло, но он не двигался с места. Переключив передачу, Джек попытался тронуться, но снова неудачно. Затем, переключая коробку передач с задней на первую скорость и обратно, он принялся газовать, все больше и больше раскачивая машину. Сначала удалось выиграть шесть дюймов, потом целый фут. Но машина не собиралась покидать канаву.

Нигли посмотрела на часы.

— Они опережают нас и могут успеть туда вовремя.

Ричер кивнул, продолжая терзать двигатель и коробку передач, но положение машины не изменилось. Шины завывали на снегу, превратившемся в лед.

— Армстронг уже в воздухе, — констатировала Нигли. — А машина возле церкви не припаркована. Следовательно, они приземлятся.

Ричер взглянул на свои часы, пытаясь справиться с охватившей его паникой.

— Займи мое место, — велел Джек. — И делай то же самое. — Он отстегнул ремень, достал перчатки и выпрыгнул из машины. — Если она тронется, ни за что не останавливайся.

Обежав «юкон», он потоптался, пока его ноги не нашли твердую опору в виде большого камня. Нигли перелезла на водительское сиденье и заставила раскачиваться машину так же, как это делал Ричер. Вперед — назад, вперед — назад. Амплитуда движения увеличилась до полутора футов. Ричер упирался спиной в багажник, вцепившись руками в задний

бампер. Когда машина подавалась назад, он перемещался вместе с ней, а при движении вперед — с силой выпрямлял ноги, упираясь всем телом в багажник. Протекторы покрышек забивались снегом, и крутящиеся колеса выбрасывали вверх белые кувыркающиеся иероглифы. Выхлопные газы клубились у колен Джека. Он, пошатываясь, снова и снова пытался вытолкнуть машину. Теперь фургон перемещался уже на два фута в каждую сторону. Джек сильнее стиснул пальцы. Западный ветер дул и дул ему в лицо, бросая пригоршни снега. Джек начал считать: раз, два… три. Раз, два… три. Фургон начал преодолевать уже три фута, а Ричер все продолжал считать. Раз, два… три. Наконец, на последний счет «три» он налег на багажник изо всех сил и почувствовал, что фургон выбрался из снежной западни, но в тот же момент снова угодил в нее и больно двинул его в спину. Ричер чуть было не упал, но сохранил равновесие и, вновь принялся раскачивать машину в том же ритме. Невзирая на мороз, он изрядно вспотел. Раз, два… три. Неожиданно фургон буквально исчез: спина потеряла опору, и Ричер опрокинулся на снег.

Выкатившись из облака удушливых выхлопных газов, Ричер увидел, что машина проехала уже двадцать ярдов. Нигли старалась вести «юкон» как можно медленней, и Джек, оскальзываясь и спотыкаясь, бросился вдогонку. Дорога уходила на подъем, и Нигли пришлось подбавить газу, чтобы не остановиться. Джек бежал изо всех сил, но машина неуклонно уходила от него. Чтобы не скользить, он глубоко врывал носки ботинок в снег. На самом верху подъема Нигли замедлила движение. Побалансировав некоторое время наверху, «юкон» медленно перевалил через гребень. Ричер успел во всех подробностях рассмотреть брюхо машины: и топливный бак, и дифференциал. Через несколько секунд Нигли притормозила, и Джек, успев ухватиться за ручку двери, заскользил вместе с машиной вниз по склону. Хотя скорость была достаточно велика, Ричер сумел втянуть себя на сиденье, захлопнуть дверь, и Нигли тут же изо всех сил нажала акселератор. Катание на «русских горках» продолжилось.

— Время?! — закричала женщина.

Пытаясь унять дрожь в руках, Ричер взглянул на часы. Он еще задыхался и говорить пока не мог, а потому лишь помотал головой. Они опаздывали уже минут на десять, и это десять минут могли стать критическими. «Шевроле» мог добраться до своего первоначального места за две минуты, а еще через пять должен был приземлиться вертолет с Армстронгом. Нигли продолжала вести машину на полной скорости. Ричера, не имеющего теперь опоры в виде руля, мотало на сиденье из стороны в сторону. Он, как мог, боролся со своей «невесомостью» и сыплющимися на него ударами, время от времени поглядывая на часы. Он всматривался через лобовое стекло в небо на

востоке. Солнце било ему прямо в глаза. Ричер окидывал взглядом окрестности, но «шевроле» нигде не было видно, лишь две колеи тянулись к горизонту. Они, словно две стрелы, указывали направление на Грэйс, и переливались в лучах утреннего солнца россыпями желтовато-красных кристаллов.

Внезапно следы изменили направление: колеи свернули на девяносто градусов и исчезли в небольшом овраге.

— Что делать?! — крикнула Нигли.

— Следуй за ними!

Овраг, узкий, словно канава, круто уходил вниз. Следы «шевроле» были ясно видны на протяжении следующих пятидесяти ярдов, а потом скрывались за скалой размерами с небольшой домик. Нигли резко затормозила и остановила машину. Мозг Ричера лихорадочно заработал: «Засада? Здесь?» Нигли снова нажала на газ, крутанув рулем, поставила «юкон» в колеи «шевроле», и двухтонный фургон устремился вниз по ледяному склону. Внезапно из своего укрытия задним ходом, наперерез «юкону» вывернулся «шевроле». Нигли выбросилась из машины в снег прежде, чем та остановилась. Вскочив, женщина бросилась бежать, забирая к северу. «Юкон», оставшись без управления, крутанулся несколько раз вокруг своей оси и увяз в сугробе так, что дверцу Ричера заклинило. Он налег на нее всем весом, приоткрыл и с трудом выбрался наружу. Он увидел, как водитель «шевроле» выскочил на снег. Ричер откатился в сторону и вырвал из кармана свой «Стейер», затем бросился к «юкону», обогнул его сзади и пополз по снегу с другой стороны. Водитель «шевроле» держал в руках винтовку, водил дулом из стороны в сторону, и, скользя по снегу, пытался добежать до скалы, ища за ней укрытие. Это был тот самый полицейский из Бисмарка. Сомнений у Ричера на этот счет уже не оставалось. Долговязый, худощавый, с вытянутым лицом. На нем было то же самое пальто, что и в первую их встречу. Он с трудом пробирался через сугробы, и полы его пальто развевались и хлопали при каждом шаге. Ричер поднял «Стейер», положил руку на крыло «юкона» и прицелился парню в голову. Но в тот момент, когда он хотел нажать на спусковой крючок, сзади неожиданно послышался чей-то твердый и громкий голос:

— Не стрелять.

Джек обернулся и увидел в десяти ярдах к северо-западу второго парня. Нигли, спотыкаясь в глубоком снегу, шла перед ним. В левой руке парень нес ее «Хеклер и Кох», в правой держал пистолет, направленный в спину женщине. Ричер сразу узнал его. Это был тот самый тип с видеопленки, который подсунул письмо в будку охранника в гараже Секретной службы. То же пальто из твида, и тот же парень: широкоплечий и приземистый. На этот раз он был без шляпы. Лицом

преступник походил на своего товарища из Бисмарка, только был намного упитанней. Такие же седеющие светлые волосы, только погуще. Да, они действительно были братьями.

— Бросьте оружие, сэр, — приказал коротышка.

Эта привычная фраза полицейского была произнесена так, как и следовало ее произнести идеальному полицейскому. Нигли беззвучно прошептала одними губами: «Прости». Ричер перевернул пистолет в руке и теперь держал его за ствол.

— Бросьте оружие, сэр, — повторил невысокий парень.

В это время его брат из Бисмарка изменил направление, и теперь приближался к ним. Он вскинул винтовку, и Ричер увидел, что это был «Стейер» — длинное и красивое ружье, покрытое снегом и направленное в голову Джека. При низком утреннем солнце винтовка отбрасывала тень футов в десять. «А как же с той кроватью в одноместном номере далекого мотеля?» — подумалось Ричеру. В морозном воздухе продолжали кружиться бесчисленные снежинки. Он отвел руку назад и подбросил пистолет высоко в воздух. Тот пролетел по дуге футов на тридцать в сторону и навсегда затерялся где-то в лощине под снегом. Парень из Бисмарка повозился в кармане левой рукой и достал значок полицейского. Высоко поднял его на ладони, и Джек увидел, что значок закреплен на потертом коричневом кожаном чехле. Ствол винтовки качнулся в сторону. Потом парень спрятал значок в карман, и, продолжая целиться в голову Джека, объявил:

— Мы полицейские.

— А нам это хорошо известно, — кивнул Ричер и огляделся. Снегопад усиливался. Расселина, в которой они очутились, напоминала пещеру без свода и представляла собой, наверное, самое уединенное и Богом забытое место на всей планете. Парень с видеопленки подтолкнул Нигли вперед. Она споткнулась и чуть не упала, но он успел подхватить ее и, отпихнув в сторону, уткнул дуло пистолета ей в спину.

— А кто вы такие? — поинтересовался парень из Бисмарка.

Ричер не ответил ему. Они изучил свое положение и остался им недоволен: сейчас он находился в вершине треугольника, и до обоих преступников было по двенадцать футов, а снег под ногами оказался на удивление скользким.

— Вы приехали сюда, чтобы защитить демократию? — улыбнулся парень из Бисмарка.

— Я приехал сюда, потому что стрелок из тебя говенный, — ответил Ричер. — Ты подстрелил в четверг совсем не того человека. — Затем он

осторожно изменил свое положение, аккуратно отодвинул манжет и, взглянув на часы, улыбнулся. — И вот теперь ты снова проиграл. Уже поздно что-либо предпринимать. Тебе не успеть.

Но парень из Бисмарка лишь покачал головой.

— У нас в машине есть полицейский сканер, и мы постоянно слушаем сообщения из Каспера. Армстронг запаздывает на двадцать минут. В Южной Дакоте непогода, поэтому мы решили немного поразвлечься и позволить вам догнать нас.

Ричер промолчал.

— Потому что вы нам не нравитесь, — пояснил парень из Бисмарка. Он говорил, не опуская винтовки, и его губы почти касались приклада. — Вы суете нос туда, куда вас не просят. У нас чисто личное дело, и вас оно никоим образом не касается. Так что можете считать, что я вас арестовал. Вы признаете свою вину?

Ричер молчал.

— Может быть, вы хотите попросить меня о чем-то?

— Как вы просили в свое время? Или, вернее, умоляли? Когда бейсбольная бита была слишком близко от вас?

Парень опешил.

— Это вам не поможет, — наконец вымолвил он.

Наступила тишина. Затем парень из Бисмарка снова заговорил:

— Суд присяжных вернулся.

— Какой суд?

— Это я и мой брат. Других присяжных не будет. Сейчас мы для вас представляем весь мир.

— Но с тех пор, как с вами случилось это, минуло уже целых тридцать лет!

— Если парень делает что-то подобное, он должен заплатить за это рано или поздно.

— Тот парень давно умер.

Полицейский из Бисмарка пожал плечами. Ствол ружья качнулся.

— Надо внимательней читать Библию, приятель. Грехи отцов — ты что-нибудь об этом слышал?

— Какие еще грехи? Ты проиграл эту битву, вот и все.

— Мы никогда не проигрываем. Рано или поздно победа все равно оказывается на нашей стороне. А Армстронг все это видел. Сопляк, сынок богатеньких родителей, он улыбался и насмехался над нами. Настоящий мужчина такого никогда не забудет.

Ричер промолчал. Тишина стояла оглушающая. Было слышно, как каждая отдельная снежинка кружится в воздухе, чуть присвистывая и потрескивая. «Не давай ему умолкнуть! — мысленно приказал себе Ричер. — И пусть перемещается, только чтобы он не стоял неподвижно, как статуя!» Однако, едва взглянув в эти безумные глаза, Джек понял, что не может придумать ни одной достойной фразы для поддержания разговора.

— Женщина поедет в нашем фургоне, — продолжал долговязый. — После того, как мы разделаемся с Армстронгом, мы позабавимся и с ней. А вот тебя мне придется пристрелить прямо сейчас.

— Но только не из этой винтовки. «Не давай ему умолкнуть! — повторял про себя Джек. — Сделай так, чтобы он сдвинулся с места!» — У нее ствол забит снеговой кашей. Она же попросту взорвется у тебя в руках.

Наступила долгая пауза. Парень прикинул расстояние от себя до Ричера, для этого ему хватило одного взгляда. Потом он повернул винтовку дулом к себе, чтобы проверить, насколько оно чисто. Ричер не обманул его: ствол оказался забитым снегом. «Моя винтовка находится на заднем сиденье „юкона“, — подумал Ричер. — Но дверь машины так просто тоже не открыть — помешает сугроб».

— Ты хочешь поспорить, что мое ружье не выстрелит из-за какого-то снега? — удивился долговязый. — Ставка — твоя жизнь.

— А ты готов рискнуть? — усмехнулся Ричер. — Ну, смотри: я говорю, что казенная часть разнесет твою уродливую физиономию, а потом я заберу у тебя ствол и засуну тебе в задницу, представив, что это и есть та самая бейсбольная бита.

Парень побагровел от злости, но на курок нажимать все же не стал.

— Отойди от машины, — властно приказал он, как и следовало настоящему полицейскому.

Ричер с трудом сделал пару шагов, увязая в снегу.

— Дальше.

Он сделал еще шаг. Сейчас Джек находился в шести футах от машины и, следовательно, в шести футах от своей винтовки. И в тридцати футах от своего брошенного пистолета. Далековато. Он огляделся. Братец из

Бисмарка, продолжая держать винтовку в левой руке, правой достал откуда-то из-под пальто пистолет «глок», черный и отвратительный. Скорее всего, свое личное оружие полицейского. Сняв его с предохранителя, он нацелился Ричеру в лицо.

— Ну, и не из этого оружия, — фыркнул Ричер.

Не дай ему умолкнуть. И пусть не стоит на месте.

— Это еще почему?

— Это же твое рабочее оружие. Скорее всего, тебе уже приходилось им пользоваться. Значит, когда мое тело будет обнаружено, специалисты по баллистике очень быстро выйдут на тебя.

Долговязый очень долго соображал и ничего не говорил. На лице его тоже не отобразилось ровным счетом ничего. Однако через некоторое время он все же спрятал свой «глок». Подхватил винтовку и не спеша направился к «шевроле». Дуло винтовки было направлено куда-то в грудь Джека. «Ну что тебе стоит нажать на курок? — размышлял Ричер. — И мы все тогда повеселимся». Парень повозился у машины, открыл дверцу и, швырнув винтовку в снег, достал из машины пистолет. Это была старая «беретта M9», поцарапанная, с пятнами засохшего масла на ней. Так же неторопливо парень вернулся на прежнее место и сделал еще несколько шагов вперед, оказавшись на расстоянии шести футов от Джека.

Поднял пистолет в руке, снял его с предохранителя и прицелился Ричеру в лицо.

— Это оружие никому уже не принадлежит, — заявил долговязый. — И меня никто по нему не обнаружит.

Ричер промолчал.

— Ну, теперь скажи всем «спокойной ночи», — прошептал парень из Бисмарка.

Никто не шевелился.

— Мне жутко повезло, — негромко произнес Ричер. — Щелк!

Он смотрел прямо в ствол пистолета. Краем глаза ему была видна Нигли, ничего не понявшая из его слов, но, тем не менее, утвердительно кивнувшая ему. Она лишь на какую-то долю секунды прикрыла веки, но Джеку этого оказалось достаточно. Парень из Бисмарка улыбнулся и напряг палец так, что костяшки побелели, и наконец нажал на курок.

Вместо выстрела пистолет издал глухой щелчок.

Одновременно с ним Ричер вылетел вперед, сжимая уже раскрытый нож с керамическим лезвием, которым в ту же секунду полоснул долговязого по лбу. Затем, ухватившись за ствол «беретты», он резко дернул его сначала вверх, а потом вниз, ломая парню предплечье о свое колено. Оттолкнув долговязого, он резко обернулся и увидел, что Нигли практически стоит на своем прежнем месте. Вот только второй брат, приземистый мужчина с видеопленки, валяется у ее ног, и из обоих ушей у него хлещет кровь. В одной руке Нигли держала свой «Хеклер и Кох», в другой сжимала пистолет коротышки.

— Так? — спросила она.

Ричер кивнул. Нигли отошла на пару шагов с тем, чтобы не запачкать свою одежду, и трижды выстрелила в приземистого полицейского. Два раза в голову и еще — для уверенности — в грудь. Звуки выстрелов громом пронеслись над равниной. Затем Ричер и Нигли одновременно обернулись. Парень из Бисмарка, ослепший, спотыкаясь, пытался бежать по снегу. Кожа на лбу у него была прорезана до кости, и кровь, хлынувшая из раны, заливала глаза, попадая в нос и рот. Он задыхался, и кровь пенилась возле уголков его рта. Долговязый держался за сломанную руку и тыкался то вправо, то влево, а потом пошел кругами, приподнимая левую руку к лицу, тщетно пытаясь стереть кровь, чтобы видеть хоть что-то вокруг себя.

Ричер наблюдал за ним пару секунд с равнодушным видом. Затем взял у Нигли автомат, переключил его на одиночный выстрел и, выждав, когда несчастный сделает очередной круг и приблизится к ним, выстрелил ему в шею сзади. Джек постарался, чтобы пуля попала в то же место, куда она поразила Фролих. Пуля прошла навылет и ударилась о «шевроле», стоявший в двадцати футах, а парень упал лицом вниз на землю и замер, а снег вокруг него сразу стал краснеть. Звук выстрела постепенно замер вдали, и на его место вернулась абсолютная тишина. Ричер и Нигли, не шевелясь и затаив дыхание, прислушивались к ней. Но кроме мягкого шуршания снега они не услышали ничего.

— Как ты догадался? — негромко поинтересовалась Нигли.

— Этот пистолет когда-то принадлежал Фролих, — пояснил Джек. — Они украли его у нее из кухни. Я узнал его по царапинам. Она держала заряженные обоймы отдельно от пистолета в ящике в течение пяти лет.

— И все же он мог выстрелить, — покачала головой Нигли.

— Вся наша жизнь — большая игра, — согласился Ричер. — С самого начала и до самого конца. Ты со мной поспоришь?

Тишина сгущалась вокруг них. Становилось все холоднее. Они остались одни посреди тысяч квадратных миль морозной пустоты. Их начинало знобить. Сказывалось пережитое волнение и избыток адреналина.

— Сколько времени будет длиться служба в церкви? — спросил Джек.

— Понятия не имею, — призналась Нигли. — Минут сорок, наверное, а может быть, целый час.

— Значит, нам пока торопиться некуда.

Он прошел к тому месту, где упал его пистолет, и поднял его. Снег уже начал покрывать оба тела. Джек забрал из карманов братьев их значки и бумажники, затем вытер лезвие ножа о полу пальто парня из Бисмарка. После этого подошел к «шевроле» и открыл нараспашку все четыре дверцы машины, чтобы снегопад побыстрее засыпал автомобиль. Нигли вытерла пистолет второго парня о свое пальто и бросила оружие в сторону. Затем Джек и Нигли, спотыкаясь, добрались до «юкона» и уселись в салон. Последний раз оглянулись на пастбище: просторы быстро становились белыми от свежевыпавшего снега. Снегопад прекратится не раньше, чем через двое суток. Затем подует ледяной ветер и заморозит все вокруг. Тогда все застынет, как на картине, пока весеннее солнце не растопит «пейзаж». Но это произойдет еще очень не скоро...

Нигли села за руль и повела машину вперед, медленно и очень неторопливо. Ричер положил оба бумажника себе на колени и начал с осмотра значков. Фургон немного раскачивало из стороны в сторону, а потому от Джека потребовалось максимум усилий, чтобы не выронить из рук значки и суметь сосредоточить на них внимание.

— Окружные полицейские из Айдахо, — констатировал он. — Из какой-то деревушки возле Буазе, как мне кажется.

Он положил оба значка в карман и открыл бумажник, принадлежавший парню из Бисмарка: коричневой кожи, кое-где потрескавшейся от времени, с тремя отделениями. За матовым пластиковым «окошком» виднелось удостоверение личности полицейского. С фотографии на Джека глядело худое строгое лицо.

— Его звали Ричард Уилсон, — сообщил Джек. — Полицейский детектив.

Кроме того, в бумажнике нашлись две кредитные карточки и водительские права, выданные в штате Айдахо, какие-то бумажки и почти триста долларов наличными. Джек развернул первую бумажку на коленях, а деньги сунул себе в карман. Затем взялся за бумажник из черной искусственной кожи «под крокодила», принадлежавший второму брату. Здесь Джек обнаружил похожее удостоверение полицейского, выданное тем же отделением полиции в Айдахо.

— Питер Уилсон, — сообщил он Нигли и проглядел данные на водительских правах. — Всего на год моложе.

У Питера в бумажнике нашлись три кредитных карточки и около двухсот долларов. Ричер переложил деньги себе в карман и вгляделся вперед. Снеговые тучи остались позади, на востоке небо было чистым. Выглянуло солнце и теперь слепило им глаза. В небе показалась черная точка. До церкви оставалось еще около двадцати миль, и даже колокольни еще не было видно, но «юкон» неумолимо приближался к ней, подпрыгивая на каждой кочке. Черная точка в небе начала увеличиваться. Над ней стали заметные серые очертания крутящихся винтов, казавшиеся с земли неподвижными. Ричер попытался сосредоточить внимание на вертолете. Наверху лобового стекла имелась затемненная полоса, и Джек смог разглядеть контуры геликоптера. Спереди он казался толстым, похожим на электрическую лампочку. Возможно, это был «Ночной Ястреб». Видимо, пилот, заметив церковь, стал разворачиваться, чтобы совершить посадку. Вертолет перемещался в воздухе, напоминая толстое обленившееся насекомое. «Юкон» еще раз подбросило, отчего полицейские значки и бумажники преступников попадали с колен Джека. Вертолет завис в воздухе, а потом начал поворачиваться в сторону церковных дверей.

— Это были клюшки для гольфа, а не образцы инструментов, — заметил Ричер.

— Что?

Он показал ей какую-то бумажку:

— Квитанция Единой Посылочной Службы из Миннеаполиса. Адресовано Ричарду Уилсону, временно проживающему в одном из мотелей Вашингтона. Картонная коробка, высота — один фут, ширина — один фут, длина — сорок восемь дюймов. Содержимое: одна сумка с клюшками для гольфа.

После этого Ричер замолчал, уставившись на следующую бумажку.

— Тут есть еще кое-что, — негромко произнес он, — и это наверняка очень заинтересует Стивесанта.

* * *

Стоя посреди пустого пастбища, они издалека наблюдали, как приземлился вертолет. Затем выбрались из машины на холодное солнце, бесцельно прошлись несколько раз кругами, потягиваясь и зевая. Стоявший неподалеку «юкон» издавал щелкающие звуки, пока остывал его двигатель. Ричер сложил на пассажирском сиденье полицейские значки, удостоверения личности и водительские права, после чего зашвырнул пустые бумажники подальше в густую траву.

— Нам нужно еще кое-что привести в порядок, — заметил он.

Они с Нигли, тщательно стерев свои отпечатки пальцев с оружия, также побросали его в траву на все четыре стороны. Вынули из карманов неиспользованные патроны, и те тоже полетели прочь, сверкая латунью в солнечном свете. Туда же, в даль, отправилась и подзорная труба. Впрочем, шляпу, перчатки и нож, к которому он успел привыкнуть, Ричер все же оставил при себе.

Остаток пути они не спеша проехали до города на машине. Достигли кладбища, миновали снесенный забор, припарковали «юкон» возле приземлившегося вертолета и вышли из машины. Они сразу услышали звуки органа и поющий в церкви хор. Ни толпы, ни представителей прессы здесь не оказалось. Служба получилась достойной памяти Фролих. Неподалеку Ричер заметил полицейскую машину из Каспера, а рядом с вертолетом стоял пилот в форме американских ВВС. Было видно, что он готов поднять свою машину в воздух по первому же приказу. Может быть, он вовсе и не принадлежал военно-воздушным силам Америки. Вероятно, это был один из переодетых сотрудников Стивесанта. Не исключено, что у него в кабине имеется винтовка, и даже не какая-нибудь, а «вайме Мк2».

— С тобой все в порядке? — забеспокоилась Нигли.

— Конечно. А с тобой?

— Все хорошо.

Они простояли у церкви пятнадцать минут, так до конца и не осознав, успели они согреться или нет. Грустная органная музыка наконец смолкла, и через несколько секунд послышалось шарканье ног по деревянному полу. Распахнулась дубовая дверь, и на солнечный свет выбралось небольшое количество прихожан. Викарий оставался в дверях вместе с родителями Фролих и каждому уходящему говорил утешительные слова прощания.

Через пару минут появился и сам Армстронг. Рядом с ним шел Стивесант. Оба были одеты в черные плащи. Их окружали семеро агентов. Армстронг о чем-то переговорил с викарием, пожал руки родителям Фролих и сказал им несколько слов. Затем телохранители увлекли его к вертолету, но, увидев Ричера и Нигли, он отклонился от запланированного маршрута и приблизился к ним. Лицо его выражало один-единственный вопрос.

— Теперь мы все будем жить счастливо, — произнес Джек.

— Спасибо, — отозвался вице-президент.

— Пожалуйста.

Армстронг постоял еще пару секунд, словно хотел что-то добавить, затем повернулся и, не подав никому руки, зашагал к вертолету. Стивесант не последовал за ним, а остался возле Ричера и Нигли.

— Счастливо? — неуверенно повторил он.

Ричер достал из карманов значки, удостоверения личности и водительские права преступников, и Стивесант, сложив ладони горстью, принял их.

— Может быть, даже более счастливо, чем мы могли рассчитывать, — кивнул Ричер. — Они не были вашими людьми, это точно. Они оказались полицейскими из Айдахо, городка возле Буазе. Здесь вы найдете их адреса и все, что только вам сможет понадобиться. Компьютер, бумагу и принтер, палец Андретти в морозильной камере и, возможно, кое-что еще.

С этими словами он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

— Вот что я нашел, — продолжал Джек, — в бумажнике одного из этих негодяев. Это чек из магазина. Оказывается, они ходили в продуктовый магазин поздно вечером в пятницу и купили шесть комплексных обедов и шесть бутылок питьевой воды.

— И что же? — насторожился Стивесант.

Ричер улыбнулся.

— Я полагаю, что они ходили в магазин вовсе не для того, чтобы сделать еженедельную закупку продуктов. Во всяком случае, в тот момент им было явно не до этого. Мне кажется, они приобретали все это для того, чтобы миссис Нендик оставалась жива, пока они разбираются со своими проблемами здесь, в Вайоминге. Поэтому я думаю, что она все еще невредима.

Стивесант выхватил у него из руки клочок бумаги и поспешил к вертолету.

* * *

Ричер и Нигли попрощались в аэропорту Денвера утром следующего дня, в понедельник. Ричер переписал свой чек на имя Нигли, и она смогла купить ему билет первого класса до аэропорта Нью-Йорка Ла-Гуардия. Он сам проводил ее на посадку в самолет до Чикаго, которая шла уже полным ходом. Нигли ничего не стала говорить Джеку. Просто поставила дорожную сумку на пол и некоторое время глядела на него, затем приподнялась на цыпочки и быстро и неловко обняла, словно не знала, правильно ли поступает. Через секунду она уже подхватила свою сумку и заспешила по коридору на посадку, так и не оглянувшись.

Поздно вечером Джек прилетел в Нью-Йорк. Автобусом и подземкой он добрался до Таймс-сквер, затем прошел пешком по 42-й улице, пока не обнаружил новый музыкальный клуб Би-Би Кинга. Ансамбль из четырех гитаристов как раз заканчивал первую часть своего выступления. Музыка Джеку понравилась. Он прослушал концерт до конца, после чего вернулся к контролеру, проверявшему билеты посетителей.

— Скажите, пожалуйста, не выступала ли у вас на прошлой неделе пожилая женщина? — поинтересовался он. — У нее голос очень похож на Дон Пени. Ей еще аккомпанирует старик, он играет на клавишных инструментах.

Но контролер только покачал головой.

— Никого похожего у нас не было.

Ричер понимающе кивнул и шагнул в сверкающую темноту города. На улице было холодно. Джек торопился на запад. Ему нужно было попасть в Порт-Оторити.

Примечания

1

Член «комитета бдительности» (организация линчевателей).